АНТОЛОГИЯ

ДОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ 5

Москва
Интернациональный Союз писателей
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д70

Д70 Достояние российской словесности: Антология. Том 5. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. – 440 с.

ISBN 978-5-6050862-7-7

Антология «Достояние российской словесности» – ежегодное книжное издание, в котором публикуются произведения авторов, пишущих на русском языке, из разных уголков земли по принципу многообразия и национального колорита, сближающего народы в одно целое, сохраняющего мир и дружбу между странами. В этом томе вы познакомитесь с оригинальными разработками авторов в различных областях науки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6050862-7-7

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Международная академия наук и искусств и Интернациональный Союз писателей представляет вашему вниманию антологию «Достояние Российской словесности». В издании публикуются произведения наиболее значимых авторов, пишущих на русском языке, независимо от их национальности и мест проживания. Так вы познакомитесь с авторами ближнего и дальнего зарубежья, окунётесь в пространство окружающего мира каждого из них.

В основу антологии «Достояние Российской словесности» положен принцип многообразия и национального колорита, сближающего народы в одно целое, сохраняющего мир и дружбу между Странами.

Антология «Достояние Российской словесности» даёт полное представление об авторе и его творчестве, сопровождая произведения фотографией и его автобиографией.

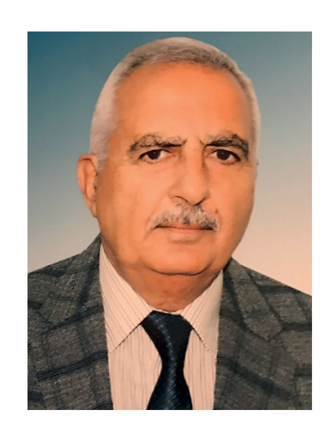
Издание «Достояние Российской словесности» было учреждено Международной академией наук и искусств, на основании Указа Президента Российской Федерации № 745 от 30.12.2021 «О проведении в 2022 году Российской Федерации года культурного наследия народов России» и полностью соответствует идее популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей не только Российской Федерации, но и Стран ближнего и дальнего зарубежья.

Антология «Достояние Российской словесности» Международной академии наук и искусств – многотомное ежегодное издание, раскрывающее многообразие литератур-

ных произведений со всех уголков не только России, но и всего мира, имеющее целью познакомить читателей с самыми значимыми авторами XXI века.

В пятый том антологии Международной академии наук и искусств (МАНИ) вошли произведения Алевтины Кудря, Евгении Палетте, Елены Щербаковой, Михаила Рудковского, Мустакима Жумаева, Александра Ефимова, Рашиды Бикметовой, Виктора Сумина и Светланы Рябининой.

Рамиз Аббаслы

Азербайджан, Баку

Рамиз Магомед оглы Бархударов, писатель, переводчик художественной литературы Рамиз Аббаслы, родом из Карабахского региона Азербайджанской республики. Его родина – село Паправенд Агдамского района сейчас находится в зоне оккупации. Р. Аббаслы учился в сельской школе; особенно любил точные науки, но с неменьшим интересом любил читать хорошие книги знаменитых писателей. После окончания средней школы поступил в Бакинский университет. Долгое время работал в нефтяной отрасли. Свою первую книгу («Школа семи деревень») опубликовал в 1994 году. Эта книга сразу же стала бестселлером; за неё автор получил награду «Творческий успех». Потом вышли другие книги: «Мираж» – 2000 год, «Тёмные ночи» – 2008 год, «Имя вора» – 2015 год, «Химера» – 2018 год. Его рассказы,

статьи и переводы были опубликованы во всех литературных газетах и журналах Азербайджана.

Рамиз Аббаслы пишет на азербайджанском и русском языках. Рассказы, написанные на русском языке, опубликовались в России. Его рассказы очень понравились русскому читателю. Русские критики также высоко оценивают эти рассказы. С этими рассказами он участвует в разных международных литературных конкурсах и фестивалях; в этом году стал лауреатом ЛИФФТ-АЗ 2019.

КАЗНЬ ЖЕНЩИНЫ

(рассказ)

– Я сам видел это своими глазами: палач, верзила такой, не мог кончить женщину, – сказал один из мужиков в пивнушке. – Казалось бы, все очень просто, и он, как палач, хорошо знает свое дело, но все равно вдруг как-то ему стало очень трудно. А все мы сидим и с терпением ждём-не дождёмся. В казни главное – это момент отсечения головы. Люди же в основном за этим и идут туда. Правда, слабаки и новички закрывают глаза, считают про себя до десяти, а уж потом их открывают, чтобы лицезреть не само отсечение головы, а его результат: когда человеческая голова уже валяется на полу, а из горла обезглавленного тела хлещет кровь, как будто это наполненный кровью сосуд, с которого сняли крышку и тут же наклонили, чтобы вылить всё содержимое. Мне, например, доставляет особое удовольствие момент, когда топор с вершины своей роковой траектории устремляется вниз; это напоминает стремительный полет коршуна: с вер-

шины горной скалы он стрелой мчится в ущелье, где только что спряталась, даже, казалось бы, надёжно спряталась его жертва. Но он знает, где она и как достать её… Это необыкновенно захватывающее зрелище! И представьте себе, дилетанты по наивности закрывают глаза, чтобы не видеть именно этого момента. А как жаль! Так что я в принципе я не понимаю, зачем они идут на казнь.

История, которую рассказывал один из завсегдатаев пивной, заинтересовала всех. Оказывается, казнили молодую и красивую женщину и, как ни странно, её никто не знал, потому что она была приезжая. В центральную часть Европы приехала она из далёких южных областей континента. Но на новом месте ей не повезло: её обвинили в краже, которую она не совершала, и приговорили к смертной казни. В Средневековой Европе это было в порядке вещей: по пустякам приговаривали к смертной казни. Современная Европа без смертной казни прошла через море крови, наконец, опомнилась и, чтобы смыть с себя этот позор, отменила смертную казнь. Да, казней в то время было много. Но казнь, о которой рассказывал очевидец в пивной, была особой.

Благодаря европейским палачам, которые были грамотными людьми и вели дневники, сегодня можно получать подробную информацию не только о казни знаменитостей Европы, например, французской королевы Марии-Антуанетты, но и простых смертных. А палач этой особой казни был неграмотный. В принципе, он даже палачом не был, только по принуждению выполнял эту работу. Он совершил много преступлений, грабил, убивал и этим жил. Наконец, его поймали и приговорили к смертной казни. Но так получилось, что в то время в том городе, где состоялась особая казнь, не было профессионального палача. Эту работу выполняли дилетанты и, как правило, плохо справлялись; дело дошло до того, что порой, чтобы отрубить голову преступ-

нику, приходилось наносить пять-шесть ударов топором по шее человека. Это было ужасно. Нужен был хороший палач. Найти же хорошего палача было весьма и весьма трудно.

В руки правоохранительных органов попал профессиональный головорез: по словам очевидцев, одним ударом короткого меча он мгновенно обезглавливал свою жертву. Чем же не палач? Жестокий, привыкший проливать людскую кровь, – лучше кандидатуры не найти. Поэтому, прежде чем вздернуть его на виселице, сказали: «У нас есть вакантное место палача. Ты прошел хорошую школу: обезглавил десятки людей. После прохождения курса повышения квалификации ты наверняка станешь хорошим палачом. Не будем тебя казнить. У тебя будет постоянная работа с твёрдым окладом. Надо учитывать и то, что за каждого казнённого человека получишь небольшую прибавку к зарплате. Даже без этих прибавок зарплата палача превышает зарплату учителя и приходского священника». Смерти боятся все, особенно те, которые с удовольствием убивают.

Предложение было принято, и закоренелый преступник стал палачом. Ожидание городских властей оправдалось: головорез стал хорошим палачом. Хорошим палачом же считался тот, кто одним-единственным ударом топора, не задевая и не повреждая других частей тела, обезглавливал осуждённого. Чёткий, безупречно точный удар очень высоко ценился, и в некоторых европейских странах за такую ювелирную работу палачи получали дополнительную надбавку к окладу. Но не каждый умел это, нужен был особый дар. Оказывается, и для такой отвратительной профессии, как палач, нужен талант. Профессия палача считалась неблагодарной и с явным презрением отвергалась обществом. Вот представьте, по улице идет палач. Заметив это – в багровом одеянии трудно было не заметить его, – люди шарахались от страха и начали шушукаться: «Смотрите, палач идет!» –

«А где он?» – «Вот мужчина в красной одежде. Не видите, что ли?» – «Вижу! Ой, господи! Какой он страшный! Надо убраться отсюда».

У палачей была особая форма одежды пурпурно-красного цвета: как будто с человека сняли верхнюю одежду, опустили в бочку, наполненную бычьей кровью, потом вытащили, высушили и снова надели на человека.

Люди боялись палача и сторонились его. Сами же палачи считали, что это всего лишь суета: «У нас работа такая. Если не я, то кто-то другой займется этим делом. Мы, палачи, коллеги судьи, прокурора и все вместе, рука об руку, работаем как единая команда, осуществляем правосудие, без нас не будет порядка в обществе», – оправдываясь, говорили они. А народ этого не понимал и враждебно относился к палачам. Учитывая это, палачам не разрешалось без особой нужды выходить из дома. Без особой нужды, – это очень расплывчатое понятие, и палачи злоупотребляли этим. Они не только выходили из дома без особой нужды, иногда даже посещали пивнушки.

И вот он – палач. Вечером он сидел в пивной и заказал себе кружку пива. Между тем, в пивной народу стало больше. Все столы уже были заняты. А там, где сидел палач, стулья пустовали; он сидел один, и никто не хотел сидеть рядом с ним за одним столом. Интересно, с палачом можно было сидеть в одной и той же пивной, но нельзя было сидеть с ним за одним столом. А почему? Таковы были правила; скорее всего, это была традиция, и никто не осмеливался нарушить её. Нельзя и всё. С источниками смертельной опасности необходимо соблюдать дистанцию; на определённом расстоянии оголённые концы электропроводки не убивают, змея не укусит, огонь не сожжёт… А вот попробуй проведи эксперимент и нарушь дистанцию… Нельзя. Видимо, с палачом было то же самое – надо было

соблюдать дистанцию. Очень примечательно было и то, что те, которые наотрез отказывались сидеть с палачом за одним столом, пошутили в его адрес, можно было даже поиздеваться над ним, и если у жены палача был любовник, то это давало хороший повод для издевательств. Флиртовать с женой палача – вот были мужики! А его жена тоже ничего: с палачом делила ложе своё и с другими мужиками флиртовала. Вот баба смелая!

У палача была ответственная работа, и он очередной раз стоял на эшафоте. Нет, это не тот, жена которого флиртовала с другими мужиками. Это был другой; у него жены не было. Это был тот человек, который вынужден был согласиться стать палачом, чтобы спасти свою жизнь. Жил он как дикий зверь, с людьми не знался. А в тот день надо было казнить молодую женщину. Ситуация была весьма парадоксальной: молодой палач, холостой мужчина в расцвете сил, должен был обезглавить молодую, очень красивую женщину.

Красота женщины поразила палача. Это ощущение усиливалось ещё и тем, что красота была рядом, палач имел даже доступ к ней, поскольку она была его пациенткой – на палаческом жаргоне смертников так и называют: пациент – и он имел право потрогать, пощупать её. Он держал её за руки, надел на них кандалы, обдал её горячим дыханием, вдыхал опьяняющий аромат её прекрасного тела, чёрных волос и впервые чувствовал себя счастливым оттого, что он палач; пусть весь мир презирает его за то, что он палач, он же счастлив именно тем, что палач. Он счастлив, потому что имеет право стоять рядом с этой красивой женщиной. На городской площади собрались тысячи мужчин, и все они в восторге от этой чужеземной красавицы, каждый из них в тот момент завидовал палачу, хотел бы быть на его месте, – это интуитивно чувствовал палач, и это на самом деле было так. Он не только стоял рядом

с красавицей, он разговаривал с ней, потрогал, пощупал её тело, и чуть было не таял от счастья. «О, какое счастье быть палачом!» – подумал палач. Он помог ей встать на колени и правильно положить голову на плаху. «Нет, нет, не так. А вот так… – и он трогал её лицо, шею, щеки, даже губы… – Какое благо! И все это достаётся ему, оттого, что он палач; ни судья, ни врач, ни священник, а палач. И как хорошо, что он палач!»

Палач был в восторге и почти опьянел от счастья. А публика не заметила этого; у неё было свое хобби: она хотела смерти, она жаждала крови. Сама смертница тоже вначале ничего не заметила. Правда, она чувствовала необыкновенную нежность и теплоту прикосновений палача, но не придала этому особого значения и подумала, что, наверно, это так и должно быть: тот, кто лишает человека жизни, должен быть именно таким. А лишь потом она начала смутно догадываться, в чём дело, и за это презирала его: «Какой он подонок!» Если бы руки не были в кандалах, она влепила бы ему хорошую оплеуху. «Воспользоваться моментом даже тогда, когда женщина при смерти, когда ей осталось жить всего несколько секунд. И всё же, какие подонки эти мужики! Мародёры бессовестные!» – подумала она. Ей очень жалко было так рано расстаться с жизнью, в которой она ничего хорошего не видела, только горечь и страдания; а ведь она так красива! В этой жизни ей не повезло и всё. А теперь финал – она на эшафоте, её руки в кандалах, голова лежит на плахе, и через несколько секунд всё кончится. Будь проклят этот мир с его законами, правосудием, двуличными мужиками! О Господи! Когда же он, этот палач, нанесёт удар, когда же всё кончится… Скорей бы конец! Скорей! Почему так медленно идёт время? Может быть, на эшафоте время замедляется? Но всё равно что-то не так. Почему палач медлит? Вместо того, чтобы взять топор, один раз как следует

ударить и оборвать её жизнь, он медлит, явно тянет время. Как это: «Голову так положи. Нет, нет, не так, а вот так. Плечи назад, еще чуть-чуть. Шею вытяни…»

«Кому это надо? Уместно ли сказать, что если голову не так положишь, или шею недостаточно вытянешь, топор может повредить плечо или подбородок? Что за глупость!? Кому нужны её плечи или подбородок? Он явно заигрывает, злоупотребляет своим служебным положением», – подумала женщина.

С нетерпением ждала и публика. Центральная площадь города было переполнена. Власти города создавали все условия, чтобы при публичных казнях присутствовало как можно больше народу. По мнению властей, такие мероприятия воспитывают народ, заставляют уважать законы, люди становятся более законопослушными. На этой казни же присутствовало намного больше зрителей. То, что будет казнена молодая красивая женщина, сыграло свою роль: яблоку негде было упасть. Со всех концов города на центральную площадь стекались люди, чтобы лицезреть кровавый акт правосудия. Да какое там правосудие! Ведь она, эта бедная женщина, ничего не украла, и фактически это было не правосудие, а кривосудие. А народу было не до этого; люди давно привыкли к тому, что, как правило, наказывают ни в чём не повинных и это стало законом, – ведь недаром же один философ сказал: «Когда беззаконие носит всеобщий характер, то это законно». Вот, наконец, очередная казнь. Но она будет необыкновенной, потому что будет казнена молодая женщина необыкновенной красоты.

Наконец-то всё готово и, как говорится, последнее слово за палачом. А он явно был не в себе: чувствовалась какая-то неуверенность в его поведении. Что случилось? Ведь он всегда был собран, трезв, всё делал чётко и вовремя. Его пациентка, стоя на коленях и положив голову на плаху, жда-

ла. Публика тоже, затаив дыхание, ждала с нетерпением. Нервы у всех были напряжены до предела. И вот, наконец, палач обеими руками взялся за рукоятку топора. А это означало, что осталось совсем мало времени, максимум десять секунд: за это время топор поднимется и с вершины своей траектории упадёт, а на нижней мёртвой точке, неглубоко задевая плаху, остановится и завершит свой кровавый полёт – красивая голова молодой женщины слетит с плеч. При виде топора толпа содрогнулась и от страха шарахнулась, словно стадо баранов, которое вдруг поблизости заметило неожиданно появившегося волка.

Волк – обыкновенное четвероногое животное, очень похожее на собаку. Но волк для барана – символ смерти. Топор – обычный сельскохозяйственный инструмент, на эшафоте же он применяется как орудие смерти; поэтому топор тоже символ смерти. Люди боятся смерти. Но смерть другого человека доставляет удовольствие, толпа же считает, что это очень зрелищно.

Баран не может быть равнодушным, когда волк на его глазах терзает другого барана. Но даже если он, баран, достаточно силён и отважен, он недостаточно умён и отважен, чтобы оказать сопротивление волку. Кто обратил внимание на драки баранов? Отойдя друг от друга на несколько метров, они наносят друг другу мощные удары головой! Можно даже сказать: «бараны дерутся, щепки летят». Вот представьте, эти бараны с такой же яростной отвагой атакуют волка. Только одного точного удара барана достаточно, чтобы свалить с ног любого волка, а с двумя такими ударами можно сокрушить даже самого царя зверей – льва. А бараны ещё додумывались до этого: сила есть, сообразительности нет. Поэтому-то они и бараны – символ тупости и несообразительности. Но вместе с тем это тупое животное не может спокойно стоять там, где волк расправляется с его

собратом – другим бараном. Несмотря на то, что баран – символ тупости, но всё равно он соображает, что, когда на твоих глазах терзают твоего собрата, это ужасно, страшно, омерзительно и в этом ничего хорошего нет.

Сообразив это, наш недалёкий баран бежит, бежит, что есть сил, удаляется от того места, где волк задушил и обезглавил его собрата. А у человека – самого разумного животного – всё наоборот.

Палач взялся за рукоятку топора, а на городской площади волна страха прошла над толпой любителей острых ощущений. Новички и зрители со слабыми нервами закрыли глаза и начали считать про себя до десяти, чтобы не видеть тот страшный момент, когда топор, как знающий своё дело хищник, устремляется в ту самую уязвимую точку шейной части позвоночника, где две кости связаны тонким слоем мышц, и острым лезвием моментально разрезая мягкую ткань, продолжает свой путь, доходит до плахи, обливаясь кровью и слегка врезаясь в дерево, останавливается в мёртвой точке. И всё, готово: голова отсечена, она, издавая глухой звук, падает рядом с плахой, как мяч, наполненный не воздухом, а сырым морским песком. Живой человек, единый организм, разрублен на две части; тело, дергаясь, несколько минут продолжает жить самостоятельно, голова же умирает сразу, на лице этой мёртвой головы, как на фотографии, отражены горечь, сожаление, ирония, ненависть, отвращение и ещё многое, которое непонятно и практически непостижимо человеку, голова которого ещё не отрублена. Но когда новички и зрители со слабыми нервами, закончив считать про себя до десяти, открыли глаза, они были не на шутку удивлены: как ни странно, голова не была отсечена и не валялась на полу, она лежала на плахе без единой царапины и не испачканная кровью. Интересно, а почему так? Почему голова не отсечена? Где

кровь? Крови не было: плаха чиста, голова не была отсечена, а палач, взявшись обеими руками за рукоятку топора, стоял неподвижно. Прошло достаточно времени, за которое палач должен был отрубить голову женщины. Но голова не отрублена. Интересно, почему? Что случилось? С чем связана такая задержка? Никогда такого не было. Ну так же нельзя! Издеваются, что ли? До чего дошли! – даже не верится.

Один из зрителей – судья – в таких делах не был новичком, нервы у него были крепкие. При казнях он никогда не закрывал глаз, наоборот, очень зорко и бдительно следил за тем, что происходило на эшафоте. Как опытный судья и здравомыслящий человек, он сразу понял, что задержка связана с палачом. Но палач всё всегда делает вовремя. А что случилось сегодня? Заболел, что ли?

Судья всерьёз забеспокоился и вызвал к себе палача.

– Что случилось? У тебя топор затупился, или ты заболел? – спросил судья.

– Я не болен. А топор у меня в исправном состоянии: острый – им можно бриться, на рукоятке сидит очень плотно, – пробормотал палач.

– Тогда почему медлишь и не делаешь своего дела? Мы все сидим и с нетерпением ждём. А ты стоишь как вкопанный. У нас нет времени, мы не можем, сложа руки, ждать часами. Если ты, палач, не делаешь своего дела, тогда, по-твоему, что должен делать я – судья? Может быть, мне надобно снять свою судейскую мантию, облачиться в твоё красное одеяние, взять топор и самому собственноручно отрубить голову этой преступной женщины? – сказал судья в гневе, что было опасно и говорило о том, что голова самого палача уже в опасности. Это сразу понял и палач, но не растерялся.

– Ваше превосходительства, господин судья, я не могу убить эту женщину. Она мне как будто родная, что ли. Не

знаю, по-моему, даже намного ближе и дороже, чем любая самая близкая родственница. Я её люблю. Руки не поднимаются убить ее, не могу; хоть убейте, все равно не могу.

Речь простого палача, неотёсанного и безграмотного человека, ошеломила судью. В его многолетней судейской практике никогда такого не было. Он знал, что палач холост, живёт один и практически ни с кем не общается. Палачам разрешалось жениться и создавать семью. Единственная проблема была в том, что большинство женщин презирало палачей за их отвратительную профессию. Но вместе с тем находились женщины, которые выходили замуж за мастеров заплечных дел, обосновывая своё решение очень просто: «А почему бы и нет? Здоровый, как бык, мужчина, госслужащий, имеет постоянную работу и получает неплохую зарплату. Ну и что ж, что иногда он на работе испачкается человеческой кровью? Разве врачи не пачкаются в той же человеческой крови?»

Судья с удовольствием отстранил бы этого палача от работы. Но он был хорошим специалистом: не оставляя никаких следов, даже еле заметных царапин на плечах и голове своего пациента, особенно в нижней части лица – подбородке, он одним-единственным ударом топора лишал головы любого человека, даже очень сильного мужчину с непомерно развитой шейной мускулатурой, напоминающей шею мощного, хорошо откормленного быка. Найти такого палача, непревзойденного мастера своего дела, было весьма и весьма трудно. Но судя по всему, он, видимо, зазнался и уже начал злоупотреблять своим авторитетом. Нет, так нельзя. Никто не имеет право задержать или в какой-то мере помешать работе правосудия. Дурачок, в кого влюбился и нашел хорошее место в любви объясняться!

– Сейчас не время для таких разговоров. Это же не сцена театра, это – эшафот, мы совершаем правосудие, наказываем преступницу. Давай-ка, займись своим делом. Если тебе

нужна женщина… Да, конечно, я знаю, что ты не женат, тебе надо найти хорошую женщину и жениться. Но нельзя же этот вопрос обсуждать здесь, на эшафоте. Мы как-нибудь потом, после работы, соберёмся и обсудим этот вопрос. Надеюсь, найдём тебе подходящую женщину с хорошим приданым. А та, в которую ты уже успел влюбиться, преступница, есть приговор суда о её казни, она – человек того света; влюбиться в неё или же жениться на ней нельзя; надо выполнить приговор суда и срочно обезглавить её. Понятно? Если ты и дальше будешь упираться, я вынужден буду отстранить тебя от работы, а это дело поручить кому-либо другому. Ведь любой мужчина может топором рубить дрова, так и любой мужчина справится с работой палача; пусть не так профессионально, как ты, но все равно справится.

Палач стал плакать, умолять: «Я её люблю. Отдайте её мне. Я на ней женюсь. Очень прошу вас, умоляю, дайте её мне». Он был неумолим. Казнь была приостановлена. После долгого обсуждения решили женщину не казнить, – в исключительных случаях это разрешалось законом. Но в этом городе, даже целом во всей стране, такого никогда не было. Как раз там был и священник, он читал «Отче наш» и «Благословение». Итак, палач и смертница были обвенчаны. Потом под аплодисменты зрителей молодожёны рука об руку, сияя от радости, счастья и любви, покинули городскую площадь. Муж увел невесту в свою хижину, где царил хаос и беспорядок. А там как раз очень нужны были женские руки. Проворными руками невеста навела там такой порядок, что запущенная берлога засияла чистотой.

Муж и жена редко выходили из дома. Но иногда их видели: сияя от счастья и любви, ходили они рука об руку и не обращали внимания на людей. Люди же, удивляясь нежности палача, зорко следили за ними. Его можно было сравнивать с тигром, который острыми, смертельно опасными зубами

очень осторожно и нежно обращается со своими детёнышами: держа за шеи, при этом нисколько не повреждая, он их куда-то тащит. Это, действительно, так. Причина же этого чуда – любовь. В последний раз их вместе видели, когда жена палача была беременна. Влюблённая пара от этого стала сиять ещё больше.

Вот и вся история, которую рассказывали очевидцы в трактирах и пивнушках. Люди же, затаив дыхание, слушали с превеликим интересом, и это было заманчиво: ты что-то рассказываешь, а люди с большим интересом слушают тебя. Со временем даже те, которые об этом узнали только понаслышке, сами стали рассказывать эту историю как очевидцы, слушателей же они уверяли, что все это видели своими глазами. Вот так, передаваясь из уст в уста, это история дошла до нас.

Алевтина Кудря

Россия, Свердловская область

Алевтина Михайловна родилась 6 февраля 1946 года в Ирбите, Свердловской области. Окончила Сыктывкарский государственный институт по специальности «Учитель химии и биологи».

Работала в школе 46 лет, пройдя путь от школьного учителя до методиста и директора школы. Отличник просвещения, учитель высшей категории. Алевтина Михайловна много пишет о детях с нелёгкой судьбой. Одним из первых её серьезных творений стал роман «История любви или проклятье рода Золотарёвых», в котором многие события связаны с родословной её семьи. С 2015 года издала десять книг, в том числе: «История любви или проклятье рода Золотарёвых». США, серия Kindness. «Маленькие спасатели», «Закон жизни», «Розовый фламинго»; «Когда ты нужна людям»; «Как Милана помогла Дедушке Морозу найти новогодние подарки» и другие.

Алевтина Михайловна публиковалась в таких альманахах, как «Российский колокол»; «Современник»; «Отражение»; «День победы» и других.

Отмечена многими орденами и медалями в литературном творчестве.

ДВУХГОЛОВАЯ

– Коммандер! – обратился первый помощник. – Мы на границе двух океанов. Вы просили предупредить, когда достигнем этой точки.

– Всплытие! – скомандовал Андре.

«Такое событие – находиться одновременно и в Азии, и в Австралии, пропустить нельзя. Я хочу окунуться в эти воды!» Он давно уже слышал о таком уникальном месте, так называемой линии Уоллеса, которая условно разделяет Тихий и Индийский океаны, но был здесь впервые.

Как только подлодка всплыла, на палубу «Алиота» поднялись человек двадцать здоровых, крепких мужчин разных национальностей. Они вопросительно посмотрели на коммандера, который, приставив к глазам морской бинокль, с величайшим вниманием исследовал горизонт. Водная гладь океана была как зеркало. Солнце стояло в зените (в это время оно самое недружелюбное), ни малейшего ветерка, ни всплеска волны, полный штиль. Горизонт был чист. Андре махнул рукой, и матросы вмиг прыгнули за борт, а он отдал распоряжение вахтенному:

– Будьте внимательны, в случае опасности моментально подайте сигнал.

– Есть!

– Коммандер! – послышался голос одного из пловцов.

– В Тихом океане вода просто тёплое молоко!

– Э, нет, в Индийском океане вода приятно холодит. Коммандер, давайте к нам! – отвечали из второй группы.

– Ух! – слышалось с одной стороны.

– Догоняй! – с другой.

Моряки дурачились и громко смеялись. Андре вспомнил, что говорили бывалые мореплаватели. В этих частях Тихого и Индийского океанов имеют место два антициклонических круговорота, поэтому воды их имеют разный цвет, но не смешиваются.

Это происходит потому, что с ледников сходит талая свежая вода. Из-за разности в уровне соли и плотности этих вод между ними создаётся поверхностное натяжение, действующее подобно тонкой стене, препятствующей смешиванию океанов. Граница очерчена тонким слоем пены – в Тихом океане движение вод в круговороте направлено по часовой стрелке, а в Индийском – против. Андре прыгнул в тёплую воду.

«Я в Тихом», – подумал он. Конечно, было огромное желание проверить воды и Индийского океана. И он повернул в сторону Индийского океана, но не успел насладиться его водами, как услышал тревожный сигнал с лодки. Андре осмотрелся и увидел чудовище с двумя головами. Он тряхнул головой, освобождаясь от наваждения. «Видимо, это так называемая линия Уоллеса искажает предметы», – подумал он. – Надо же, две головы!» Монстр приближался, двигаясь кругами, к группе матросов, которые шумно барахтались в воде. Каждый рывок сокращал расстояние между ним и людьми на несколько футов. Но вот хищник остановился, казалось, он застыл, только плавник показывал местонахождение акулы, и в следующее мгновение из воды поднялись обе морды с чёрными бездонными глазами и зловеще ухмыляющимися пастями. Андре уставился на

двухголовую, ему казалось, что он видит дьявола. «Это не видение»,– понял он, когда она проплывала вдали. А она уже совсем рядом с юнгой! Тот её не видит, но, услышав тревожный сигнал, оборачивается и, вместо того, чтобы, как можно быстрее уйти, остался на месте, оцепенев от ужаса. «Рывок – и всё будет кончено»,– обреченно подумал коммандер и крикнул:

– Эй, двухголовая! – Он вытащил из-за пояса небольшой кортик, подарок друга, который носил всегда с собой и крепко сжал его в руке, зная наверняка, что не сумеет убить им монстра, разве что ранит. Но времени на раздумье не было, нужно отвлечь двухголовую, чтобы спасти мальчишку. – Иди ко мне, сразись со мной! – кричал он и бил руками по воде.

Никакой реакции. Тогда коммандер кортиком резанул по руке и закричал, махая раненой рукой и разбрызгивая кровь:

– Эй, нюхай! Чувствуешь кровь?

Обе головы одновременно повернулись в его сторону, и какое-то время акула наблюдала за ним. Потом лениво развернулась и медленно проплыла перед Андре, горделиво демонстрируя свои необычайные размеры и мощь. Вначале проплыл её нос, затем челюсти, приоткрытые, улыбающиеся, вооружённые рядами треугольных зубов, потом чёрный бездонный глаз, явно устремленный на него, чётко выделяясь на серо-голубой голове. Показались ноздри, затем жаберные щели – бескровные надрезы в бронированной коже. Вторую голову не было видно. Андре от ужаса отпрянул – акула находилась всего в нескольких метрах от него и, казалось, можно дотронуться до неё, погладить изящное тело и почувствовать шероховатость кожи. Вспомнились почему-то туфли Вячеслава из акульей шкуры. «Какая-то глупость», – мотнул он головой, отгоняя эти мысли. И тут с лодки раздался пушечный выстрел. Ядро шлёпнулось почти рядом с двухголовой,

по другую сторону от Андре. Монстр погрузился в воду. Андре хотел вернуться на лодку, но руки не повиновались ему. Сказался стресс и напряжение. «Спокойствие, только спокойствие, – уговаривал он себя. – Стыдно будет, если матросы увидят тебя таким». Наконец руки подчинились разуму, и он поплыл к подлодке, мощно разгоняя воду торсом. С палубы что-то кричали ему, показывая куда-то рукой. Андре оглянулся и увидел, что монстр и не думал отставать от него. Он двигался быстро, с силой ударяя хвостом, обе пасти то открывались, то закрывались, будто им не хватало воздуха. Андре ускорил движение, двухголовая не отставала. С лодки вновь выстрелили. Двухголовая развернулась, и вновь Андре видел только одну голову. «Две головы не могут одновременно показать правильное расстояние, – догадался он. – Нужно сделать так, чтобы смотрели обе головы одновременно». Акула рванулась к нему, он в свою очередь резко дернулся в сторону, и почувствовал скользящий удар в грудь. Андре, защищаясь, полоснул кортиком по морде монстра, и погрузился в воду. Он старался оказаться под брюхом двухголовой. Акула стала искать человека, вертясь на месте и ударяя мощным хвостом. «Значит, она всё же меня зацепила», – понял он, когда почувствовал боль в груди. Запах свежей крови чётко указывал монстру на местонахождение человека. И тут коммандер увидел спасательную лодку. Его команда шла на помощь. Каптри (капитан 3-го ранга) держал ружьё, из которого он время от времени стрелял, чтобы отпугнуть монстра, а остальные матросы протягивали руки и кричали:

– Коммандер, плывите быстрее!

Монстра не было видно. Когда лодка поравнялась с Андре, сильные руки моряков подхватили его и вытянули из воды. Неожиданно всплыл монстр, он в бешенстве ударил хвостом вблизи лодки, та резко накренилась, и два моряка вылетели в воду. Доли секунды хватило акуле, чтобы тело одного из матросов оказалось в пасти двухголовой.

– О боже! – вскрикнул потрясённый Андре. Матрос судорожно бил кулаком в черный глаз. Рыба не разжимала челюсти и последнее, что увидели люди с катера, были победоносные глаза монстра.

– Она схватила Хуана! – закричал Ульбрих. – Сделайте что-нибудь!

– Парень уже мёртв, – ответил каптри.

– Откуда вы знаете? Может, мы сумеем спасти его! – кричал второй матрос, ухватившись за борт катера.

– Он мёртв, – повторил каптри. – Эти зубы способны перемолоть что угодно, а уж человека тем более. Монстр уплывал с Хуаном в челюстях, ещё какой-то миг оставаясь на поверхности. Была видна его голова со свисающим из пасти телом.

– А, убегаешь? – вскричал Андре. – Напакостила – и в кусты? Врёшь, не убежишь!

Он схватил ружьё и выстрелил два раза в уплывающего монстра. В такую мишень трудно было не попасть; тело монстра вздрогнуло, и челюсть разжалась. Мелькнул длинный серповидный хвост, и двухголовая исчезла.

Безжизненное тело Хуана медленно опускалось на дно.

– Есть! Я достал тебя, достал тебя, разбойник! – заорал Андре. – Берите винтовку! Стреляйте в него, если вернется! – приказал он и прыгнул в воду за телом моряка.

– Он возвращается! – крикнул Ульбрих, увидев серповидный плавник.

Двухголовая неслась, как торпеда, целясь в лодку. Видимо, она была очень голодна и взбешена. Она выскочила из воды у самой лодки, на мгновение застыла в воздухе, как бы бросая смертельный вызов людям и выражая свое презрение к ним.

– Стреляйте! – закричал каптри. – Господи, да стреляйте же в любую из двух голов! Цельтесь в голову, в голову! – вопил он, сам схватил ружьё и несколько раз выстрелил.

То ли он промахнулся, то ли кожа была настолько толстая, что пули не брали, но монстр равнодушно взглянул на них и скрылся под водой. Казалось, двухголовой никогда и не было. Ни звука, ни волнение океана, вода оставалась спокойной. Все напряжённо всматривались в пучину, ждали Андре.

– Что-то долго нет нашего коммандера,– проговорил каптри.

Неожиданно тот показался из воды и одной рукой стал грести к лодке. Второй он держал безжизненное тело матроса. Каптри скомандовал, и лодка моментально подошла к ним. Вначале приняли Хуана, затем помогли подняться и самому коммандеру. У матроса был разворочен весь бок, он не дышал.

– Спокойно сидеть и прощать эту тварь? Нет, я уничтожу её! – закричал в гневе Ульбрих и схватил винтовку.

– Успокойся! – прикрикнул каптри. – В жизни всё бывает. И смерть иногда встречается на пути.

– У него одна престарелая мать, – удрученно проговорил Ульбрих.

– Мы её не оставим, – ответил Андре, пытаясь оказать первую помощь, делая искусственное дыхание.

Хуан вдруг закашлялся, и из лёгких потекла вода.

– Дышит! Жив! Поживёт ещё! – радостно закричали моряки.

– Если мы сумеем довезти его до лодки, там спасут,– сказал Андре. – Только бы довезти…

Шлюпка быстро подошла к подлодке. Команда задраила все люки, и подлодка моментально стала опускаться.

Хуана осторожно перенесли в больничный отсек, где судовой врач осмотрел его раны.

– Ему повезло,– сказал он. – Акула схватила его за бок. Я думаю, его защитили накачанные стальные мышцы. Такое тело не смогло полностью войти в пасть.

Андре посмотрел на Хуана и сказал:

– Вы правы. Занятия бодибилдингом спасли ему жизнь. В прошлом году мы с ним участвовали в Азиатских соревнованиях.

Андре прошел в радиорубку, перед глазами стоял монстр со свисающим телом моряка. Он связался с Центром и описал события дня. Часов через пять-шесть должен прибыть срочный самолет за Хуаном.

У себя в каюте Андре посмотрел в зеркало. На груди остался довольно глубокий след от зубов монстра, а на руке – от кортика. Возможно, солёная вода нейтрализовала раны, которые не саднили и не кровоточили. Андре недавно стал коммандером подводной лодки «Алиот», прежний ушёл на пенсию. Андре спешил отвезти груз, так как впереди его ждала олимпиада по бодибилдингу. Профессиональные бодибилдеры мечтают о победе и о высоком титуле «Мистер Олимпия», а он считал себя профессионалом и старался не пропускать такие соревнования. В прошлом году он принимал участие в категории до ста килограммов в двух «Азиатских пляжных играх» в Мускате, в Омане, и выиграл почти все бои. В этом году он хотел попасть в Англию на олимпиаду «Мистер Вселенная». Заявку уже подал, и его включили в список участников. Чего греха таить, он любил своё тело – крепкое и сильное, которое создал в процессе многолетних тренировок. Андре вспомнил, каким он был десять лет назад.

Как-то, взглянув в зеркало, он, к своему ужасу, увидел жирок на животе и худосочные мышцы рук. Дальше – больше. У него появилась одышка – сказывался малоподвижный образ жизни и любовь к пиву. Занятие бодибилдингом в первую очередь улучшили внешний вид, значительно повысились силовые показатели, появилась уверенность в собственных силах и, конечно, физически активное долголетие. Ежедневные тренировки и правильное питание – это

и нужно, чтобы создать идеальные мышцы. Чтобы успокоиться после всех неприятностей, он начал тренировку. Только усиленная физическая нагрузка привела его в чувство. После занятий он всегда испытывал чувство удовлетворенности от проделанной работы в тренажерном зале, чувство победы над собой. Из этого и складывался конечный результат – сильное, здоровое и красивое тело! В зал вошла его команда: молодые люди с прекрасными телами, влюблённые в своё дело, сильные, с накачанными торсами и стальными мышцами.

– Коммандер, как там Хуан?

– Самое главное, жить будет. Даже монстру не по зубам наши тела. Конечно, бок сильно пострадал, и он потерял много крови, но не задеты важные органы. Ещё и выиграет все соревнования, пусть не в этом году, а в следующем – обязательно, – пошутил Андре. – Я уже закончил тренировку, сейчас ваша очередь.

Он вышел из зала и направился к камбузу, чтобы приготовить витаминный коктейль, который любил делать сам. Но тут крик вахтенного заставил его прекратить трапезу:

– Двухголовая вернулась!

– К нам пожаловала гостья? – иронично удивился Андре.

– Голодная и злая, – добавил каптри.

В иллюминатор была видна двухголовая. Она величественно шла рядом с лодкой. Акула и люди смотрели друг на друга, наверное, секунд десять.

– Фантастика! – наконец произнес Андре. – Вот это акула! О такой можно только мечтать! Уникальная рыба! Две головы!!!

– Возможно, – согласился каптри.

– Вы когда-нибудь видели таких рыб? – спросил Андре. Его глаза горели от восторга и возбуждения.

– Нет, – ответил каптри. – Такую вижу впервые.

– Как вы думаете, какая у нее длина от головы до хвоста?

– Трудно сказать, метров шесть. Может, больше. Не знаю. Встречаться с любой из них опасно. Погибнуть – раз плюнуть. А эта бестия опасна вдвойне.

– Почему?

– Две головы способны видеть с обеих сторон одновременно.

– Да, нет, – не согласился Андре, – наоборот. Я понял, что каждая голова имеет свой обзор видения, поэтому она и не способна правильно сфокусироваться на предмете. Это меня и спасло.

– Странно, – покачал головой каптри. – Она моментально схватила Хуана. Даже не прицеливаясь.

– Это дикая случайность. Хуан упал прямо возле её пасти. Ей оставалось только его схватить, – рассуждал Андре. – Ведь ни погони, ни преследования не было. Считайте, что еда сама прыгнула ей в пасть.

– Да, вы правы,– согласился каптри.

– Мне другое интересно, – продолжил коммандер. – Такое впечатление, что она смотрит на тебя с превосходством, при этом посмеивается над нами.

– Хищница, что скажешь! Открытая пасть – это знак устрашения, – сказал каптри. – Рыба есть рыба, да ещё и без костей, с маленьким головным мозгом.

– Ну, не совсем так, – ответил Андре. – Акулы – настоящие красавицы, умные и хитрые, способные мстить и подкарауливать жертву. Они – прекрасное творение природы в своем роде. И в отличие от других рыб она теплокровная*.

* Коммандер не совсем прав: большинство акул – пойкилотермные (холоднокровные) животные. Температура тела акул соответствует температуре окружающей среды. Тем не менее исключения из этого правила – некоторые виды пелагических акул – например, мако, белая и голубая акулы (всего 7 видов). Они частично теплокровны (мезотермны) и могут иметь температуру некоторых частей тела на 8–11 °C больше, чем температура окружающей среды, за счёт интенсивной работы мышечной системы. – *Прим. ред.*

– Бред, – отрезал каптри.

Не успел он договорить, как двухголовая вновь появилась перед иллюминатором.

– Смотрите! – воскликнул Андре. – Она вновь вернулась к нам.

Акула шла прямо на подлодку. В тридцати футах от борта виднелся треугольный спинной плавник, он разрезал воду, оставляя позади волнистый след. Она с силой ударила в сверхпрочное стекло иллюминатора, не понимая, почему не может схватить людей. Пасть у одной головы была слегка приоткрыта, в темной мрачной полости виднелись огромные треугольные изогнутые зубы в несколько рядов, и было чётко видно, что нижняя губа повреждена. Если она схватила моряка этой челюстью, то понятно, почему она не смогла проглотить Хуана. «Нижняя челюсть плохо работает,– понял Андре.– Скорее всего, так и было».

– Она атакует корабль! – закричал каптри. – Дура! Он тебе не по зубам! – выкрикнул он и расхохотался. – Ну и где ваш хвалёный акулий ум?

Двухголовая подняла головы, и тупо смотрела на каптри четырьмя глазами. Казалось, она старалась запомнить его. Каптри передернул плечами и повернулся к ней спиной.

– Она больше похожа на чудовище из фильмов ужаса, – произнес Андре.

– Тем не менее, это рыба, – упрямо повторил каптри. – И какая рыба! Черт возьми, почти маленький мегалодон.

– Что? – не понял Андре.

– Конечно, я чуть преувеличил, – поспешил поправиться каптри.

– Нет, в самом деле. Как, по-вашему, каких размеров могут достигать эти рыбы?– настаивал Андре.

– Честно? Не знаю.

– В этом-то все и дело, что никто не знает, – сказал Андре.– Я читал, что здесь обитают акулы двадцати-три-

дцатиметровые. В несколько раз больше, чем наша, – продолжил Андре.

Он с трудом верил даже в существование только что увиденной акулы и уж тем более не представлял себе необъятных размеров рыбину, о которой говорил бывалый моряк.

Каптри согласно кивнул в ответ:

– Есть такая акула. Даже две. Бороздят наш океан возле Серебряных ключей. Туда все боятся соваться.

Помолчав немного, добавил:

– Обычно люди считают длину в десять метров пределом для акулы, но представьте себе нечто поразительное: вдруг где-то в океанических глубинах обитают громадины длиной в сотню футов, и это может оказаться правдой.

– Неужели такое возможно? – удивился Андре.

– Я не говорю, что они есть, – продолжал каптри. – Я говорю, что это возможно.

– Я не верю.

– Может быть, да, а может, и нет. Сорок тысяч лет назад жили гигантские акулы – мегалодоны. Найдены зубы мегалодона. Их длина достигала восемнадцати сантиметров. Следовательно, ископаемая акула имела длину от восемнадцати до тридцати метров.

– Но мегалодоны вымерли, – ответил Андре.

– А доказательства? Какие у нас доказательства, что мегалодоны в самом деле вымерли?

– Так их не встречали и не видели, – начал коммандер.

– А почему? Вот некоторые считают, что они живут во впадинах океана.

– Хорошо, что их нет, – проговорил Андре и поёжился. – Да такая акула – машина для перемалывания костей, ведь её пасть набита зубами, похожими на ножи мясника. А какой силой она может обладать? Страшно даже подумать. По-вашему, двухголовая – детёныш мегалодонов?

– Глупости. Это взрослая акула, только с двумя головами, – сказал каптри. – Рождаются же сиамские близнецы, так и в этом случае.

– И всё же, я бы хотел взглянуть на какого-нибудь большого мегалодона, – задумчиво проговорил Андре.

– Вы просто сумасшедший, – заметил каптри.

– Кстати, только акулы уникумы в своем роде. У всех животных мышцы работают по команде центральной нервной системы, а у акул по-другому: их мышцы проявляют независимость, сокращаются и тогда, когда связь с центральной нервной системой полностью прерывается. Был случай, когда мы выловили акулу и сердце выкинули собакам, которых полно на пирсе. Сердце ещё долгое время сокращалось автоматически, и собаки боялись есть его. Даже к мёртвой акуле опасно подходить близко – может схватить и оторвать часть тела.

– Этого я не знал, – удивился Андре. – А вот про чешую я знаю, что она необычная – плакоидная, т. е. каждая акулья чешуя состоит из дентина, а вершина шипа покрыта эмалью.

– Да, это так, поэтому и кожа акул очень ценится.

На другой день рано утром лодка всплыла, ожидая самолет из Центра. Вода в океане была тёмная, погода испортилась, и легкая зыбь пробегала по водной глади. Андре поёжился из-за утренней прохлады. На восточной части горизонта показался лучезарный диск. Море сразу вспыхнуло и заиграло. Облака окрасились в удивительно нежные розовые тона, моментально стало веселее.

Прибыл самолёт с врачом. Операция шла почти четыре часа.

– Как он? – спросил Андре.

– Всё будет хорошо, правда, часть кишечника пришлось удалить, но с этим живут. Организм молодой, быстро восстановится.

Самолёт улетал на материк, захватив больного. Подлодка погрузилась в воду и ушла выполнять задание.

НАПАДЕНИЕ

Серебристая «Ламборгини», похожая на инопланетный корабль, летела по вечернему городу.

– Сантьяго, когда будем подъезжать, предупреди. Очень тяжёлый день был, я подремлю, – предупредила Элен своего водителя.

– Да, мисс Элен, отдыхайте.

Элен прикрыла глаза и расслабилась.

Электронные часы на приборной панели показывали двадцать два часа. Автомобиль проехал туннель, свернул на загородную ровную, с идеальным покрытием трассу, поэтому Сантьяго увеличил скорость. По обе стороны дороги мелькали пальмы и фонари. Движение почти отсутствовало. Вдали показался домик Элен. И в этот момент лопнуло колесо! Машина пошла юзом по проезжей части, её затрясло, закружило, раздался визг – диски царапали асфальт. Элен проснулась и в испуге спросила:

– Что это?

Сантьяго вцепился в руль обеими руками. У него хватило выдержки и знаний резко не тормозить. «Ламборгини», кружась, проскочила на соседнюю полосу и вылетела за пределы дороги. Проехав метров двести по обочине, машина замедлила ход и остановилась. Первую минуту оба молчали. У Сантьяго тряслись руки, кожа покрылась испариной. Он повернулся к пассажирке и неуверенно улыбнулся:

– Колесо лопнуло. Бывает, ничего страшного. Поставлю «запаску», поедем дальше. Утром всё исправлю, – бормотал он, а сам понимал, что этот прокол – неспроста.

– Мисс Элен, не выходите из машины, я сейчас.

Сантьяго вышел оценить процент потери. «Шины превратились в лохмотья. На что мы наехали? Сразу все четыре колеса! – думал он. – Жалко потерянного времени, обещал отцу приехать пораньше, теперь не получится»…

За спиной вдруг послышались шаги. Шофёр, скосив глаза, увидел чьи-то ноги: в полутора метрах от машины стоял человек. Темный силуэт спросил:

– Вам нужна помощь?

Сантьяго обернулся.

Человек, напротив, не шевелился, вместо лица у него было тёмное пятно. «Он же в маске»… – пронзила мысль.

– Послушайте, какого… – начал он и замолчал.

Ствол пистолета с глушителем был направлен на него. Моментально среагировав – сказалась военная подготовка, юноша одновременно с выстрелом ударил стрелявшего ногой с разворотом в голову. Всё же пуля успела пробить грудную клетку водителя, и он повалился возле колеса. Но и нападавший замертво упал рядом.

Элен, услышав странный звук, напряглась. Потом в полнейшей тишине что-то упало. Она приоткрыла окошко, но ничего не увидела. Тогда она выбралась наружу и увидела два тела, лежащих на земле. Тут до неё дошло: нападение. Женщина отпрянула, хотела вернуться в машину, но почувствовала резкую боль в голове и стала падать, потеряв сознание. Двое подхватили её и понесли к автомобилю. Чем бы все закончилось – неизвестно, но на её счастье, навстречу шла полицейская машина. Увидев полицейских, бандиты бросили похищенную, поспешно сели в свою машину и умчались.

Полицейские помогли Элен подняться, вызвали скорую помощь для Сантьяго и вторую машину – для раненого бандита.

Придя в себя, Элен объяснила стражам порядка, что она врач, работает в клинике и поэтому должна отвезти раненого в свою клинику.

В клинике, передав Сантьяго хирургам, она закрылась с заведующим в своем кабинете.

– Нужно запатентовать твоё изобретение. Ты же видишь, вначале шли предложения, затем угрозы и дошло

до похищения. Я боюсь за твою жизнь, Элен, – начал заведующий.

– Но препарат не готов, чтобы выпустить его в продажу. Вы же знаете, что он по-разному реагирует на организмы. И тому есть подтверждение: помните гибель молодой женщины? После применения моего препарата у неё стали разрастаться раковые клетки с неимоверной быстротой, и её не стало в течении месяца. Это ужасно.

– Но это единичный случай, – парировал заведующий. – А в 99% – ты же видела, какой эффект!!! Моя мама помолодела и выглядеть стала моложе невестки.

– Да, это эффект шикарный. Я даже и не представляла его.

– Чтобы узнать об этом, понадобилась авария, где пострадали сын и старушка, – вздохнул заведующий.

– Мальчика нашей сотрудницы? Ты спасла его после ожога. А старушки в интернате? Я же знаю, что ты тихонечко от меня их лечишь своим препаратом. Они все в тебя влюблены, помолодели и не скажешь, что это пациенты интерната для престарелых. У тебя это лекарство не от болезней, а для восстановления тканей и омоложения. Ты же видишь, какой омолаживающий эффект. Нет, через пару дней на патент. Всё, всё никаких отговорок. Два дня на подготовку документов. И, кстати, ты не имеешь права упоминать о лечении людей, следовательно, забудь о своих несанкционированных лечениях. Приведи примеры своих собак Адель и Бокса. Кстати, как они?

– Бодрые и носятся как молодые.

– Не забудь отметить их возраст и фотографии прикрепи. На всякий случай напишем в рекомендации не принимать раковым больным. А сегодня, голубушка, ночевать будешь здесь, в клинике.

И заведующий вышел из кабинета.

Элен решила после получения патента уехать к своим друзьям – бывшим сокурсникам. Где-то в глубине души она понимала, что уже не вернется в клинику. Она была в гостях у друзей, и ей там все понравилось. Океан, экзотика, акулы и моллюски в изобилии – это её основной материал для препарата. И, самое главное, никакой погони и похищения. Девушка вспомнила, в письме говорилось, что друзья создали лабораторию для изучения акул, других морских животных и сейчас мечтают построить океанариум для них. Вот где можно развернуться!

***

Прошло три года с момента переезда Элен к друзьям. Она возглавила лабораторию по изучению животных подводного мира.

ИСТОРИЯ ЦАРИЦЫ ОКЕАНА, ИЛИ МЕСТЬ БЕЛОЙ АКУЛЫ

– Человек за бортом! – крикнул Виктор, вглядываясь вдаль.

– Где?

– Чуть левее.

Алекс перевел бинокль влево и увидел на воде длинный болтающийся предмет. Он тут же повернул катер, но, подойдя ближе, разглядел акулу до двух метров длиной, опутанную проволокой и леской так, что она даже хвостом не могла пошевелить.

– Дохлая? – поинтересовался Алекс.

– Почти, – махнул рукой Виктор.

– И что с ней делать? Она все равно сдохнет, начнет разлагаться и засорит океан. Нужно её транспортировать к берегу и закопать.

– Нет, – сморщился Алекс, – ты что, такая канитель!

В раздумье они смотрели на неподвижную акулу, и тут Виктор воскликнул:

– Смотри! Она же беременная! А давай подарим её Элен. Она как раз нуждается в акульей плаценте.

– Ну, и хорошо, – облегчённо вздохнул Алекс и прыгнул в воду. – Бросай трос!

Прикрепив трос к тюку, он быстро поднялся на катер, и они повернули в лагуну «Тихая заводь», в лабораторию по изучению акул.

В ЗАЛИВЕ

– Осторожнее, осторожнее! Вот сюда, ближе к лестнице! – командовала хозяйка лаборатории. – Для страховки гамак натяните снизу!

Подошли Вячеслав с Эухенито – испанцем, помощником Элен, стали освобождать пленницу, которая была ещё жива, от нейлоновых сетей с усиленными стальными кольцами, так плотно обвивавших акулу. Виктор осмотрел путы.

– Давайте сначала освободим живот, затем голову, а хвост в последнюю очередь.

С его планом все согласились, и Виктор стал одну за другой перерезать петли на брюхе пленницы, другие спасатели собирали отрезанные стальные путы и леску в мешок, одновременно придерживая акулу, которая постоянно погружалась в воду. Она равнодушно смотрела на действия спасателей, не подавая никаких признаков жизни, но, как только ей освободили голову, раскрыла пасть и тут же захлопнула её.

– Держись, малышка! – неожиданно для самой себя сказала Элен и осторожно прикоснулась к акульей спине, легонько провела пальцем по чешуе, затем «против шерсти», и почувствовала, насколько она жесткая и острая. «О такой панцирь можно легко пораниться», – пронеслось в голове.

– Ничего, я сделаю всё, чтобы ты и твои малыши остались живы. Скорее всего, у тебя это первая беременность, – рассуждала она вслух, – уж очень ты молода. Но так ослабнуть можно по одной причине – ты давно в заточении плюс беременность. Да, время твоей жизни на исходе. – С сожалением вздохнула девушка. – Очень жаль. Мало того, что вас нещадно истребляют, так ещё и в сети вы попадаетесь! – В сердцах сказала она.

Элен была защитницей акул и выступала против их безрассудного уничтожения.

Как только последняя петля, сдерживающая движение пленницы, была перекушена, акула шевельнулась и тут же начала погружаться вниз головой.

– Помогите ей! Вы спасаете не только её, но и будущее потомство многих акул! Натяните гамак, поднимите поближе к поверхности! Вячеслав, постарайся прикрепить кислородные маски к жабрам. Эухенито, принеси рыбу! Если мы её сейчас не накормим, она точно не выживет! – командовала Элен.

В полуоткрытую пасть акулы Виктор впихнул почти целое ведро рыбы, которое исчезло с такой быстротой, что Элен обрадовалась.

– Вот и славненько!

Акула ожила, мышцы её напряглись, из стороны в сторону дёрнулся хвост, и она самостоятельно стала держаться на воде. Развернувшись, сделала круг перед людьми, не выпуская их из виду, словно хотела запомнить своих спасателей. Из всех людей она выбрала Элен и устремилась к ней, медленно приближаясь, глядя немигающими глазами на женщину, как бы гипнотизируя её. Элен не двигалась. Она осталась лицом

к акуле, наблюдая за ней, стараясь поймать момент нападения. Так близко сталкиваться с хищницей ей не доводилось. У неё перехватило дыхание, застучала кровь в висках. В голове мелькнуло: «В случае опасности бить по носу и глазам». Испанец щелкнул пистолетом:

– Я её пристрелю, – тихо сказал он. – Пусть только попробует напасть.

Но акула вдруг перекатилась на бок, показывая свой раздутый снежно-белый живот, и ушла вниз, под гамак, исчезнув в сине-зелёной глубине. Раздался общий вдох облегчения. И, как это бывает, после колоссального напряжения, все одновременно заговорили, не слушая друг друга.

– Нужно выпить, снять напряжение. Идемте в лабораторию! – наконец перекричала всех Элен.

– Я что-то пропустила? – спросила Ольга, заходя в лабораторию. – Раньше не могла приехать, много больных. Дружный смех присутствующих был ответом.

– Нет, правда, расскажите, я вся внимание.

Вячеслав подал Ольге бокал с коньяком и стал рассказывать о событиях дня.

– Белая вернулась! – раздался крик испанца.

Все бросились в заводь. Белой уже не было, но в воде плавали два маленьких акулёнка. Один всё ещё был в плёнке с последом.

– Мальчики, помогите перенести их в бассейн!

Алекс с Виктором без труда поймали и поместили новорождённых в бассейн лаборатории. Ольга с Элен убрали плёнку и стали кормить их.

– Зря говорят, что акула тупая рыба,– сказал Виктор. – Она точно поняла, что здесь помогут её потомству. В свободных водах они погибли бы.

– Да, – согласилась Элен. – Она искала спокойное место, где они могли бы выжить. Акулята родились раньше срока, слабые, и не факт, что выживут.

– Ничего, – сказала Ольга, – выходим! Не таких вытаскивали с того света.

– С того света? – покачала головой Элен. – Людей с того света мы вытаскивали, а это рыба.

– Я уверена – они будут жить. Пусть недоношенные, но мы не знаем, насколько раньше они появились на свет. Возможно, и вовремя, просто, как вы рассказываете, Белая долго голодала, вот вам и слабое потомство.

– Смотрите, как они едят!

– Конечно, из голодного брюха появились, – засмеялся Алекс.

– А где плацента? – воскликнула Элен.

– Здесь, я собрал её в мешок, – откликнулся испанец.

– Молодец! В этой суматохе я и забыла про неё. А это очень дорогой материал.

– Что-то мало акулят, – с сожалением сказала Ольга.

– Скорее всего, во время голодовки более сильные сожрали слабых, – высказал свою версию Виктор.

– Да так и было. Внутриутробный каннибализм хорошо развит у младенцев-акул, – согласилась Элен.

А Белая плыла в поисках пищи. То ведро рыбы, что она съела в лагуне, помогло ей родить. Сейчас она держала курс на северо-восток к лежбищу тюленей. Из всех животных подводного мира больше всего она предпочитала тюленей. Именно такая жирная пища была необходима ей для поддержания жизни.

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА. ОКЕАНАРИУМ

Натали быстро шла к гавани, где стояла её небольшая яхта. Каштановые пряди волос прилипли к влажному лбу, но она не замечала этого, как и волшебную красоту залива, оригинальную цепочку подводных зданий, выстроенных

в океане. Она спешила в одно сказочное место, и яхта быстро домчала её в строящийся океанариум, где её встретили Виктор и Алекс.

– Натали! – Бросился к ней Виктор, когда она подошла. – Ты только посмотри, какие экземпляры мы привезли! – гордо заявил он.

Среди камней степенно плавали две мурены.

– Зеленая карибская мурена! – воскликнула Натали. – Она ведь одна из самых крупных в мире! А что она ест?

– Их любимое лакомство – кальмары, – ответил Виктор. – Они даже позволяют себя погладить за них. Но это ещё не всё – на радость Элен мы привезли «нянечек». – Еле сдерживая распирающую его гордость, быстро проговорил он.

– Неужели «нянек»?

– И не одну. Мы четырёх привезли! – добавил довольный Виктор.

– И, правда, чудесные, сразу океанариум преобразился! А то всё ангелы, каранги да спинороги. Наконец-то прибыли королевы! – воскликнула Натали, рассматривая двухметровую жёлто-коричневую усатую акулу.

– Да, и посетителям будет на что посмотреть.

Подошла Элен и сразу увидела акул:

– Хороши!!! До чего же хороши!!! О! Постойте… Это что, ковровая акула? – увидев среди камней парочку донных акул, поинтересовалась Элен.

– Да, это пятнистая ковровая, – подтвердил Алекс.

– Это ведь та акула, которая может ходить по дну, передвигая плавниками, не так ли? – обратилась Натали к Алексу.

– Точно так, – ответил он, довольно улыбаясь. – Понравились? Значит, не зря гонялись наши помощники за ними.

Самая крупная «нянечка» весила под шестьдесят килограммов, остальные чуть поменьше. Акулята ещё совсем

молодые, но уже где-то под восемьдесят килограммов, а индонезийские пятнистые совсем малютки, но учёные знали, что молодые лучше приспосабливаются к новому месту жительства.

– Что у тебя? – обратилась Элен к Натали, увидев её забинтованную руку.

– Пустяки. Поранилась о кораллы.

– Давай показывай, – скомандовала Элен. Натали сняла бинт – рука была опухшей.

– Ничего не понимаю. Буквально час назад была одна царапина, – удивилась Натали.

– Ты что, не видишь? У тебя заражение, – возмутилась Элен. – А это что? – Рана на руке светилась. – Идем, идем, – потащила Элен коллегу в свою лабораторию.

– Ты хоть понимаешь, чем заразилась? – спросила Элен уже в лаборатории.

– Нет, – мотнула головой Натали.

– Это светящиеся бактерии-паразиты. От них трудно избавиться. Лекарства нет. Они постепенно сожрут всю твою плоть прямо до кости и не подавятся.

Натали испуганно поёжилась.

Элен обработала рану, затем, подумав немного, сказала:

– Не волнуйся. Я тебя моментально вылечу. Мне помогут мои помощники.

– Что ты задумала? – допытывалась Натали.

– Увидишь, – загадочно ответила Элен. – Тебе понравится. Пошли в бассейн, будем купаться.

– Но у меня нет купальника.

– И не надо, будем в купальниках Евы.

Они спустились в бассейн для акул. Элен называла его «Тихая заводь», и он был доступен только ей. С моря туда можно зайти через узкий пролив, а с берега – через потайной ход. Это был её личный океанариум для акул. Не успела Элен войти в воду, как тут же две небольшие аку-

лы направились к ней. Одна из них, подплыв к девушке, перевернулась на спину и, как кошка, начала тереться об неё, всеми действиями показывая, чтобы её погладили по животу. Что Элен и сделала.

– Манюня, милая моя, – ласково говорила девушка, поглаживая её брюхо. – Ты моя красавица! Моя умница!

Акула закатила глаза и завиляла хвостом, как собачка.

Вторая, дважды обогнув Элен, поддела головой первую, отбросила в сторону и сама подплыла под руку. Двухметровая акула, словно домашняя кошка, стала ластиться, тоже выпрашивая ласку у Элен.

– Ах, ты моя кисонька, – приговаривала Элен, поглаживая акулу. – Любите ласку. Давай, погладь и ты их, не бойся,– обратилась Элен к Натали.

– Ты что! Это же кархародоны!

– Во-первых, суперхищниками кархародонами они станут только на седьмом году жизни, когда их челюсти обзаведутся мощными зубами. А этим малюткам всего два года. Во-вторых, гладить надо ладошкой, затем тыльной стороной, тебе это нужно, и не бойся. Они ещё в таком возрасте, когда питаются исключительно рыбой.

Между тем она собрала часть слизи с тел своих любимиц и положила в пакетик. Затем вытащила рыбу и поднесла ко рту акулы. Мгновение – и рыбёшки не стало.

– Молодец, Микки, умница, – похвалила она акулу и провела по брюху рукой.

После водных процедур Натали поинтересовалась:

– Расскажи, как ты их приручила.

– Я их спасла от гибели. Их мать – Белая – запуталась в сетях, и её прибило к моей подводной лаборатории. Подарок судьбы. Белая была заражена какими-то светящимися бактериями и очень ослабла.

– Акулы ведь могут месяцами не есть, и ничего,– вставила Натали.

– Дело в том, что акула ждала потомство. Естественно, она ослабла. Я не знаю, сколько времени она была в плену. Акулята родились слабые и тоже были заражены этими бактериями. Я их выходила, а сейчас я для них и мама, и нянька, и сестра. Да и с Белой мы в прекрасных отношениях. Она ко мне приходила в гости несколько раз. Мы с ней подружились. Как-то, плавая с ней в океане, мы встретили шестиметровую серую. И что ты думаешь? Белая не позволила той подплыть близко. А это целебная бактерицидная слизь, – показала Элен на пакетик и протянула его Натали. – Мне о ней рассказала Белая. Помажешь ею ещё раза два – и забудешь о своем недуге.

– Как это рассказала? Она ведь акула.

– Всё очень просто. Она чуть окрепла, и я её выпустила на волю. Подумала, что так она быстрее освободится от паразитов. И правильно подумала. Во время прогулки, смотрю, а около Белой другие акулы. Мне показалось – они дерутся. Пригляделась, а они кувыркаются и трутся друг о дружку то одним боком, то другим. В один из посещений, смотрю – а кожа у Белой чистая и никаких паразитов. Исследование слизи показало, что она обладает бактерицидными и иммунными свойствами – убивает паразитов. Кстати, рожала она у меня вот в этом бассейне. А когда акулята появилась, то я их её слизью лечила. Вон какие выросли, здоровые и ласковые. Я создала мазь на основе этой слизи, сейчас всех местных жителей лечу, секрет не раскрываю. А акулы мне помогают.

– Я знаю, что акула выделяет специальный жировой секрет для уменьшения сопротивления при движении.

– Правильно, вот этот секрет и способствует выработке Т-клеток и макрофагов, так необходимых для создания естественной защиты организмы. И его вырабатывает только акула, другим рыбам это недоступно.

Так, за разговорами, они и вернулись в океанариум.

– Друзья, я должна вас оставить, вечером жду всех на ужин, а сейчас я в клинику.

– Зачем ты принимаешь больных? – спросила Натали. – Это же опасно для тебя.

– Мне нужна практика.

В КЛИНИКЕ

Когда Элен подошла к клинике, то увидела, что возле дома на земле сидели измождённые мужчины, женщины и дети, которые, вдобавок были сплошь покрыты коростами и язвами.

«Зачем доводить себя до такого состояния? – подумала она.– Ведь моя клиника рядом». Приём больных вела Ольга. Она осматривала девочку, тело которой было всё в язвах. Девочка тяжело дышала.

– Элен, смотри, какой-то вирус напал на этих бедных людей. Сегодня сплошь идут с такими симптомами.

Старая женщина упала на колени перед Элен и зарыдала, приговаривая:

– Спасите мою внучку. Мать её бросила, а сыну не до детей. Он всё время в море, нужно как-то кормить семью. У него ещё два сына.

– Встаньте, – попросила её Элен. – Девочку мы оставим в больнице. Приходите недельки через две, увидите свою внучку здоровой.

Медсестры на коляске увезли девочку в палату.

– Что ж вы довели свою внучку до язв? – поинтересовалась Ольга.

Женщина испуганно посмотрела на неё и пожала плечами.

– Нужно осмотреть ваших внуков и сына, может, и они заражены, – осматривая женщину, добавила Ольга.

– Чем раньше мы выявим болезнь, тем легче лечить. Пусть ваш сын с внуками придет завтра. А вы здоровы.

Женщина закивала и вышла. В дверь уже заходил следующий пациент.

– Интересно, а почему они боятся нас? – спросила Элен.

– Я тоже интересовалась, и знаешь, что мне ответили?– загадочно проговорила Ольга.

– И что же?

– Они считают нас колдунами.

– Н-да. Всё необъяснимое кажется колдовством, – усмехнулась Элен. – Пойду, переоденусь, и к больным.

Только она приготовилась осмотреть больных, как почувствовала себя плохо. Защемило сердце, трудно стало дышать. Появилось необъяснимое желание бежать в лабораторию. На звонок прибежала Ольга. Увидев, что Элен плохо, она тут же приготовилась дать таблетку.

– Не нужно, – одними губами прошептала девушка и показала на воду.

Ольга подала стакан с водой.

Отпив немного, Элен сказала:

– Что-то случилось, чувствую беду. Скажи Сантьяго, чтобы отвёз меня домой. Сама я не в состоянии.

Чувство беды и тревоги не оставляло её всю дорогу. Она мчалась по длинному коридору к потайному ходу, вбежала в «Тихою заводь». Двойняшки метались по океанариуму. Элен прыгнула в воду, не раздеваясь, желая их успокоить, но они уклонились от поглаживания и направились к выходу в море.

– Манюня, Микки! Нельзя, – кричала Элен, но те не слушались.

Элен последовала за ними. В проходе женщина увидела желтое брюхо Белой акулы. Акулята давно забыли, что это их мать, но звук, который издавала умирающая самка, приводил их в ужас.

НЕСЧАСТЬЕ С БЕЛОЙ

У Белой акулы было излюбленное место охоты – архипелаг, где устраивают лежбище тюлени. И туда никто не мог сунуться, соблюдалась акулья иерархия. Подплыв ближе к островам, она высунула голову, чтобы уловить запах, разносящийся по воздуху. Нужно было определить, где тюлени. Их не было видно. Акула обогнула архипелаг и почувствовала запах любимой еды, который шёл от одинокого тюленёнка, бултыхающегося в воде. Не раздумывая, Белая совершила бросок к жертве. Схватив тюленёнка поперёк тела, она с силой замотала головой, чтобы разорвать его и съесть. Но что-то мешало её движениям. Она услышала крики людей и поняла, что попалась в сети – «призраки». Было уже не до еды. Она выпустила жертву и заметалась из стороны в сторону, пытаясь освободиться. Мощные удары хвоста не дали результата. Люди не спешили вытаскивать её на борт. Они ждали, когда акула устанет и не будет сопротивляться. Но Белая не сдавалась. Стараясь выбраться, она напряглась и даже потянула за собой катер, но тут что-то врезалось в тело. Боли от удара багра она не почувствовала, так как организм тут же выбросил в кровь порцию опиума, блокируя боль. Через некоторое время она уже не смогла двигаться, но наблюдала за всем и запоминала. На борту катера на неё навалились рыбаки, сняли сеть, и один из них отлаженным движением срезал плавник. Потом акулу откатили к борту и выкинули в море. Она торпедой пошла ко дну. Катер ушёл. Белой суждено было погибнуть или быть съеденной соплеменницами. Но кто-то свыше принял решение сохранить ей жизнь, и спасение пришло от её потенциальных жертв. Мимо проплывала стая дельфинов, которые, уловив импульсы умирающей самки, вытолкнули её на поверхность и стали направлять к берегу. Сработал инстинкт дельфинов – под-

талкивать слабых к воздуху. Даже запах врага не помешал им выполнить дельфиний долг. Как только акула шевельнула хвостом, дельфины, оставив её, продолжили свой путь. Все существо Белой наполнилось бурным ощущением жизни, стремлением куда-то плыть, и тут же она осознала, что часть её тела осталось там, на борту катера. Нужно догнать его и наказать тех, кто напал на неё. Но бороться с течением было трудно, держаться на плаву не было сил, и Белая, уже не сопротивляясь, положилась на судьбу, которая прибила её к лагуне «Тихая заводь» – лабораторию по изучении акул.

***

Подплыв ближе, Элен увидела акулу с огромной дырой на спине. Там, где должен быть плавник, зияла свежая рана, а рядом ещё одна, рваная, скорее всего, от багра, поняла она. Через них-то и уходила жизнь Белой.

– Где ты потеряла плавник? – в ужасе прошептала Элен. – Кто тебя так изуродовал? – Она обняла Белую и поплыла с ней в «Тихую заводь». Та не сопротивлялась, только время от времени переворачивалась брюхом вверх. Элен приходилось поправлять и придерживать её. Акулята эскортом плыли чуть поодаль.

– Бедная моя Белая, постоянно ты попадаешь в переделки. Тебя что, снова поймали? Пока ты жива, мы будем бороться за твою жизнь.

Элен позвала помощника-испанца, и тот помог перевести акулу в аквариум. По всей вероятности, Белая доживала последние минуты. Это понимала Элен, понимала и сама акула, которая смотрела на неё с немым вопросом: «За что?». И столько боли было в её глазах, что девушка отвела взгляд. Нарочито бодрым голосом она сказала:

– Держись, мы ещё поживём!

– Подержи акулу около поверхности, чтобы раны были над водой, – попросила девушка своего помощника.

Эухенито подвёл под брюхо акулы гамак и приподнял её.

– Потерпи, милая, – ласково говорила Элен, закладывая в дыры мазь из ропилемы и акульей плаценты, сверху всё залила гидрогелем – искусственной кожей, – который закрыл раны. – Эта смесь должна тебе помочь. Держись! Ты же ещё молодая! Борись за жизнь!

Белая чуть шевельнула хвостом, как бы соглашаясь с доктором. Элен закрепила кислородные маски у жаберных щелей и приказала:

– Дыши! Ты должна жить!

Акула и не сопротивлялась, жизнь еле-еле теплилась в ней. Это было на руку молодой учёной: не нужно обездвиживать её. Остаток дня Элен просидела возле акулы, время от времени обращаясь к ней с вопросом:

– Как ты? Тебе не больно? – хотя знала, что у акул отсутствуют болевые импульсы. Белая смиренно смотрела на спасительницу, позволяя гладить себя и обливать водой. Вечером пришли друзья. Элен вспомнила, что сама пригласила их в гости. Она оставила испанца следить за состоянием Белой и ушла на встречу, но для веселья не было настроения.

– Что у тебя случилось? – был первый вопрос. Элен горестно вздохнула и рассказала о белой акуле.

– Я же вам пообещала, что у нас в меню не будет акульих плавников, – стала оправдываться Натали – управляющая подводным комплексом.

– Да причём здесь ты? – перебил её Вольдемар. – Не ты, так другие люди и рестораны готовы их купить, ведь они стоят дорого. Этот промысел самый доходный для рыбаков. У акулы отрезается плавник, и туша выбрасывается в океан. Изуродованная акула зачастую ещё жива, но не может эффективно двигаться и охотиться, поэтому идёт ко дну, где погибает от кислородной недостаточности либо становится жертвой других хищников.

– Какая жестокость! – ужаснулась Натали.

– Акульи плавники?! – вскрикнула Элен. – Специально поддерживается миф, что акульи плавники обладают питательными и полезными свойствами, и положительно сказываются на состоянии всего организма. А самое главное – панацея от рака. Уже доказано, что из всего организма акулы именно в области плавников концентрируются токсические и вредные компоненты, которые попадают в организм рыбы из окружающего водоема и употребляемой пищи. В столь экзотическом деликатесе может содержаться много аммиака, ртути и иных тяжелых металлов, которые приносят невероятный урон организму человека. Плавник дает только густоту и всё. А вкусовые качества создаются из трав и добавок. Если плавник – это средство от рака, почему акулы сами болеют раком? Почему? Вспомните, скольких акул мы вылечили от рака.

– Вольдемар, – обратился Виктор. – Есть ведь положение, что промысел крупных пелагических акул должен вестись за границами трёхсот двадцати километров экономических зон. Или я ошибаюсь?

– Положение-то есть, но его никто не соблюдает. Как и принятые законы, запрещающие подобный вид промысла и требующие доставки всей туши в порт перед тем, как срезается плавник.

– Вряд ли Белая так далеко заплывала, – заметила Элен. – Она обычно охотится недалеко от архипелага, который на северо-востоке от нас. Её излюбленное место – тюленье лежбище. Значит, ваши рыбаки промысел ведут вблизи берега. Я немного знаю акул и думаю, что это просто так не закончится. Если рыбаки не прекратят свой промысел, ждать беды.

– Не накликай, – предупредил Вольдемар.

– Но Элен права, – поддержал её Виктор. – Особенно мстительны белые акулы, и они помнят все обиды. Это

очень высокоразвитые рыбы. Они могут часами сидеть в засаде, выжидая добычу. Вольдемар, ты же префект. Предупреди рыбаков, чтобы те не трогали акул вблизи трёхсот километров от нашего океанариума. Иначе могут быть неприятности. Мы все заинтересованы в процветании нашего дела. Обидно будет, если из-за акул никто не приедет к нам. Ведь туризм – это спасение не только для нас, но и для рыбаков. Ты же понимаешь, что белые акулы нуждаются в защите, так как их популяция быстро сокращается из-за человеческой деятельности, в особенности жестокой охоты за акульими плавниками.

– О! – застонала Натали. – Я этого не переживу! Будем надеяться на лучшее.

– Если Белая переживёт ночь, она поправится, – сказала Элен. – Извините, пойду посмотрю, как там дела.

– Постой, Элен, – остановил её Виктор. – Благодаря твоей изумительной мази дыра, я уверен, заживёт. А дальше что? Спинной плавник акуле нужен для стабилизации тела. А без него сможет ли она плавать? Без него она будет вращаться вокруг продольной оси.

– Я думала над этим. Но ведь каким-то образом она доплыла до меня. Как?

– Перекатом, как бревно, – усмехнулся Алекс.

– А шестижаберная акула? – поинтересовался Виктор. – У неё же нет спинного плавника, как у Белой.

– Вот-вот, – поддержала его Элен. – Конечно, можно вставить искусственный плавник, а может, и не нужно этого делать. Кто знает, как она будет передвигаться. – С сомнением покачала она головой. – Основная движущая сила акул – это производимые колебательные движения туловищем и хвостовым плавником. Есть ещё сенсорные клетки, грудные плавники, конечно, внутреннее ухо. Я думаю, она приспособится к жизни в воде без спинного плавника.

***

Утром женщина сразу увидела перемены у акулы: раны стали не такие большие. Элен снова заложила мазь, добавив снотворное. Осматривая тело Белой, заметила шрамы на спине. «Типичные ритуалы ухаживания самца»,– усмехнулась она.

Она оставила дежурить возле акулы испанца. На пятый день акула ожила. Вместо дыр появились рубцы, но и побочный эффект был виден: увеличился её рост. Вместо четырёхметровой акулы перед ней красовалась шестиметровая, которой было тесно в пятидесятиметровом бассейне. Кислородные маски валялись на дне. Держать в аквариуме акулу не было смысла, и Элен открыла проход в лагуну «Тихая заводь», настороженно глядя на Белую: как та будет держаться без плавника. Белая высоко подпрыгнула над водой, как бы прощаясь, и исчезла в воде. Вскоре она выскочила из воды и вновь исчезла.

– Она так долго не сможет плыть,– пожалела её Элен, глядя вслед удаляющейся акуле.

УЧЁБА

Белая огромными усилиями старалась держать тело ровно, но первое время это ей плохо удавалось. Без спинного плавника тело не слушалось.

Она попробовала раскрыть полностью грудные плавники, а спинной хвостовой растопырила до предела и напрягла мышцы тела. Кажется, сработало. Она шла ровно, но, расслабив мышцы, сразу же завалилась на бок. Попыталась выровнять тело – её закрутило по оси, и она штопором пошла ко дну. Белая вытолкнула воду через жаберные щели, применила свой коронный при-

ём – «реактивное движение». Это дало ей возможность подняться к поверхности воды.

Нет, не зря акула слыла царицей океана: сдаваться она не собиралась. Она вновь и вновь старалась уйти от произвольного вращения. Вновь и вновь проваливалась в немыслимый штопор. Она до предела раскрывала грудные плавники, до предела напрягала маленький спинной, но набегающий поток воды закручивал акулу. Её бросало то влево, то вправо. Белая не успевала стабилизировать тело и вновь штопором уходила вниз. Ей не хватало точности со встречным потоком воды. Десять, двадцать, сто раз она пробовала и пробовала противостоять току воды, но теряла управление и её крутило как бревно. Итак, прошла уже неделя с момента её первых занятий, а она всё ещё крутится на месте.

Белая решила положиться на свои сенсорные клетки, забыть про спинной плавник. Нет его и нет. Акула продула воздух через жаберные щели, выскочила из воды и, сложив плавники, бултыхнулась в воду. Затем, сделав сальто, легла на воду горизонтально. Тут же выдвинула грудные плавники, а хвостовым стала рулить. Маленький спинной заставила тоже работать.

Ну что ж. Нет большого брата, работай за двоих – мысленно скомандовала она малышу.

Белая задействовала все сенсорные клетки организма, слух и равновесие. Малейшие сигналы на расстоянии в сотни метров, которые связаны с волнениями в толще воды Белая не только стала улавливать, но распознавать происхождение этих волнений и вовремя уклоняться от ненужных потоков. Приём сработал, хотя потребовал от неё неимоверных усилий. Она шла ровно. Удача!!! Наконец это ей удалось!

Она выполнила длинное скольжение в воде. Это была первая победа!

С каждым повтором акула смогла совершать скольжение в воде гораздо дальше и с меньшими усилиями. Белая училась в одиночестве, голодная, но счастливая. Все живые существа вмиг исчезли при виде акулы. Ей это нравилось. Никто не видит, как надругались над ней люди.

Но долго в напряжении мышцы держать она не могла, ей необходим отдых и, на своё счастье, она обнаружила укромное местечко с ощутимыми колебаниями водной среды.

Чтобы сэкономить кислород, Белая отключила часть мозга. Причём акула предпочитала именно такой способ дыхания вместо движения. Её трехлопастная печень обеспечивала плавучесть. Печень, наполненная жирами низкой плотности, поддерживала тело, и помогала плыть даже во сне, не опуская тело рыбы на слишком большую глубину.

Прекрасная способность видеть вокруг себя почти на 360 градусов помогла акуле увидеть стаю тунцов. Она вспомнила о еде. Для успешной охоты высокая скорость не нужна. Необходимы опыт, выдержка, умение напасть внезапно и схватить жертву. И Белая выжидала, когда рыба окажется над ней. Долго ждать не пришлось. Тунцы не узнали акулу и спокойно шли мимо. Белой было достаточно поднять верхнюю челюсть на девяносто градусов, раскрыть пасть. Рывок снизу вверх – и довольно крупный тунец оказался в пасти хищницы. Он дал ей силы для учёбы. Отдохнув, она продолжила тренировку.

За две недели учёбы Белая узнала о возможностях своего тела больше, чем когда-либо. Сумела скоординировать работу всех рецепторных клеток, задействовала электрорецепторные клетки и ампулы Лоренцини. Добилась плавного скольжения.

Вторым её достижением стало увеличение скорости, что для неё никогда не было проблемой. Главную роль при этом играл хвост, особенно верхняя лопасть, которая

за одно движение мышцы создавала два вихря, тем существенно ускоряла ход и облегчала движение. Благодаря ей Белая всегда быстро развивала скорость для смертоносного рывка. Вперёд, только вперёд! Снова и снова она ускоряла свои движения, не забывая о выравнивании тела.

И у неё всё получилось. Чтобы догнать жертву, она использовала прыжок. Разбег – и прыжок вверх. С каждым разом прыжки становились всё выше и выше, а разбег длиннее и длиннее…

Ей потребовалось девять секунд и десять ударов хвостом, чтобы с глубины двадцати восьми метров подняться к поверхности. Акула прыгнула под углом к воде почти в 90 градусов, взвилась на три метра над волнами, и находилась в воздухе несколько секунд. Это было величайшее достижение в учёбе!!!

В одиночестве она наслаждалась своими успехами. Она научилась управлять телом и скоростью, несмотря на ту цену, которую ей пришлось заплатить за эту науку.

МЕСТЬ АКУЛЫ

Акула плыла вдоль берега: она искала знакомый запах. Все сенсорные клетки были направлены на его распознавание. И чем ближе она подходила к берегу, тем сильнее становился запах, но это был не тот запах. Мимо проходили лодки рыбаков.

– Не то, не то, – подавали сигнал клетки.

Неожиданно рыба уловила знакомый запах. О! Она всегда могла распознать даже каплю крови в миллионе капель воды, а запах собственный крови – тем более.

Все капсулы ампул Лоренцини – вся акустико–латеральная и химическая системы акулы – работали как единый мощный электрорецепторный и химической аппарат. И она поняла: это то, что она искала!

Она тут же поменяла направление и пошла, бесшумно рассекая воду. Люди на катере ощутили удар волны и увидели длинную тёмную тень.

– Это не акула! – крикнул рыбак. – Это какое-то существо футов двадцать!

Он стал всматриваться в воду, стараясь разглядеть его. Акула слышала не только звук двигателя, но фиксировала ритмичную работу сердца рыбаков. И чем ближе она подходила к катеру, тем сильнее ощущался знакомый запах – запах собственной крови. Вот он – момент мести!

И тогда она ожила: высоко поднялась над водой, словно хвастая огромной длиной и шириной своего тела, всей своей красой, мощью и силой, что несёт в себе смерть. Казалось, она висит в воздухе над катером. Колоссальная туша, опускаясь в воду, прошла на расстоянии одного фута над головами рыбаков. Казалось, она бесконечна. Махину завершал хвостовой плавник, по высоте равный росту взрослого человека. Сделав прыжок через лодку, она грохнулась в море, подняв огромную волну и массу брызг.

Катер опасно накренился на бок и, зачерпнув воду бортом, всё же выпрямился. Но рыбаков выбросило в море. И только рулевой вцепился в штурвал, старясь выровнять судно.

Рыба тут же развернулась и кинулась за одной из своих жертв. Люди барахтались в воде, в страхе ища защиты. Повторяющиеся удары рук о воду и усиленное сердцебиение посылали акуле сигналы. И она безошибочно настигла первого. Мощный удар хвоста подбросил жертву вверх на несколько метров. Падая, человек увидел огромную, широко разинутую пасть монстра, шесть рядов треугольных зубов, пиками направленных на него. Адреналин в крови резко подскочил, сильный страх охватил человека, но он ничего не мог изменить. Мощные челюсти акулы сомкнулись в области шеи. Голова, отделившись от туловища, медленно опускалась на дно.

Человеческое мясо жёсткое для акулы, и она вывернула желудок вместе с человеческим телом в воду.

Катер стоял всего в ста футах от рыбаков, и они устремились к нему. Послышался громкий шлепок, и ещё один из рыбаков исчез в водной пучине. На поверхность всплыла только рука. Вот один из рыбаков уже возле борта, уцепился за боканцы. В это время разъярённая рыба проплыла под катером, и рыбак ощутил, что кто-то цепко схватил его за ягодицы. Удивительно, но он не почувствовал боли. Появилось облако крови. Тот, кто ампутировал эту часть тела, знал своё дело досконально: порез был идеально ровным. Рыба отплыла в сторону. В этот раз она, судорожно проглотив мясо, повернула обратно, плывя теперь на запах крови, хлещущей из тела рыбака. Рыба атаковала рыбака снизу. Она устремилась вверх прямо на свою жертву, широко разинув пасть. Огромное заостренное рыло с такой силой ударило мужчину, что даже выбросило его из воды. Мощные челюсти тут же сомкнулись на его торсе. Не выпуская добычу из пасти, рыба шлёпнулась в воду, подняв фонтан из пены и крови. Тело бедняги развалилось пополам.

Белая на этом не успокоилась. Она металась из стороны в сторону в пенном кровавом облаке, ища новую и новую жертву, время от времени совершая эверсию желудка. А когда облако крови рассеялось, на поверхности плавали останки людей, волны подхватывали их и несли в открытое море. И только рулевой – молодой парень, свидетель этой расправы, сидел на полу в рубке катера, обхватив руками враз поседевшую голову.

НИХОН КОКУ – СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Деревня была не такая уж и маленькая. Они всё шли и шли вглубь острова. Прохожие, поравнявшись с ними,

почтительно здоровались. Женщины особенно низко кланялись, сложив руки впереди. Влада это очень удивляло: подумать только, с ним здоровались абсолютно незнакомые люди! Вдобавок его назвали каким-то куном. Он вспомнил наставления бабушки: «В Японии поклон – основная форма уважения. Тебе достаточно просто склонить голову или немного согнуться в талии, чтобы поклон был засчитан». И, стараясь не прослыть невежей, он кланялся так же, как и Реид – отец Акио. Когда они свернули на улицу, где жил его друг, настроение Влада сразу улучшилось. Дом, перед которым они остановились, весь утопал в зелени. Крыша почти на метр выступала за стены, загибаясь вверх по углам.

– Какие необычные у вас крыши! – воскликнул Влад.

– Они защищают дома от дождя, снега или палящего летнего солнца, но не мешают рассветным или закатным лучам освещать жилище утром и вечером, – сдержанно пояснил Реид.

На пороге дома их встречали Тэмико – мама Акио, сам Акио и слуга Мио-кю. Все вежливо поклонились, и Тэмико сказала, обращаясь к Владу:

– Очень рады видеть тебя у нас. Наверное, устал с дороги?

Перед ней стоял симпатичный мальчик с волнистыми каштановыми волосами, которые на лбу и около ушей были мокрыми от пота и прилипли к голове.

– Да, – мотнул головой Влад.

– Сполоснись, приведи себя в порядок, и будем обедать.

Тэмико казалась старшей сестрой друга – так молодо она выглядела. Белоснежное лицо, красивые губы, миндалевидный разрез глаз и неимоверная причёска с заколками приковали взгляд мальчика. Он тут же вспомнил слова бабушки: «Японские женщины очень красивы». «Да, – отметил он про себя, – точно! Тэмико – воплощение красоты японской женщины». Он взглянул на Реида и понял, что тому тоже понравилось, как выглядит Тэмико.

Когда они с Акио остались наедине, Влад облегчённо вздохнул. Тяжело сразу перейти на японские традиции. Подростки были дружны с детства, но обычно Акио приезжал к ним. После душа Влад достал подарок другу.

– Это тебе! – Протянул он книгу «Шахматные партии знаменитых гроссмейстеров».

– О! – только и сказал Акио и он тут же стал рассматривать картинки шахматных партий.

Влад тоже уселся рядом на пол. Пол был мягкий и тёплый, застлан татами – матами, которые плетутся из тростника игуса и набиваются рисовой соломой. Сверху они были покрыты гладким ковриком из тонкой ткани. В комнате Акио, как и во всех остальных, не было ничего лишнего. На одной из стен висела полочка с книгами и учебниками, под ней стоял низенький стол – и всё. Комнаты разделены перегородками. Одна считалась окном – сёдзи, другая дверью – фусума. Окна и двери на всю стену. Перегородки бумажные, и их при необходимости раздвигали или сдвигали. Такое ощущение, что у комнаты нет границ, она открыта миру, свежему воздуху и природе.

– Ну, рассказывай скорее, – потребовал нетерпеливо Акио. – Что с тобой произошло? Я тебя много раз приглашал в гости, ты всё отнекивался. И вдруг так неожиданно звонит твой отец и говорит, что тебе нужно уехать на какое-то время.

– Ты не поверишь… – начал объяснять Влад. – Понимаешь, я случайно попал в другой мир – мир чародеев и, видимо, что-то не так сделал или что-то не то увидел. Как вся моя семья перепугалась!

– Да ну?

– Оказывается, есть ещё и чёрные маги, вот они и гоняются за мной. Почему? Что я такого сделал?

– Не волнуйся, последний месяц лета проведёшь здесь. У нас безопасно и никто тебя не найдёт.

Появился слуга, который пригласил мальчишек на обед. Стол уже был накрыт полностью. Влад с опаской посмотрел на палочки, которые были положены на специальные подставочки. Перед отъездом в Японию Влад учился брать палочками еду, но у него не всё получалось. Он быстро окинул взглядом стол и с облегчением вздохнул: перед ним стояла тарелка с нанизанной на шпажку курицей, пожаренной на гриле, а супа не было. Только суп он боялся есть палочками. Бабушка рассказывала, что суп просто можно выпить, после того как съешь мясо и овощи, но всё это как-то необычно. На другой тарелочке темпура – морепродукты и овощи, обжаренные во фритюре. Среди них он разглядел картофель, сладкий перец, лук, бамбук и креветки. Тарелки необычные – вытянутые лодочкой. Разнообразные маринады и соленья располагались слева – тоже в маленьких специальных розеточках. Бабушка рассказывала: «Японцы любят красоту, тем более на столе, и поэтому выставляют все блюда сразу. Можно выбрать понравившиеся. Только чай наливают сами в пиалы». Отдельно на тарелке лежала салфетка. «Использовать её для чего бы то ни было, кроме рук, крайне неприлично, особенно вытирать лицо, – вновь вспомнил он слова бабушки. – Использовав её, тщательно сложи и положи обратно на подставку, на которой она лежала». За столом Реид расспрашивал Тэмико, как она провела время, рассказал о том, что его пригласили в Лондон строить мост. Время от времени он хвалил блюда, которые ел. Акио толкнул Влада локтем и прошептал:

– Похвали еду, а то мама подумает, что тебе не нравится.

– Тэмико-сан, как вы прекрасно приготовили курицу на гриле! У нас так не готовят, да и таких вкусных овощей я ещё никогда не ел!

Тэмико мило улыбнулась и ответила:

– Мы готовим только на гриле. Попробуй суши. Не бойся, там рыба сырая, но это и прекрасно. Свежие морепро-

дукты содержат много витаминов, и это залог молодости и долголетия.

После обеда все поблагодарили Тэмико и мальчишки помчались в сад поиграть. Был прекрасный летний день: дул приятный ветерок, в воздухе витал запах травы и морской воды, хотя море было далеко. Ну, может, Владу так казалось, так как Акио этого не чувствовал. Жизнь в «Коралловой бухте» у Акио была совершенно иной, нежели в виноградной долине у Влада. Бабушка Влада любила порядок и чистоту, но все её действия были несравнимы с тем, как ревностно к порядку и чистоте относилось семейство Акио. Не дай бог что-то положить не на своё место – моментально слуга Мио-кю, или сокращённо Мио, тут же всё исправит. В доме была идеальная чистота. Тэмико и слуги каждый день что-то протирали и пылесосили.

Акио жил по определённым правилам, и нарушать их категорически запрещалось. Захотелось погулять – спроси разрешения у старших, купаться в бассейне – только по расписанию. Родители Акио обращалась с Владом как с малышом. Его постоянно опекали и не отпускали одного не только за ворота, но даже в сад. Тэмико каждый день выдавала чистое бельё: носки, рубашку, шорты. В комнате они ходили в белых носочках – таби, тапочки никто не носил. И только возле ванны и туалета стояли специальные тапочки, которые необходимо было надевать, заходя в эти помещения. Влад старался поддерживать традиции этой страны. Пищу он уже брал, как заправский японец, палочками, а вот суп ел только ложкой. У Акио был чёткий распорядок дня, с приездом Влада его не изменили. Каждое утро водные процедуры: плавание в бассейне, затем завтрак, маленький отдых и занятие в спортзале с Dan-Dais (Сэнсэй-ниндзя) – обучение приёмам рукопашного боя. Вот это жизнь! И Влад тоже стал заниматься вместе с другом. Скучать не приходилось. После занятий снова

бассейн, и в оставшиеся полчаса перед обедом разрешалось позагорать. Потом работа в маминой теплице, затем библиотека – чтение старинных книг и рукописей. Только под вечер в комнате Акио друзья чувствовали себя свободно, и можно было заниматься своими делами.

В этот раз Акио решил показать местные достопримечательности. Они пошли к Исчезающей бухте.

– Исчезающая бухта? – удивился Влад.

– Да. По вечерам вода уходит, тогда на дне можно найти столько интересного! Один раз я даже поймал водяного дракончика, – хвастался Акио другу.

– Да ты что?! И где он?

– Мама велела отпустить. Сказала, если его мать прилетит, то всем несдобровать.

– Жаль. Я ещё ни разу не видел живого дракона, – вздохнул Влад.

Друзья бежали к морю. Погода была пасмурная, но они надеялись, что успеют до дождя посмотреть на бушующее море. Они мчались на другой конец острова, в бухту с отвесными скалами, туда, где гонимые шквалом волны с пенистыми гребнями свободно добегали до берега и шумно ударялись о скалы.

– И вообще, с этой стороны острова море очень агрессивное, не то, что в нашей Тихой заводи, – информировал друга Акио.

Они были уже недалеко от утёса, за которым раскинулось море, когда послышался осторожный, ещё не совсем уверенный гром. Через минуту небо потемнело, нахмурилось, подул ветер. Он разметал листья, закрутил в воронку пыль и погнал её по дороге.

– Бежим быстрее! – прокричал Акио.

Вот и бухта. Тяжёлые раскаты грома доносились уже со стороны бушующего моря. Свинцовые тучи, клубясь, нависли над ним, а морские волны одна за другой с роко-

том бились о прибрежные утёсы и скалы, оглушая небо. Сверкнула молния. Она пронзила небо яркой извилиной и скрылась в клокочущем море. Удивительная мощь и красота морских волн так захватывали дух, что Влад запрыгал на месте и громко закричал, стараясь пересилить шум моря, буквально захлебываясь от охватившего его бурного восторга. Картина была завораживающая. Небо и море слились в единое целое. Ударяясь о рифлёную громаду скал, волны с гулким шумом разлетались пенными брызгами и широким потоком скатывались с каменных гладких поверхностей, а навстречу налетали уже следующие, ещё более высокие, со всей силы ударяясь о скалы. Каждую новую волну мальчишки встречали неистовым криком, протяжным воем и старались прыгнуть как можно выше. На мелководье, где стояли ребята, волны из-за волнорезов только лизали кромку берега, отступая назад белыми барашками. Ветер крепчал. Волнорезы уже не в силах были задержать волны, и они, преодолевая барьер, накатывались на берег всё дальше и дальше, с шумом обрушиваясь, разбивались на мириады брызг, покрывая весь берег пеной. С каждой набегающей волной ребятам приходилось отступать, чтобы не намочить ноги. Ветер усиливался, и вот уже вблизи линии берега вырастают высокие волны с белыми гребнями – бурунами. Они с грохотом опрокидываются на берег, выбрасывая на него потоки воды с обильной пеной, и откатываясь, оставляют за собой камни и предметы, поднятые со дна.

– Сейчас пойдет дождь! – прокричал Акио. – Нужно возвращаться! Мама будет волноваться!

Влад кивнул. Неожиданно его внимание привлек овальный предмет, едва различимый в белой пене. Мальчик шагнул вперед, наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что это такое?

– Влад, опасно! – в страхе закричал Акио, но было поздно.

Очередная волна накрыла друга с головой. Акио помчался ему на помощь.

Следующая волна опрокинула Влада и потащила в море. Мальчика кидало из стороны в сторону, не давая возможности встать и выйти на берег. Скорость волн увеличивалась с каждой минутой. Влад уже наглотался воды, ему нечем было дышать. Рядом мелькнула голова друга, и его волна уже тащила на глубину. Всё же Акио сумел схватить Влада за рубашку и попытался плыть с ним к берегу. Но куда там десятилетним мальчишкам справиться с разбушевавшимся морем! Течением их тянуло к скалам и к подводным рифам. Крутой каменистый берег, усеянный гранитными валунами и остроконечными выступами, срывался в бурлящую пену прибоя. Пронизывающий ветер постепенно переходил в шквал. Противостоять волне было невозможно. Берег с устрашающей быстротой удалялся от ребят.

– Хватайся за меня! – кричал Акио, стараясь пересилить шум разбушевавшегося моря. – Мы можем разбиться о скалы и утонуть!

– Не могу, пальцы не разжимаются! Судорогой свело! – услышал он в ответ.

Мальчик больно ударился о подводные камни, и его закружило в водовороте.

Дальнейшее Влад помнил очень смутно. Его бросало по каменистым подводным рифам, как пушинку. В голове промелькнуло: «Всё. Я погиб». Противостоять морю он уже не мог…

Как они спаслись, он узнал из рассказа друга.

Акио был в полном сознании, когда кто-то подтащил их к берегу. Он молниеносно откатился от воды и вскочил на ноги. Затем быстро, пока очередная волна не утащила безжизненное тело друга, схватил его и поволок подальше от воды. Влад не подавал признаков жизни, так и лежал

со скрюченными руками. Акио ударил его по щекам, стал трясти, но Влад не реагировал.

– Влад, очнись! – закричал Акио. – Зачем я потащил тебя в эту бухту! Я во всем виноват! – плакал он и тормошил друга, голова которого беспомощно болталась из стороны в сторону.

Рыдая, Акио с силой ударил его по груди и – о… чудо! Влад пошевелился, закашлялся. Акио перевернул его на живот и стал стучать ладошкой по спине, чтобы вышла вода из легких.

– Ну, дружище, – вытирая мокрые глаза, сказал Акио,– как ты меня напугал. Я думал, что ты умер.

– Не дождёшься, – кисло улыбнулся Влад. Акио помог ему подняться.

– Если бы не ты, меня, возможно, уже не было бы в живых, – благодарно добавил Влад.

– Нет, это нас Нингё спасли. Я тут ни при чём. Если бы не они, катало бы нас по этим рифам, пока мы не превратились бы в песок.

– Кто такие Нингё?

– По-вашему это русалки.

По листьям ударили первые крупные капли дождя, но друзья уже бежали к дому.

Молоденькие деревца гнулись до самой земли – ветер показывал власть над ними. Раскат грома – и через мгновение сверкнула молния. Вот и сухое дерево-исполин. Ещё один раскат – и молния ударила в землю совсем недалеко. Когда идёт гроза, не знаешь, чего от неё ждать. Бах! Молния попала в исполинское дерево. Сколько веков это дерево переживало такие грозы! Но сейчас оно не выдержало и прямо на глазах друзей вспыхнуло и превратилось в горящий факел. Испуганный Акио, закричал:

– Это дерево священное, нельзя, чтобы оно погибло! Его нужно спасти!

Но не успел он что-либо предпринять, как на землю обрушилась стена воды, среди дня наступили сумерки. Дождь потушил огонь, объявший священное дерево, и оно, обгоревшее и уродливое, гордо стояло под дождём.

– Бежим быстрей! – очнувшись, прокричал Акио, и они припустили к дому.

В серой пелене стволы деревьев были едва различимы, одна за другой налетали пронзительные стрелы-молнии, от которых мальчишкам приходилось прыгать из стороны в сторону. Вот и дом. Мокрая компания заскочила под навес и, сняв обувь, поставила сандалии носками наружу на специальную приступочку-гэнкан, и замешкалась, не зная, что делать дальше. Вода ручьями стекала с одежды и волос. Вышла Тэмико.

– И чего это ради вы пошли гулять на побережье перед грозой? – строго спросила она.

– Я хотел посмотреть на бушующее море, – ответил Влад. – Акио отговаривал меня.

Тэмико вздохнула и подала им полотенца обтереться.

– Ну, хорошо, всё потом объясните, а сейчас марш в баню греться, а не то заболеете.

Влад давно понял, что Япония – страна, которая гордится вековыми ритуалами и бережно их сохраняет. И мама Акио свято им следовала. Дома Влад ходил со взрослыми в парилку, но в Японии баня была устроена совсем по-другому. Сначала ребята сели на низкие скамеечки, приняли душ с мочалкой и мылом, затем Мио помог им сесть в фурако, специальную бочку с теплой водой, и строго следил, чтобы линия сердца обязательно находилась над поверхностью воды. Это нужно было для того, чтобы температурный режим организма был сбалансирован. И только после того, как они привыкли к такой воде, ребятам разрешили перейти в более горячую воду, погрузиться по шею и блаженствовать, распаривая тело до малиновой красноты.

Слуга надел им на головы влажные шапочки. Завершился банный ритуал отдыхом на кушетках. Раскрасневшиеся друзья в легких халатах сели к столу. Слуга налил им горячего зелёного чая.

– Давай завтра сходим к морю. Оно уже успокоится, и посмотрим, как там.

– Я согласен, – зевая, ответил Акио. После бури можно найти много интересных вещей. Сейчас пойдем спать. Они вытащили из специальной ниши – оси-ирэфутоны (матрасы, наполненные прессованным хлопком), разложили на полу и улеглись на них.

– Акио, почему ты дерево назвал священным? Ведь это просто сухое дерево.

– Ты что? Так нельзя говорить. Дерево может обидеться.

– Но оно не живое. У нас сухие деревья вырубают.

– Так это у вас. Мы почитаем деревья и их возраст. Ты видел какой у него ствол? Сколько корней? Это вековое дерево. Много повидавшее на свете и мудрое. Я прихожу к нему и рассказываю о себе, и оно мне помогает. Всегда после беседы с ним я нахожу правильное решение. А ты видел, что дух дерева – Ко-дама – помог ему не погибнуть. Только самая верхушка подгорела, а дерево выжило. Знаешь, если бы дерево было мертвое, то и ко-дама был мертв и не смог бы ему помочь. А теперь давай все же спать.

– Утра вечера мудрёнее, – засыпая подумал Влад. Жизнь в Японии ему определенно нравилась.

Евгения Палетте

Россия, Гатчина

Евгения Валентиновна родилась в городе Владивостоке в семье флотского офицера. В 1946 году маленьким ребёнком приехала в Кёнисберг, куда был направлен отец для дальнейшего прохождения службы. Вся жизнь прошла в этом городе, за исключением нескольких лет, когда уезжала учиться. И потом сорок лет служила в «Скорой». Работала сутками через двое, иногда трое. Стало быть, было время писать.

Писать начала рано, в девятом классе средней школы. Сначала это были стихи, о которых сейчас говорят, что они хороши. И это, заметьте, говорят пишущие люди, что очень редко бывает… У автора есть две книжки стихов, изданных в Калининграде. Но сама она всегда была влюблена в прозу. Нравились её возможности – палитра, разноплановость, ритм, бесконечные возможности слова, особенно если использовать сюр, что даёт фантастическое

удовольствие. Сейчас автор много времени отдает прозе, но иногда пишет и стихи. Сейчас работает над романом «Сюзерен».

Среди изданных книг – повесть о депортации немецкого населения из Кёнигсберга (о дружбе двух замечательных детей, которым пришлось расстаться). Уехавший мальчик стал известным художником, в 2000 году он приезжал в Калининград. И Евгения Палетте организовывала его выставку в Stadt Halle.

Вышел в свет роман «Квадрат» (об ответственности каждого человека за то, что он делает в этой жизни, на примере Латвии в 1939 и 1940 гг.) Расстановка сил, ситуация, в которой оказались прибалтийские республики, давние соседи, с одного двора, – полковник Советской армии Руппс и его приятель – легионер фашистского легиона в Латвии. Издан и роман «Интрига». Место действия – Германия и Россия. Автор романа, как и его герой, убеждены, что ничего «такого страшного» в этом городе (Берлине) не будет, потому что здесь – территория любви, освященная чувствами и верностью им, этим чувствам, главных героев.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОЭМЫ «КАРНАВАЛ»

Весёлый день. Начало всех начал.
Всего, чего от мира не бывало.
Ни в мыслях, ни во сне, ни в глубине зеркал,
где дух живёт «ОТ» и «ДО» карнавала.
С самим собой, печалясь и смеясь,
ища в себе восторг и вдохновенье,
он в зеркале своём, развеселясь,
вознесся, как во вдруг Освобожденье.

Он был волной, коснувшейся небес,
танцующим среди песков верблюдом.
Летал на гору. Окунался в лес,
надеясь повстречаться с Робин Гудом.
Он был звездой, плывущей по воде
без сожаленья и без укоризны.
Был стрекозой, летящей па-де-де,
поднявшимся над всем в начале жизни.
Был карнавальной трапезой, питьём.
И музыкой освобожденных ритмов.
Он был Красоткой. И Весёлый Гном
влюбился навсегда. Без алгоритмов
не зная, что он – Дух, что никогда
никем другим он для него не станет.
И долго-долго будет течь вода,
пока, быть может, он его вспомянет.
Вселенский Дух. В нём дышит всё и вся.
И в глубине родного зазеркалья
он, неизбежно жребий свой неся,
хранит сосуд с Вселенскою Печалью.
Затем, чтобы в надёжной глубине
хранилось бы не ставшее забвеньем.
И тонкий флёр былого где-то вне
скользнул по радости непреходящей тенью…

2

– Привет, друзья! Великий день настал, –
проговорил мышиный предводитель.
Он – живописен. Не велик, не мал.
Манер и чувств изящных повелитель.
Усы – вразлёт. И шляпа – набекрень.
Жест правой лапкой, требующей слова:
– Нам всем не нравится над нами эта тень, –

сказал, взглянув куда-то вверх, сурово.
– Да. Нам не нравится, – сказал он снова, вдруг, –
и темнота, и наглость полной ложкой
и – непобедный, но коварный Дух.
И это – первый враг наш после кошки…
Раздался смех, и в тишине густой,
не дав её сомнению ни шанса,
и, вопреки искусству конферанса,
раздался голос ясный и простой:
– Не нравится – так убедите всех,
что вы сильнее… И – повальный смех
распространился вширь на чердаке.
И – будто дрогнул замок на песке…
Но замка не было. Зато под самой крышей,
тесня друг друга, сплошь стояли мыши.
Их карнавальный вид – пастух, солдат,
кузнец в защитном фартуке и шлеме,
и – женщина, чей муж и сын, и брат
плечом к плечу стояли между всеми…
И, будто нет пространства, нет пути
иного им, как только враз и вместе
идти вперёд… идти, идти, идти
к большой победе мужества и чести.
И был момент, когда в какой-то миг
игра переместилась вдруг в реальность.
И темнота, сорвавшаяся в крик,
нарушила немую театральность.
И виделось одно – пастух, солдат,
кузнец в защитном фартуке и шлеме,
и – женщина, чей муж и сын, и брат
плечом к плечу стояли в ряд со всеми…

3. ОДУВАНЧИКОВЫЙ ЛУГ
(диптих)

Жёлтый Север, жёлтый Юг.
Всюду – Солнечная Нега.
Одуванчиковый Луг,
окунусь в тебя с разбега –
в твой прохладный ветерок,
струй его чистейших звуки,
где любимый лепесток
увядает от разлуки.
И восторженный Зенит
двуединых душ навстречу
засветится, зазвенит
главной правдой человечьей –
никакой враждебный дух,
ни влиянье, если шире,
не разделят души двух,
что едины в этом мире –
ты и я, сердечный друг,
Одуванчиковый Луг.

Восторженно и каждый раз, как снова,
из непредвосхищённой новизны
гляжу на одуванчики – ни слова,
ни звука из безмолвной желтизны.
Весенний ветерок, как пунш, игристый,
и ожиданья трепет молодой,
открытый взор, призывно-золотистый…
И – мир вокруг, наивный и простой.
Простой в желаньях, радости, надежде
продлить часы, когда зловещий пух
отменит жизнь, короткую, как нежность

перед разлукой. И нетленный дух
возьмёт её к себе, чтобы однажды
она пришла в языческой мольбе,
христианской или варварской – не важно.
И тем продлила жизнь твою в себе.
Долины Аттики за римскими холмами,
средневековый замковый лужок,
и – папский выезд жёлтыми полями –
везде ещё не отданный должок
природе, жизни, радостной и трудной,
восторженной – поди, останови!
И – неисповедально безрассудной,
когда вопрос касается любви.
Гляжу в цветы – Великая Безбрежность.
И – щедрость всем, кто рядом – в дождь и зной.
И – эта нерастраченная нежность,
которая витает надо мной…

4

Благословенны дни, в которых есть простор,
где маленькие сны ушли в свои границы,
и ветер бытия, неслышный до сих пор,
вдруг прилетит, как будто возвратится.
Давно забытый мир, забытые слова,
и обещаний разноликих заметь,
и – неизбывность дней, как влажные дрова,
сквозь огонёк в дыму высвечивает память.
Порывистый норд-ост откроет настежь дверь,
и опрокинет всё, что обрела минута,
раздвинет День и Ночь – безвременью поверь –
и беспредельность вдруг откроется кому-то.
Там, в глубине веков, сегодня и вчера,
в сиянии лучей священного Грааля,

наполненный сосуд, интрига и игра,
жизнь сберегает на гранитном пьедестале.
И, кто бы ни пришёл из немощи своей
за жизнью молодой, невыстраданной, новой,
никто не разыскал ни окон, ни дверей,
где прячет её вечность, страж суровый.
В неведомом краю она её хранит.
И каждый новый день встает над миром бренным,
пока стоит гранит, пока покой царит,
и дышит им сосуд всегда и неизменно.
Не залетит норд-ост, не пролетит стрела.
На страже Вечность, чтобы жизнь жила…

5

За домом – лес. За лесом – поле.
Душистость трав, шмелиный лёт.
И метрах в ста за всем – не боле –
готовый к взлёту звездолёт.
Решительно, нетерпеливо,
или – не очень. Как – кому…
Кто – не боясь, кто боязливо
торопится народ к нему.

И всё непонятней – меж ним и меж нами –
Зачем? Почему? Камнепад ли? Цунами?
Снаряд, начинённый вселенским враньём,
летит над Землей? Иль – мешок с вороньём?
А воздух тяжел, как слоёный пирог.
И – всё тяжелее – прослойка к прослойке –
нервозность, неведенье, морок и стойкий
вопрос в неизвестность, и – страх между строк.
Охрипшие люди. Охрипшая рация.
Охрипшая эвакуация…

– Спокойно. Оставьте корзину… Куда?
– Не больше поклажи ручной, – голосило.
– Не стойте с ребенком! С ребенком – туда!
Спокойно, гражданка. В спокойствии – сила…
Собаку оставить. Останется здесь.
Есть вещи, с чем мы иногда расстаёмся…
– Но вы же сказали, что мы не вернёмся…
– И всё же придётся оставить, как есть…
Как тысячу лет, как вчера ещё было…
– Не тратьте мгновенья. В мгновении – сила…

Не тороплюсь бежать, ни догонять, ни верить
И не переступать того, на чем стою.
Моя душа – как Сфинкс – ни лгать, ни лицемерить
не может. В ней себя я узнаю.
Далёкий камнепад, ревущее цунами.
Из века в век – судьбы пристрастный беспредел.
И каждая стрела, что пущена меж нами,
уходит никуда. Таков её удел.

Не тороплюсь внимать. Безмолвно, как патриций,
смотрю на суету, постигшую народ.
И в этой суете недремлющих традиций
не тороплюсь идти за всеми в звездолёт.
А кто-то – про миры, свободные от брани.
А кто-то – про звезду, где не заходит свет,
где нет ночей и дней, ни поздни и ни рани,
и бесконечных дум о дне грядущем нет.
А кто-то, торопясь, забыл свою поклажу,
и просит передать тому, кому вручу.
– Осталось пять минут. И – даже меньше. Даже…
Скорее, торопись! Но знаю – НЕ ХОЧУ…

6

– Ты здесь? Не торопись. Откуда и куда
несёшь в себе опять свои заботы?
Бесплотен образ твой. Ни звука, ни следа,
ни тени, ни огня… Хотя я знаю, кто ты…
Знакомый дождь в безмолвной тишине,
когда, казалось, мир на время замер.
Без соглядатаев, без света и без камер –
как перед исповедью, я – тебе, ты – мне.
– О чем ты? – Не поверишь, о воде…
И в самом деле – дождь. О чем же боле?
Прохладных струй прикосновенья где,
там нет ни сожаления, ни боли.
И нелюбовь коснулась не лица,
но сердца, будто полного обиды.
И монолог дождя, без пауз и конца,
незримо уведёт в безмолвье Атлантиды.
В животворящий мир воды и водных струй.
Коль выучил урок, не заплывай за буй,
спасительный рубеж и сердца и ума,
и неизменный пункт – источник непокоя.
Настойчивая мысль, что это – жизнь сама
определила путь себя увидеть – кто я.
И будут в тишине ступать года,
и трепетнёт душа, хоть всякий раз напрасно,
пока её Высокая Вода
не позовет за буй неистово и властно…

7

Всё станет на свои места,
лишь здравой мысли перст железный
сомкнёт смешно и бесполезно
тебя зовущие уста.

Всё станет на свои места.
И будет тем, чем было прежде, –
рояль бесстрастен и тосклив.
Будильник слишком суетлив,
И старый дог в большой надежде,
что станет мир не так болтлив…
Забьётся в угол пустота
среди шипов воспоминаний.
И вздрогнет, как напоминанье –
звонка глухая немота…
И мысль трудна, хоть и проста –
всё станет на свои места…

8. БАЛТИЙСК

Разбитый бот у самой у воды.
звук тишины и – острый вкус Победы.
И в улице – последние следы
ушедших навсегда в иные беды.
Всё видевшие травы-васильки.
И – заросли былого – ежевика.
Дыханье волн и – синь из-под руки,
в которой лица, образы и лики.
Здесь жизнь, вернувшись, вновь своё брала.
И не хотела ждать, и торопила,
и за собой в другую даль звала
на языке, которым говорила.
И были в нем нездешние слова,
хоть слово «мир» употреблялось всеми.
И старая, унылая вдова,
Европа, вновь почесывала темя.
Она была тогда уже больна
бессмысленно… Но нет, не перестанет.

И новая когда-нибудь война
единственной её молитвой станет.
Но мир пришёл. И будто – навсегда.
Взрывались мины, очищая море.
И всё, что скрыла тёмная вода,
вдруг поднялось над синью акваторий.
И медленно, шаг в шаг, за годом – год,
высвобождая жизнь в большом и малом,
откатывалось от её ворот
по длинной улице, к морскому терминалу.

9

Коричневый портфель, цигейковая шуба.
И варежки – резинки в рукавах.
И торопливый шаг. И в трёх шагах от дуба –
заминка. Ворон взмыл, всё вовлекая в мах…
И – долгий, долгий взгляд туда, в воронье небо,
чтоб оценить, какие там дела, –
где ворон пролетел, а где, похоже, не был,
но вот дорога в школу увела.
С тех пор то на дворе, то на заборе,
на лавочке у школьных, у ворот,
он поджидал меня. И, будто вторя
внезапной радости своей, летел вперёд.
Летел вперёд, красиво вскинув крылья.
Летел вперёд, как будто знал, куда.
И пирожком, обыденною былью,
мой друг не соблазнялся никогда.
Он улетал и снова возвращался.
И, возвратившись, каждый раз опять
стремился вверх, как будто собирался
однажды научить меня летать.
И я летала, поднимаясь к ветру,

как Буревестник, восхищаясь им.
И на последнем, дальнем километре
вновь возвращалась в детство за своим…
И, не найдя сегодня друга боле,
храня в себе восторженный завет,
благословляю башенку на Первой Школе,
которой выше и прекрасней нет…

10

Матросский парк. И птицы в небе – строем.
И танцплощадки струганая стать.
И «Рио-Рита», возвратясь из боя,
вновь продолжает мирно танцевать.
Танцует старомодно и свободно –
фокстрот не изменился за войну.
И синих форменок прибой холодный
теплеет за минуту за одну.
И с истовостью уцелевшей жизни,
оплаченной бессмертием наград,
без сожаленья и без укоризны
здесь каждый каждому друг другу рад.
Гляжу по малолетству сквозь ограду
на праздник, уходящий в облака.
Он – в каждом. Он – во всём. Он – всем награда.
И понимаю – это на века.
И понимаю восхищенность взглядов,
девчоночье смущенье и порыв,
и интерес – совсем не для парадов –
и «Рио-Риты» чувственный прорыв.
И старшина, предвосхитив румянец,
порукой в том – наградная броня,
шагнул вперёд и пригласил на танец
девочку, ПОХОЖУЮ НА МЕНЯ…

11

От самого от сотворенья мира,
когда Земля ничьей была.
Когда Божественная Лира
не пела песен, так мала
была потребность в том. И бранно-
недобрым был и луг, и лес.
И всеспасительная манна
нигде не падала с небес,
я уже был… Мотыжил землю,
лелеял, холил, корчевал
И, состраданию не внемля,
зверью глумиться не давал.
Я уже был. И пил я воду
всегда из своего ручья.
И слово сладкое «Свобода»
тогда ещё не слышал я,
пока единожды верхами,
пришел один, подмяв жнивьё.
И пролетело между нами,
как взорвалось: «Здесь всё – моё!»…
Мои – земля, леса и горы,
ты сам, и твой крестьянский дом,
дрова в лесу, и лисьи норы,
эфир, Гоморра и Содом…
Моё – и право первой ночи,
очарованье первых слёз,
и – вниз опущенные очи,
и – даже твой дворовый пёс…
Он говорил опять и снова.
И слышит мир из века в век –
«МОЁ!» Осталось только слово
свободным – слово «ЧЕЛОВЕК»…

12

Умолкнет телефон в полночном изголовье.
И в нижнем этаже закроется окно.
И многотрудный день, вздыхая по-воловьи,
уйдет в небытие, где тихо и темно.
Останутся слова, абзацы, фразы, строки,
раздумий фейерверк, знакомый окоём.
Любви и нелюбви воздушные потоки.
и вспышки их в ночи, как днём.
И запоет Земля вполголоса, в полслова
о Солнце, о Дожде, о радости – живи!
О хлебе пополам… Ей отдавать – не ново.
И – шёпотом для всех, о празднике Любви.
И необъятна ночь, и высоко дыханье.
И понимаешь жизнь, в ней главное и – не…
Благословенна Ночь, прозренье Мирозданья,
и – тихая звезда в окне.
И – нежный, синий свет, и тайна – око в око.
И – заповедных чувств настойчивый призыв.
И – тихие слова о близком и далёком,
понятном и большом, которым каждый жив.
И времени движок жужжит неторопливо,
и нервом бьётся жизнь, что не увидишь днём.
Благословенна ночь, где можно быть счастливым.
И – эта тишина. И – комната с окном.
Пока крикливый день, взорвавшись, не проснулся.
Пока не вспомнил он про бранные дела.
Пока не понял мир, что он перевернулся.
Пока, исчезнув, жизнь из мира не ушла…

13

Листья. Листья везде – на земле и на крыше,
голых осенних ветвях, где безвременье тихо забилось

в прошлых веках, и сегодняшнем утре, и – выше –
в сером пространстве, и ярком моём представленье,
там, где сознанье хранит и протест, и смиренье,
и – конформистский недуг – полуповиновенье.
Листья – полночная жажда, восторг и желанье,
жёлто-зелёный манок, полужухлый, вон там, у бордюра.
И – неподвластные блики разочарованья,
что заглушают любые оттенки гламура.
И возвращают к другой, уже утренней, жажде,
вспомнившей вдруг про своё назначенье однажды.
Листья – свидетели всех человечьих обид и трагедий,
и всех моих восхитивших когда-то оваций.
И потому осторожно ступаю по празднику меди
от светло-жёлтых до чёрных оттенков сенсаций.
Тихо ступаю по чьей-то судьбе, по уснувшему счастью,
будто однажды оно своё имя забыло,
что б не будить, не тревожить чужого ненастья.
И своего ненароком, которое было…

14

Проснётся день, таинственный и новый.
В нём – облака к Востоку, как вчера.
И отблеск ночи, жёлтый и лиловый –
в сознанье, как Вселенская Дыра.
Она крадёт, крадёт в ночи у мира
всё, чем он жив – реке ли обмелеть –
что создала Любви Бессмертной Лира
за тем одним, чтобы не умереть…
Она крадёт тепло и состраданье,
и у души её саму крадёт.
И непослушной пастве в назиданье
грозит всеотлученьем наперёд.
И с каждым днем дыра всё шире, шире,

а в мире – всё темней и холодней.
И формула, что дважды два – четыре,
сомненьям подвергается, а в ней –
вся будущность и продолженье мира.
Другого нет и не было пути.
Но в сотворении себе кумира –
тельца златого – мира не найти.
Мешают вехи жизненного кода,
и тех, других, молящие глаза.
И – эта данность – продолженье рода,
извечной жизни вечная слеза…
Взгляни на небо в середине ночи –
там тишь и безмятежность до утра.
Но между звёздами, как между строчек, –
огромная Вселенская Дыра…
В ней – человечьи тайные желанья –
о хлебе, о приязни, о добре.
С родными лицами нерасставанье,
и о тепле от печки в декабре…

15

Последнее слово – ещё не прощание. Рядом –
то справа, то слева команды звучат и слова.
С любимой прощанье потом – отшвартованным взглядом,
пока ни размоет границу Земли синева.
Последний привет – не прощанье, ещё не прощанье.
С Землею прощаются вскинутым взмахом руки,
пока различает Земля этот взмах с расстоянья,
в котором есть точка, и где-то на ней – моряки.
Последняя почта уже за кормой, между нами…
Над морем нависли гудки, да солёный туман.
Корабль с кораблём расстается густыми гудками.
И долго качает прощальный привет океан…

16

Проплывает за бортом последний груз.
Скоро, скоро уходим домой, в Союз.
Приумолкла волна. Стережёт рассвет.
Голубынь-глубина, бледно-лунный свет.
А пока – только звёзды как светляки.
И за лунной дорогой зовут гудки.
И смеются дельфины, разинув рот.
Праздник нынче на промысле – Новый Год.
Мы от дома отстали на семь часов.
И придется опять «не смочить усов».
И, наверно, ещё много раз подряд
обойдёт, не найдёт Новый Год ребят…
За спиною – Атлантика, шалый вал.
Да и он позабыл о нас, и отстал.
Но уходит, уходит! Последний груз…
Наконец-то,
на Север! Домой! В Союз!

17

За мною по пятам я-тень. От дома к дому –
шуршащий отзвук шин, как воинский разъезд.
Мне всё равно – куда, к тому или другому.
И вскакиваю вмиг в случившийся подъезд.
И нет меня уже ни в улице, ни в доме.
Я – в вечности. Гудит гигантская толпа.
И требует на суд, всех возражений кроме,
какого-то во всём виновного клопа.
И нет среди людей, кого б он ни обидел.
От самых от начал. От сотворенья дней.
Все слышали о нём, хотя никто не видел.
И оттого желанье сумрачней и злей.
То посмеялся Бес, то Щучий Бог, то годы

подменят время, сходное едва.
И двинется народ в неверие. Народы!
Крепясь не показать кулак из рукава…
И всякий раз, когда в Египте или Риме
вдруг воспалялась предпротестная тропа,
взметались люди при любом «прижиме»
искать в обмане тайного клопа.
То – Герцог, то – Король, во время оно…
То – самозванец-плебс, то крот-функционер,
всё было, как всегда… Но, что б – «КОРОНА»,
венчающая праздники химер…
Похоже, прагматизму всех милей –
могущественный скептик «ВОДОЛЕЙ»!

18. ПИСЬМО ДОБРОВОЛЬЦА ВОЙНЫ МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ СВОЕМУ ДРУГУ…

Через час я уйду. Добровольцем в четыре утра.
На Медовое поле. У станции. За переправой.
Под ногой августовски тяжёлые травы
упадут. Жеребёнок заржёт у костра
где-то там, по дороге на Милфорд. Быть может,
в одну сторону будет дорога. Пусть так.
Жизнь прекрасна. И всё же,
без свободы не стоит она и пятак.
Даже медный пятак… От Степана
слышал дед мой под Нью-Орлеаном
про пятак и свободу… Рязанский Степан,
крепостной, тоже дрался за Нью-Орлеан
вместе с дедом. И в каждом бою
бился и за свободу свою…
Англичан, будто стылых ворон,

истреблял он… посланцев корон
разноликих. В краю, где кроны забыты,
потому что на всех языках и наречьях – ярмо…
Дед был ранен, когда из укрытья, взглянув на убитых,
этот русский сказал, что не смеет никто
обращаться с людьми, как дерьмо…
Нет, не смеет никто, как дерьмо…
И потом дед всегда повторял слово в слово,
добавляя к тому – «Это я говорю, старый Билл,
что не смеет никто на Земле, черт возьми,
как дерьмо, обращаться с людьми!»

19. ФРАГМЕНТЫ ИЗ СТИХОТВОРНОЙ ПОВЕСТИ «ДОРОГА БЕЗ КОНЦА»
(о победе князя Александра Невского на Чудском озере)

Снега закатно жёлты и красны.
Конь то и дело рвёт вперёд поводья.
Вчера – мороз. Сегодня – половодье,
плывущее по краешку весны…
Чьи это в день плывущие снега,
а ночью, под копытом – треск морозный?
Зимы? Весны? Чей этот синий звёздный
простор, вдруг разомкнувший берега, –
Зимы? Весны? Победы? Пораженья?
Кому-то к радости. Себе – к беде.
Спаси и сохрани от униженья –
сказал ли князь, услышал? По воде
шли люди вдаль. Навстречу из заката
церквушка выплыла. Откуда-то, Бог весть, –
сорока. Стрекотнула, и куда-то
вдаль понесла свою добычу-весть

над лесом тёмно-синим да лиловым.
Вперед. Не захватило б вороньё.
Не тронули бы весть недобрым словом.
Но, шапки сняв, уж слушали её.
Кто – обернувшись, кто – вполоборота
туда, где звук. И каждый, всех не счесть,
узнал его. Звук, слышанный без счёта,
звук, поглотивший вдруг сорочью весть,
звук-благовест. Над лесом, над закатом
плыл он, весны невидимый гонец,
дня двадцать пятого… – Медведь встаёт, ребята, –
вдруг пролетело в март. – Зиме конец!
– Медведь, медведь, – зашевелилось снова.
– Быть немцу биту, – мчалось по рядам, –
коль мишка встал. И не было у слова
конца – лишь перепляс по всем ладам.
Лишь – пересмех, да переглял, да шутка –
Уж обомнёт медведь ему бока.
Намнёт уже… а дальше – прибаутка,
что б не ходил за тем издалека.
Да помнил от восхода до заката.
А там опять – пока придёт восход,
что на Руси любого супостата
отворотят от самых от ворот
своих. Шёл Благовест по следу
за ночью. Ночи было не до сна.
Всего лишь отзвук – а уже Победа!
Всего лишь половодье, а – Весна!

20

Говорят в ночи подковы.
Кони сытые – в разлёт.
На Узмени старой – новый

зазвенел озёрный лёд.
Гул и топот. Гул и топот.
Ветер, бурю не свищи.
Слышишь, слышишь хищный клёкот.
Видишь – белые плащи
Скачут – свист над головою –
по греховные дела.
Их, гляди, опять к разбою
путь-дорожка привела.
Завила метель дорогу.
Замела метель следы.
Уж не дьявол ли в подмогу
ей, предвестнице беды.
И о чем-то снова, снова
меж копыт и звон, и спор.
Разговор ведут подковы,
бесконечный разговор.

21

Снег метёт. Звенит дорога.
В слово прячутся следы.
– МЕТИТ снег… В Руси до Бога
дальше. Ближе до беды.
– Но по-русски снег не «метит».
Снег не «метит», снег «МЕТЁТ»…
– Что есть «метит»? – Метит, метит,
а потом и попадёт…
– Ха-ха-ха… Но, в самом деле –
что? Метель? Стрела в кольцо?
– СВИНСТВО! Есть оно в метели,
хоть не нам метёт в лицо.
– Пусть сметет все их единство,
фланги их, любой длины…

Изо всяческого «свинства»,
изо всяческого «свинства»
можно вырезать, как видишь,
по «кусочку ВЕТЧИНЫ»…
И звенят, звенят подковы.
В звоне их слова слышны,
что из СВИНСТВА из большого,
и из малого, любого,
можно вырезать немного,
но – «КУСОЧЕК ВЕТЧИНЫ»…

22

Всё врозь – и звон и трус, и трус и звон
мечей и копий меж собой друг с другом.
И конный строй, совсем недавно – цугом,
рассыпался, как звон, со всех сторон.
Всё врозь – последний пыл, бессильный страх.
Не юность вдруг… – в одно мгновенье – старость!
Всё – врозь. И лишь одной пехоты ярость –
едина и в сердцах, и на устах.
Едина взмахом одного меча.
И натиском одной единой воли.
А, коль не так, доколе же, доколе
ливонец будет Русь губить сплеча.
Доколе будет беспрестанно жечь
овины, избы, рощи и дубравы,
людей и храмы… По какому праву
он оскорбляет дом, молитву, речь –
всё русское. В руке не дрогнет меч!
Отбросить оборону! В наступленье!
И не врага, себя преодоленье.
Единым махом в сечу, как в авось.
И цель едина, и сомненья – врозь.

23

Уходили по льду. Без креста. Без раскаянья. Молча.
Шли в проклятье, едва ли подумав о нем.
Шли в надежду дойти. Взгляд затравленный, волчий
обернется в упор полыхнувшим огнём.
И погаснет в бессмысленном крике и боли,
отвернувшись внезапным смиреньем навек.
И затихнет чужой покорившийся воле
от руки человечьей другой человек.
Пусть хоть в честном бою. Есть за что. Справедливо.
Но вовеки и тем же, воздастся тому,
кто копьё – в человека. Как в дичь. Торопливо.
Но кому смерть нужна человечья? Кому?
Чтоб – невидящий взгляд. Опрокинуты плечи.
И – ни страха, ни ненависти, ни тебя,
ни его. Только – боль. Только плач человечий
оттого, что вот только убил сам себя –
человечью судьбу, человечье дыханье,
человечью мольбу на последнем пути
ко всему, что вокруг. Что имеет названье…
И – надежду. Надежду куда-то дойти…
Уходили по льду. За семь верст уходили.
Кто не шел, тот валился пути поперёк.
Или – вдоль. Как придётся. И стыли, и стыли,
принимая копье, как последний упрёк…

24

Уж скоро день споткнётся на бегу
о чей-то вскрик, оброненный невольно.
И прежде, чем подхватит колокольня
его, застынут кони на снегу,
чтобы потом и вдруг, и бестолково,
куснув горячим зубом хрусткий снег,

сквозь косину, в проеме врат тесовых
увидеть сани. В санях – человек…
И – бабы, следом, редкими шажками…
Юродивый в лохмотьях. Тоже тут…
Идут сквозь косину, не зная сами
о ней. Да и зачем вообще идут…
к саням. К кому-то длинному, большому.
Он в них едва вместился, знать, не мал.
Зачем идут? Зачем идем к другому
мы, люди, если даже тот не звал.
Ещё? Уже? Кто это знает. Может,
обида или боль сомкнула рот.
Идём к другому, потому что кожей
вдруг чувствуем, что он не позовёт…
Не позовут ни сомкнутые веки,
ни белизна бескровного лица,
ни сила, что ещё в том человеке
была, хоть не до красного словца
той силе было… И не бросить взгляда,
ни слова ей не вымолвить сейчас.
И длинный крик пронзит стоявших рядом –
юродивый вдруг вскрикнет. Он не раз
вдруг понимая всё, когда молчали
другие, еле сдерживая ком,
знал то, чего они ещё не знали,
и по чему заголосят потом…

25 (другое)

Как ярок свет. Слепит, как никогда.
Идёт паром средь тысяч солнц, и дали
безоблачны. И прошлое едва ли
догонит, распростившись навсегда.
Идёт паром вперёд. Идёт – туда…

Мне – не туда. Мне по пути – обратно.
И солнце, отражённое стократно,
единственным вдруг станет. И вода
его отпустит в полумрак каминный.
Туда, где Бинц… и – вечные ветра.
И сенбернар, свидетель ночи длинной,
распахнутой в «сегодня» из «вчера».
И – необъятность дня, и тайна ночи,
и разноцветье крыш, и чувств река.
И – тихий шепот потаённых строчек –
остаться до последнего звонка…
Прибоя натиск. Рокот непокоя,
дневные неприкаянные сны.
И что-то неизбывное, земное
придёт, тебя увидев со спины.
И смолкнет тишина на полуслове.
И я своё вязанье отложу.
И трепетнёт мгновенье – лещ в прилове…
И ты: «Не уходи!». – «Не ухожу!..»

26

И расступились берега,
как расступаются туманы.
И острова, и океаны
открылись. Радуги дуга
зажгла, как зажигают свечи
мгновения и вглубь, и вширь.
И вечным в нём противоречьем
в долине не зацвел имбирь.
И не возникло натяженье
между «возможно» и «уже».
И резким самовыраженьем
вдруг вспыхнул свет на этаже.

И в ожиданьи близкой бури
умолк в долине чей-то плач
о нецветении в лазури,
восторженной, как пёстрый мяч.
И о пронзившем вдруг решенье
понять, уж если не простить
невещий сон, невдохновенье,
что можно только отпустить
туда, где тайна, где туманы,
где линий странная игра.
Где острова и океаны,
и – лунный свет
как из ведра…

27

Уйти, пока молчат колокола,
и день ещё не задувает свечи.
И праздник, что вчера ещё звала,
закончился. И он, увы, не вечен.
И вот уже разбуженный волчок
кружится то невидимо, то зримо,
и вольный парус, кем-то не любимый,
повис в безветрии, как сломанный смычок.
Уйти, пока кружится голова,
пока ещё друг друга зримой нитью
мы продолжаем. И молчат слова,
не следуя случайному наитью.
И соглядатай времени, петух
бесшумно дремлет на своем насесте.
Пока огонь в камине не потух.
Пока свеча на том же самом месте.
И ни о чём не ведает молва –
начало дня таит остаток ночи.

И нет пути прямее и короче –
уйти, пока любовь ещё жива…

28

Забрезжит новый день, И, размыкая вежды,
свой светлый взор на дали заструит.
И чей-то взгляд, исполненный надежды,
о чём-то главном с ним заговорит.
И тайной думы неумолчный говор
не потревожит тайной тишины,
где день за днем судеб неслышный сговор
мешает в склянке бдения и сны.
И будто нет ни злобствующей бури,
ни мора, ни огня, ни саранчи,
ни ласковых посулов злобных курий –
нигде вокруг, хоть сотни верст скачи…
И только – освящённая надежда,
открытый миру и пространству взгляд…
И Третий Рим светло и НЕИЗБЕЖНО,
стоит, как сотни сотен лет назад…

29

Ущербная луна. И над Босфором сизым
предутренней порой струится сизый свет.
И тайный чёлн, влекомый легким бризом,
скользнул в волну, минуя минарет.
Крест на Крест – Храм. Три слова верным людям –
Даст Бог, вернёмся… Тишина в ответ.
– А налетят? – Ступайте. Мы остудим…
Даст Бог, вернётесь, – шелестнуло вслед.
Чёлн исчезал и появлялся снова.
И, увернувшись, обходил волну.
Писания спасительное слово

вело их через море. И одну,
всего одну молитву говорили.
Она была негромка и проста.
Не о себе. Не для себя просили.
Просили об одном: Спасти Христа…
Константинополь не глядел укором –
не ведал тайны до поры Коран.
С Московского Вселенского Собора
вернулись братья с вестью от христиан.
И высились повсюду минареты,
Святой Софии застилая свет.
Но свет иной нарушил эти меты –
Великий, древних пращуров завет –
стояние во тьме. Долготерпенье.
Хранящие безмолвие уста.
И – тихая забота о моленье,
спасавшем в каждом своего Христа.

30

Все краски мира вспыхнут вдруг, когда
ты, молча, остановишься у двери.
И будешь так стоять, пока я ужин
не соберу. И, на тебя не глядя,
не уроню случившуюся склянку,
в которой я хранила равновесье…
И от потери глаз поднять не смея,
замру, затем, чтоб дух перевести.
Слегка качнувшись, он со мною вместе
вдруг кротким станет, чтоб не повиниться,
но подчиниться простоте сюжета,
в котором оживают краски мира,
когда незрячий папоротник утром
Купальной ночи вдруг глаза откроет.

И самой некрасивой из подружек
достанется на миг цветок пурпурный…
Когда зелёно-жёлтое созвездье
окрасится малиновым рассветом
И золотистый дождь прольется ливнем
на ложе вожделенное Данаи…
Когда Земля грозит остановиться.
Должно, затем, что я разбила склянку…
И всё стою, не поднимая глаз…
Вот как сейчас…

МОСТЫ КЁНИГСБЕРГА

Пройти по всем семи мостам,
не возвратившись дважды.
Узнать, увидеть, доказать другим и самому...
Математический завет не выполнен. Но каждый
надеется, что повезет ему...
(Теорема Эйлера)

31. ГАНЗЕЙСКИЙ МОСТ

Осторожно иду, как в вечность,
где закутано в быль былое.
Где дневные погасли звёзды,
а ночных – будто вовсе нет.
Ненароком упали с неба…
А над самою головою –
над Альтштадтом и над рекою,
зеленея, встаёт рассвет.
И увиделись над волною
разноцветных морей штандарты.

Неизвестных земель посланцы
(предложенье рождает спрос) –
воск и ткани, меха и мёды,
шкуры, пряности, померанцы.
И – янтарь, этот торг и праздник –
всё шумливый Ганзейский мост.
Лавки, лавочки… Гимн на башне.
Яркий полдень труба играет.
Жив и ныне тот день вчерашний,
за которым – уже судьба…
Будто резкий звонок в передней,
и, сорвавшись, секунды тают…
Говори со мной, день последний.
Не спеши уходить, труба.
Говори со мной, день погожий,
обо всем, о чём знать хочу…
Говори со мной, если сможешь…
Даже если я замолчу.

32. ЗЕЛЁНЫЙ МОСТ

Прозрачный день. Зелёная вода.
Над островом – виденьем – Герб зелёный.
И, кажется, ничто и никогда
здесь не было иным. И просветлённо
гляжу на мост. Гляжу издалека,
туда, назад, из своего столетья.
И лет шестьсот, включая лихолетья,
расскажут всё, что видела река.
И отворятся потихоньку вдруг
зелёные Форштадские ворота.
И юный Кант войдет в безбрежный круг
трансцедентальности. И не узнает кто-то

его тогда. Но так или не так,
войдёт он в мир, уже расставшись с детством,
что б стать и откровеньем, и наследством,
едва успев промолвить «Guten Tag»…
И сторож у Форштадских, у ворот,
глубокомысленно жуя печенье,
вдруг станет думать о предназначенье
всего – всему, что от чего идёт…
И про большой оранжевый пакет,
что нёс гонец, приветствуя науку.
И вот, с письмом протягивая руку,
заговорит про звёзды, про Закон…
про, как это понимает он…
Что правильная мысль – всегда проста,
как адрес – «У Зелёного моста»…

33. ВЫСОКИЙ МОСТ

Да здравствует Высокая Вода!
Где высока вода, и мост высокий.
И, нет сомненья, пижма и осока
здесь первыми не будут никогда.
Здесь – плоскодонки, баржи, корабли.
И парусов больших великолепье,
когда, как в продолжение Земли –
мост разведён – прошествуют столетья…
И башенка, у самой у реки,
игрушечно-торжественное диво,
узнает их… И долго, сиротливо
глядит им вслед, как вдаль из-под руки…
А дальше – всё уходит в поворот.
И, если кто-то мог над ним подняться,
увидел бы Кнайпхоф, и, может статься –

как Прегель пробивается вперёд
к морским просторам… Замок на Горе…
Услышал бы ветра – литовский, польский.
И – Орденский призыв в преддверье Польской
войны с Московией… И громкий, на заре,
скрип двух обозов в Мемельской таможне
с московскими деньгами на войну…
С высокой точки всё увидеть можно.
Услышать просьбу можно не одну.
И миссия проста, и – непроста –
Ведь как взглянуть с Высокого Моста…

34. КОММЕНТАРИИ

Кто сказал тебе, что ты – наг?
Не ел ли ты с дерева? (Библ.)

Ах, Ева, что тебе в той сладкозвучной неге
запретных наваждений, тонкой лжи?
И ЗАПОВЕДИ нет, как в обереге –
не преступать чужие рубежи?
И яблок нет? Смотри. Они – повсюду.
Зачем ещё то, что пророчит Змей?
Он, правда, нежен, но в угоду зуду
Всеобольстителя, лжёт и тебе, злодей.
Что в том тебе, что обо всём и много
ты станешь знать,
пусть больше, чем сейчас,
и чувствовать, и быть, подобно Богу,
который всё равно мудрее нас.
И шепотком, что невесомей пуха,
к тебе сейчас изящно наклонясь,
что это шепчет он тебе на ухо,
а ты смеёшься, к ветру прислонясь?

В том смехе всё – от яблока до чувства
всепозволенья, власти или НЕ-
ПОВИНОВЕНИЯ… А, впрочем, нет – искусства
быть разной вне судьбы и сердца вне.
Повсюду быть не следствием – причиной
всех следствий в разговоре о судьбе.
И – никогда, ни в чем наполовину…
Всё – до конца! Зачем это тебе?
Молчание улыбкою играет.
И яблоко – на краешке стола…
Что впереди, ещё никто не знает.
Но женщиной она уже была…

35. РЕФОРМАЦИЯ

Быть может, грешен я. Простишь ли ты меня…
Осмелился вчера я вознестись до тайны…
за проповедью вслед… И – тайны не храня,
предстать перед тобой, хулитель не случайный.
И, повинуясь истине, и папству вопреки,
во славу Виттенбергского Собора,
я возвеличил Правду от своей руки.
И именем твоим избавил от позора.
Своекорыстие, мирская суета,
бесóвские дела меж ангельских сентенций,
и грешник грешникам – святая простота –
всё отпускает впрок продажей индульгенций.
Повсюду слышна чуждая латынь.
И Библия, немецким не владея,
не стала другом… Праведник, остынь!
Друзья – ростовщики и лицедеи…
И человеки, веря и скорбя,
и милости одной твоей желая,

стоят пред пустотой, в которой нет тебя,
обман и вероломство прославляя…
Восторг и откровения любви…
Глаза в глаза… И вера во спасенье…
И в каждом – воля. Только позови
исполнить на Земле своё предназначенье.
И, принимая молча свой удел,
изгнав в себе лукавство лицемера,
признать приоритет Закона Дел
пред сущим естеством Закона Веры.
Быть может, грешен я. Но – сто за одного –
высокому – полёт! Нет ни преград, ни крыши…
Лишь ТЫ один… И больше – никого.
Услышь меня! Но ты меня не слышишь…

36

… И он не знал, что БИБЛИЮ «исправив»,
переиначив всё в её дому,
и ничему надежды не оставив,
он навсегда «исправил» жизнь саму…
И тихо таит «Прокламация» –
КАПИТАЛИЗМ ПРИШЕЛ С РЕФОРМАЦИЕЙ…
Жестокие дела. Зато слова – как шёлк…
Человек человеку – волк!

37. СКАЗКА ПРО ТЕДА И ТОДДА
(Немецкая сказка. Фрагменты)

На жёлтом камне у леска,
вдали от всех дорог,
Где предвечерняя река,

и звезды, как горох.
Лягушки всплеск –
последний шанс,
хоть с кем поговорить,
сидит, раздумывая, Ханс,
о том, как дальше жить.
Двенадцать душ в его дому,
хоть столько не просил.
И никогда и никому
не говорил: «Нет сил»,
а тут – тринадцатый… Где взять-
то крёстного ему?
Тринадцать душ, ни дать, ни взять,
теперь в его дому.
– Что с кем сегодня не срослось?
В тебе или с тобой? –
летит кукушка, будто вкось,
над Ханса головой.
– Вот, поджидаю храбреца,
но не видать пока.
Ищу я крёстного отца
для младшего сынка.
– А ты Медведя попроси,
храбрее – никого.
Горшочек мёда принеси.
Да угости его.
Он – добрый и почтенный муж.
– А мёда где возьму?
Нет ничего. Тринадцать душ
теперь в моем дому.
– Тогда прощай. Мне недосуг.

Лечу, где не была…
И закружились в круге – круг
кукушкины дела.

38

Падают звёзды, срываясь в последний полёт –
души людские… с ночной крутизны небосклона,
правдою жизни отмечены. Кто разберёт,
как и когда их настигла судьба Вавилона –
кто-то в нечаянной радости, кто-то – смеясь,
кто-то, приблизившись вдруг к долгожданному счастью,
кто-то, возникнув опять из беды и ненастья,
кто-то, расставшись с судьбой, ничего не боясь…
Тихо, смиренно, безропотно и, не скорбя,
так, что подручный Аида, привычный к недолгому делу,
так же бездумно, и так же, по-своему, смело,
сортировал эти души, поверив в себя…
И, где бы ни был – на Звёздной Земле или под –
в благословенных самою курносой чертогах,
краткое имя его холодящее – Тодд –
разноязыко звучало на дальних и ближних дорогах.
Но он об этом не слышал. Не слышал, пока
синяя звёздочка, падая, остановилась,
и, не желая лететь – видно, издалека –
не затухая, настойчивым светом светилась.
И, недвижимая, быстрым делам вопреки,
странною силою к действию благословенна,
как направляема волею тайной руки,
так и осталась на склоне небес неизменно.
И тут подручный – как будто, взглянув сквозь стекло –
понял – однако – на свете добро есть и зло…
И представленье своё обо всем, чтоб унять,
он рассудил про добро и про зло всё понять…

39. ФРАГМЕНТЫ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ
«Влажный ветер ЛЕВАНТЕ… »
(времена Афинской Демократии)

– Симпозион, – сказала Ника громко, –
несите рыбу, овощи, десерт,
напитки с ячменём в сосуде ёмком,
вино и сыр, и – пирожков конверт.
Душистых, сладких, как вино Эллады.
Солёных – к сладкому, – подскажет винодел.
И – флейты. И танцовщиков – усладу
небесных и земных насущных дел…
– Но флейты и тимпаны днем и ночью
уже поют. Сатиры все – вразлёт…
Пастуший пан и Боги – всё – воочью…
Агора ждёт…
– Агора подождёт…
Как только прочь уйдут дневные тени,
и солнечный зенит осушит тлен,
мы все пойдем, где Диониса гений
вершит дела.
– И учит Демосфен…

40

Ликуют тимпаны, волнуются звуки свирелей.
И флейты восторженно славу поют.
Вливаются в хор песнопевцев восторги и трели.
И в чашу хмельную вино неразбавленным льют.
Плывет Дионис над весельем. Большой и священный.
Статую несёт вся Агора – хореги, жрецы.
И – даром, что в дереве он воплощенный,
поют ему гимны и воины и мудрецы.
Корзины с плодами над статью хорошеньких женщин.

Венки из плюща и фиалок у юношей и у мужчин.
И каждый, кто здесь, его славой увенчан –
разбойник и праведник. И – Государственный чин.
Силены, сатиры пешком, на ослах и на мулах
кружатся в причудливых танцах в стихии своей –
комический образ насмешки. В пирах и разгулах
рождённый всевластием глупых и жадных людей.
Наивный напев и дурашливый лик скомороха.
Под маской – зловредный и яркий народный протест.
Но – праздник. И кажется всё – не больнее гороха,
шрапнелью стреляющего по мишеням окрест.
Проносятся толпы поэтов, хоревтов, актёров.
Священный огонь и восторги вокруг алтаря.
И сотни быков рёвом глушат пространство, в котором
ждут праздника люди, улыбки друг другу даря.
А справа поёт хор сатиров козлиный –
козлиные маски, как облик природы самой –
то песня про солнечный луч, чтобы жаркий и винный,
тогда виноград будет тоже такой.
То – песня про грусть, про дыхание смерти,
когда Дионис не услышит мольбу,
ему принесённую в песне – конверте –
назначено только ему одному…
И, как в подтвержденье того заклинанья,
трагический Мим поднял руки мольбы.
И долго стоял, как само изваянье
изменчивой и неизбывной судьбы.
И хор уже снова – про год без изъяна…
Грохочут тимпаны, и флейты поют.
И в жёлтый киаф козлоногого Пана
сатиры вино неразбавленным льют…

41

Восторженной радости, счастья, согласья и спора
вместилище. То же – и скорби, и жертв приношенья,
и бед.
Источник живительной силы и славы народной – Агора.
И – фронда последнего часа трагических лет.
И нет тут конца ни надеждам, ни робким
и тайным сомненьям,
разочарованьям и вере в победу опять,
когда, уповая на милость богов и инстинкт сохраненья,
приходит сюда человек утешенья искать.
Когда мир померк, и никак не уймется ненастье,
и крылья свои не найдет в суматохе Амур –
«Живи незаметно. Люби, и придет к тебе счастье», –
вдруг скажет кому-то в волшебном саду Эпикур.
А что до души – неприметна, безлика, инертна.
Поёт, соблюдая привычно знакомый канон,
пока существует…
– Не слушай! Бессмертна
душа человека, – ответит Зенон.
– Она, словно песнь с переливами, льётся –
огонь к огоньку, чтоб искре не остыть.
В одном от другого она остается,
чтоб жизнь человечью собой повторить,
хотя говорят про плохие законы –
в плохом Государстве, мол, плох и Закон…
– Его покидают враги и вороны
не больше, – тотчас отзовётся Платон.
А там, за колонной – фигура Сократа.
Босой… и при жизни себя не менял.
Стоит пред согражданами виновато,
хоть он демократию не отменял…
А вот – философская притча о счастье –

оно есть у каждого, до одного.
Оно – уже вечное к жизни причастье.
Оно – уже ваше. Найдите его!
А кто-то напомнит про хитрость Ликурга –
как сделать богатства богатых ничем.
Одним осторожным движеньем хирурга… –
он сделал монеты железными. Всем!
Никто не имел серебра, позолоты
в своих кошельках и домах под рукой.
Какие покупки, когда все заботы –
телегу с железом возить за собой…
Вместилище жизни, согласья и спора,
великих прозрений и маленьких бед,
казнит, и простит, и поднимет Агора
над праздником, выше которого нет.
И сделает это с весельем и страстью.
И ясно – с какой стороны ни возьми –
хоть каждый твой день побеждает ненастье,
но счастье возможно лишь только с людьми…

42

О Боги, О Геракл, великий из великих,
могущественный Зевс, бессмертный Аполлон,
Ареопаг разумных, светлоликих,
Эллады час настал. Филипп! Грозится он
победным рёвом Хаоса и казнью
Эллады… Этот дикий вопль и вой
из неизбывно-вечной неприязни
низвергнет всех в борьбу между собой.
Великие, мы здесь! И, преклонив колени,
едва взошла афинская заря,
мы просим вас с сороковой ступени
Пергамского большого алтаря –

предотвратить бесчисленные беды,
кровавого разбоя кутерьму –
мы просим нам помочь добыть победу,
низвергнув в ад насилие и тьму.
Отринуть македонских партократов,
разбить их строй – предателям ПОЗОР! –
не пощадивших ни отца, ни брата,
везде несущих Македонский вздор…
Эсхил и Филократ, послы Эллады,
скрепили мир с Филиппом потому,
что взяли мзду… хоть Греции не надо
фокейцев было отдавать ему…
Повсюду – ложь, предательство, измена
себе самим под властью темноты.
И вот стоим мы, преклонив колена,
у Алтаря и … жизненной черты
проэллинского мира, над которым
темнеет небо, как огонь в золе,
за то, что возвеличила АГОРА
свободу ЧЕЛОВЕКА на Земле…

43

Никто еще не отменял мольбы,
как, впрочем, и превратности судьбы...

Когда сам Александр, Филиппа грозный сын,
разбил восставших, уничтожив Фивы,
и уступив мольбам, не тронувший Афин,
не медля, торопясь и суетливо
пошел на персов. Македонский клир,
отняв у афинян остатки власти,
возвысился. Но долгожданный мир
не наступил, разбив страну на части, –

простой народ, приверженцы Афин,
его демократического лона,
и – хищники, до каждой из седин,
промакедонцев пятая колонна…
Ещё была надежда на пролог –
на возвращенье своего, родного,
тысячелетнего. И все, кто только мог,
ушли за Демосфеном… И такого
накала возвеличилась борьба,
что не ждалось от маленькой Эллады!
И, кажется, услышала судьба,
и повернулась к ней. И вот – награда –
разрушив Персию, разграбив Вавилон,
вознесся Александр. И там же умер он…

44

Пространство и время привычное – прочь!
Хранитель и тайных порывов ваятель
безумство свободы – Музейная ночь
и исповедальности вещей искатель.
Ищу многоликих восторгов Земли,
родившейся жизни наивных законов,
чистейших ночных и полуденных звонов,
сомкнувшихся радостью где-то вдали.
Ищу обещаний свершившихся миг,
и несовершившихся необещаний,
прозрачные утра последних интриг,
и – серые будни разочарований, –
Когда поворота не видят глаза,
а – только того, кто идёт к повороту.
Когда примирились все «против» и «за»,
и даже Абсент примирился… Но что-то
таится во мгле не ума, но души

среди пустоты, разрывающей будни.
То коротко вспыхнет, и стихнет к полудню,
то снова вернётся в вечерней тиши.
Ищу отголоски, восторги и беды,
любовь или ненависть (тайный союз)
того и другого. И – тихой победы
над собственным выбором дружеских уз.
Ищу восхищенья в единстве с природой,
безмерностью высей, полей и лугов –
великое в малом – и тихой погодой
Рождественским днём у друзей и врагов.
Ищу воплощённую в образе нежность,
и молча склоняюсь в ответ перед ней,
и – очаровательную безмятежность
в соитии душ где-то выше, над ней.
Вступившего дважды в знакомую реку
каким-то случайным, бессмысленным днём…
В безмолвном пространстве ищу ЧЕЛОВЕКА,
прекрасного в горе и счастье своём…

45

Как радостна и как тиха она,
упрямая надежда, что таится
в прозрачности живой – ни стен, ни дна –
лишь лёгкое тепло из глубины струится.
И вот, уже раскрепощённый Дух
украдкою вдыхает полной грудью,
хотя судьбы пасьянс – один из двух –
пока еще не сложен… Многолюдье
терзает неизвестность, ранит страх,
простых вещей подчас непониманье,
опасных игрищ предзнаменованье,
и – миропониманья полный крах.

Разрозненный аккорд военной меди,
и – диссонанс гармонии с судьбой,
и – потускневший памятник победе
неандертальца над самим собой…
И – реки вспять. И – фуэте верблюда.
И – хохот гор, молчанью вопреки.
И – нерукопожатие откуда,
как ни старайся, не пожать руки…
Взгляд в никуда, безмолвный и бездумный,
отставленный от мира и идей…
И снова, снова! Человек Разумный –
совсем один, один среди людей…
И снова – допотопная туманность,
где, будто не ступала и нога…
И – вирусно-немая первозданность
животворящего когда-то очага…
Как радостно между ветрами, между
дождями – очагу в них не гореть –
почувствовать тепло живой надежды,
и жизнь, уже озябшую, согреть…

Елена Щербакова

Россия, Москва

Елена Евгеньевна родилась 52 года назад, получила два специальных образования: медицинское и литературное. В 2014 году закончила литинститут им. Горького. Член Академии российской литературы, ЛИТО «Друза», Академии русской народной поэзии, Союза Писателей России, Союза независимых авторов и издателей, секции драматургии «Образ», литературного клуба «Московский Парнас». Имеет награды (три Благодарственных письма), три медали (Юбилейная медаль им. М. Ю. Лермонтова, Юбилейная медаль «60-лет Союзу писателей России», Медаль им. Н. П. Огарёва). Издала более 50 книг, в которые вошли новеллы, дорожные очерки, рассказы о севере, сказы, сказки, лирика и пьесы, а также биографические тетради и литературные дневники. Публиковалась в альманахах, журналах, газетах. Участница VIII Международного литературного фестиваля,

посвящённого Всемирному Дню русского языка и Дню рождения А.С. Пушкина в Черногории и Сербии.

КО ДНЮ ПИСЬМЕННОСТИ

Веленье сердца и задумка
Там, где бескрайние луга.
Одних идей надёжных в сумке
Сгребать бумажные снега.

И согревать теплом у свечки,
И видеть сквозь безбрежный свет,
Как из ручьёв стекает речка,
Читая письменный ответ.

Такая рябь бежит, как строчка,
Что серебристая река.
И что же слово напророчит
И красным подчеркнёт строфа?

ОСЕННИЙ СПЛИН

Отгорают крыши в золоте заката.
Отгорают тропки в золоте листвы.
И не надо никакого клада:
Ведь у осени сожжены мосты.

Не торгуюсь, будто по привычке.
Не блистаю с привкусом идей.
Видишь, знаешь, есть такой обычай:
Свадьбы, праздник, даже юбилей.

И каким на свете ни было бы горе:
Смерть, война, несчастье, бедствие, потоп.
Судеб, достижений заполощет море.
Горечь уходящую пусть уносит клоп.

ПОТОМ ПОЙМЁШЬ

Я не могу сказать всё сразу.
Без слова песню не споёшь.
Дорога ляжет не рассказом.
Что было, то потом поймёшь.

Соврать ли даст, от губ сорвавшись,
Ответ в замке́, и не сойдёшь,
Не вмиг, ни в час, как лист опавший.
А станет что – потом поймёшь.

Ответ – колючая мне ветка
Всё исцарапала лицо.
Слова – не чёрная ли метка,
Что прописалась подлецом?

А может, это та гравюра.
Её видать издалека.
И как отвёртка, увертюра
Всю жизнь свернула на века.

***

Цепь событий сошла в гребень.
Век и годы сочтены,
Старые сметают мётлы
Мысли были б не темны.

Век за веком встали мостом.
Дело делом не клеймит.
В звёздном мире всё непросто.
Мирный мир был б не забыт.

Век ушедший, век встающий.
Год за годом, как маяк.
И призыв один растущий
Стрелы метит так и сяк.

Указует в небо перстень.
Лихо пляшет колесом.
И звезда однажды с вестью
Землю просекла лучом.

***

Чтоб прикоснуться к этим фолиантам,
Есть чёрные церковные перчатки
Из бархата сошиты. Варианты
Заповедей жизненных зачатки.

Их тайной запонкой скрепляю,
Как сердце подколоть иглою.
Не вор в перчатках меня уведомляет,
Слуга лишь верный со свечою.

И пламя с треском будто обрезает
Мои неверные стремленья.
И с гарью демоны сгорают,
И смыслы постигаются в боренье.

Но страсти утопают, гаснут в море,
Чернил густых так много для письма,
Чтоб прошлым изливалось горе.
А горы книг, как бронь, бумаги тьма.

ЗВЕЗДА СУДЬБЫ

А жизнь висит на волоске,
А может, то судьба,
Что ранит сердце и в виске
Стучит «раз-два, раз-два».

Жесток разряд, пронзает свет
Всю тьму наперерез.
Не рассыпается ответ,
От ласточки привет.

А стрелка – в космос часослов,
Как скорби плащ в полёт.
Есть толстый сид и тонкий лов,
Успех решений йот.

Перевернёт вдруг колесо
Жизнь вдоль и поперёк.
На колее тебя сведёт,
И знать настанет срок.

И будешь радоваться ты
Своей родной звезде.
Родится свет и не затмит
Путь, осветив везде.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Сижу я у окна и всё о своей сестрёнке думаю.

Вот работала я всю свою жизнь прежде исправно и ладно на своём рабочем месте, всё выполняла должным образом и в срок. И вдруг остановилась в один прекрасный день, точно парализованная стала, ни руки поднять, ни с места сдвинуться, ни есть, ни пить не хочется, с постели встать не могу. Не то что другие. Не могу даже помогать, как прежде бывало. За собой убрать никак не могу. Да и зачем, раз не ем и не пью. То ли ум сбежал, отслужил свою службу, то ли проклятье какое, то ли свету конец наступил.

Ах! Что теперь делать?

Ухватилась я за голову. Это ж надо заново родиться! Как же заново всё начать?

В окно смотрю, качаю головой. О сестрёнке думаю. Да на что она теперь такая голова, раз никуда я не годная, раз такая бестолковая.

Лучше уж быть как Васька-неудачник. Он хоть плюгавенький с виду, да всё-таки пристроился. И живёт потихоньку да помаленьку. А мне-то что со свету уйти осталось?! И будет жизнь непролазная, непроглядная ночь. И как мне жить? Никому я не нужна.

Не то Манюня, сестрёнка моя.

У неё все дома: муж, родители, дети. Правда, один родственник ей достался, прилипало, приставало, Тираннозавр. Это же надо чашу терпения иметь и испить её всю.

Вот так год за годом и проживаем. А жизнь всё та же и все по-прежнему. И на том же месте.

Сестрёнка несколько раз новосёлы справила, хороша ещё, замужем, не развелась, хотя всё время с мужем ругается. Он известный бизнесхлоп, руки у него длинные до штрафов.

А я даже подумать не знаю о чём, о чём теперь жизнь пошла. И так плясали под чужую дудку и эдак. А за ок-

ном, на самом деле, оказалась одна белая полоса. Как ни погляди, то одно, то другое поджимает. То цветы собирай, то ягодки.

Правду в народе говорят, жизнь прожить – не поле перейти.

МАСКА

Поздно ночью Маска подошёл к окну и печально посмотрел на ночной город. Лампочки и фонари давно не горели на улице ни ранним утром, ни вечером. Освещалось только футбольное поле одним прожектором, оставляя в центре яркий круг.

– Я, наверное, и сейчас, как марионетка, встал и печально опустил глаза в окно, в котором ещё с детства провожал закаты. Значит, и моё «последнее место», к которому я так привык с раннего возраста, уже не несчастит никого. Седой, мой одноклассник, сказал бы, что какая-то плодожорка интеллекта давно натёрла в мозгах мозоли. А Машинист сказал бы: «Зачем работать мозгами, ведь он давно на детском грузовике по своей квартире ездит…» Это всё из-за детей, которых ни у меня, ни у Седого, ни у Машиниста нет, но их давно кормим.

Маска опустился на стульчик и тяжело вздохнул, ему представилась тучная тётя, которая снова придёт к нему на кухню и будет там на него кричать. Прежде, в детстве, возле дома была площадка с вешалками для белья, и там он вместе с Седым и Машинистом разбивал коленки, играя в волейбол. А потом расковыривал коросты, а медсестра ругалась: «Не дети, Освенцим! Их лечить невозможно!».

Маска лёг спать. Только рано утром в дверь резко позвонили. Маска поморщился, сожмурил глаза:

– Кто, чёрт?

– Я, Машинист.

– Да что ты?

– Не слышишь?

Машинист показал на улицу, где гремел белый мусорный самосвал. Маска заткнул нос.

– Как несёт! Не могу я.

– Это я не могу печатать календари и зарабатывать на детском питании, выдавать зарплату из своего кармана. Угробил три машины «всмятку». Передай Седому, не мне на Луне стихи читать, я опять втяпаюсь.

– Понимаю, – покачал головой Маска. – Бомж и тот чувствует себя достойнее. Не хватало заразу подхватить.

– Сделай что-нибудь, Маска. А то улыбаешься, как китаец, когда плакать хочется. Я сказал бы…

– Вот видишь. – Маска протянул микрофон. – Вот с чем я работаю, настоящий нацизм, а ты о детском питании.

– Чего тут спорить? Китайцы в космос капсулу с вирусом запустили. Конец света! И что скажет Седой: «Смотри на дрессированного попугайчика или на собаку за рулём, в глазок всё видно?».

– Он уже сказал, мир сошёл с ума и теперь болеет. Вот что сказал Седой. А не тётя-каракатица, что пролила подливку в столовой, и там поругались.

Белый мусорный самосвал во дворе закрыл кузов, и Машинист спустился вниз. Маска повернулся, как марионетка, достал капсулу и ввёл себе иглу в вену.

– Нужно оставаться на своём месте – вот что такое химия. А не мир, что исчезает, как шагреневая кожа. Когда пройдёт неразбериха с вирусом, он будет выглядеть совсем другим.

– Однако, ты, Маска, всё равно, такой, как есть. – Незаметно из соседней комнаты вышел Седой.

– Смотри, у тебя перхоть, – засмеялся Маска, – возьми машинку, сбрей затылок, он седой.

– Ты шутишь. Знаешь, что я такой с детства. И это не парик.

– Это всё, на что способен твой мозг? Не больше, чем у Машиниста.

– Осторожно. Ведь вирус и там уже спит, ты не буди. И будем с миром.

– С миром?! – воскликнул Маска. – А это ты видел?

Маска достал пистолет-термометр, щёлкнул им лоб Седому:

– Вот твоя температура!

Потом Маска разрезал полиэтиленовую бутылку и стал дышать в неё, как в респиратор:

– Вот остужающее.

– Ты психуешь, Маска.

– Ах, так! Я ем горошек. У-у-у-у. И теперь соблюдай дистанцию. Сейчас Машинист свой самосвал хотел в моём коридоре поставить.

– Маска, что за психоз? Это детская сцена. Замолчи, замолчи. Дыши в подушку.

– Не могу я так просто сидеть, лежать. Я заболею. Через час у меня поднимется температура. Вирус проникает во всё. М-м-м, целую тебя, напишу тебе оду, поставлю тебе памятник. Это не новация. А поиск ушедшего потерянного времени, забытой секунды, там, где оступился я и ты, и уже нет той дороги.

– Может, тебе напомнить африканский танец или о зомби от ядовитого растения? Не заставишь меня курить тростник. Я серьёзно. Будь вежлив. Не тыкай мне вслед, соблюдай дистанцию, мы совсем чужие люди.

– Да, да. – Засмеялся Маска. – И Машинист поставит в твоём коридоре танк и станет буксовать. Тебе плохо, Седой. А я ничего не знаю.

– Мне было плохо от кредитов. А сейчас другая напасть – коронавирус и мошенники, что зарабатывают на нём. Лечить –

дело медиков. COVID-19 – так называется эпидемия. Ведь умирают каждый день во всём мире, закрыли церкви, школы. И ковидиоты выстроились за каждой дверью и не дают пройти – вот страшно, вот отчего давление, вот отчего температура. Это не корица, не куркума, чего нет для поправки.

Маска зажал рот руками, ушёл к себе в комнату, снял маску и закрыл глаза. Теперь в его воображении стояли верба, потом цветущая вишня, мамино душистое мыло и ягодный кисель.

СХВАТКА

Поздно вечером я задержалась в гостях в соседней деревне Совята у племянницы. Темнело ещё рано в майские дни, и когда я собралась идти домой, то заметила необычайную тишину на улице, наполняющую маленькие деревянные дома.

«Сейчас мигом доберусь до дороги, а там краем леса дойду и до своей деревни», – подумала я и, скрывшись за кустами, как тень горбатого домика, пошла узкой тропинкой к шоссе.

Машин не было, и дорога казалась ровной широкой скатертью, которая покрывает целое пространство, необъятное взором. И ноги несли меня сами собой, как неустанный бег свободных лошадей. Я шла, упиваясь ночной тишиной, и представляла свой дом, ожидающую корову в сарае, скучающего Шарика и холодную печку, которую надо растопить, чтоб было тепло спать.

Непонятно отчего я почувствовала лёгкое напряжение, будто кто-то дышал рядом и наблюдал за мной. Я насторожилась. Отчего-то появились странное предчувствие и лёгкий страх.

Я стала вглядываться в темноту и заметила впереди себя две маленькие светящиеся точки. «Кто это там?» – вздрогнула я.

Светящиеся точки стали приближаться, и я уже заметила, что на меня смотрит волк. Бежать было некуда, а ждать нападения я не хотела, потому что поняла, что он был голодным и собирался прыгнуть на меня. И тут сработал инстинкт. Откуда-то в последний момент появилась смелость. И когда волк, оскалившись, рванулся ко мне, я с силой шагнула на него и вонзила руку к нему в пасть, схватив его крепко за корень языка. Волк хрипнул и ослабел, не смея пошевелиться, точно его парализовало. Я вцепилась в язык и повела волка за собой. От неудобства он послушно плёлся за мной. Но я знала: его нельзя отпускать. Либо я, либо он. Отпусти его, он сам набросится на меня и перегрызёт горло. В схватке мы дошли до самого моего дома. Я не помнила себя от страха и только с ненавистью смотрела в самые глаза зверя, и чувствовала в его сердце ярость.

«Его надо убить, уничтожить», – вертелась неотвязно мысль. Иначе он набросится не только на меня, но и на корову. Ненавистная мысль горела в мозгу, уничтожая страх, и придавала мне неимоверную силу. Таща волка, я добрела до коровника, и, нащупав в темноте лопату, остриём пронзила его горло. Волк дёрнулся и издох. И только потом я почувствовала, что избавилась от страшной силы, которая таилась в звере и в решительный момент передалась мне. Но они мигом покинули меня после страшного убийства, и я сидела на полене и смотрела, как на землю течёт кровь из горла поверженного волка.

КОРМУШКА ДЛЯ БЕЛКИ

Снег падал на удивление мягко и нежно. И от такого воздушного пуха становилось тепло. Никто не стрелял из римских свечей. Лес погрузился в детский сон. Снилась дорогая мама, свежая постель, тишина. Сладкий сон окутал весь лес.

В лесу на ёлочках развесили подслащённые ледяные кубики разных цветов, зерновые звёздочки и кормушки с резными сороками.

Белки уже с утра прибегали на кормёжку. Их тропинка к этому местечку проходила с краю, как и лыжня, что проложена всегда в этом месте.

Маленькие зверьки – эти белки – к чужим относились боязливо, пугались и соскакивали с кормушки, цокали, бегая по деревьям, точно на миг поднималась короткая паника. Иногда им слишком много насыпали семечек, орехов и других продуктов, поэтому на берёзу наклеили объявление: «Просьба, хлебом не кормить!». Но сегодня приостановились заведённые порядки. И у белок пусто.

Я всегда брала с собой орешки на всякий пожарный случай, и подсыпала горсточку белкам. Но их не было, как раньше, у кормушек. Будто все обитатели леса куда-то скрылись.

Навстречу мне попалась одна невысокая худенькая женщина, остановилась возле кормушки, и, вытащив гостинцы с орехами, громко позвала:

– Бела, бела, иди сюда!

Она достала несколько горстей семечек с орехами и подкинула их белкам.

– Сейчас прибежит бела.

Я подумала, что бела испугается громкого зова и, наоборот, спрячется. Лучше положить незаметно белке еду. Но оказалось не так. Бела, узнав зов кормилицы, мигом прибежала и уселась в кормушку поесть. Я как-то интуитивно почувствовала, что от женщины исходит некий импульс, который белка сразу опознала и прибежала на зов.

– Бела, бела. Вон она уже сидит. Ей покушать надо.

Бела совсем не была обижена, что ей насыпали большую груду орехов. Она довольно уселась на своё место, и ела, и ела.

А я подумала о том старом кино, когда дембель приехал домой и хорошо отпаивался после долгой службы в кругу семьи. Вот он сидит у окошка, пьёт из кружки молоко и вздыхает.

МИХАЙЛОВСКИЕ ГРЯЗИ

Зря надеяться и ждать ранней зимы по календарю, что может наступить в начале ноября. Обычно морозец может стукнуть в конце октября, покрыть траву снегом, а на дорожках проступит гололёд. Уже начинают квасить капусту, но только для пробы, потому что основательно квасят капусту для лучшей сохранности в мороз, что наступит где-то в конце ноября.

А в середине месяца обычно бывает оттепель. Тем более на Михайловские дни. Вот этот период времени и принято называть Михайловские грязи. Первый поверхностный снежок оттаивает, и приосевшие листья в лесу, влажные и склеенные, липнут толстым слоем к ногам. Собаки ко всему принюхиваются: и легавый пёс Марк с серьёзной озабоченной мордой, и сентиментальный Азор в большом волнении, у него текут слюни, а хозяйка не успевает протирать их тряпочкой. Азору хочется принести хозяйке палку, услужить ей в ответ, и он, опустив тяжёлую морду, бродит или бегает в поисках палки в лесу.

А вот маленькая девочка Агата на дорожке выкатила летний велосипед с зонтиком. Азор ревнует ко всяким изобретениям, хочет осмотреть разноцветный велосипед с игрушками, рядом маленький йорк в стёганой курточке; почти такая же у Агаты, с подстёжкой и капюшоном. Азор, ростом с семилетнюю Агату, радостно лает. Маленькая Агата пугается и чуть не летит вниз с летнего велосипеда. Маленький йорк в капюшоне смотрит на хозяйку очень до-

верчиво. С годами обычно все собаки привыкают к своим хозяевам, их тянет к своим, как магнитом.

Стоит туман, деревья голые, чёрные, торчат и дрожат, как оголённые нервы, прямые ветки оголяются в туманной дымке, как рукоятки. Осень оставила много щедрот, вызревших и созревших за лето овощей и фруктов. Всё это отобрано в мешки и теперь стоит в погребах, на складах и хранилищах. Первый настоящий морозец может ударить на Катерину, седьмого декабря. Вот тогда уж точно зима должна вступить в свои права. А вообще-то, как знать, как себя поведёт природа, осень может и до января продержаться в оттепели. Как у Пушкина в романе «Евгений Онегин» говорится:

«Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе…»

Трава и земля разжижены. Сразу вспоминаешь грязный разъезд под Подольском в Мелихово к усадьбе Чехова, где прежде катили бочки и гуляли свиньи. И деревню Рязанец с усадьбой Алябьева. И даже Царицыно, что тоже выросло на бывшем грязном разъезженном месте. Обычно на таких маленьких грязных местах и строились селения, и вырастали даже крупные города. То ли Москва, то ли Рим. Михайлов день знают и там, в Западной Европе, как очень почитаемый праздник.

Перехожая русская провинция… Оставить бы тяжёлую ношу, что каверзным вопросом согнула многим спину в калач. Чего попусту ломать сухие ветки, сбиваться со счёту? Итак, листья опали. А то выйдешь поутру – а трава вся седая, седая борода. И у белочки уже проступает серый подпушек. Вон она из леса на школьный двор прибежала, к стеле погибшим в сороковые. Рядом, у берёзы, мелькнул её серо-бурый хвостик.

А вот на Катерину снега больше будет, и тогда лучше прокатиться на санях по снежку, что застелет гладко-гладко

траву, как скатерть. Любо-дорого смотреть. А то ведь, как глянется. Зима на носу. Снежинок много разных выпадет. Хоть в лупу рассматривай.

НУЖЕН ТЫ МНЕ, КАК В ПЕТРОВ ДЕНЬ РУКАВИЦЫ

Совсем размокропогодилось. Ещё вчера было солнце и жара. А сегодня небо затянуло, дождь, на лужах скользко и качает во все стороны. А на градуснике всего плюс семь. Лето называется. Вот уж нечего сказать. Мой дядька пьёт. Из бутылок целая крепость стоит, вотчина. Всё водку и водку глушит и кричит мне:

– А ну, когда аглицкий будешь учить? Понимать надо!

А я ему:

– Ага, ага. Вот как только мама курочкой накормит, так сразу.

А он мне:

– Что кисель разводишь? Делом займись.

Я схватил бутылку и говорю:

– Сделаю из бутылки з***а***мок. У мамки тесто замешано, сейчас облеплю бутылку, обкатаю и раскрашу под кирпичи. Вот так вота! И дело моё будет.

– Никак, в лоб захотел, лоботряс ты эдакий. За бутылкой тянешься! – закричал папа, схватил меня за руку и поставил в угол.

– Пора тебе Закон Божий учить. Стой в углу и «Живые помощи» учи, двенадцать параграфов. Все спрошу их и в разбивку тоже. Пока не выучишь, из угла не выйдешь.

Дал папка мне Закон Божий, и стал я его зубрить в углу. Целую неделю зубрил. Никак не мог запомнить целиком. Выучить я быстро смог, а вразбивку совсем не получалось. Путался я, когда папа называл параграфы вразно-

бой. Так я из угла не выходил целую неделю. Как проснусь, сразу – в угол. И стою, «Живые помощи» зубрю, двенадцать параграфов вразнобой.

А тут и погода поменялась. Опять жара – лето. А я в углу зубрю, а сам в окно подсматриваю.

Тут папка меня опять стал «Живые помощи» спрашивать и целиком, и вразбивку. И вдруг у меня всё сошлось, как будто кто пальцем в небо ткнул. Я папке всё ответил, что он спросил.

Он меня отпустил и сказал:

– Любит тебя Пётр, сегодня самый жаркий день лета, Петров день. Можешь идти, на речке искупаться.

Обрадовался я и побежал купаться. А там пацаны в воде барахтаются, плескаются. Одни прыгают, другие – руками плескаются, третьи – камушки в воду кидают.

Один пацан из камыша строил под ивами шалаш, набрал листьев и палок. Я сразу увидел, что палки у него плохие, коротковатые. А за оврагом приметил хорошую рогатину. Сбегал я за ней, принёс пацану и говорю:

– Вот это как раз для шалаша сгодится.

Пацан покосился на меня и буркнул:

– Нужен ты мне, как в Петров день рукавицы.

КАЛЕГА НА ХАЛАТЫ

Смотришь порой на мужика, у кого рыльце в пушку, и думаешь, вот купец русский стоит, знает цену, что почём, усы поглаживает, концы закручивает. Хорошо устроился, живёт себе и живёт, никто ему не мешает. Знать, умён, только скрывает, как он живёт. Лишнего слова не скажет. Потому что по слову, то, что сказал человек, многое можно определить и осудить.

За словом в карман не полезешь, его добывать нужно. Оно не манна небесная, а то, что может направить и путь

указать. Это такое вещественное доказательство. О чём же стоит напомнить? Слова выстраиваются, как клетки в организме. Как говорится, что подашь, о том и речь.

В некоторых деревнях помнят люди ещё старые слова. Ими, может, и кормится земля, на их правде. В старых словах раньше толк и был. Хорошо это знали люди прежде. Но и расплачиваться за них приходилось очень дорогой ценой, чтобы жили все потом, как ни тяжко было тянуть лямку. Вот представлены и были к тому.

Давалось самое малое. И, порой, средств к существованию было никаких. Эти времена помнила моя бабушка Катя. Жила она в деревне. Семян своих было мало и то только те, которые выручали.

Тем летом в деревне стали сажать калегу. Потому что всякое действие было замечено, и русские люди в деревнях, да на окраине, боялись, чтобы никто к ним чужой не понаехал задами из других окраин или чужих степей.

Тем летом они посадили много калеги в огороде. Калега была толстобокая, так и распёрло её. Бабушка девочкой тогда была. Ходить было ей не в чем. Совсем не было одежды и не на что купить. Тогда она надумала сторговаться про калегу на халаты. Набрала она калегу в большую тряпицу, мешка совсем не было. И пошла пешком в город на рынок продавать. Идти было далеко, лошадь и телегу никто не дал. Но с поклажей на спине она всё-таки добралась до города. Дорога вела через лес и пригорки. И только один указатель и подсказал, куда ей сворачивать надо.

Катя денег-то не знала, чтоб их уметь считать. Ей бы одеться надо. Хотя и одежды в то время не шили особенно. Всё было закрыто, заводов, фабрик не было. И тут она на рынке увидела одного старьёвщика. Он развесил старую одежду продавать.

Тут-то она и увидела халат старого покроя, чтоб себя и приодеть. Оставила Катя калегу старьёвщику. Хоть халат

был старый, выгоревший, немного пыльный, его хотелось похлопать, Кате он очень понравился. Потому что она знала, что ей будет теперь что носить. Вот такой она поимела оборот, чтобы как-то жить дальше.

ХИТРИШКИН КАФТАН

Бабушка Ася была известная швея. Сколько она шила и перешила, и всё не себе, всё другим. А сама ходила в одном синем шерстяном сарафане, а поверх него надевала серенький кафтан. И такая она была в нём юркая, скромная и незаметная, что ей всегда было легко ходить с большой сумкой по магазинам, и бегала она по делам так резво, точно сама лань.

И все думали: смекалистая бабушка Ася, раз всё по ней ладно сделано и сидит, и ничего не мешает. Видно, знает она такую житейскую хитрость, которая и помогает ей не оступиться в жизни и упрямо следовать своему делу. И дело даже не в удобной одежде, а в том, с какой сноровкой и даже с какой смекалкой, или как сейчас говорят, хитростью, она её шьёт.

Все уважали бабушку Асю. Вот она и есть хозяйка своего положения. Это не знающим остался один тришкин кафтан. А на бабушку Асю, как посмотришь, как она быстро бегает в своём сереньком кафтанчике, на её такое молодецкое проворство, так и скажешь: «И откуда у неё такой хи-тришкин кафтан?», «И отчего её выдумка сулит столько удачи!?».

А всё оттого, что хотели поспевать за бабушкой Асей с её делами. Старенькая она была, но ходила быстро-быстро, как секундная стрелка. И откуда в ней было столько энергии? Старый же человек. Было всем удивительно.

Как-то пришла к бабушке Асе тётка Петровна и застала её за делом. Она крестиком вышивала, а сама сидела и хихикала себе потихоньку. Видно, всё, чем она работала, вело с ней некую беседу.

– Э-э-э, – сказала Петровна, – не темни, баб Ася, рассказывай, куда сегодня ходила.

– Да что, никуда не ходила. Ведь всё по малому делу у меня, живу как все, ничем не выделяюсь.

– А я смотрю, сколько ты нашила салфеток, а манекен весь увешан блузонами.

– Да, это я делаю.

– А у меня вот одна головная боль. Так и раскалывается моя голова, так и раскалывается.

– А ты платок носи. Вишь, шлычка у меня, – сказала бабушка Ася и подтянула узелок шлычки на лбу.

– Это ты молодец, баб Ася, умная баба, есть у тебя чему поучиться. Только вот у меня-то как-то нет сноровки. Не знаю, как и за дело приняться.

– Ну, тебе человек нужен такой, чтоб всем на диво был.

– Где такого взять?

– Редких людей мало. Их, поди, поискать надо.

– Да это ты у нас редкий человек. Таких, как ты, больше нет.

– Уж не знаю, чем тебе-то и угодить.

– А ты мне дай свой кафтан. Уж больно хорош он.

– Да чем же он хорош? Не лучше твоего. Твой и то лучше. Вон с серебряными пуговицами.

– Да что те пуговицы, так и таращатся, как волчьи глаза. Вот, твой кафтан – ну, просто сказка, чудо. Как ни посмотришь на тебя, ты всегда первая, и везде твой кафтан мелькает. Ну, просто волшебство какое-то!

– Да нет никакого волшебства, просто я руки свои к нужному месту прикладываю, и ангелы на меня сразу летят. Всё с Божьей помощью.

– Э-эх, мудрёно ты говоришь как-то, бабушка Ася. У меня тоже есть в сердце Бог. Да вот я не умею, как ты. Видно, хитрость ты знаешь, да как ею научиться?

– Что на роду написано, так тому и быть. А человека жизнь только и учит.

ЛУЖКИ-КАМУШКИ

Усталость от дороги и дел так и валит с ног. Хочется глубоко вздохнуть и отоспаться где-нибудь далеко за горами, за долами, за пригорком в незаметной избушке с печкой. Только путь далёк и витиеват к ней. Хотя давно он изъезжен вдоль и поперёк, и околично всё к тому же окошку в домике у дороги, где живёт толстый кот Катакомбы.

Едешь, а вокруг луга, тимофеевка просыпает семя, и пригорки, и горки так и пляшут с тобой вприсядку, как на горке и старенький подвалившийся на бок домик из брёвен, что выторочил луб чередой. Проезжаю Совята, Челябу, Спас Барду, Гусельниково, Бырму где-то за Краснокамском, – всё русские названия. Да разве такая череда? Вот облака всё замолаживают и замолаживают. Нет им конца и края. Всё выплывают откуда-то из-за горизонта: то кипенно-белые, то иссиня-чёрные, массивные, как корабли. Небо так и бурлит. Потом облака смешиваются, сереют и превращаются в тонкое серое полотно, а ещё дальше небо светлое, и сверху над горой синее-пресинее. Речки Июль, Сивяки, Кишертка. Домики так и увязли в земле, ворочаются. А из-за окон облака так и выдувает, словно тюль ветер рвёт. Как надует одно такое облако, невмоготу ему, так и прольётся оно на землю буйными струями, хоть вешай на дверь крючок и нос на улицу не высовывай. А туча за собой ещё другие подтягивает. Да только с дру-

гой стороны уже солнце яркое светит, так скорей выбегай и гуляй себе вволю. За день солнце то в одно окно прыгает, то в другое, точно всё в доме ходит, как юла, успевай поворачиваться. То с одной стороны облако, то ушло в другую сторону. Легко прозевать солнце, хоть беги-лови его своими руками. Вот и раскрываются двери целый день туда и обратно, ручки так и скрипят, да капроном их обтягивать всё равно не станешь. А небо всегда бушует, словно сама Парушка, Параскева торжествует: разводи большую стирку. У бабушки целое ожерелье из прищепок, наденешь – так ниже пупа, и ещё корыто у неё большое. И не спрашивай, что за дело ходить на Баранные горы. Будто и дел нет. Ведь ингуши всё переделали. Как на свой крючок не запирайся: и сосну скрежевали. Работа такая, как на скрипке играть. Да сосна сама маэстро. Даже растёт, вроде на виолончель, похожа, такой у неё ствол. А то и лирохвост выкажет из спаренного ствола.

А ели-то здесь узкие-преузкие, высокие на пригорках, как махрушка, сосны пышные. Иной раз, невзначай меткий глаз и зайца на версте приметит, что мелькает белыми пятками, и глупого лисёнка на обочине.

А облака валят и валят, как и работа. Вот опять целая куча поленьев во дворе – только разбирай эту груду. Мужик и колет дрова, рядом на поленья залезла его Жучка и лает свысока. Кошка тоже верхний лубок любит, с него много ей видать. А вот медведь в лесу на самую верхушку дерева частенько лазает, кого только оттуда высматривает, какого гостя.

Ну, что это за Баранные горы? Там и коровы, и козы, и петухи, и тракторы, и хлеб сеют.

Жил на селе такой мужик. Звали его Вася Биас, шутник, жонглёр. В школе из хлеба человечков лепил и картошку на зубы налепливал. Как-то шёл он мимо сада, где сирень цвела, остановился, слышит, в сирени пчелиный рой гудит.

Даже боязно, как старенькой бабушке в платочке с крохотным узелком, вроде дикое яблочко.

Вот герань на окнах больше радует: цветы аккуратные, как стрижечка, и тюль ласково шелестит, точно берёзки весной в дымке. Вот только вишня и сирень начали цвести, да клубника-барыня не отстает, вместе с ними зацветает, тепло ей на широкой грядке, и глазками-цветочками подмигивает. Где-то мышь скребёт в доме, и стул поскрипывает, точно мышь с прутиком и играет. Ей бы у дивана поскрести, которым давно заморочились.

Не тонкая работа. А вот велосипедист даже полный мешок на руле везёт по неровной дороге, и хоть бы что. Опять нависают облака, как тонкие занавески.

В старых деревнях по утрам целые петушиные перепевы: так и надрываются певуны, кто громче. По утрам и чайники у хозяек сильно спорят. Вот оттопырил один чайник носик, словно курица ногу. Да что обо всём рассказывать? Бань много в деревне. И не такое покажется. Вася Биас скрывает кое-что, говорит: то не мужик ходит туда, а баклан один.

А вот едешь по дороге, и поодаль полно известных названий, как эхо в горах раздаётся: Майдан, Солянка, Крюково. Словно все одним миром мазаны. Летит, парит орёл в небе, всё видит. Вот бы тонкое перышко богомазам иконы писать.

Да всё кто-то поскрипывает, подскребает: мышь, кошка, собака, что-то карябают. Впору бабушке новый лоскутник нашить.

А кто говорит о наследстве? Раньше так знали: у кого больше кружев, половиков, тот и богаче, и род его длиннее. У кого высокий дом, тот рабочими построен. У кого низкий, осанистый – сами заделывали. У кого корыто, полное ложек, – у того рыба вялится на веранде. Да за всем уследи: чтоб ложки задаром не пропали, чтоб рыбу воробьи не поклевали зазря. Старое село полно всякой были. Вся как хлеб, осыпанный манкой.

Чуть ли не в каждом доме под крышей ветряки подвешены. Думали, Вася Биас этим и занимается вместе с Фёдором. Для чего только это безделие? Лучше Лиде помогать. Она порой одна и на Ключи ходит, и литовку точит. Так без мужика может быть нестрёмно. Грозные здесь деревни. Одни названия много о чём говорят: Корсаки, Мазуевка. Все осторожно бы, да осторожно. Хоть для этого Анания попросить. Да что в том? Дырявых вёдер полно в сарае. А тепла всё-таки хочется, не побоя же мужским кулаком. Иной раз как торопыжка станешь. Начнёшь на себя навязывать, навздёвывать, рядить по-всякому, как недоношенный ребёнок, утепляешься. Да соленииями-ассорти закусываешь, на суженого-ряженого гадаешь: там и огурчики, и помидорчики, и кукуруза.

Вася Биас ходит, Лиду смущает. Пусть бабы на лапшу сочень и режут. Подумать Лиде надо было, прежде чем за литовку хвататься. Вот схватила сама, так ей руку и обрезало. Потом собака её рану два месяца зализывала.

Почему-то Вася Биас страсть как любит сухари. Только умер он прежде срока от дизентерии. Эпидемия тогда была в селе. И похоронили его на чужом могильнике. Как так могло случиться? Звали его Максимов.

Лида всё также работает одна, домотканые половики ткёт и литовкой косит. Но вот над сыном её кадеты надсмеялись. Он от этого будто язык потерял. Так Лида достала большую сковороду из сеней, что в лебединых крыльях завалялась. И блинами кормила его каждый день.

ОДНОГО МУЖИКА ПРОКОРМИТЬ НУЖНА ВСЯ ДЕРЕВНЯ

Иван родился как-то странно, будто на удивление всем, в неурожайный год, когда все только и думали о хлебе на-

сущном и как его раздобыть. А он родился ещё, словно в том была небывальщина какая.

Рос Иван диковато, возле отца, в лесничестве, играл с белками и синичками. И будто никому не мешал, тихий и смирный человек.

Вырос он так и стал взрослый. Как-то раз он попал на деревенский праздник, где много собралось девчат и парней. Иван всех подивил собой, ведь был он немного диковат, не такой, как простые деревенские парни. И некоторым это странно показалось. И Ивана решили одурачить.

Раз на масленицу собрались деревенские люди у самовара и наелись блинами. Только Иван почти ничего не ел. Подошли к нему три девки и парни и стали над ним смеяться, да так язвительно. Иван не выдержал, как размахнулся рукой и сломал стол. Тут его схватили, связали и в избе на лавку бросили, чтоб Иван-буян одумался. Пошли подозрения, и решили, что Иван – разбойник.

Плохо стало от такой молвы Ивану, и он заболел, ничего не ел и только чах.

Одна девушка видела всё это, и поспешила к его матери рассказать о горе. С большим трудом удалось оправдать Ивана перед людьми, и вернули его домой почти безнадёжным.

Слёг Иван в постель больным и не вставал. И мать с отцом, сестра и братья его не узнавали.

Горько стало девушке. Побежала она по всей деревне рассказать о беде, чтоб люди чем-нибудь помогли. Девушка каждый день носила Ивану гостинцы и подарки от себя и людей. Иван ел-ел, принимал подарки, но никак не мог прокормиться. Люди и пироги, и блины передавали. А Иван всё не мог насытиться.

И взмолилась девушка:

– Это что за мужики у нас, что за рты у них, что за малый кусок готовы человека убить. У них хлеб – не хлеб, молоко – не молоко. А пустышка одна!

Взмолилась так девушка, собрала все жилы-силушки и напекла свои пироги, и стала долг свой отдавать. Понесла она эти пироги мужикам и тем девкам, что посмеялись над Иваном. Стали те есть пироги. Да пироги в рот не глядят, словно перемаслили хлеб им. Только детишки малые да голодные те пироги и съели. Остался последний кусок пирога. Девушка принесла его Ивану. Съел он его и мигом поправился.

Вот и думай, вся деревня научила девушку печь такой волшебный пирог или любовь её излилась в последней крошке. Вот и непонятно, как деревня одного мужика кормила. Всё равно, горе неотесанное. А любовь его сразу нашла.

ОДНА СВАДЬБА

1

В доме напротив, где жила Лялечка, обитали две бабушки-хозяюшки. Они очень любили Лялечку, всегда следили за нею и часто переговаривались о ней между собой.

Лялечка была пышная молодая девушка. Только последнее время стала часто болеть. Всё ей плохие сны снились. Даже тревожно от этого становилось нянюшкам. Они, как могли, старались утешить Лялечку. Да всё одни хлопоты.

А как в город приехал богатый купец, так нянюшки совсем встрепенулись, как бы Лялечка ещё больше не переволновалась.

Одну нянюшку звали Марфушей, а другую Фисой. Вот они собрались за чаем и завели толк о богатом купце, что приехал торговать товаром всяким: ситцем, мёдом, да безделушками, вроде всяких сувенирных плошек.

– Нынче купец богатый на ярмарку приезжал, товары свои раскладывал, – говорит Фиса, – сама видела, отмен-

ный товар. Да как-то немило было на товар смотреть. Всё почему-то Лялечка из головы не выходит. Плохо спит она, во сне кашляет.

– А почему кашляет? Заболела? – спрашивает Марфуша.

– Наверно, заболела. Только неспокойно всем. Кто ни пройдёт мимо нашего двора, все спрашивают, почему Лялечка кашляет во сне. Даже и тот купец приходил, беспокоился, почему Лялечку не уважили.

– Правда? Беда. А вот если бы Лялечка улыбнулась, так и торговля у него пошла сразу. Удачно. Это правда. С Лялечкой всегда было хорошо.

– Так купец тот даже запил в лавке, что никто им не интересуется. И всё про Лялечку расспрашивает, отчего и как она там. А Лялечка сердится во сне. Видно, сердце её неладное чует.

– Так что же нам в церкви на канун теперь ставить? Пусть хоть Бог Лялечке помог. И так беспорядка полно.

– Вот бы выздоровела Лялечка, тогда и дела пошли. И на кануне масло всегда лежало бы.

– Так вот маслице-то и нужно ей то самое, из Вологды, что в бочоночках нацежено, чтоб горлышко смазать, чтоб не кашляла. Вот для Лялечки лекарство.

– Маслице б у купца попросить. Чего ему зря пиво распивать? Пусть достанет. А то о Лялечке спрашивать стал. Да таким его никто не пустит. Нельзя Лялечку тормошить. Пусть поспит спокойно. Всю ночь чего-то она опять бредила.

Только разговоры одни дело не поправят. Разгулялся купец. Никто до прежнего Афоньки не дозовётся. А он всё до больной Лялечки добраться желает. И так она, как тростиночка, худенькая стала. Всполошились нянюшки опять о Лялечке и Афоньке, толк ведут.

– Что от пьяного Афоньки за прок? Купца не упросить. Ведь гуляет по полной, песни блатные распевает. Да в та-

ком виде хочет к ней в дом вломиться. Ведь увидит тогда Лялечку, так всю кроватку её маленькую перевернёт. А от рыка его и перегара она в ещё больший перепуг войдёт.

– Всё-таки подумывает купец о ней. Пьёт, пьёт, а изредка сердце о ней-то самой и постукивает.

– Лучше бы петь научился.

– Неизлечимое это дело. Один шум от той пьянки.

2

– Сказала бы я тебе. – Удивлённая Марфушка поспешила обрадовать Фису. – Только Лялечка вчера вдруг встала, открыла окошко. Солнца было много. Она сразу и ожила. Так и заулыбалась. И светло на улице было.

– А Афонька что? Приутих. В кабак больше не идёт. Товаров у него полно. Даже гудеть надоело. Здесь и надумывать нечего.

– Вот Лялечка маслице кушает, так и румяниться стала.

– А купец спрашивает о ней, здорова ли Лялечка, не кашляет ли. А то приду, приду, посмотрю на неё, какая она.

– А её все укрывают, кроватку день за днём перестилать не успевают. Неужель ещё и купец глянет к ней?

– Хитрый он, хочет куш себе, да побольше. А тут он до того догулялся, что стал к нему дух по ночам приходить. Он-то с ним даже беседы заводит, всё выясняет, к добру ли он или к худу навещает Афоньку. А про Лялечку Афонька помалкивает. Хотя давно у неё на заборе метку поставил. Да что эта метка Лялечке – пустая зазубрина.

Вот как солнце взошло в зените, пошла она сразу в церковь, набрала водицы. Да пока честной народ на Причастии отстоял, Афоня делов и натворил. Узнал, что Лялечка со двора ушла, бросился дрова рубить. Да почти целую поленницу и наколол. Слышит, колокол звенит, служба за-

канчивалась. Воткнул топор в полено почти по самую рукоятку, оставил в нём зарубку, а сам весь в угаре и шапку наземь бросил.

– Афоня, отдышись поди, – кричит ему сестра.

Да горько ему так, что никакой утехи не надо. Хочет он опять за топор приняться, дрова доколоть. Афоня топор с треском и со скрипом из полена вытаскивает и приговаривает:

– Во как меня-то жизнь подрубила, осекался не раз. Кому Птица Счастья летает, а мне так щепки в лицо. Завтра пойду за Лялечку свататься. Кони запряжены, а товары все для неё. Не устоит она, пойдёт сразу.

У Лялечки сердце почуяло нежданного гостя. Только она схитрила, в блюдечко молочко налила и ёжика под крылечком подзывает:

– Ши-пси-ля, ши-пси-ля.

Ёжик сразу проснулся, выбежал к ней, на боку у него два листочка и пёрышко. Увидел молочко и пьёт. Тут-то Афоня и входит. Да отступился. За порог ему не пройти – ёжик сидит, молочко пьёт. Сразу буйное сердце афонино и оттаяло. Он и говорит:

– Откуда такой ёжик? Пусть ко мне в шапку сядет, погреется.

– Никак у тебя голова горячая, – отвечает Лялечка.

Попил ёжик молочко и сразу в Афонину шапку и перелез, умылся и в комочек свернулся.

– Гры-гры. Вон как уснул ёжик, – забурчал Афоня, словно медведь, и самому ему спать захотелось, на ёжика глядя. Он даже зевнул.

Посидел немного Афоня на лавке, будто забыл, что хотел к Лялечке посвататься, и говорит:

– Хорошо у вас, да мне пора.

Оставил Афоня свою шапку, в которой спал ёжик, и вышел со двора.

– И чего я к ней бежал, как угорелый. Совсем не за чем.

Пришёл домой, и опять ему неспокойно стало. Завыл тут Афоня, нож взял в руки, в стол его воткнул.

– Тиха, как омут! – стукнул Афоня кулаком по столу и потянулся за бутылкой.

И вдруг видит Афоня, красные птицы летят и кричат что-то, из клюва языки огненные, налетели птицы и решили поклевать его.

Проснулся Афоня и видит: никого, только ночь.

– Плохо дело, – думает Афоня, а помочь себе не может.

Так полгода и проболел.

3

– А всё она, Лялечка, довела его, сгубила брата, – кричала сестра под окном её дома, – Никакой совести. Как ещё свет терпит такой позор!

Лялечка, услышав грозные выкрики, закрыла окно, и бросила шапку Афонину на улицу, чтобы сестра забрала её и больше не кричала.

Сестра подобрала шапку и погрозила Лялечке кулаком, чтоб та не мучила её брата. А у самой сердце от тоски сжимается. Сеструха быстро прибежала домой. Афоня сидел уже за столом и опохмелялся.

– Давно пора тебе в вытрезвитель. На, забирай свою шапку. И не ходи к этой дьяволице.

Вот только Афоня и увидел, что натворила сеструха, и закричал:

– Как ты посмела, дура, испортить все мои дела!

Набросился было Афоня на неё. Да только зять подоспел, схватил Афоню и кричит:

– Ты кулаками-то потише. Образумься. Пошёл бы, да и женился. А то в загулы сплошные ударился.

Афоня горячий. В ответ в пол плюёт. Хочет ударить зятя. Чует сестра неладное. Тут она и выскочила.

– Хорошо, побегу к Лялечке извиняться. Мол, Афоня решил жениться.

– Так бы сразу и сказали, жениться пора. А то что коней сдерживать. Давно узду стянули. Вот-вот сорвутся.

Тут дальше можно и не сказывать. Всем ясно, чем такие дела заканчиваются.

Лялечка и Афоня сыграли богатую свадьбу. И с тех пор и живут, как все люди, счастливо. Да и дети пошли.

ЗИМУШКУ ВСТРЕЧАЙ!

Будто Земля развернулась вспять и пошла обратно.

– Вот оно всё! Вот оно всё! – как контршаг адмирала витало в воздухе. И косило, ломало людей, дома и природу. Каждый прожитый день был отвоёван, будто рождался из чрева планеты с большим трудом и усилиями. Зима наступила очень морозная. Иней проступал на окна и в дом, на стёкла и посуду. Вода в бане промёрзла в вёдрах, и ледяные куски приходилось разбивать. Чтобы жить, нельзя себя давать в обиду, ни на чьи коврижки не поддаваться, смотреть на день насущный ясно и действовать. Во дворе со стороны колодца краснели редкие недособранные ягоды калины. Я наготовила настой из прошлогодней калины и пила его целыми днями. Настоянная калина сладкая, а свежая горчит. Косточки калины тоже красные и оранжевые. В город поехать – важное дело: цены узнать и про товар на рынке. Цены привыкли шкалить с огромной разницей: от трёхсот рублей до тысячи трёхсот за килограмм палтуса. Одно только яблоко «малинка» удивило, как детский кулачок с виду. Прославить его – прок. И пусть всю зимушку лежат накупленные.

Возле дома синицы щебечут, увидели, что им сальце на ветку повесила и семечки в кормушку подсыпала, налетели. Сначала робко клевали, а потом стали прожорливыми, пузатые, каждый божий день прилетали, как снайперы, атаковали сало и семечки вылущивали. Как проведали они про кормушку, с утра раннего перед окошком вспархивают, щебечут, требуют. Через неделю гурьба из трёх синиц выросла до десяти. А потом и воробьи прилетели, образовав озорную стаю.

После обеда позднее время для птиц, они разлетаются, разве что ворона где покаркает. Снег серебрится, морозно так, что двери и ручки слипаются. На горизонте, за колодцем, широкое бордовое зарево, словно провели ярким карандашом полнеба. Ворона широко взмахнула крыльями, будто решила взбить снежную перину, оставив рисунок на снегу. Прощай, прощай, тёмные декабрьские ночи. Настоящий мороз!

– Встречай зимушку. Вот и стоит печку растопить, и в валенках залечь на диване. Идёт зима ковать свою правду.

ЖИВЫЕ СТАРИНЫ

Как говорят, жизнь живым, а кто умер, у них свой мир. Но старина, вышедшая из прошлого, ещё живёт и шевелит жизнь. Вот в монастыре в Коломне пекут калачи на Новый год, как встарь. А дома, в деревне, сухари скопились на печи, надоели. Я их из ситцевых мешков в туесок побросала и на верхнюю полку отставила. И изюм с курагой рассовала по разным коробам. Орехи и семечки рассыпала. Уж начнёт мороз донимать, так орехи колоть – всяких злых и худых духов распугивать.

А время, как всегда, бежит, поторапливает, будто такой нагоняй. Оно такая известная переменная, как скорлупа,

и крошится в мелкий песок и разлетается даже по свету, как пыль или снежинки, оседает, словно иней.

Но в памяти остаются уроки и предостережения предков. И в трудную минуту, когда споткнулся твой конь и подломил ногу, всплывают твои ангелы-спутники и рассказывают о том, чего раньше не успели рассказать. Будто нашлась нужная ниточка к твоему наряду. И простое платьице стало нарядным и кстати. А я зимой сижу дома, зашиваю подушки, полотенца и коврики. Будто где-то дюймовочка запела песню, то ли на лоскутике, то ли на платочке. И в зимнем окошке с узорами, что раздул ветер-художник, заиграли жаркие лучи солнца. Поворачивай на лето! Стоп! Обратный ход! И дом, как корабль, то утопает в сугробах почти под крышу, то мокнет под сосульками, скрипит, переворачивается, движется; неживое, забытое становится желанным, как данное, ушедшее, убывшее, почти осязаемым. Ветер дует, раздувает узоры на окнах, на сосульках играет, словно на ложках, что вокруг чаши-братины повисли. Домики снегом занесло, словно уточки зимуют, крыши и столбцы в шапках, как бояре. У своих домов сидят жирные коты, напушены, смотрят на дорогу. Сколько старины! В городе ездят белые кареты с двумя лошадьми. Дома с резными заборами, словно кремль в миниатюре. Каждый особенный, осанистый, знай подход к своему делу, задумка – не тяп-ляп. Только крылец нет. Старенькие резные двери под высокими навесами, там собирается всякий люд. Лёд, снежок, дорожки чищены, словно лыжня от дома в дом проложена. Выбегай, выкатывай! Чин чинарём! Не город, а большой улей. Кипит. Живые старины! В деревнях понине живут мастера, рисуют иконы, в домах старинная резная мебель. Накануне стучали в железную колотушку. Под Рождество идут колядки. Дети с фонариками и огоньками зовут хозяев из домов. Мол, какими

конфетами медведь лакомился, поделись. Погремят, посвистят, посверкают, споют что-нибудь, попугают мороз, да и сами от мороза попрячутся.

МЕДАЛЬ ЗА ПЕРЕПИСЬ

Что сейчас творится на улице в столице?! Просто ужас! Да ещё гастарбайтеры объявились. Так с документами вообще большой беспорядок произошёл. Это я к чему говорю? Из-за чего я так беспокоюсь? Выбрали меня секретарём по переписи населения. Меня знают в Управе. Я герой труда, почётный донор и известная шахматистка. Сколько у меня грамот в рамке висят! А с переписью-то у меня целая история была!

Сказали нам явиться на участок. Подошли мы к ДЭЗу. А там амбалы стоят. Увидели нас, да как обругали, чтобы мы отсюда ноги уносили, пока не поздно.

Но на следующий день на участке было тихо. Мы спокойно пришли в ДЭЗ и заняли свои места. Нам выдали значки на грудь «Перепись населения». Почётно очень.

Я пристёгиваю значок на грудь, смотрю в зеркало. Ну, кто я сама, сейчас перепись выяснит. Да. Щёки у меня татарские. Это сразу видно. Такие – почти у всех, на кого ни погляди. Недаром мы триста лет под татарским игом жили. Ну, что тут говорить, значит, все оттуда.

Только мы начали работу, как люди стали подходить. Ну, я тут, конечно, паспорт и спрашиваю и всё записываю. И такая у меня любовь к документам появилась: паспорт беру и сверяю с записями. Вот какая у меня была работа на участке – сидела и писала…

А как-то раз я в домуправление направилась. Прохожу в дом, а рядом подвал. Заглянула я туда. А там одни матра-

сы лежат горой, и какой-то «чёрный» и грязный сидит на них. Я его спрашиваю:

– Ты кто?

А он не понимает и отвечает мне:

– Нэ-э.

Я опять спрашиваю:

– Как звать-то тебя?

А он опять не понимает, вытаращил на меня глаза и громко так:

– Нэ-э! Нэ-э!

Попугивать меня стал, хочет выгнать.

А я вижу, здоров мужик, толкнёт меня или ещё чего свалит. Я скорей милицию позвала и привела сюда. И опять спрашиваю:

– Где твои документы?

И на пальцах показываю, мол, записать надо. Он тут понял, в чём дело, и говорит:

– Джек забрал! Нэ-э, нэ-э!

И мотает головой. А мне без данных уходить нельзя, надо же документ, чтоб записать.

– Так кто ваш хозяин, у кого работаете? – спрашиваю я, да толку никакого. Мужик, видно, сам не знает, кто его хозяин, видно, взяли документы у всех его друзей и поселили в подвал.

– Джек, джек, нэ-э, – мычит «чёрный», а сам удивлён нам, точно мы инопланетяне какие-то. Так с милицией и ушли.

– Значит, ЖЭК за этих подвальных жителей отвечает, – решила я.

Вот какие люди у нас в городе живут! Неизвестно, где ночуют, и как пристроились. А уж про гигиену и говорить не приходится. Чего только не насмотришься. А порядок-то всё равно нужен.

Конечно, на участке спокойнее, и всё вроде бы на месте. А вот на улице что, да за подворотней – это страшно.

Вот как я работала!

А что? Меня от управы наградили медалью и вручили диплом «За перепись населения». Я это дело помнить буду.

БУСЫ ИЗ ГИЛЬЗ

Сегодня мы были в крошечном ресторанчике «Д'Иван». Всё там было маленькое, почти как в детском уголке: диванчик, стулья, столики. И даже дали нам переобуться в тапочки. Найти ресторанчик было совсем непросто. Он был в каком-то переулке за старыми, кирпичными домами. И мне показалось, что мы «дети подземелья» или просто у нас дурные нравы, что мы так поздно где-то ходим.

Но дурным обществом нас назвать было нельзя. В ресторанчике собирались два английских клуба, ещё и наш, литературный. Вопрос на занятии был психологического плана: о чём и как нас обучают в институте, и следует ли после него проходить непройденное, как быть отстающим двоечникам. Впрочем, удивлялись мы не двойкам, хотя и были у некоторых «хвосты». Меня же всегда коробили четвёрки. Ну почему не «пять», как повальному большинству, а «четыре»? Они, эти четвёрки, – колючки какие-то, и напоминают холодный кабинет доктора и болезненный укол, а то даже колючую проволоку, за которой сидят заключённые. Не то что «пять», как круглая ложка сладкого сидра.

Некоторые пятёрки получали автоматом. Вот здорово! А мне приходилось отстреливаться от профессора. Знаю, сама видела, хотел меня завалить. Но я отстреливалась. Я пальцы держала хериком и бусы надела «из гильз». А он мне тут в лоб смысловую затычку выдаёт: «А если у Клеопатры нос был короче, была бы она красивее?». Эти смысловые затычки я бы и сама придумала. Да он этим так свой хлеб зарабатывает. А я понимаю, к чему он

клонит, и молчу в ответ. Хотя всё равно знаю: отвечу ему или нет, всё равно «колючку» поставит, ну, «четвёрку», значит.

А тут рядом со мной одна сидит. Ну просто «колючка» сама из себя: на каблуках-шпильках, и в голове шпильки, и глаза в очках треугольниками, будто и в них колючки сидят. Вот нарядилась-то! Страх! Мне скоро тюремные застенки приснятся. Ну что тут скажешь? Разве счастливое студенчество у нас? Кому скажи, не поверят. Вот такой замкнутый круг. Он, действительно, замкнулся. Я пришла домой и бусы «из гильз» снять не могу. Они на магните, и где скрепляются – не видно. Хочу разъединить, да не найду, где края соединения, как в капкане. Неужели, они, как ошейник колючий, на шее останутся. Но тут дернула их смело, рука соскочила в сторону, и бусы раскрылись. Сим-сим, откройся. Надо знать волшебное слово. Оно поможет. И профессору понравится тоже. Вот чем надо заниматься. Искать волшебные слова.

МАДАМ МУХИНА

– Ну, кто там стоит за открытой дверью и никак не может войти? Заходите же! – крикнул главный редактор литературного издательства и оглянулся на дверь, которая так надоедливо скрипела.

– Я хотела спросить, можно войти? – Робко протиснулась в дверь тучная женщина в шляпе и шарфике.

– У нас всегда открытые двери. Конечно же, входите. Чего спрашивать и надоедать лишними вопросами?

Женщина вошла, села перед редактором и заковырялась в сумке.

– Кхе-кхе! – прокашлялся редактор. – Вы по какому вопросу?

– Я хочу издаться в альманахе. Принесла свои работы, – произнесла женщина низким голосом.

– Это очень, очень хорошо. Нам нужны свежие материалы, – отчеканил редактор.

Женщина достала из сумки целую кипу бумаг и со вздохом выложила её на стол.

– Что? Что это? – воскликнул редактор. – Мы же объявили объём текста: не более одного авторского листа. А вы сколько принесли?! Целый роман или книгу? Вы же не одна будете печататься.

– Но, – сказала женщина, – я бы очень хотела издаться.

– Нет, нет. Не можем, – отрезал редактор.

– Ну, хотя бы почитайте, о чём я пишу. Я очень вас прошу.

Женщина раскрыла титульный лист, и редактору ярко бросилась в глаза её фамилия Мухина. Он нахмурился.

– Так, мадам Мухина. Мы очень уважаем таланты. Но так нельзя. Надо считаться и с другими авторами.

– Значит, мой труд пропал? – воскликнула женщина и упала грудью на стол.

Редактора это ничуть не смутило, и он с железным спокойствием проговорил:

– У нас очень много талантов. И когда придёт Мухина, потом Капустина, потом Кабанова, и у каждой в руках, что ни рукопись, то целая книга, а мы должны уже считаться с каждой. Тут приходится испытывать такой пресс отношений, что одним стрессом не отделаешься. Но у меня голова крепкая. И говорю я ясно. Придётся сокращать!

– Неужели мне зачеркнуть всю свою работу! – ахнула Мухина и поникла головой.

– Ну что вы расстраиваетесь? Не удастся издаться в одном сборнике, опубликуют в другом, в третьем, в пятом, десятом…

– Так это столько ждать придётся!

– Ну, как вам мысль в голову не влетит, мадам Мухина?!

Всё должно происходить постепенно, по плану. Мы же тут не «бешеные литераторы» какие-то, которых муха цеце укусила. Каждый рассказ тщательно отобран, перечитан и перепроверен. А вы… вы даёте мне целую кучу непонятной литературы! – стал гневаться редактор и повысил голос. – Уважать надо редакцию, мадам Мухина. Платите за двадцать страниц, и я выписываю бланк.

Мухина стала расплываться в лице.

– Ну-ну, я совсем не ожидала. Вы меня и Капустиной, и Кабановой называли. А я такая тонкая женщина, такая гибкая… такая нежная.., – всхлипывала Мухина, вытащив носовой платок и вытирая слёзы.

Редактор сделал вид, что ничего не заметил.

– Вы жестокий человек, «лёд», бессердечный. Разве после ваших рук поймут, как я раскрыла своё сердце на этих страницах. Каждая глава моей повести – клад. А вы хотите всё четвертовать, как палач. Нет, я не буду издаваться, не буду, не буду!

Мухина подобрала свои рукописи, положила обратно в сумку и встала.

– Вы получше разберитесь в том, что вы написали, а потом приходите. Тогда поговорим, – железно проговорил редактор и отложил папку с бланками.

Мухиной в комнате мигом не стало, будто она и не являлась к редактору, и этого разговора не было в помине.

КРЕДИТ ВЕЖЛИВОСТИ

– Дела у Вас, Петр Петрович, крайне пренеприятные. Точно вы лицом в грязь угодили. И теперь вам уйти с работы осталось. Удержаться разве можно в таком положении? Долго вы танцевали на одной ножке, а теперь ещё на скользкое наступили. А всё оттого, что на ваше место дру-

гие метят. Извини-подвинься. Прощай тут любимые манеры, ум, красота. Ваш успех быстро другим достанется.

– Так кто же тогда обо мне подумает? Кто теперь я? Или только ждать пинок большого сапога?

– Правильно сказали. Будет тогда вам работа. И ещё поживёте. Только, пожалуйста, без ругани, без мата. Мы уважаемые здесь.

– Как же мне жить прикажете? Я нищий. Всего на десять тысяч в месяц живу.

– А так о вас сказать нельзя. У нас средняя зарплата восемьдесят тысяч. Вы лучше посчитайте, с чем вы остались, и кто вы такой.

– Да никто же, говорю, я Ноль.

– Да нет. Не может быть. Это вы вежливости не знаете, английского. А помнится, в прошлые-то времена кавалеры на колено падали. Люди были не промах.

– Так что? Теперь и мне пасть осталось?

– Нет. Вы уж на ногах стойте, стойте.

– Да, умирать лучше стоя, как Кухулин.

– Ну, мы не Кухулины, мы симпатичные люди. И вы это цените, цените.

– Так что мне от этого? Меня никто не ценит. Встали вместо меня, взяли мою работу, и спасибо не сказали. А мне хоть не жить теперь. С кем быть вежливым, когда вокруг такое дело, где совсем не до вежливости, провалиться только и осталось.

– Не переживайте, за это только вам плюс будет.

– Ничего себе плюс. Я лучше уйду, уеду в забытую деревню, на край света. Провалюсь сквозь землю. Главное, чтоб меня не достали.

– Эх! Хромает ваша вежливость. Ведь ещё поплачете из-за этого, пожалеете о себе, что отвернулись от хороших людей. А всё английский хромает. Им надо заниматься. Просто необходимо.

– Демагог вы, Сергей Сергеевич. А я так не могу. Я устал. Уж увольте, я ухожу.

– Научились бы стоять на ногах и смотреть в глаза обстоятельствам. Без этого валяться Вам в луже.

– Ничего. На природе хорошо. Да ведь солнце и лужи высушит.

– Я думал, вы доброжелательны. А вы, наоборот, не хотите быть с нами.

– Ещё бы. Легче палец отморозить, чем у вас сидеть.

– Я уже понял. Вы нас покидаете. Прощайте. Пишу приказ о вашем увольнении. Раз не берёте кредит вежливости, не знать вам эту науку.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

– Здравствуйте, – сказала пожилая женщина невысокого роста в длинной юбке проходившему мужчине, который вёл большую собаку домой.

– А, здрасте, Надежда Павловна.

– Да я не просто так сказала. Это когда желают добра при встрече, говорят: «Здравствуйте», а я стихотворение написала, «Здравствуйте» называется. Хотите, прочту?

– Конечно, – сказал Володя.

Так звали встреченного мужчину, соседа Надежды Павловны. Старушка выпрямилась и начала читать с выражением.

– Очень хорошее, приветливое стихотворение, – сказал Володя, выслушав её. – Вы же давно пишете стихи, как я знаю.

– Давно. Но это стихотворение я написала недавно, и уже многим прочла.

– Так вы и выступаете?

– Да, и выступаю. Хоть я и неказистая: и пальчиков нет, и ножки какие-то чудные, на протезах, а успеваю многое.

Я с молодости такая расторопная. Меня и любили за это люди. Хоть я без ножек, а окна мыла и шила, и все мной восхищались. И замуж-то я вышла, когда увидели меня за делами. Меня за нитками позвали тогда, а сами смотрины устроили. Так и вышла я замуж, и прожили мы с мужем долго.

Что Надежда Павловна пишет книги, знали многие в её районе. Однажды был концерт для пенсионеров. Выступала известная певица. После концерта вышли ей дарить цветы. И Надежда Павловна подошла её поздравить.

И вдруг из толпы зрителей появился на сцене один мужчина, схватил Надежду Павловну за руку и сказал всем:

– А я знаю вот эту женщину и её прекрасные стихи. У меня есть её книга. Почитайте нам что-нибудь, Надежда Павловна.

Старушка осталась на сцене, взяла микрофон и прочла свои стихи.

– Это чудесно, – продолжал мужчина после её выступления. – А знаете, что у этой женщины нет ног? А она даже не подаёт вида.

Все в зале очень удивились и громко захлопали.

Надежда Павловна засмущалась, но подошла опять к микрофону.

– Вот некоторые жалуются, что ноги болят. А у меня нет ног и болеть нечему. Так и живу, – сказала она и стала сходить со сцены.

Глядя на неё, нельзя было подумать, что под длинной юбкой у неё протезы. Походка её была легка, хоть немного нескладная. И только на ступеньках старушка повернулась боком и медленно переставила ноги.

Кроме чтения стихов Надежда Павловна играла на фортепиано. Всего тремя пальцами на левой руке она нажимала басы, а правой подыгрывала мелодию. Слушая музыку, никто также не догадывался, что у Надежды Павловны

есть недостаток. Как-то из-за нужды ей пришлось продать пианино. Без музыки она не могла. Случайно она узнала, что одна английская семья из Лондона дарит хороший, хоть и бывший в употреблении, синтезатор. И она договорилась с ними.

– Ну вот, к какой-то бабке англичане должны приехать, – хвасталась перед знакомыми Надежда Павловна.

И действительно, через некоторое время ей привезли из Англии синтезатор, который она быстро освоила. Теперь песни она исполняла, играя на нём. И все удивлялись, как такая маленькая, но полная энергии, старушка громко поёт и читает стихи зрителям на весь зал. Она не только не замечала свой недостаток, но была выше его, выходя на сцену, и гордо вела себя, читая стихи и рассказывая истории из своей жизни.

– Ведь это надо сначала с ума сойти в каком-то роде, перевернуться всей душой, чтоб написать какие-нибудь строчки, – откровенничала она со мной, – а ведь меня даже школьники узнают, как поэтессу, говорят, что мой «Преображенский вальс» все в школе знают наизусть. А один мальчик так и сказал мне: «Надежда Павловна Бауман – настоящий поэт». И я ему была только благодарна. Вот так вот, Леночка.

ДОМ С ПЕТУШКОМ

1. Приехали

Маленький деревенский домик с двумя окошками и покосившейся завалинкой нам достался от деда. Сам он прожил в нём три года, когда переехал из Москвы. Но

подрастали внуки, и низенький домишко в одну комнату, соединяющейся с кухней, где была большая печка с лежаком, стал тесен. Дед купил большой дом с отоплением ОГВ и с большим двором и переехал туда.

– Евгений – строитель, придумает лучше дом, – сказал дед Анатолий о папе, когда передавал ключи нам, и мы обрадовались, что у нас есть теперь какое-то, но своё дачное жилище.

Когда мы вошли в домик, меня удивили низенькие окна, в которые была видна старенькая металлическая койка, доставшаяся от бездетного деда и бабы Насти, живших здесь ещё до нашего деда. В доме пахло каким-то затхлым воздухом, то ли от гнилого матраса, то ли от старых половиков, то ли от мышей, хозяйничавших в пустом доме. Этот запах сразу бьёт в нос, когда входишь с улицы, но постепенно начинаешь к нему привыкать. Но вот ещё одно неудобство – печка. Она дымила оттого, что её часто не топили, и мама начинала кашлять, волноваться и ругаться.

– Ещё этой хреновины не хватало в доме. Будет у нас новый дом, проведем ОГВ или хотя бы поставим буржуйку. Иначе я угорю так на кухне.

У мамы все валилось из рук. После длинной дороги из Москвы в Парфентьево хотелось есть. А ужин нужно было приготовить. Маленькая электрическая плитка никак не нагревалась. Но вот нагревшись, она давала такой жар, что нужно было торопиться снимать сковородку.

– Ой, чёрт! – крикнула мама. – Всё неладно. Всё вокруг чужое, не подступиться.

– Здесь плита есть газовая с баллоном, – сказал папа, утешая ее, выйдя на веранду. Но мама, сердитая, его не слушала.

Выходные ещё не начались. Пятницу, последний рабочий день недели, мы заканчивали обычно на даче. Впе-

реди много работы – нужно строить новый дом. За что взяться, чтобы начать строительство? Мысли бегали, представлялся титанический труд. Но радость, что есть своя дача, где можно отдохнуть от городской суеты, придавала силы.

Больше всех был спокоен папа, привыкший к сельской жизни с детства, сам он родом из деревни. Главное, считал он, наладить хозяйство, сельский труд, а там дело само приложится. Он вышел на крыльцо и увидел соседку.

– Вы московские? Анатолия? Он рассказывал о вас. Евгений?

– А Вас как звать?

– Зинаида, – представилась мордвинка лет шестидесяти.

– Значит, соседями будем?

– Значит.

– Жень, иди ужинать, – позвала мама отца.

– А хозяйку-то как звать?

– Валентина.

Услышав разговор, мама вышла из дома. Мимо пробежала черная с белыми пятнами кошка.

– Мань, Мань, Мань, – крикнула тётя Зина, – это моя попрошайка бежит.

Мама, держа кусок хлеба и сосиску, решила угостить кошку и позвала ее. Та быстро кинулась к сосиске и съела её.

– Вот хорошая Манька!

– Манюнька такая, только дай ей.

Кошка стала ласкаться, выпрашивая еще сосиску.

– Ах, какая, ну что ещё тебе? А нет. – Мама решила погладить кошку и поднесла руку к её спинке. Но кошка дёрнулась и хотела ударить лапой.

– С характером, видно, ваша Манюнька, не даётся.

– Она котят недавно понесла, брюхо-то растёт. Вот и недотрога. Нельзя её никому гладить. Такая мамочка она, – сказала тётя Зина.

Папа не слушал больше соседку. Кошачьи дела его не интересовали. Он включил на всю катушку старый приёмник и слушал новости. Голос диктора прерывался помехами волн, так похожими на грохот, что у меня заболела голова.

Я подошла к маме:

– Папа радио слушает, а про ужин забыл.

– Сейчас мы его позовём. Жень, садись за стол.

Папа прихватил с собой приёмник и сел ужинать.

– Привыкай, – сказала мама, – телевизора нет у нас пока, зато радио.

После ужина мы легли в отсыревшие постели, хотя бельё было своё, привезённое, и я долго ёжилась под холодным одеялом. До глубокой ночи не умолкал приёмник. И я засыпала под настойчивую говорильню диктора.

2. Утро

Прохладное майское утро проникало в окно. Я проснулась от суеты на кухне. Шкворчание сковородки раздражало слух.

«Ну почему никто не мешает на сковородке, подгорит же», – нетерпеливо подумала я и встала.

Мама выключила плиту, но сковородка трещала, пыхтела, из-под крышки клубился пар. Я всё видела из-за тонкой шторки и одевалась. Было прохладно, и я натянула старенький синий свитер, в который было холодно влезать, но представляла, что в нём я быстро согреюсь. Одевшись в старые вельветовые брюки, я поторопилась к умывальнику.

Городская привычка лить воду через кран напоминала о себе. Я неумело сцеживала воду через носик. Но оказалось, что нет воды. Я взяла ковш, черпнула из ведра воду,

принесённую ещё вчера папой, и налила в умывальник. Маленькая порция воды полилась мне в руки.

– Как непривычно умываться.

– В городе разбаловались, льёте зря воду, а в деревне люди-то экономные и вода по расходу.

Я вытерлась полотенцем.

Мама уже сидела за столом и раскладывала каждому вилки. Вилки были старые, ещё прежнего хозяина до деда, алюминиевые, и, казалось, что к ним всё прилипало или присыхало.

– Надо свои вилки привезти из нержавейки, а то неудобно чужими есть, – заметила мама.

– Простой хозяин-то был, неприверединв. Это мы как баре, всё чтоб у нас блестело, да гладко было.

– А я не могу такими вилками есть.

– Ладно, в следующий раз привезём с собой посуду и вилки.

После завтрака я вышла во двор. Перед крыльцом цвела раскидистая груша. Её ствол будто сплетался, выворачивая кору, в которой образовалась большая трещина.

«Мама говорила, что грушу надо глиной замазать, – вспомнила я, – да её где-то надо достать ещё».

Я пошла по тропинке, обросшей мелкой ярко-зелёной травкой. Такая зелёная травка бывает только в мае. Перед окнами, будто кланяясь, росли две тонкие вишни. Они были белые-белые, словно в фате невесты. Подул лёгкий ветер, их ветви шатнулись.

– Здравствуйте, вишни, – сказала я, – доброе утро. Вы так свежи!

Вишни, как согласные, стояли тихо, чуть обсыпая белые лепестки, словно пригласительные билетики в сад. Рядом под ними на солнечном пятачке набухали тюльпаны. Но утренние бутоны были собраны словно в плотную коробочку, и выделялись заостренными краями лепестков.

«Тюльпаны словно сердечки», – подумала я и ушла на веранду. Папа принёс от деда картошку для посадки, и её надо было сортировать.

Солнце уже поднималось и начинало припекать.

– Возьми ведро, принеси воды, – позвала меня мама.

– А где вода–то?

– Ну где-где, забыла уж?

Колодец был общим на нашей улице за вторым домом от нас, небольшой, с треугольной крышей и шатающийся, когда поднимали ведро с водой.

Я зачерпнула воду, но, поднимая ведро, не смогла его вытянуть, оно за что-то зацепилось. Я стала отводить цепь, на которой висело ведро, в сторону, чтобы освободить его и, наконец, подняла. Ведро было наполовину полное.

– Неумеха же я! Куда мне за водой идти, – рассердилась я на себя, покраснела и опустила ведро в колодец ещё раз.

На этот раз я придерживала цепь в сторону и набрала полное ведро.

«Повторенье – мать ученья», – убедилась я про себя, слила воду в свои ведра, закрыла колодец и пошла к дому.

3. Стройка началась

– Что жить в такой землянке? Вы ещё молодые, постройте себе большой дом, – уверял нас дед.

И папа по вечерам после работы изучал литературу о постройке деревянного дома. Решиться самому строить в одиночку – отчаянный шаг. Но мы все верили в папу и настраивались на взаимоподдержку.

Первое, что сделал папа, – это заготовил стройматериал. Привёз на грузовике камни для фундамента, в лесничестве заказал доски, а главное, сделал план дома с комнатами, верандой и оградой с подсобными помещениями.

И работа началась. Когда были солнце и хорошая погода, работали на улице, строили дом, сажали овощи, пололи грядки, а когда дождь, работу искали в доме: перебирали семена, овощи в погребе, подшивали старые мешки, убирали дом: мыли полы, складывали одежду. Так и пошло всё у нас.

Папа – строитель. Он знает место каждому камушку, каждому бревнышку. А теперь он начал строить фундамент. Подбирал самые крупные камни и по устойчивости укладывал их друг на друга на цемент по протянутой верёвочке. Тщательно проверяя, верно ли лёг камень, постукивал по нему, и только когда камень не шатался и не двигался, укладывал его на цемент. Строить фундамент – самая кропотливая работа.

К вечеру уже показался первый угол с торчащими камнями. Его надо заровнять цементом и продолжать дальше работу.

Недоделанный фундамент был похож на полуразвалившиеся основы здания в древнегреческом городе, где остались циклопическиие постройки, и я бегала мимо него, обрадованная, что уже показывается часть нового дома. А папа кричал мне:

– Еленка, не шуми. Помоги лучше, принеси камушек.

И я брала из кучи самые большие камни и несла их папе. Он осматривал края камня. И там, где камень был поплоще, укладывал тем концом на другой камень…

– Эх, – думала я, – работа идёт медленно. Вот уже почти два месяца папа работает, а всего-то только одни намётки дома, будто целый век прошёл, а дома нет.

Мама занималась огородом. У нас была теплица с помидорами, где она подвязывала кверху густые ветви растений, ощипывала пасынки и удобряла кусты. За удобрением она посылала меня к деду, который разводил кур, и куриного помёту было больше чем достаточно.

Дед жил рядом, через улицу. Но обычно я шла к нему более коротким путем через дворы и луг к заднему двору. Я проходила через соседские дома, где жили Просвиркины и старенькая, вечно сгорбившаяся Татьяна Ивановна, а дальше – домик с пушистой дворняжкой по кличке Ваучер. Добрый пёс всегда выбегал из будки, когда его окликали. Он ждал какого-либо угощения, кусочек хлеба или колбаски. И я бросила ему оставшуюся куриную косточку после обеда. Он заскулил в знак благодарности и, проводив меня взглядом до конца калитки, ушёл с добычей себе в будку.

– Здравствуй, – сказала я деду, когда вошла в сарай. Там дед натягивал на рогатину только что снятую шкуру кролика.

– Здравствуй. Чего с ведром?

– За помётом пришла.

– Помёту у кур много. Иди, набери сама.

Он провел меня мимо вольеров для кроликов, загона для козы, который одно время был свинарником. От курятника были проложены огороженные проходы для кур в сад, а с торца дома стояли плотницкие столы с материалами и инструментом. Сверху над ними висела картина с живописным пейзажем неизвестного художника в резной рамке.

– У тебя картина во дворе? – удивилась я.

– А как думаешь? – возмутился дед. – Культура должна быть во всём, и в деревне. Каждой травинке, каждой соринке должно быть место. Настоящий хозяин это понимает. Он и стружку собирает и сорняки – всё у него идёт в расход.

Я прислушалась к дедовым словам, думая, что дед говорит что-то очень сложное, одним словом, про культуру! Это дело серьёзное. Значит, не просто кинуть сено и уйти. А каждая соломинка что-то да значит. Это я поняла, когда папа посадил овёс. Но об этом позже.

Дед открыл дверь в курятник, и я оказалась в полной темноте, словно зажмурилась. И только услышала, как курица-наседка слегка заволновалась.

– Ты только осторожно. Наседку не спугни. С краю вон, где насидели куры, там помёт и подбери.

Дед дал мне лопату, и я стала собирать помёт. Он оказался слишком тяжёлым. Не то что сухой коровяк, который мы собирали с мамой на лугу. Тот был лёгкий и не пах. Собирать его была одна забава. Трава щекотала ноги, жужжали насекомые. Так за делом, мы проходили весь луг, где паслись коровы. Дома, в саду его замачивали в большом металлическом чане, бросали в него траву и закрывали крышкой, чтоб настаивался. Потом им поливали помидоры и огурцы. Теперь чан опустел. И я должна была принести куриной добавки.

Ведро было словно из свинца. Руки мои отвисли, и я поплелась по дороге, то и дело ударяя себя ведром по икрам. Возле большой старой берёзы на повороте я не выдержала, устала и поставила ведро. Невольно я обратила внимание на подъёмный кран, где строился большой дом. Его строила тётя Мария с дочерьми, продав старую дачу. За большие деньги они пригласили рабочих и проводили строительство.

«Быстро у них дело идёт, – подумала я и загрустила, – а папа-то всё сам, да один».

4. Мурзик

С приобретением дачи у нас появился кот Мурзик. Котёнком мы его забрали у деда от старой сибирской кошки прежних хозяев. Котёнок был такой же пушистый и своенравным, как кошка. Он вырос в крупного кота и чувствовал своё лидерство во всём: по отношению к чужим котам

и кошкам и даже к маленьким собачкам. Хотя его знали как дачника, его боялись соседские коты, когда он приезжал на выходные вместе с нами, и убегали от него. Кроме того, он был настоящим охотником и добытчиком. Он приносил воробьёв, мышек, играя с ними и показывая уже придушенных жертв нам, и только потом съедал. Однажды он поставил рекорд. Он принёс крысу и положил её на крыльце. Мама увидела её и удивилась. Это была здоровая сукотная самка. Размером она была чуть меньше самого кота.

– Значит, у них была настоящая схватка, – сказала мама, – а ведь он не только умертвил, но и принёс такое страшное чудовище.

Это был настоящий подвиг Мурзика.

Когда мы приезжали на дачу, кот начинал проявлять дикие инстинкты. Вместо городского мурлыкания у него появлялось чуть ли не собачье рычание. Я никогда не думала, что коты тоже могут рычать. Он избегал нас, прятался где-то в огороде под помидорами, то в теплице, то под малиной. А иногда и совсем убегал к дальним огородам у поля за добычей. И тогда мы волновались. Ведь за чужими котами в деревне охотились, и его могли просто убить вилами.

5. Колодца нет

– У нас даже нет колодца, – волновалась мама, – лето жаркое. Как поливать огород?

Вода в бочках и в ванне, стоящих под сливом уже закончилась. А поливать ещё было нужно. Огурцы сохли.

– Кольца обещали только в сентябре привезти, – отвечал папа, – это лето придётся потерпеть.

– Где же взять воду?

– А если с пруда привезти?

У нас была старая деревянная тележка и металлическая канистра для воды. И мы с мамой поехали на пруд. Он был рядом, за общим колодцем, обросший ивами с берега и густыми зарослями камыша, похожий на Алёнушкин пруд с картины В. Васнецова. Это было живописное местечко, где дети ловили мелкую рыбёшку, а бабы полоскали половики.

Мама взяла два ведра и стала таскать воду в канистру. К пруду был спуск, и полные ведра приходилось поднимать – тяжёлая работа. Мама уже после десятого ведра стала задыхаться.

– Это что, Валя, ты вёдра таскаешь? – спросила соседка тётя Дуся, жившая со стороны пруда.

– Огород поливать надо. – Мама стояла в промокшей самострочной рубахе и в чёрной юбке с тёмным пятном от воды и досадовала на себя.

– А нам хорошо. Мы прямо из пруда воду качаем и поливаем.

– А нам только к сентябрю кольца обещали привезти. А пока нет колодца, вот из пруда воду и возим.

Наконец, канистру наполнили. Теперь нужно было повезти тележку. Но колёса упёрлись под тяжестью в одну сторону и не желали ехать.

– Что за чёрт! – не выдержала мама, – вся деревня надо мной уже смеётся. Никто воду не возит. У всех колодцы. – И, чуть не плача, от досады дёрнула с силой тележку. Вода плеснулась из канистры, и тележка поехала.

У дома встретила нас тётя Зина.

– Что ты, Валь, воду возишь? Брось.

– А как же? Мы же в огороде посадили, поливать нужно.

– Обошлось бы. У нас воду не возят.

Мама всерьёз обиделась и ушла в дом.

– Мам, переживём как-нибудь, – успокаивала я её, – будет у нас колодец – не будем так воду таскать.

– Херача это у нас, а не дача, – ревела мама, утирая слёзы и переодевая мокрую кофту, – все надо мной посмеялись. Валька одна в деревне работает – воду возит.

6. Новый дом

Осенью рядом с грушей выкопали колодец, сняли урожай и в саду посадили восемь яблонь и смородину. У папы схватило поясницу, мучил прострел, и он всё время ходил в поясе.

– Беда, да и только, – волновалась мама.

Но он продолжал работать. На следующее лето папа отливал стены дома из опалубки. Закупил керамзит, цемент, песок и сделал замес на стены. Вёдра гнулись под тяжестью раствора. Боялся папа не успеть построить стены за лето. Но всё же они были готовы к осени. Осталось разобрать старый домишко и положить крышу. Папа торопился. Ведь хотел приехать с Урала дядя Витя, мастер по строительству домов, и помочь ему со строительством. Папа перестал лить стены, и они получились так, что окна оказались почти под крышей. Время не ждало. Нужно было класть крышу.

Дядя Витя сразу, без лишних слов, принялся за дело, зная все детали и мелочи работы. Работа мужских рук требует. Разобрали домишко, вытащили брёвна и стали крышу складывать на лужайке. И только после обмера её положили на новый дом.

Ура! Вот уже и очертания целого дома. Осталось поставить ограду и баню. Но это на следующее лето.

Обжить дом – дело второстепенное. Но тоже требует сил и затраты. Это и обивка стен и потолков вагонкой, и проведение электричества, и всяких полочек, раковин, умывальников. И хозяйке есть работа: надо и шторы подшить и повесить, салфетки вышить, подушки, наволочки – работа всё рук требует.

Я сшила матерчатую куклу в чепце. Вышила ей лицо: глаза, рот, нос; сделала фартучек на юбку и усадила на бутылочку. Вот, значит, она будет за хозяйку, когда никого нет дома.

А ещё загорелось у меня желание рисовать, как соседка Валя Просвиркина, художница. Она яйца пасхальные расписывала, а тёте Зине часы разрисовала.

Я смотрела на старую хлебницу и тоже решила её расписать. Взяла рисунок с чайного сервиза и перерисовала гроздь клубники. Такие вот красные ягоды на хлебнице. Всё лучше стало, чем просто крашеная хлебница с заржавленными пятнами.

Вот такие развлечения пошли. Но папа остановил меня.

– Что дома сидеть? Ты лучше в лес с дедом пойди. Он по орехи ходит, по грибы, а в июле земляника бывает.

Ах, молодость! Она требует впечатлений и эмоций.

В жаркие дни я отправлялась купаться на Москва-реку. Пляж находится в густых зарослях ив, где по ночам, мне казалось, выплывают русалки. Какое-то завораживающее там место.

Но как-то раз мы пришли купаться, а на берегу лежал посеревший утопленник. На него было страшно смотреть. И там, где он лежал, было пустое место.

«Его, наверное, нужно опознать, – думала я, – вот милиция и ждет родственников». После этого случая я купаться на речку в деревне почему-то ходить перестала.

7. Петушок на крыше

«Строили дом, строили. Вот и печка новая сложена, и баня есть, и сад большой разросся. А вот какой-то в доме сказки, загадки для постороннего глаза нет», – думала я.

И папа, точно угадав мои мысли, решил сделать скворечник.

– Может, поселится кто-нибудь там?

Недолго папа строил скворечник у себя в мастерской. Рабочие руки привыкли к делу. И вот он мне вручил как сюрприз маленький домик для скворцов:

– Держи и пойдём повесим.

– Куда?

– На грушу.

Папа взял верёвки и обвязал скворечник вокруг ствола, и после ещё и прибил его. Верёвки показались слабыми.

Сев на маленькую табуреточку под яблоньку, папа вздохнул:

– Хорошо всё-таки в саду!

Он залюбовался деревьями.

– А вот ещё наличники сделаю на окно, – решил он.

В этом году папа засеял пашню овсом.

Колосья выросли и пожелтели. Папа скосил их, и большая копна лежала на целлофане.

– Что же теперь, баклуши бить будем? – спросила я.

– Иначе как, обрыскать овёс надо.

Папа взял металлический прут и стал бить по копёшке. Спелые зёрна так и отскакивали при малейшем ударе по ним.

Я села рядом, и папа передал работу мне. Занятие было нудное. Но от зёрен исходило какое-то солнечное тепло, и было забавно брать в руки их и обдувать их от шелухи, а чистые ссыпать отдельно в таз. Занятие напоминало перебирание чёток. Работа казалась незаметной, и я набрала четверть таза очень быстро.

За вишней показался папа. Он вышел с красным петушком. Это был флюгер на конёк крыши, подаренный ему на юбилей.

«Вот здорово! Папа решил поставить флюгер», – обрадовалась я.

Папа полез на крышу. Флюгер разделялся на части. Внизу были указатели частей света, а сам петушок крутился

по направлению ветра. Части света были написаны латинскими буквами. Но папа перепутал и поставил их будто бы по-русски. Сам петушок сидел немного косо.

– Гм, – заметила я, – что-то не так петушок сидит. Но промолчала – уж тяжело было папе снова лезть на крышу.

На следующий день к нам пришел дед покосить траву и увидел петушка.

– Вот такие петушки у нас иностранные продают, – сказал папа.

– Красивый, только что-то криво сидит, – заметил дед.

– Да, да, и части света перепутаны, – поспешила вставить и я своё слово.

– Так переставлю, раз вы всё заметили.

Папа взял лестницу, попросил деда её подержать и снова залез на крышу. Он переставил части света у флюгера. Теперь петушок сидел ровно, будто обозревающий дали и охраняющий покой дома.

– С лёгкой руки дело всегда делается, – сказал дед, когда папа слез с крыши и похлопал его по плечу.

ДО МАКОВОЙ РОСИНКИ

Беспокойное лето в этом году. И даже электрички ходят по сбившемуся графику. Вот и я не успела на голутвинскую электричку. Пришла рязанская, она идёт медленно. Но зато с макарами. Так рязанцев называют. Их сразу видно. Спокойные, загорелые, открыто улыбаются, будто заглянуть тебе в глаза хотят.

Сейчас на даче хорошо. Тепло, ягоды поспели, только собирай. Сидеть сложа руки некогда.

Солнце печёт даже в электричке, светит в лицо, мешает смотреть, нагревает щёки. И я становлюсь румяной, как маковая булочка.

Помню, в детстве мягкую маковую булочку бабушка давала с молоком.

– Ешь, ешь, расти большой, – говорила она.

А я добавляла:

– Не будь лапшой.

И мне представлялся дуршлаг на голове.

– Для лапши курица пожирнее нужна, – говорила бабушка, – а ты булочку с маком поешь. Ты каждый день на одну мачинку прибавляешь в росте, а в год на целую ладонь.

– Как на одну мачинку?! – удивленно воскликнула я, и будто хотела поймать эту секунду роста. Я отщепила мачинку и раскусила её. Отдельная мачинка особенно показалась вкусной и ароматной, вкуснее, чем булочка, и я сказала:

– Как вкусно же.

И я попросила бабушку:

– А ты мне в ладошку мак насыпь.

– Да его много не едят. Он так вреден. Голова заболит.

– Не заболит, не заболит, бабушка, – настаивала я.

Бабушка открыла буфет, где в стаканчике был рассыпан мак, зачерпнула его в чайную ложку и дала мне.

Я быстро разжевала мак, и он уже не был таким ароматным, а каким-то приторно-горьковатым.

Я немного разочаровалась.

– А если у тебя голова болит, есть таблетки из него. Папаверин, – добавила бабушка, – дать тебе?

Тут мне представлялась горечь во рту, и я отказывалась.

Теперь у меня всегда в аптечке с собой такая таблетка, но только про запас, на случай непредвиденных обстоятельств.

Дверь в электричку открылась, и в вагон зашла группа пьяных и курящих. Они громко разговаривали, вели себя развязно, обзывали друг друга, спорили, даже чуть не дошло до драки.

Несмотря на то, что девица из этой компании хотела угомонить ребят, покрикивала на них, попугивала их, но вместе с тем науськивала их. Они были н спокойны. И это волновало всех пассажиров.

Неожиданно вошли контролёры, и компания стихла. Девица потушила сигарету и притворилась спящей. Но контролёры одёрнули её, чтоб было всё прилично, проверив билеты. А когда они скрылись за дверью, девица громко сказала:

– Вот бы на воздушном шаре полететь.

И парни опять вышли за дверь. Электричка гнала за лесополосу, набирала скорость. Проехав ещё несколько остановок, шумная компания вышла, и в вагоне сразу стало тихо и свободно. Минут через десять и я вышла на своей станции Коломна.

Я спешила до паромного моста. В случае если подойдёт очередная баржа, придётся ждать развод моста и баржу. Только когда её пропустят, мост снова сведут. На этот раз мне повезло, баржи не было, и я быстро перешла по парому.

В этом месте Москва-река впадает в Оку, как бы это одна река, но с одной стороны парома течёт Москва, а с другой – Ока. И с коломенского «блюдечка» видно это место.

Наш дом третий с краю села Парфентьево. Видна крыша с луга. Рядом с тропинкой пасутся козы.

Я захожу к себе во двор. Папа хозяйничает во дворе. Перед крыльцом разрослась моя лужайка с дикими маками. Они разноцветные: красные, розовые, желтые, оранжевые, белые с голубой каемочкой. Ну, словно тарелочки, словно блюдечки. И бабочки летают возле них, такие же легкие, воздушные, как и маки. Точно солнце купается в них. Просто рай для бабочек.

Маки, маки, маковицы
Золотые головицы.

Вот уже и коковки поспевают. Да маленькие такие, как мизинчики, а из них уже мак сыпется. В первом классе,

закончив рабочую пропись, почему-то само собой я стала писать мелко-мелко, что учительница мне сделала замечание:

– Ты пишешь, словно маком посыпано. Нельзя прочесть.

Так же мелко пишет мой папа. Видно, я в него пошла. Кому-то может, не нравится? Всё рассказала, до маковой росинки.

РАССКАЗ ДЕРЕВА

Старая деревянная изба стояла на краю поселения, где сворачивала дорога в лесу под горкой. Рядом высилась пушистая ель с крупным муравейником. У заболоченного дома лежали деревянные доски, чтобы проходить к маленькой деревянной изгороди, закреплённой на тонкой подпорке из щепы. Дом был на берегу озера. Где лежали камни-валуны, прежде росло дерево. Теперь оно стало пнём с раскидистыми корнями, которые омывали волны. Точно сказочный осьминог распустил свои щупальца в высокой осоке – такой был таинственный пень на берегу озера у дома.

Рядом, на берегу, стоял деревянный мостик-причал для лодки, на котором вечно спал безухий кот. Возле высокой осоки был муравейник, выше по склону подрастали крохотные ёлочки и сосенки, и из травы выпрыгивали лягушки. Особенно их было много вечером, и они прыгали прямо на ноги.

Избушка стояла на склоне, прямо на илистом берегу озера, и казалось, чуть подкопай под домик любой лопатой, что стоит рядом, и домик съедет вниз, в озеро, как моторная лодка.

Я сняла с плеч рюкзак, что долго барахтался в багажнике газика, и совсем не узнала его. Он так потрепался

в дороге, будто с ним сражался тетерев, чтоб не допустить непрошеного гостя в свои лесные владения. Но и на том спасибо, что рюкзак всё же остался цел. Спускаюсь с крутой горки и вдруг – с дерева что-то шмыгнуло. Сердце у меня так и ёкнуло, в сумерках почти не разглядеть. Думала, там, на ели, может, филин сидит или коршун, на крупную птицу похоже. А это мальчишка-подросток, оказалось, влез на ель и что-то сверху высматривает, ветками шебаршит.

Бог с ним, мне бы домой поскорей. Хорошо, дорога известна. Прошла горку, перешагнула через щепу у изгороди, и меня вроде как не стало, как пропала за дверью домика. Там печка, стол и кровать. Юркнула я под одеяльце на кровати, сама сжалась, как комочек. Рюкзак давно за печкой лежит.

Только слышу – шаги, что-то стучит, тычет как штырём под избушку, словно под колени бьёт, потом как проталкивает, в дальние углы прячет, потом окапывать стало, гряды делать, по дощечкам стучать, что к дому по земле проложены, как штрудель вырезать. Даже немного страшно: все углы кто-то незнакомый обстругал. И холодно стало, такой колотун сильный в доме, хотя лето. Я сжалась, лежу, а окно, что было приоткрыто, теперь настежь распахнуто, точно покойника выносили прежде или через окно что-то перекидывали. Мне бы духу прибавить. А я, наоборот, лежу, замерла. Домик весь простудило, чтобы ни одного запаха в нём живого не осталось, словно с Луны фату сорвали, да все тарелки ею перемыли и на мостик-причал вынесли постирать в озёрной воде, чтобы ни одной Лунной деве не возвращаться больше, где через щепу перешла.

Сердце моё ещё больше сжалось. Думаю, сейчас холод до самого сердца дойдёт. Сжалось оно, будто камушек на рыболовных сетях. Никак, ведьма это за мной дверь

прикрывала. Сейчас она меня в сети с камушками скрутит и в озеро закинет, и не станет меня боле, несчастной. Буду знать, как по лунной дорожке, где причал, прыгать, да с деревянным полотенцем приспосабливаться. Не с коньком дом стоял, а с уткой, так и ходить было незачем, а плыть неведомо куда, как ветер подует и волной прибьёт. Были бы крылья деревянные у дома, то летел он, как самолёт, или как мельница, работали в нём и хлопотали напропалую. Ан нет. Ноев Ковчег давно сооружён, это известно и понятно с первого раза, вон шест стоит в воде у берега, и полотенце деревянное давно вырезано, заглядись. Да только всё не для меня, не для Лунной девы, а для ведьмы, что хочет Лунную деву со света сжить, которого она итак не видала. Ведьма тычет помелом или штыком лопаты. Наверно, хочет полена подложить, огонь разжечь свой, ведьмовской. Да не согреться теперь от него. Разве только Иван научил ногами упираться, чтобы в печи не угореть?

Да только не было никакой ведьмы. Это хозяйка сорняки срубала вокруг домика. Вышла я, смотрю, никого, ничего не копали и костра ведьмовского не разводили. Но только рядом, в маленьких деревцах, на тонкой осинке чёрная футболка за рукава привязана, и ветер её дерёт, точно кто нечистый гонится. Присела я низко, чтоб меня незаметно было, – дерево сосна лежит, спиленное, свежее, даже маслянистое, и чего-то трещит в нём, точно часовой ходит. Не от ветра стучит, как в лесу, где прежде раскачивалось. И никакого короеда в нём. Только рядом целая горка щеп, короед прежнее дерево объел.

Слушала я, что ещё расскажет сосна. А она всё постукивает изнутри и постукивает, как метр отбивает. И совестно стало. Чего стоять над душой? Пусть даже это сосна. Я поскорей и ушла.

ПУПСИКИ

1.

Всё началось с того, что во время сильного ливня прорвало трубу под мостом на разъезде шоссе, и затопило несколько домов в посёлке. Посёлок был не очень крупный, в несколько домов с хозяйством, где ещё теплилась жизнь. Но после сильного ливня многие снесло, некоторые домики вынесло на затопленное шоссе, а другие пришли в сильный упадок. Местные жители паниковали. Приехала комиссия, и было решено снести посёлок, расширив шоссе, установив большой мост для транзитных перевозок.

– Вот же! – кричал Ермилов. – Всё берёг у себя, по копейкам считал. А теперь ничто. Хоть последнее спасти, документы, деньги, тряпицы самые нужные.

С Ермиловым были согласны другие поселяне. Люди сгустились у разъезда, подбирали вещи, зная, что теперь им ничего не осталось, как пойти по миру, если кто-нибудь чем и поможет. На райсобес особо рассчитывать нельзя. Если и предоставят они жильё, то общежитие или коммуналку.

– Вот с этого бизнес и начинается, – вздохнул Ермилов, поторопил жену и детей со сборами, и посоветовал брать самое необходимое, что уцелело.

Впрочем, все собирались, и разъезд гудел, как навозная куча с жуками. Только Дороховы, чей дом стоял на холме с краю и уцелел, были спокойны. Дом был добротный, высокий, его не могла залить вода, и он обещал долго жить. Сносить его не было намерений. Да и стоял он удобно, на месте между шоссе и подстанцией, куда подвозили всё самое необходимое. Дороховы не суетились, как остальные, с проблемой спасения своих вещей и стояли в сторонке. Только Клава, жена Дорохова, взяла корзин-

ку, побежала скорей на подстанцию и в киоске накупила всевозможных пупсиков, что заполнили витрину с левой стороны. По дороге обратно ей встретился Ермилов, и, увидев полную корзину пупсиков, воскликнул:

– О, это неспроста ты так вовремя отреагировала на эту сумятицу.

Вскоре приехали самосвалы и бульдозеры, строители убрали мусор, расчистили дорогу, стали асфальтировать шоссе и строить мост. Посёлка уж так такового не было. Бывшие жители разъехались кто куда. Только дом Дорохова и ещё два с ним рядом остались стоять на возвышенности.

Ермилов попрощался с другом. И Дорохов добродушно посоветовал ему в случае чего не забывать старого друга и звонить.

– Ты найдёшь себе ещё лучшее место, чем это, не то, что я, – всплакнул Дорохов.

Но Ермилов сам не знал, что его ждёт дальше.

2.

Не гладкая дорога выдалась Ермилову. Детей он отправил временно к родственникам. А сам с женой снял комнату в общежитии, устроился на сезонную подработку на стройке, надеясь, что может там скорее удастся получить жильё. Жена помогала ему и занималась мелким бизнесом, даже снимала торговую точку. Всё сводилось к тому, чтобы накопить деньги на жильё, воспитать детей и на оставшиеся годы обеспечить себе жизнь. Только кроме жёсткой работы Ермиловы должны были выплачивать налог и некоторые повинности, проходить контроль на фоне прочих неурядиц: воспитание детей и житейских проблем, что навалились на них разом. Сергей надумал взять кредит, чтобы дальше как-нибудь жить.

Однажды жена Верка задолжала, не смогла вовремя расплатиться в срок в самое неподходящее время. Ермиловы оказались в тупике, не зная, что делать дальше. Тогда Сергей и вспомнил своего старого друга Дорохова и решил обратиться к нему.

Андрей Дорохов, как и прежде, жил на мысе возле шоссе в добротном доме. А теперь, как узнал Ермилов, старый друг открыл обменный валютный пункт, и стал не только зажиточным кулачком, но и денежным предпринимателем.

Ермилов порадовался за друга и спросил:

– Выручай, друг, дай взаймы деньжат. Очень нужно.

Только Дорохов отказал, ответив, что купюры он у себя не держит и их всё увозит банк. Опечалился Ермилов, полагаться на свои силы ему было не впервой, и ушёл восвояси, решив отказаться от временных благ и жить по мере своих сил, поправляя своё здоровье, потерянное на стройке. Дети уже выросли и сами стали помогать отцу и матери. Так и жили.

Но однажды вспомнил Дорохов Ермилова, позвонил ему и с ужасающим трепетом в груди прохрипел в трубку:

– Друг, выручай, один у меня ты остался.

– А что такое?

– Не могу сказать, приезжай.

Ермилов тут же отправился на разъезд к мосту, где жил Дорохов. Только тот ждал его на подстанции, где находился его обменный пункт. Там собрались работники, разбирали банкомат и выметали из него валютный мусор. На полу в долларовых купюрах лежала лопнувшая разъевшаяся мышь.

К Ермилову подбежал Дорохов со взбешёнными глазами и прохрипел опять:

– Сто тысяч долларов!!! Сто тысяч долларов – и никуда!!!

Ермилов не знал, что и ответить. Он покачнулся, закрыл глаза, ошарашенный, как тогда во время сильного ливня.

И ему представилась жена Дорохова, Клава, с корзинками с пупсиками, и больше ничего.

Работники суетились вокруг, поправляя банкомат, нужно было не мешать им. Ермилов посторонился, хотел было сказать Дорохову, а как же операционный обмен. Да слов не нашлось. Ведь у друга не было никакой валютной грамотности, ни связей, ни финансового образования. Так, где-то на отшибе, по сертификату открыл пункт. Ермилов смотрел, как Дорохов суетился между компьютерщиками, где налаживают банкомат, и понял, что другу совсем не до него. И ушёл восвояси.

ПИЩАЛИ МУРАВЬИ

Защемило сердце у меня, и уехал я на дачу на велике гонять. Еду: там лужа, там роют, а здесь песок и муравьи, и шины грязные. А в голове оговорка сплошная вертится: «Тащили муравьи, тощали, они пищали». И вспомнил, отец меня просил глину привезти. Я и внимания не обращал на это, так тихо он говорил. А сейчас вспомнил, он печь кладёт. Как я забыл об этом? В голове птица орёт, Гамаюн: рок-певцы шумят. Сошёл я с велика, руки, как распорки, голова горячая, точно Троянский конь скакнул ко мне, а я его сдерживаю. Хотел я попугать Гамаюн, вызвонить на велике, мол, от «рекламы» нехорошо, каша в голове, и так упарился в электричке. Отец сказал, нужно печь сложить, чтоб кирпичики в лад лежали, чтоб все мысли, как книжки, по полочкам были разложены, чтобы я знал, какой с меня спрос. А то «шпионов» много стало, как колёса на велике ни крути и в кусты ни заруливай. Да вроде солнце светит и день ясный, а как-то пусто. А ещё глина для груши нужна, у неё в стволе трещина образовалась. Но а сколько отцу глины? Может, он кирпичи будет

выпекать, как хлеб? Да нет. И я представил кирпичный дом. Нет, бабье лето всегда короткое, а неприятность, тополиный пух, как говорится «мы переживём». Зачем выпекать кирпичи? Или глина, чтобы грушу замазывать? Но, раз просил отец, надо привезти, помню же.

Остановился я у карьера. Глина у валунов и светится, густая, блестит, как масло, и скользкая. Спустился я в карьер, набрал авоську, тяжело, не рассчитал. Ясно, не хватит отцу. Ещё нужно три таких авоськи. Набираю, глина, как черви, через пальцы проскальзывает. Так и выползают они из каши этой. Испачкал руки! Да, в больницах, знаю, глиной и лечатся, стерильная она. И грушу полечу. А то трещина в коре, будто Гамаюн из неё каждый раз вылетает. Может, печь, что отец сложит, потом раскрасим, лады с Гамаюн наведём. Да как лавочку отец ни переставлял, всё орёт Гамаюн. Набрал я глину. Еду домой – и дело, раз глина есть. Кирпичи у отца во дворе залежались. Так и трава на них вырастет, как скрипичные ключи, и Гамаюн повадно. Еду, а сам прислушиваюсь: пищали муравьи. Я сам, как муравей, тяжёлую ношу тащу. И педаль както поскрипывает тоскливо. Ничего, дотащу. Муравьи всю дорогу пищали.

Приехал я домой, вынимаю глину, словно доктор, будет, чем вымазывать грушу, лечить её пора. Ей давно глиняную повязку нужно. А отец на пороге стоит и требует: подними сито песок просеять. Бросил я глину, просеивать песок взялся. А отец глину в бочке замешивает. Принёс я просеянный песок, а он опять головомойку задаёт: в глине полно песчинок. На печь такую не берут. И её процеживать надо, чтобы с песочком смешать. Пока я то, пока сё, почти весь день маялся, намешал что-то, отец двенадцать кирпичей и сложил. Да мало… Когда ещё печь будет? Я чуть было не завыл, как волк. Нет у меня больше никаких сил. Только вижу, папа вздыхает, ему, видно, необидно, иль что наду-

мал. Это я ноги-руки исцарапал и всё из-за глины. И мозоли болят, словно муравьи перекусали. Видно, странно им было, что пищали.

НАТАШКИНА ШКОЛА

Наташка сидела на диване и ревела навзрыд. Никогда она так сильно не была огорчена, как однажды в школе во втором классе, когда её ужасно больно дёрнул за косичку школьник Крылов из параллельного класса. «Ненавижу, – затаила обиду тогда Наташка на того пацана, – какой мерзкий хулиган!» Наташка после этого стала думать, что зло ходит рядом, но оно обязательно будет наказуемо. И того хулигана обязательно настигнет какая-нибудь кара, тогда настанет День Справедливости и Правды.

Но такой день не настал. А того хулигана, Крылова из параллельного класса, перевели в другую школу. Наташка перестала даже помнить о нём, тем более, думать о худшем, что затуманивало мысли. И всегда стремилась к лучшему.

Наташка училась изо всех сил, получала часто пятёрки. Всегда уроки выполняла в срок, не прогуливала и не обманывала ни друзей, ни учителей. Была активистка в классе до самого окончания школы, а в старших классах даже устроилась секретарём при учительской, была в курсе основных школьных дел и перекладывала папки. Тогда она стала даже очень важной старшеклассницей, очень вытянулась, стала плотной, косточка у неё была не из тонких. Ходила Наташка в пиджаке и в прямой, всегда хорошо выглаженной, юбке.

Все в классе уважали Наташку, она тянула на медаль. Правда, золотую медаль по окончании школы получить ей не удалось. Один предмет, историю, сдала на четыре. Зато серебряную медаль получила. Все в классе даже были уве-

рены, что Наташка после школы найдёт хорошее место на работе, где будет всё исправно исполнять. Такая она, Наташка, всё у неё отлажено и всегда везёт.

Но оказалось не так. Отгремел Последний звонок, и школьный двор опустел. Будто и не было никогда там ни любимых учителей, ни трудных задач, ни драчливых хулиганов, ни друзей, ни подруг. Наташка рыдала. Ведь её даже с серебряной медалью не взяли в институт. И куда она теперь? К маме в лабораторию? Да там нужна всего одна приёмщица. На ламповый завод или в интернат, поднимать приёмных? А ведь так хорошо получалось в школе за столом секретариата. Она бы на курсы пошла, да денег нет платить.

Так и пошла Наташка на ламповый завод работать, да заболела: отнимались ноги, болела голова, и легла Наташка в больницу. После долгого лечения приехала Наташка домой, смотрит, а возле её школы большое новое здание для учащихся стоит с новыми партами, большими раскрашенными стенами, будто всё в один момент в школе, где она училась, переделали. Удивилась Наташка и пошла к школе, идёт, удивляется, везде клумбы, стадион новый, забор тоже новый, высокий.

Присмотрелась Наташка получше и видит, что школьный сарайчик, где прежде собирали макулатуру и выносили снаряды для спортзала, покосился, стал заброшенным, скоро его снесут. А комната, где секретарская была, теперь закрыта, окна газетами и картоном оклеены. А угол стены вот-вот обрушится, трещину дал.

– Вот как время обходится. Что прежде сочилось, как исток, благоухало, как цветы, теперь закрыто, иссякло, сошло на нет. Зато другое, совсем незнакомое, раскрылось в полную силу. Так и юность моя счастливая в миг закончилась, покинуло эти стены, что прежде были, как родные.

Тоска охватила всю Наташкину душу, как Катерину из пьесы Островского «Гроза». Словно некуда больше ей идти, что с обрыва сброситься и осталось. Хотела она ручку взять для письма, да матери и подруге по больничной палате записку оставить. Да руки точно немые стали, язык отнялся, а в голове ни одной мысли. Где её удаль и сообразительность, как прежде в школьные годы, где догадливость? Словно такого никогда не было с нею, словно и медаль никакую в школе не получала. Только теперь она и поняла, что ей заново жизни учиться надо, закончить заново свою школу. Только эта школа будет у неё в настоящей взрослой жизни без школьных стен и парт.

ПИСЬМО ОБРЕЗКОВУ

А ведь, друг, знаешь, что я живу, как на мине. Сердце кровью обливается, что делается вокруг. А встану с места – мина-то взорвётся. Мне шагу-то сделать нельзя. Вот участь писателя: болеть, кашлять и изливать наболевшее, выгонять инфекции из общества. Ты пишешь, почему я не выступаю, не говорю, весь мой голос ушёл в бумагу, растворился. Если бы за меня кто поручился, дал согласие, я бы сказал веское, своё. Да. Сам знаешь, чувствовать себя Анной Карениной на краю перрона после выступления – словно прерывать последние связи. Хоть бы отдышаться и снова сесть на своё место за перо.

Ты спрашиваешь, зачем я уехал из города, забыл прежних друзей, и почему в центре остановились студии грамзаписи. А у меня горы невымытой посуды, и я погряз в чтении старых книг. Другие давно выбросили такое на помойку, а я всё сижу и ковыряюсь в них, как книжный червь, наморщил лоб, сдвинул мышцу гордецов. И дела все откладываю на завтра. Будто за меня их кто-то переделает.

Ан нет. Кому, как не мне, ими заниматься. А бездействую я всё оттого, что мне скучно. Не хочу даже в редакцию зайти. Ведь там опять скажут: «Вы вошли не в ту дверь». Они опять дёрнут не того человека, ударят не там. Вот и сиди под их прессом и изнывай. Найти бы золотого человека, получить награду. Ты пишешь, дорогой Обрезков, что, может, дела и связи можно решить путём экономики. Я пересчитал денежки и написал одному финансисту из Германии. Он наш, русский, но жизнь выкинула его туда. Вот я сложил бумаги в жёлтый чемоданчик, и теперь пью чай с лимоном, лечу нервы, и вывожу соли. Но как же плакала моя Дунечка, когда приехала с дачи и жаловалась, что ей от папы совсем не стало житья, то не так, то не эдак. Хоть вешайся. А я-то думал, там рай, природа, чистый воздух, натуральное масло.

А масло оно так, можно поскользнуться и упасть. Дуня мне пасху принесла царскую, жёлтый творог и изюм. Говорит: «А, может, лучше из фруктов сделать, у меня ведь тоже соли. Так батюшка сказал: ‟Молись почаще и на коленях ходи”, а сама плачу, папа мне конопляный коврик постелил на лавку, так, что было плохого, вроде не стало вовсе, как корова языком слизала. А теперь он ей говорит, всё насухо протирай. Она и в дом боится зайти, не то, что отобедать. Обижается на него. Она и плачет, когда встанет он ночью, когда она почти заснула, и зовёт:

– Пойди сырку ‟Президентского” поешь, мясцо парное».

Ты пишешь, дорогой Обрезков, что у меня ещё хорошо в доме, убираюсь, и чисто. Не то, что твой вечный путешественник, что забросил дом и страшно там, можно удариться обо что-то, может полка упасть на голову, а в холодильнике – земля. Зато он весь мир повидал, всю Азию, Европу, Америку, покорил Гималаи, был на Попе во Вьетнаме. Вот где жизнь, а не у себя под носом вытирать кровь. Да тебе легко судить, сам говоришь, вода в попе, тебя никто не

проймёт. А я тут письма старые собираю, словно в жирной кальке они. Лежат, как уснувший ангел. И долго он будет спать, словно дитятко? Всё без действия. Уж пьесу такую сочинили, где нет действия, пьесу без действия. Да чем бы дитя не тешилось.

Думаешь, блаженный я. Ан нет. Утаивают так. Настанет момент, вспыхнет свет, полетит в пух и в прах то, что здесь спало. И тогда поймёшь, какой зуб он таил. Вот тогда увидим свет. Да, один католик придрался, что за каждый луч надо платить. И я понял, что рай – это неизречённое слово. Вот пишу тебе, а передо мной стеклянная бутыль стоит, точно лошадиное копыто. Смотрю я на неё и думаю, пусть стоит, пока цела, и мне спокойно. Другой бы перекрестился и разбил бы рюмку на счастье. А я нет, всё думаю, присматриваюсь, молюсь. Сходил на Пасху, а тут на днях молли* мой опух, баллончиком стал. Не знаю, что с ним, болеет или, вообще, бывает с ним такое. Кто знает? Лучше не трогать. Руки-то у меня у самого, как крылья, стали. Думали, что я камень преткновения, и бегай теперь вокруг меня, выгоняй с п*о*том грязь. Нет, я повода не дам, я отшлифованный. Вот и перо моё, точно жемчужина шлифует перламутр, шлифует.

СКОЛЬКО БЫЛО – СТОЛЬКО И ОСТАЛОСЬ

Приведённая в расстройство от того, что многое задуманное не ладилось и что цветы этим летом я не посажу на даче, я подходила к деревенскому домику в этот раз налегке, без сумок и баклажек. Но чувство беспокойства тяготило меня больше всякой тяжёлой ноши. То единственное

---

* Рыбка моллинезия, или молли. Если молли старый или заболел, то оседает на дно, малоподвижный, говорят, он как баллончик. – *Прим. автора*

утешение – приобрести большие яркие ирисы – развеялось, как опадающие лепестки пиона. Тут бы учитель японской живописи, знаток настоящих цветов, сказал, что самый лучший ирис синий, чернильный, его и стоит приобрести. Но и тут возникло отталкивающее чувство потери дара чистописания и художественного чутья. Только когда я прибывала на станцию, возле автобусной остановки продавцов ирисов уже не было, и моё беспокойство оказалось ни о чём. Что-то дразнило моё самосознание, что наш сад стал бедным, не красив. Да сразу вспомнились слова соседки по даче, тёти Зины.

– Сколько было – столько и осталось, – говорила старушка, когда доставала из холодильника салатницу с оливье, – так и живу.

Теперь тётя Зина еле ходит, колени её скрючило, и сама она похожа на неваляшку. Словно это такое уравнение: «Сколько было – столько и осталось», – думала я и смотрела на кирпичную стену строящегося гипермаркета «Магнит».

Некоторое время я стояла на автобусной остановке. Через разъезд проехал старый чёрный коломенский паровоз с одним пассажирским вагоном. Видно, такой поезд запустили ради контрольной проверки. Потом я подумала про коломенское яблоко «Зелёнка», которое любят перекидывать через огород, и про Ньютона, которому мысль пришла после падения яблока на голову. Потом подумала про коломенскую яблочную пастилу и про такую же белёвскую из Тульской области, где была дача у моей крёстной. Я думала, что пастила одна и та же, но называлась по-разному, из-за чего могли возникнуть некоторые обмолвки, а для непонимающих – разногласья, как в том случае, когда в хозяйственном магазине продавались резиновые перчатки только на левую руку и кому-то это в определённый момент доставило неудовольствие. Помню, бабушка не хотела и понимать про

пастилу, разбираться, где гривна, где рубль. Вырвет у меня из рук веник и давай сама мести пол. Ей всё тогда об стенку горох. А сама она, как на коне. Но мне – хоть уезжай на край земли, или в командировку, как сейчас говорят, для поднятия иммунитета лучший витамин.

Как только я зашла к себе во двор, как тётя Зина мигом выглянула в форточку, как в люк космонавт, очень обрадованная моим приездом. У калитки вокруг дров пышно разросся тысячелистник. В нём на распиленных ветках яблони прыгали скачк*и*[*], словно щепочки. Будто от таких крох нет никаких принципов: ни больше, ни меньше.

Только, как большое зарево, перед глазами стоят большие ирисы, что продавали недавно, будто вечерняя Москва зажигает огни фестивалей. Ну а мне осталось решать уравнение тёти Зины «Сколько было – столько и осталось». Ни больше, ни меньше, ничего не взяла и не отдала. Без погрешностей, как в зелёной аптеке. И в саду без излишеств: сирень, вишня, шиповник, пионы. Держу в руках сумочку, что как две ладошки складывается, как коленки примерной ученицы, и не могу отклониться от своей геометрии ни на шаг. Словно на рукавах ни манжеты кружевные, а фиксаторы-браслеты, вроде домашний арест. И зелёное яблоко не перекидывай через забор, пусть летит само, может, как первый спутник Земли. Но огород – всё тоже постоянное число. Вот такой пряник на закуску вышел. И я у себя на даче, как дома: и огурчики, и помидорчики, и свеколка, и лучок.

ТУТ Я И СДАЛ

Летний сезон заканчивался. Было море стихов, море рассказов, танцев тоже море и, конечно, Чёрное море.

[*] Скачки – насекомые, разновидность кузнечика, похож на кузнечика, только маленький, крохотный, коричневый. – *Прим. автора*

Пышное укачивание на легендах древнего Крыма, смех, экскурсии по городам, побережья и замечательный вид на море из окна маршруток. Некоторые места так и завораживали некой таинственностью, захватывали воображение, будили к подвигам, побуждали к новым достижениям, открытиям и азарту: деревья-великаны, цветы-великаны и камни-великаны, обворожительные скалы.

Олимпийский закал – основа победы на любых соревнованиях. Поэт – друг, спортсмен, соучастник в группе товарищей и философ – это давно так полагается.

– А кто из них кто и самый тот. – Алексей даже не задумывался, а хотел выделится даже среди такого шумного торжества, как этот фестиваль поэзии, без разницы наградят его или нет.

Выступления и поездки закончились, и для отдыха в Крыму ещё осталось несколько дней.

– Не могу забыть тот мыс, – мучился Алексей воспоминанием об одном камне на побережье, словно зуб гигантского чудовища.

Этот камень привлекал внимание многих спортсменов и атлетов, возбуждал всякие лирические чувства, о нем ходили мифы и легенды, что это осколок Фаэтона или окаменелое яйцо дракона. А может, циклоп вроде Полифема закинул этот камень, когда расчищал вход в пещеру. Не камень – а семя фантазии, раз увидеть его, словно ожог, такое запомнишь сразу и навсегда.

Алексей раздвинул плечи, сделал несколько наклонов и приседаний, и посмотрел на скалистый обрыв с цепочкою бухт, которые сложили прибрежный городок. Сделал глубокий вдох, даже почувствовал себя космонавтом на какой-то момент.

Но чтобы подняться на крутую скалу, нужна подготовка альпиниста. Алексей это понял сразу, но желание пре-

одолеть непреодолимое оказывалось сильнее реального и возможного. Несколько часов он ходил в смятии, скала оказалась, если не затмением, то камнем преткновениям для него.

– Надо уйти от этого проклятого круга, что не даёт мне покоя. Скала – загадка Аполлона, я должен разгадать её и тогда сравняюсь с ним.

Алексей решил влезть на скалу, как это делали удальцы и до него. Только команду он не собрал, и пошел на свой подвиг в одиночку. Да и тех, бывших, тоже ведь не на руках носили.

– Вот залезу, как Геракл сяду и подумаю, многое увижу с той скалы, выпью её воздух и солнце. Думаешь, фантазия играет с тобой? Так потрогай её руками, – размышлял сам собой Алексей.

Алексей разделся на берегу и поплыл к скале. Острые края камней у подножия давали возможность уцепиться руками и приподняться по выступам, как по ступеням. Он старался сильно не застревать при поднятии, чтобы поберечь руки от большой нагрузки и приник к самому краю скалы. До вершины оставалось ещё почти столько же.

Алексей перевёл дыхание, выждал, словно пещерная ящерица, и вскарабкался снова. Скала была неровная, дальше он почти шёл, перескакивал камушки, но потом опять показался неудобный выступ. Алексей мощным рывком подтянул себя на край и оказался почти на вершине.

– Теперь ещё немного, чуть-чуть, и всё – я на скале.

Алексей встал в полный рост и увидел перед собой огромный свод неба и моря.

– Я один посреди воды! Вольный как птица, до меня не достать! Я прошёл везде! Ведь и муха ходит везде. И я совсем маленький человечек, как муха. Что я в сравнении с тем, что наработал человеческий разум?

Алексей распевал песни, делал наклоны, читал стихи несколько часов. Потом он остановился и глянул вниз на лазурное дно у подножия скалы. День был прекрасен, солнце и море. Но внезапные мысли ужаснули его: со скалы нельзя было спрыгнуть, как думал он прежде, дно мелкое, а камни по склону выступали, могли задеть при прыжке.

– Оставаться здесь? Надолго, день, два, три? Без еды и воды…

Мысли набирали панический ход.

– Кто меня заметит? Ведь со мной сразу никто не пошёл. Таких дураков просто нет! – упрекал себя Алексей. – По берегу едут только машины и то за деревьями, а человек мимо не пройдёт, не крикнуть, не позвать. Может, артековцы с флажками заметят меня с горы. Но они далеко и, может, теперь не дежурят. До берега рукой подать. Да, это только слова. Они меня и обманули. Совсем не рукой, окинуть взглядом, но люди проезжают мимо и то – редко, прохожих нет. Стану кричать – не услышат.

А если кто дежурит на берегу моря, то когда? Наши ещё здесь, остается надеяться, что они начнут меня искать.

Я не Сизиф на камне. Подниматься тяжело, а обратно не спуститься. Скала, значит, – табу. Сорвусь и разобьюсь. У меня нет даже верёвки. Это всё!!!… Какая проблема, вершина, на которой я один. Тут я и сдал… Что же? Поголодаю. Грустно, а ещё покорил скалу. Вот и расплата. Надеюсь, змеи здесь не водятся. Днём жарко, палит, как на раскалённой плите, ни деревца. Ночью холодно.

Нашли меня всё-таки. Приехали на машинах с лодками. Снимали меня с верёвками. Наши ребята. Видно, давно искали своего пропавшего товарища. Какой же всё-таки я!

ДЕД-БОРОДЕД

Странная картина вырисовывалась передо мной, когда я набрела в лесу на высокий сруб дерева, похожий на версту, и рядом с ним лежали разбросанные перья ястреба. «Порвали птичку» – так говорят охотники. Как могла дерзнуть рука?! Хотя птички там, у пня, самой уже не было. Её ощипали, и перья валялись, как разворошенный муравейник. Кто-то строит планы здесь, в укромном месте, где никого, если только кто и шпыняет в траве, то мышь, бурундук, а, может, и змейка. Живности много. Все вокруг залегли, как в тихий час.

У меня глаза стали закрываться, то ли пух полетел, то ли солнце посветило в глаза, то ли мне захотелось лечь и уснуть. Я закрыла глаза, и что-то кольнуло меня. Нет – засыпать нельзя, так же, как и высовываться, иначе на что-нибудь напорешься, как на штык. Лучше самой быть, как штык. Я вышла на тропинку, и прямо на меня захромал старикан с длинной бородой. Он шёл, чуть опираясь на кривую палку. И я подумала, какой непонятный кривенький дед. Тут он неожиданно повернулся ко мне, глянул в самое лицо, и я воскликнула от удивления.

– Ах!

Под ногой, как старая дверь, трухнула сухая палка. Я подумала, это неслучайно, увидеть непонятного старикана в лесу – это определённый знак.

Дед был и в самом деле, странный, с выпученными глазами, лысый, с седой бородой, которая подгибалась, как свёрнутый лист, и седые волосы кучерявились и блестели, как белая смятая бумага, калька. Что за дед-бородед? Я побежала скорей от него в кусты, и листья зашелестели под ногами у меня. И вдруг я наткнулась на выкорчёванное с корнями дерево из земли. Корни его были чёрными и кривыми, точно скопище змей, и мне

стало страшно. Куда только меня не вывели кривые тропки. Уж лучше выйти на полянку. Только я подумала об этом, как из-под ног выскочила большая лягушка и прыгнула далеко вперёд меня, как прыгун в длину.

Ей бы специально песок. Я остановилась, как вкопанная, не решаясь сдвинуться с места. Нет, скорей из леса! «Порванная птичка» – роковой знак. Рядом упала радуга, как спортивный флажок, и я сказала себе: «На старт!».

УСПЕЙ ПОБЫТЬ В ХРАМЕ

«Снедать садились утром, потом обедать, потом ужинать», говорил мой отец, – рассказывала бабушка за столом. – Он всегда держал меня в строгости.

К чему это бабушка так вспомнила? Не к тому ли, что я принесла в третий раз подберёзовики. Первый нашла вечером, потом, во второй раз, днём к обеду, а сейчас, с самого утра, третий. Точно вышла на свет из темноты, как гриб. Какой-то закон природы получается. И я узнала, как люди-то по-настоящему разговаривают. Даже сосед, которого уж тридцать лет видать не видывала, всё он где-то ходил-пропадал, и тот ко мне вышел навстречу из лифта с кулёчками и с сумками, согнув спину. Старик, а спортивный, и сила у него ещё есть таскать за спиной три сумки.

В этом году земля цвела. Много наросло мухоморов, точно они хотели заморить все злачные места лесных посиделок. Говорят, это добрый знак – увидеть мухомор. Особо, если встретить красный, то потом непременно будут белые грибы попадаться. Их специально-то не ищут. Они сами на тропу выходят, как постовые. А ты, как барин, идёшь по широкой лесной тропе, как по главной улице, и собираешь эти крепенькие, толстенькие грибочки на обед или чтоб закрыть в банку.

У подберёзовиков нога плотная и напоминает ствол берёзы. Я нож с собой не ношу и срываю гриб или срезаю тонкой веточкой. Вот он упал, точно так повалил дерево бобр. Хороший гриб. Это колосовик, июньский, только зацвела тимофеевка – и они пошли, как штыки, маленькие, крепкие. И даже растут большие, плотные и гладкие, как топорики. Они и в дождь не размокают. С них как с гуся вода.

Хотя один вышел, словно его лекалом обвели, да ещё дырочка в нём, как в сыре. Вот умора! Но тоже крепкий и пышет, словно булочку испекли с изюмом свежую, мягкую, пышную на дрожжах. Весь он такой. Не гриб – а целый приз! Да, самый настоящий!

За три дня я десять подберёзовиков нашла. Как лес нарубили, щепки набросали, так грибы и пошли. Хорошо им стало. Вот что значит, твори – и расти всё будет на славу.

Вон там белое солнечное пятно на пне под орешником. Я думала, это кот сидит. Он такой же белый, как это пятно. Часто он приходит на этот пень посидеть в лесу. Да, цветёт земля в лесу, цветёт. Чего только не увидишь? Даже живые камни на пне выросли, как в магазине на витрине. Вот я вспоминаю, как с папой ходила в Бобренёв монастырь, стояла службу перед завтраком натощак.

«Снедать» ведь говорили в старину, что-то вроде «не дать». Так утром надо сразу отдать дань Богу, а потом уж себе. Вот я и не могу позволить себе ни в чём пригрешиться. Даже нож и сумку не беру в лес. А всё в руках, да в лопушке ношу грибы. Мама в больнице, папа на даче, а я дома с бабушкой старенькой и с собакой.

Вот и суп «из топора» сварю, губницу, значит, из грибов этих, что, как деревянные коклюшки, в лопушке валяются. Кто-то, может, думает, что я далеко в лес ходила. А нет. Я всё тут хожу, близко, у тропы, будто совсем из дома шагу не ступила. Приду из леса – только жжёт меня всё под руку: чайник, кастрюля, точно горячка какая в доме. Даже вода

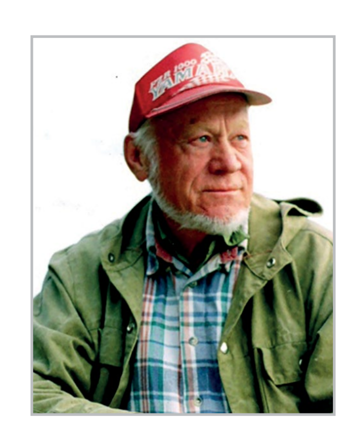
холодная кажется шальной. Словно эта горячка везде, как ток. Нельзя, нельзя же так «отравиться» жизнью.

– Бабушка, а мухомор едят? – спрашиваю я.

– Мух травят. Кладут на блюдце его, мухи налетают и умирают.

– Значит, у мухомора заклятый ключ есть, что так гремит о нём слава. Возле них всегда вороны каркают, и страшно.

– А ты бери только белые грибы, чем бродить у чёрта на куличках. Это сподручно, не ошибёшься. И до обеда успей побыть в храме.

Михаил Рудковский

Россия, Челябинск

Михаил Семёнович родился 4 июня 1940 года в селе Утчанка Курганской области. Врач-хирург, кандидат медицинских наук, доцент, автор повести, четырёх сборников рассказов, пьес, четырёх поэтических сборников и трёхтомника избранных произведений. Член союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Вячеслава Богданова и Д. Мамина-Сибиряка. Член-корреспондент Международной академии науки и искусств. Печатался в альманахах и журналах: «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Южный Урал» (Челябинск), «Лира» (Южноуральск), «Орфей» (Геленджик), «Петровский мост» (Липецк), «Классика жанра» (Кострома), «Художественное слово» (Саратов), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Российский колокол» (Москва), «Мост в будущее» (Санкт- Петербург), Американский альманах русской литературы (Кострома) К 2023 году выпущено 16 книг.

Награждён медалью «Василий Шукшин». Авторские шахматные композиции публиковались в городских газетах и журналах.

МЕЛЬНИК

Мельница стояла на холме. С него открывался картинный вид на ближайшую станицу, к которой примыкало пшеничное море. Оно колыхалось, замирая на границе скошенных валков. Со всех четырех сторон к взгорью стремились хорошо накатанные дороги. На вершине они упирались в широкую площадку, вымощенную диким камнем, в центре которой и красовалась мучная хозяйка. Иначе было нельзя. Весной кубанский чернозём, как разогретое сливочное масло, таял под солнцем, превращая дороги в жирную чёрную кашу. Редкие в это время телеги с мешками зерна вязли в ней по самые колесные оси и только на булыжном участке лошади могли отдышаться. Мельница была с импортной начинкой. При отсутствии ветра жернова крутились благодаря заграничной машине, которой Фёдор Андреевич очень гордился. По поводу её приобретения он часто расходился во мнениях со своей супружницей.

– Сказился, старый! Весь капитал, прямо до цюрпалочки, ухайдакал на енту машину.

– Ты, мать, домом занимайся, а в коммерцию не лезь. Это же американская… да ей сносу не будет, и помол… дай тебе бог.

– Тю! Да шо це такое? Мериканская, мериканская… ну и шо? Ты шо, собрался сто лет землю топтать? Господи! Прости ты нас грешных…

Елена Григорьевна крестилась на образа и смешно поджимала губы, пряча сильные, натруженные руки под фартук. Дед ухмылялся и уезжал на мельницу, где пропадал иногда по несколько дней, чаще осенью, когда обозы с зерном стояли в очередь нередко сутки и более. В округе была ещё одна мельница, но у Фёдора мука получалась более тонкого помола, что всем очень нравилось. Если работы было особенно много, он трудился наравне со всеми. Везде успевал: следил за работой машины, таскал мешки, взвешивал муку, не забывая подгонять казаков.

– Станишники! Навались. Машина простоя не любит. О! А чего это казачок так напестонился, як на парад? Здесь робить надо.

– Хфёдор! Не цепляй. Мы его прихватили по пути. После помола в город подадимся вот его и доставим к родычам.

Работали весело, с шутками да прибаутками. Казаки спешили смолоть пшеницу, чтобы белые или красные не реквизировали её на фураж. Урожай выдался добрый, и настроение у хлеборобов было хорошее, только тревога горькой пилюлей бередила душу. Фронт был близко и с каждым днём катился в их сторону. Кому положено, те давно были мобилизованы в казачьи сотни, а беднота, поверившая революционным пропагандистам, тайными путями уходила в красную кавалерию. Кроме того, в округе орудовала какая-то банда непонятной окраски. Так что для работы в станице остались пожилые казаки, непригодные к военной службе, да подрастающие парубки, не вошедшие ещё в строевой возраст.

– Филька! Чёртов сын! Ты шо тут накундёбил? Узлов наворотил, иди сам распутывай.

– Так это он со вчерашнего. Горилкой так напузырился, шо хаты перепутал. По ошибке к залетной мархохлетке закатился.

– Вот его Надёха и приласкала. У неё рука твёрдая.

Полуголый, маленького роста казак с багровым рубцом на груди и заплывшим правым глазом сбросил мешок с зерном на весы.

– Да я ж даже до горницы не дошёл… понял, шо ошибся, а вона налетела як коршун.

Казаки гогочут так, что лошади шарахаются, тревожно шевеля ушами.

– Хфёдор! Может, скинешь с пуда-то, ты обещал в прошлом годе?

– Скидывать будешь портки в нужнике. У меня же новая машина. Кумекать надо. И так в убыток себе роблю. Для вас же стараюсь.

– Петро! Шо це такое с твоим жеребцом? Глянь, яку шлангу выпустил. В табуне не нагулялся, чи шо?

– Да ни! Дурная кровь покоя не даёт. Он и после кобылиц кобелится.

– Ну прямо як наш кошевой.

Новая волна гогота накрыла работников.

– Станишники! Языками чашите, да руками не забывайте.

Поток муки останавливается только в сумерках, которые на Кубани краткие. Казаки в очереди прямо на телегах раскладывают прихваченную из дома снедь и начинают вечерять. Мельник нарасхват. Приглашают откушать, чем бог послал. Он благодарит, обходит обозы, как генерал перед боем свои войска, оценивает объём работы на завтра и, выбрав телегу, добавляет к угощению свои припасы. Южная ночь быстро укутала мельницу с её табором тугой, темной шалью. Но ненадолго. Выкатившаяся из белёсых облаков полновесная луна сыпанула на холм колдовским светом, волнующим казачат и молодок. Старики крестились и беззвучно шептали молитвы. Ожившие под вечерним ветерком крылья мельницы слегка поскрипывали, работники угомо-

нились, умолкла машина, какая-то птица испугано пискнула и затихла. Отпущенные лошади, радостно пофыркивая, паслись по склонам холма, хрумкая пожелтевшую траву. Кое-где сверкали огоньки цигарок. Лунный свет беспокоил бессонницей. Молодежь ещё поколготилась с часок и разошлась на ночлег. Сон казаков был некрепким, тревожным, с храпом, а порой и стонами. Ночные видения не обещали ничего хорошего. По кубанской земле гуляло военное лихо.

Предрассветную тишину кубанской степи разорвали беспорядочные выстрелы. В станице ухнуло несколько взрывов. Казаки повскакивали, всполошились.

– Кого-то нечистая принесла! Красные, наверно. Лихоманка их возьми! Хфёдор! Мы хлеб у тебя оставим, мешки помечены, припрячь куда-нибудь… не то отберут краснопузые…

Казаки расхватали лошадей и полетели в станицу навстречу нежданным гостям, не зная, чего от них стоит ожидать.

Два эскадрона красноконников легко овладели спящей станицей. Сопротивления фактически не было. Постреляли для острастки, пошумели и объявили власть вышедшего из подполья комбеда. Созвали сход, на котором незнакомые ораторы горячо убеждали казаков в прелестях советской власти и в необходимости готовиться к борьбе с белопогонниками. Станишники угрюмо помалкивали, даже беднота не торопилась ликовать, понимая шаткость ситуации. Сегодня эти, завтра другие…

Утром на мельницу прискакало с десяток будёновцев, сопровождавших тачанку. К этому времени Фёдор Антонович со своими работниками все мешки с зерном перетаскали в укромное местечко.

– Хозяин! Где хлеб? – Командир выхватил пистолет. – Говори! По решению комбеда он конфискуется на нужды Красной кавалерии. Ну!

– Пулемёт на мельницу!

– Хлеб не мой, а станичников, с ними и гутарьте, пулемётить отсель не дам. Придут другие, могут сжечь мельницу, – и заслонил собой вход.

– Что?! Куркуль проклятый. Ждёшь других?! Не придут. Где хлеб, говори!

Мельник кивнул работникам, и те принесли четыре мешка.

– Это всё что у меня есть. Остальное не моё. Прибудут станишники – у них и конфискуйте.

– Издеваешься, гад! Драть три шкуры с казаков за помол не стеснялся, а тут их добро защищаешь.

– Товарищ командир! – подал голос с тачанки молодой казак, – это наш мельник, он не мироед, на мельнице новую машину установил, для общей пользы. Давайте вызовем председателя комбеда и он сам привезет нам весь хлебушек.

– Молчать! Видишь, у него работники, значит эксплуататор. Правильно я гутарю, казачки? – Командир повернул гарцующую лошадь в сторону помощников мельника.

– Командир! У нас к нему обиды нет! Он платил исправно и не жадничал, хороший хозяин и всегда станишникам помогал, в долг молол, не сплуататор он.

– Спасибо, казачки, на добром слове, а ты, мил человек, лучше бы отпустил лошадь отдохнуть, в мыле она вся, так и загнать не долго… а придёт председатель – с ним и погутарим.

– Товарищ командир! Нашли! В подсобке все мешки сложены!

– Вот и хорошо! Грузите на телеги… а этого в расход.

– Не бери грех на душу, командир, я тебе не враг, мы на земле трудимся, а вы власть делите, вот… – это были его последние слова. С простреленной навылет головой

он рухнул на колени, а затем уткнулся лицом в кубанскую землю, которую обихаживал всю свою жизнь.

Через три дня красноконники ушли. Комбед самоликвидировался. Мельница сохранилась. На кургане появилось несколько свежих холмиков с крестами. Елена Григорьевна пришла на могилу мужа и почти сутки безмолвно, без слёз просидела возле неё. Она что-то постоянно шептала. Казаки опасались за её разум. Случилось удивительное. Когда мельничиха вставала с земли, её рука наткнулась на что-то твёрдое. Это оказался небольшой осколок черепа с пучком седых волос. Она узнала их. Посветлев лицом, казачка аккуратно завернула дорогой кусочек в белый платок и унесла с собой. Эти мощи мужа пролежали за божницей до самой её смерти. Каждый раз в вечерней молитве она обращалась к богу и к своему мужу. И он отвечал ей. Елена Григорьевна чувствовала это душой.

ХРОМАЯ

Берёзовые дрова весело потрескивали в русской печи, от которой шло ласковое тепло и дух любимого егерем борща. В просторной горнице стоял большой дубовый стол с мощными резными ножками. Любимое изделие хозяина, покрытое домотканой льняной скатертью с петухами по краям. Шесть круглых чурбаков с небольшими подушечками на них заменяли табуретки. В углу, благодаря спутниковой антенне и дизелю, потихоньку ворчал небольшой телевизор. Под потолком, скрывая лампочку, висел оранжевый абажур с кистями по периметру, заливая комнату мягким спокойным светом. Вся обстановка и две хорошие чарки хмельного мёда с собственной пасеки располагали к душевной беседе. Хозяин, крепкого, если не сказать богатырского, телосложения, с обильной рас-

тительностью на добродушном лице, смотрел на собеседника зеленоватыми блюдцами пронзительных глаз. Они, как два буравчика, просверливали его насквозь, словно проверяли на прочность. Сложив два огромных кулака на стол, егерь задумался и, расслабленно помолчав, продолжил рассказ.

– Эту избу срубил ещё мой дед. Лиственница. Уже более сотни лет стоит, а по виду и не скажешь. Никакой жучок её не берёт. С каждым годом древесина только твёрже становится, словно каменеет. Правда, мох по нижнему венцу возраст выдаёт. Барин-то с головой был, распорядился каменный фундамент заложить. Заимка тут у него была. От людских глаз подальше. Для развлечений разных, ну а теперь это форпост для сохранения леса. Я же и лесничий, и егерь. Два в одном, как теперь говорят. По наследству. Дед был лесником у барина, отец егерем, ну и я после лесотехнического техникума сразу сюда с женой перебрался. Не могу в городе жить. Давит он меня и душит. Трущобы каменные, а здесь всё родное, живёт и благоухает. Сынок у нас родился, Федька, так мы с Марией Павловной решили – пусть до школы растёт в лесной чистоте да ест натуральные продукты без всяких химических добавок. Недавно я по телевизору слышал, что без каких-то там биологических добавок полноценного питания нельзя обеспечить. Вот до чего дожили. Аптеки в городе ими забиты. А у нас здесь всё своё, чистое, натуральное и полезное.

Рассказчик с явным удовольствием разгладил лопатистую бороду, налил духмяный чай в кружки и предложил:

– Ты слушай да запивай. Такого в городе не попробуешь. На родниковой водице, с таёжными травами, да с нашим медком. Своё хозяйство всем обеспечивает – живи не хочу.

Егерь широко улыбнулся, мелькнув зубами мраморной белизны.

– Ещё и лес добавляет: ягоды, грибочки и дичь, конечно. Я же ещё и охотник, но только всё по правилам, по закону. Безобразия не допускаю сам и никому не разрешаю.

Корреспондент газеты «Охотник и рыболов» перестал что-то отмечать в блокноте и включил диктофон.

– Афанасий Фёдорович, я приехал к вам по заданию редакции, чтобы вы рассказали о волках.

– Что о них рассказывать? Озоруют. Недавно телёнка зарезали.

– А что это за случай с хромой волчицей? Всякие басни о ней ходят.

Егерь усмехнулся, отхлебнул чая, и разгладив усы сказал:

– Это моя крестница. После встречи с ней не могу на волков охотиться.

– Афанасий Фёдорович! Вот об этом и расскажите. Читатели будут довольны.

– Началась эта история три года назад, зимой. Я осматривал своё хозяйство и заметил волчьи следы у кормушки оленей. Нехорошо! Выходит, я их подманил, а волки резать будут. Пошёл по следу. Бесполезно. А на обратном пути домой неожиданно засёк серую, взял на прицел и вдруг понимаю: волчица тяжёлая, на сносях, приплод ждёт. Она оглянулась, замерла и смотрит на меня через оптический прицел, прямо в зрачки. И взгляд у неё какой-то не звериный. По нашим охотничьим правилам это большая удача – взять беременную, не дать родиться волчатам. Сам не знаю, что со мной случилось. Не смог я. В воздух выстрелил.

Наступила весна. Волки распоясались, от голодухи, конечно. То там, то там отметятся. Надо, думаю их укоротить. А тут на обходе волчье логово обнаружил, по всем признакам обитаемое. Поставил капкан. Через несколько дней пошёл проверять…

Рассказчик, что-то вспомнив, спрятал в усах улыбку.

– Никак не думал снова с ней встретиться.

– С кем?

– С волчицей, которую пожалел. Её светло-серый с примесью чёрного окрас я хорошо тогда запомнил. Вот она и попалась. Переднюю лапу капкан намертво зажал. Да! Подхожу осторожно и глазам не поверил. У неё под брюхом четыре волчонка на сосках повисли.

Егерь вздохнул и резко повысил голос

– Чёрт возьми! Придётся охоту бросить. Сердце размякло… Гляжу я на эту картину, а у самого что-то внутри защемило. Волчица смотрит на меня, скалится, а потом, как ни в чём не бывало, принялась щенят облизывать. Словно была уверена, что я ей вреда не сделаю.

Корреспондент замер, боясь пошевелиться, чтобы случайно не прервать откровенный рассказ.

– Так вот стою я перед ней дурак-дураком. Ружьё на плече. Мать надо застрелить, волчат в мешок забрать, а ноги вросли в землю и не двигаются. Вдруг спиной чувствую чей-то тяжёлый взгляд. Глянул через плечо, ну, конечно, мог бы и догадаться – отец семейства. Матёрый волчище, стоит на пригорке, застыл, как памятник. Мгновенье – и исчез. Зверьё чувствует состояние охотника, вернее опасность – есть она или нет. Вот тут я и согрешил, смалодушничал.

– Как это?

– Взял длинную палку и разомкнул капкан. Волчица вскочила на трёх лапах, схватила одного волчонка и потащила его в логово, а трое повисли у неё на сосках и болтаются. Вот такая сила инстинкта материнства. И как она могла понять, что я её и щенят не трону? В общем, тогда я понял, что кончился как охотник. Не хочу больше убивать, можно и без этого обойтись. Не голодуем же! Да!! Не тронул я тогда волчий выводок, а он меня отблагодарил.

Хозяин поднял штанину и показал грубые рубцы на голени.

– Вот! Наверное, один из них отметился. Но это уже другая история, хотя с той же волчицей.

Лесничий вдруг махнул рукой

– Да выключи ты свою шарманку. Давай ещё медку дёрнем, и отдыхать будем. Мне завтра вместе с солнышком вставать.

– Афанасий Фёдорович! – взмолился корреспондент, – расскажите, без диктофона!

И бокал поднимает: «За вас!».

Выпили. Наступила большая пауза, в которой, казалось, плотная тишина законопатила уши собеседников.

– Два года прошло с той капканной встречи. В январе я возвращался домой после новогодних праздников. Сынка к бабушке отвозил. Вечерело. Дорога вдоль оврага бежала. Мой Резвый спокойно шёл, но вдруг заводил ушами, захрипел и резко рванул вперёд. Смотрю, а на другой стороне оврага дорожка огоньков мелькает – волки. Овраг пересекать надо. Ну, думаю, там они нас и встретят. Ружьё приготовил. Жеребец несёт, вожжей почти не слушается. Влетаем в низину, а они тут как тут. Вожак сидит на дороге. Резвый совсем обезумел. Рванул по целику, да так, что я как пушечное ядро вылетел из саней, где ружьё осталось. В голове мелькнуло: здесь и конец. К счастью, по многолетней привычке – за голенищем нож. Первого, кто кинулся на меня, я удачно поймал лезвием прямо в прыжке. Второй вцепился мне в ногу и свалил. Только голову успел спрятать в полушубок, который они рвать стали. Вдруг тоскливый вой прорезал январский вечер. Звери отскочили. Я ничего не понял и выглянул наружу. Рядом стояла старая знакомая хромая волчица и, задрав морду, выла таким воем, от которого нутро холодело. Оскалилась и потруси-

ла в овраг. Стая, чуть помедля, потянулась за ней. Перевязал рану и несколько часов ковылял домой, обдумывая происшедшее. Выходит, отблагодарила она меня. Вот после этого и скажи, что звери не соображают.

Как после этого я на них буду охотиться? Нет! Не могу. Но в охотхозяйстве узнали об этом случае, возмутились и устроили облаву. Почти всю стаю взяли, но хромая сумела уйти.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Сияла макушка лета. Середина июля. Всё живое при малейшей возможности искало тень, чтобы спрятаться от беспощадного зноя. Солнце словно решило выпарить из земли всю влагу, а растения и деревья испытать наступившей засухой. Дождей не было уже два месяца. Трава пожухла. У растущего возле нашего двора старого тополя серо-зелёные от пыли листья полусвернулись, уменьшая площадь испарения. Собака Данка, каждый час лакая из своей плошки, дышала тяжело, вывалив язык. Даже будка не спасала её от нестерпимой жары.

Но в огороде благодаря регулярному поливу всё росло бурно и плодоносно. Школьные каникулы были в самом разгаре. Путёвку в пионерлагерь родители достать не сумели, и я с друзьями часами гонял мяч на ближайшей поляне. Полуголые, шоколадного цвета, с облупленными носами мы отдыхали в тени тополя после очередного футбольного сражения.

– Во жарит! Может сбегаем, скупнёмся!

– Не! Я не могу, мне ещё для коровы мешок травы нарвать надо.

– А ты молодец! Здорово взял пенальти.

– Да это я слабовато пробил.

– Ничё себе слабовато, до сих пор ладошки горят.

Я сбегал домой и втихаря от деда притащил бидончик домашнего кваса. Лафа!

Полдень. Самое пекло. Воздух струится и колеблется. Пронзительная голубизна над головой была чистой и бескрайней, только далеко на горизонте маячило небольшое серое пятнышко, на которое никто не обращал никакого внимания. Так бывает и с биографией человека. Есть у него в жизни небольшая запятая, но с ней никто не считается, а она возьми и превратись в восклицательный знак, и сыграй свою решительную роль в судьбе.

Тёмная тучка росла и приближалась. Налетел шквалистый ветер, поднял в воздух дорожную, промолотую колёсами сухую землю, заиграл бумажным мусором и быстро превратился в пыльную бурю. Стало трудно дышать. На зубах заскрипел песок. В домах захлопали створками окон и форточек, спасаясь от взбаламученной грязи. С тополя посыпались мелкие сломанные веточки. Мы разбежались по домам. Треть небосвода быстро застелило чёрное, рваное по бокам, тяжёлое облако, сквозь которое с трудом через отдельные прорехи прорывались солнечные лучи. Словно старую шаль, побитую молью, накинули на абажур настольной лампы. Туча разбухала, рвалась и вновь сливалась в мрачную массу. У самого горизонта заполыхали зарницы, создавая впечатление далёкого пожара. Мой девяностолетний дед вышел на крыльцо и перекрестился

– Ну слава Богу! Хорошо зарнит, кажись, чичас ливанёт. Заждались уже! Тяперича не должон мимо пройти.

Ветер стих также неожиданно, как и начался. Воздух посветлел. Вдруг в вышине промелькнул красный зигзаг и через несколько секунд где-то зарокотало, словно железную бочку с камнями куда-то покатили. Тело небесной

хмари стали рассекать ломаные строчки молний, сопровождаемые басовитыми раскатами грома. Казалось, он накатывает прямо на наш посёлок. Вначале росчерки разрядов следовали один за другим с прослойками не то барабанного боя с тарелками, не то звуками артиллерийских залпов. Очень быстро они стали наскакивать один на другой на фоне сплошной оглушающей канонады. Собаки завыли. Куры в сарайках всполошились. Верующие люди крестились. Я сидел у окошка и при каждой новой волне грохота невольно вздрагивал, втягивал голову в плечи и затыкал уши.

– Митька! От греха подальше, уйди от окна. Не дай Бог, шарахнет, – шуганул меня дед, – сказывали, бывало, и в хату вдаряло, и убивства были.

Молния с оглушительным треском разорвала воздух совсем близко от дома и на него обрушилась такая лавина раскатистого аккорда, что стёкла в рамах задрожали. Стало жутковато, и я шмыгнул на диван. Дед бормотал молитву. Бухарский кот Мишка спрятался под кровать. Вспомнились родители. Как там они на работе в такую непогоду? Гроза неистовствовала, взрывалась, сверкала и клокотала, рычала и лопалась около часа, а затем ушла куда-то в сторону. Колесница Зевса, мелькая огненными спицами, громыхая колёсами без рессор, покатилась дальше. Первые крупные капли затараторили по стёклам и крышам. Долгожданный дождь набирал силу и вскоре, извиняясь за долгое отсутствие, встал сплошной стеной, смывая с деревьев и домов въевшуюся уличную пыль. По дорогам и кюветам помчались быстрые потоки, вначале грязные, затем посветлее. Дед повеселел и заговорил сам с собой

– Ну вот и слава Богу! Добрый, добрый дождь-то. Теперь хлебушек должон подняться, конец проклятущей засухе. Все соки высосала. Будь она неладная!

Я выскочил на крыльцо. Дождик веселился, пузырился в лужах, журчал в водосточных желобах, кувыркался в умытой траве. Вдруг из соседних ворот выскочил мой друг Юрка Беляшов.

– Митька, вылетай! Побегаем, покупаемся, тепло!

Многие знают выражение «босоногое детство». Но некоторые воспринимают его односторонне. Босоногим детство было не только от того, что обувки не хватало, но и от нашей любви босыми ногами побегать по лужам под дождём или после него, брызгаясь друг на друга. Это была одна из любимых забав, по которой мы соскучились в это жаркое лето.

– Давай быстрей! Я сейчас ещё Сашку позову. Лафа!

Я быстренько сбросил домашние тапочки, скинул носки, шорты и в одних красных трусах, которые сшила мне мама, прыгнул на волю. Действительно тепло. Вначале водные струйки чувствительно хлестали по телу, но вскоре стали стихать и только щекотали ручейком меж лопаток. Юрка с Сашкой с визгом и смехом уже ошарашивали друг друга брызгами, когда я вылетел из ворот, и ловко прыгнув в большую лужу, окатил друзей фонтаном не очень чистой воды.

– Ах ты так!

Друзья кинулись за мной. Мы носились по улице как ненормальные, не обращая внимания на призывы вернуться домой. Дед стоял на крыльце покусывая ус.

– Добре! Пусть повыкаблучиваются. Божья благодать! Здоровее будут… ну право, как жеребята. Митька, только недолго,– крикнул и ушёл в дом.

– Смотрите, радуга! – Юрка первый заметил наполовину просматривающейся цветное полукружье над домом культуры и завопил. – Коромысло повисло, молочко-то скисло, дедушка ругается, солнце улыбается.

Его поддержал Сашка:

– Ой-ля-тру-ля-ля, ушёл дождик за поля, перестал мочить он нас, вот и весь о том рассказ.

Услышав это мальчишечье заклинание, дождь прекратился. Солнце сразу стало наводить порядок на мокрой земле. В воздухе чувствовался какой-то особый запах свежести, как позже узнали мы в школе, что это благодаря газу озону. Деревья мерцали дождевыми каплями-фонариками, лужи блестели упавшими на землю зеркальцами, промытые окна домов стали прозрачными, словно у хозяек прошёл массовый субботник по мытью стёкол.

Мы уже собирались домой, как вдруг увидели в двух метрах от нас огненный шарик величиной с резиновый ручной мячик. Он висел, покачиваясь из стороны в сторону.

– Что это? – почему-то прошептал Юрка.

– Горит как раскалённый. – Сашка хотел подойти ближе, но шар отскочил в сторону.

– Ничего себе! – Я махнул рукой, и огненный клубок отлетел ещё дальше. – Пацаны, смываемся, только не быстро, ему наши движения не нравятся.

Саша стал медленно пятится к своему дому, а я к нашей калитке. Юрка с расширенными от страха глазами застыл на дороге столб-столбом. Вдруг наш незнакомец пошатнулся, опустился чуть ниже и, набирая скорость, устремился в сторону железнодорожного полотна, проходившего недалеко от нашей улицы. Мы, как заколдованные, не торопясь потрусили за ним. Шар очень быстро скрылся с наших глаз. Вдруг оглушающий удар и взрыв потряс нас. Со страху мы, выросшие на военных фильмах, плюхнулись на землю, каждый там, где стоял, в грязь или лужу. Через секунду вскочили и, смущённые, стали приводить себя в порядок.

– Бежим, посмотрим что там такое.

Сашка припустил в сторону железной дороги. Соскальзывая, помогая себе руками, мы забрались на железнодорожную насыпь и обомлели от увиденного. Один рельс на протяжении тридцати сантиметров представлял собой расплавленную лепёшку, от которой шёл пар.

– Вот это да! – Юрка смотрел на друзей что-то соображая.

– Пацаны, а если поезд… он же сойдёт с рельсов, а если пассажирский, тогда как?

– Как? Как? Тогда катастрофа…Так, Юрка. Давай бегом жми к путевому обходчику, он должен быть в будке, на переезде, а мы с Митькой дежурить будем, ждать поезд. – Сашка ещё раз посмотрел на остывающую бесформенную массу бывшего рельса.

– А как вы остановите поезд?

– Как, как? Не знаю, как. Ты давай дуй скорее, а не рассусоливай. Может, ещё успеешь до поезда.

Юрка убежал, а мы переглянулись, помолчали и стали согреваться прыжками и короткими пробежками.

– Саш! А действительно, как мы остановим поезд?

– Да не знаю я! Надо какой-то знак, красный флажок, а у нас ничего нет, даже рубашки. Домой сбегать?? Можно не успеть.

Вдалеке послышался паровозный гудок.

– Идёт! – выдохнул я.

Саша скатился с насыпи, выломал в ближайших кустах длинную ветку и вернувшись внимательно посмотрел на мои красные трусы.

– Митя! Надо снять и привязать их к палке. Я пойду навстречу.

– Почему я! А свои не хочешь?

– Мои чёрные, могут не заметить. Да не дрейфь, никого же нет, никто не узнает.

Мы уже видели приближающийся состав.

– А вдруг он пассажирский?…

Этим он убил все мои сомнения. Оглянувшись по сторонам, я снял трусы и присел на корточки возле расплавленного рельса. Саша, размахивая импровизированным флагом, двинулся по шпалам к поезду. Раздались длительные, тревожные гудки, а затем послышался колёсный скрежет от аварийного торможения. Паровоз остановился в трёх метрах от стоящего с закрытыми глазами Саши. Я оглянулся и увидел вдалеке бегущих к нам Юрку с путевым обходчиком. Подбежал Сашка, отдал мне трусы, которые я спешно натянул, чуть не упав. В это время к нам подскочил машинист.

– Вы что, сумасшедшие… – он осёкся, натолкнувшись взглядом на то, что было рельсом.

– ДОРОГИЕ МОИ! Какие молодцы! Дайте я вас расцелую.

Он обнял нас, пряча влажные глаза, а потом вдруг пнул железную лепёшку

– Кто же этот гад… кто это мог сделать?

Подбежал запыхавшейся обходчик.

– Ну, пацаны, ну, герои… да я… всей школе расскажу.

Я вспыхнул.

– Только про трусы не надо… дразниться будут.

Все посмотрели друг на друга и вдруг громко расхохотались.

– Так это же героические трусы, ты гордись, а не смущайся. Ладно… не расскажу!

Мы выложили, что видели.

– Фантастика, – пожал плечами машинист, – силища-то какая! Рельс расплавить! Ладно ребята, ещё раз спасибо вам, бегите домой, а то уже посинели.

Путевой обходчик записал наши фамилии, адреса, и мы помчались домой, переполненные пережитым. Во время бега я вдруг вспомнил и от неожиданности даже остановился.

– Ты чего, Митька?

– Я вспомнил книжку «Властелин молнии», там что-то похожее описывалось. Это шаровая молния!!

– Молния!? Она не такая.

– Это другая, шаровая. Очень опасная штука. Учёные до сих пор не знают, как она образуется, но чаще всего после грозы.

– А что, она и убить может?

– Запросто!

– Значит нам, как и машинисту, здорово повезло.

Через неделю, на торжественной линейке всем троим вручили почётные грамоты и по килограмму московской карамели. Машинист сдержал слово, и вместо трусов в его рассказе фигурировала рубашка.

Так судьба в двенадцатилетнем возрасте оставила меня жить, вероятно, для выполнения возложенной на меня миссии. И значительно позже она неоднократно подтверждала своё решение, оставляя меня взрослого в живых, в самых, казалось бы, безвыходных положениях: провалившегося в трещину ледника, утопающего в болоте-зыбуне, в таёжной встрече с медведем нос к носу. Может быть, мне удалось оправдать своё существование теми спасёнными жизнями, которые продолжились после моих многочисленных операций. Судьба предназначила мне быть хирургом.

ЯБЛОКИ

В воскресенье, после обеда, набегавшись за мячом, в тенёчке под раскидистым тополем расположилась наша уличная ватага – десяти-двенадцатилетние мальчишки. Август в этом году выдался жарким. Быстрые проливные дожди с грозами давали короткие передышки от непривычного для Урала пекла.

– Ну чё, пацаны, жарко? Чё делать будем? – спросил старший из нас Генка Банников, хулиганистый, белобрысый мальчишка, загоревший до черноты, в выцветшей майке, в чёрных до колен трусах, в сандалиях на босую ногу. Согласно фамилии мы его звали – Баня.

– Может, в прятки? – подал голос чернявый, похожий на цыганёнка, самый младший, Костик Цыган.

– Не! Надоело… – протянул постоянно что-то жующий Федя, отличавшийся нездоровой полнотой.

– Ты, Сало, помалкивай, – грубо оборвал его наш знаменитый вратарь, худой, рослый, рыжий Олег-Шест. – Хватит одному грызть сушки, угости лучше друзей.

Мы дружно с удовольствием захрустели.

– Яблочко бы погрызть, – мечтательно произнёс Баня.

– Хорошо бы… да чё тут гадать, айда на озеро, поплаваем, я камеру прихвачу, – предложил Чирк, отмеченный широкой щелью между передними зубами, через которую он, на зависть друзьям, лихо чиркал слюной.

Надо сказать, нашему району повезло. В его черте расположилось большое солёное озеро. Говорили, что это остаток от древнего моря.

– На наше любимое место!

– Точно, пошли!

– Жарища, только в воде и сидеть можно, поныряем, кто дальше…

Все оживлённо загалдели, перебивая друг друга. Только Генка-Баня молчал, что-то сосредоточенно обдумывая.

– Сходим! А потом яблочки погрызём.

– Ты, чё, Баня? Где мы их возьмём? Дорогущие, да и денег у нас нет, – удивился Шест.

– Я знаю где, на плодовке*. Нам же мимо идти. Вот на обратной дороге и заглянем. Есть одна лазейка в заборе.

* Питомник, плодово-ягодная станция. – *Прим. ред.*

– Там же сторож с берданкой, – подключился я, – всадит солью в жопу, запоёшь.

– Не дрейфь, Рудик, я всё продумал.

Купались мы недолго. Все загорелись предстоящей операцией. Баня объяснил свой план действий:

– Двое вдоль забора уходят подальше от сторожки и устраивают там шум, галдёж. Это Сало и Цыган. Сторож побежит к ним и тогда остальные ныряют в дырку, набирают яблоки за пазухи и смываются. Делов-то! Легче всего их брать со стелющихся яблонь. Крупные. Сладкие. И не высоко. Только ветки не ломать. Поняли?

– А мы, что же, без яблок останемся? – погрустнел Федя-Сало.

– Не боись! И для вас наберем. Всем хватит, – успокоил его я, радуясь, что меня включили в основной состав команды для лихого набега.

Замысел Генки оправдался без сбоев. Сало и Цыган устроили такой визг, что мы забеспокоились, все ли с ними благополучно. Сторож, естественно, ушел к ним в дальний конец станции, проверить обстановку. Оказавшись в саду, все растерялись от увиденного изобилия. Бело-жёлтый «Белый налив», нежно-зелёная «Антоновка», «Уралка» и другие неизвестные нам сорта. Подножья яблонь были усыпаны упавшими плодами. Мы с Шестом кинулся их собирать.

– Куда? С деревьев цапайте, упавшие – гнилые, – зашипел Баня.

Вся операция заняла минут десять. Нагруженные, мы еле выползли через дыру в заборе наружу, где нас уже поджидали Сало и Цыган.

– Вот это да! – восхищённо выдохнул Федя, увидев отсыпанные ему яблоки. На несколько дней хватит. Молоток Баня!

– Хватит болтать. Цыган, забирай свою часть, и смываемся быстро, пока сторож не вернулся.

Всю обратную дорогу мы с наслаждением хрустели яблоками, кидались огрызками и чувствовали себя героями. У каждого над поясом за пазухой было не менее полуведра фруктов. Ни у кого в голове не мелькнула мысль: «Это же воровство!». До сих пор любителей чужого добра среди нас не было. Нам казалось, одно дело обокрасть человека, другое – набрать яблок в общественном саду. Домой я заявился, гордый своей удачей и, ожидая одобрения родных, высыпал яблоки на стол.

– Что это? – как-то очень спокойно и сдержано спросил отец.

– Как что? Яблоки, вкусные… – растерянно ответил я.

– Откуда?

И только тут я понял, какую грозу накликал на себя но, ничего не придумав правдоподобного, промямлил:

– Из плодовки…

– Из какой кладовки? – не расслышала мой ответ бабушка.

– Не из кладовки, мама а из плодовки, плодово-ягодной станции. Ворованные это яблоки. Ваш внук и мой сын стал вором.

– Ой, Господи… – Бабушка грузно опустилась на табурет и перекрестилась.

– Миша, как же это? – Мама подошла ко мне и приобняла. – Как ты мог? Папа прав – это воровство. Разве этому мы тебя учили?

– Это не я придумал, а …

«Ещё и предателем стану, – мелькнуло в голове. – Нет уж, буду молчать, чтобы то ни было.»

– А вот я ему сейчас объясню, чему мы его учили, – грозно сказал отец и расстегнул ремень на брюках.

– Не надо! – Мама спрятала меня за спину. – Это не метод.

– Хорошо! Тогда решим так. Собирай яблоки в сумку и бегом на плодовку. Сдашь их сторожу и принесешь от него записку. Понял? – В словах отца зазвенел металл. Крепкий под-

затыльник доказал, что отец не шутит. – Если не сдашь, вот тогда тебе и мама не поможет. Марш с моих глаз, поганец!

Я пулей вылетел из дома, глотая слёзы обиды и страха перед предстоящей встречей. На улице увидел Чирка.

– Рудик, ты чё? Куда это с яблоками?

– К сторожу, отнести надо, иначе мне от отца взбучка будет.

–Ты чё? Дурак, что ли? Родителям показал. Вот чудила! Не! Я свои в сарайке спрятал. Отец узнает – выдерет.

–Слушай, Чирк, пойдём со мной, я один боюсь. Вдруг меня заарестуют.

– Да не.., за яблоки-то. Уши надрать сторож может. Ну, да ладно, вместе лазили, вместе и отдуваться будем. Не дрейфь. Прорвёмся. Пошли!

Молча дотопали до плодовки, каждый по-своему оценивая происшедшее. Сторож сидел на крылечке, дымя самокруткой. Мы в нерешительности остановились перед ним, переминаясь с ноги на ногу.

– Вам что, ребятки?

– Мы это… принесли, – тихо произнёс я.

– Чего принесли?

– Яблоки, – совсем чуть слышно выдавил я из себя.

– Яблоки! Вон оно что! Целая сумка. Так, так! Это что же получается? Часа три назад – ваша работа? Что же вы, окаянные, не попросили, я бы вам сам спелые приготовил. Вы то, наверное, зелень нацапали. Да ещё одну ветку сломали.

– Не, мы не ломали, аккуратно… – подключился Чирк.

– О! Значит точно вы. Я-то это сказал для проверки. А ну-ка, топайте за мной. – Дед, кряхтя, поднялся и открыл дверь сторожки.

– Все! Заарестуют, – мелькнуло в голове. – Чё делать, Чирк?

– Не боись! Пошли! Может ещё отпустит.

– Чичас чай пить будем, с медком. Садитесь, садитесь. Чего надулись, как воробушки? Да не бойтесь вы. Ничего худого я вам не сделаю, но впредь запомните: воровство – это великий грех, он душу чернит и жисть ломает.

Мы переглянулись и облегченно вздохнули.

– Я говорил… – Чирк толкнул меня локтем.

Дед хлопотал с заваркой чая.

– А кто это вас научил вернуть яблоки? – спросил он.

– Его отец, – осмелел Чирк, – только это ещё не всё… я тоже принесу… – и, чуть помедлив, добавил. – И всем пацанам скажу.

– Ну вот и хорошо…, недолго упасть, главное, вовремя подняться. Чего же вы чай не пьете, с малинкой, смородинкой, медком. Добрый чай!

– Не! Спасибо… мы пойдем, только это… записку надо пробормотал я.

– Яку таку записку?

– Ну, что я яблоки вернул. Отец просил принести, не то худо будет.

– О! Правильный у тебя папка. Хороший человек… и ты вырастешь, то же будешь хороший и других научишь.

Сторож нацарапал карандашом на клочке бумажке: «Яблоки вернул, а я их вам посылаю в подарок. Ешьте на здоровье и спасибо за правильное воспитание сына».

ПЕРВЫЙ

Роман

Александр Иванович Пулин написал роман, большой роман, толстый, более пятисот страниц. Пять лет ушло на

этот творческий труд. Этому его никто нигде и никогда не учил. Сработала интуиция, и помогло самообразование, а также свободное время, которого после выхода на пенсию стало слишком много. А что ещё делать пенсионеру? Конечно, книжки писать.

Пулин с удовольствием потянулся, протёр уставшие глаза и поставил жирную точку в конце последней фразы своего детища: «Женщина оглянулась и пошла прочь, призывно двигая бёдрами». Подумал и убрал слово «призывно».

Жена, проходя мимо, кинула взгляд на экран компьютера и облегчённо вздохнула

– Слава богу, закончил, хоть немного о семье позаботишься.

Новоиспечённый автор с удивленьем узнал, что дети уже окончили школу, учатся в институтах, а жена, оказывается, очень даже ничего, если не сказать, что она привлекательная женщина.

Написал Пулин роман и чувствует, как гора с плеч свалилась. Вроде радоваться надо, а в душе какая-то пустота. Дальше-то что? Созывать родных и знакомых, чтобы почитать и узнать их мнение? Хвастаться, что ли? Жена категорически заявила: «Надо!» Она быстро освоилась с новой ролью жены романиста. Дату выбирали тщательно в спорах и сомнениях. Приняв трудное решение, обставили всё, как полагается в таких случаях. Озаботились угощением, напитками и десертом. Собрались родные и самые близкие друзья. Прочитать удалось только две главы, а дальше начались застольные, раскрепощённые разговоры.

– Ай да Пулин! Ай да молодец! Не выстрелил, а прямо грохнул. Это же социально-народный роман.

– А сюжет! Сюжет-то как закрутил, молодец. Я скажу тебе прямо в глаза – талант, настоящий талант. Давайте за это и выпьем!

Александр Иванович застеснялся.

–Так уж и талант. Способности, вроде, есть, а насчёт таланта – Богу виднее.

– Не скромничай, это же все видят. Предлагаю тост за следующий роман Саши, ура!

Жена чуть не поперхнулась долькой апельсина.

– Этот хоть прочитайте до конца, – подумал герой застолья.

Презентация романа, можно сказать, прошла успешно, хлебосольно. Расходились все весёлые и довольные.

– Будем ждать книгу, – хором твердили друзья. – Печатай быстрее, потом на какую-нибудь премию подашь.

Это пожелание стало преследовать Александра Ивановича. «Печатать, печатать», – постоянно пульсировало в голове. А где? И как? В компьютере нашёл адреса типографий и отправился в обход.

Директор издательства с непроницаемым лицом пролистал фолиант, пробежал глазами несколько строчек и заявил:

– Оставляйте. Через месяц-два сообщим решение, помолчал и добавил, – если претендуете на гонорар. Если за свой счёт, можно начать работу с завтрашнего дня.

– А как это – за свой счёт?

– Что тут непонятного? Вы сами оплачиваете все затраты на тираж: макет, редактор, корректор, бумага, печать и прочее.

– Ну и сколько это будет стоить?

От услышанной цифры Пулин чуть сознание не потерял.

– Это же трёхмесячный бюджет моей семьи. – Промелькнуло в голове. – Хорошо, я не тороплюсь и подожду вашего решения.

Этот разговор с небольшими нюансами повторялся во всех типографиях, отличаясь лишь ценой тиража в сторону

повышения. Ошарашенный этими сведениями, Александр Иванович вернулся домой в совершенном раздрае.

Только один издатель ответил совершенно откровенно.

– Интересно, но когда вам сотрудники ДПС будут отдавать честь, вместо того, чтобы оштрафовать за нарушение правил дорожного движения, тогда и приходите за гонораром, а сейчас, что Пулин, что Снарядов – читателю всё равно. Вас не знают, и книгу вашу никто покупать не будет. Раскрутиться вначале надо: газеты, встречи, презентации, телевидение и прочее. Дерзайте, а потом поговорим.

Такая перспектива просто зачёркивала какую-либо возможность увидеть свой труд в книге. Видя удручённое состояние автора, директор сделал загадочное лицо и, прикрыв дверь, ласково заметил:

– Ну что вы так расстраиваетесь? Есть ещё один вариант: выпустить книгу от двух авторов, гонорар пятьдесят на пятьдесят.

– А кто этот второй? – машинально спросил Пулин, не задумываясь о сути предложения.

– Мы подберём вам компетентного известного автора, книга пойдёт влёт. Но только вы будете вторым автором, а он первым.

– Почему так? Ведь это я написал.

– Имя, дорогой. Имя очень дорого стоит. Нам его ещё уговорить надо. Может, даже придётся предложить ему 60%, вам 40%.

– Можно, я подумаю?

– Конечно! Думайте, звоните, приходите.

Сосед как-то обмолвился, что посещает какой-то литературный клуб «Свистунец». Сам он ничего не пишет, но любит поэзию, ходит туда послушать выступления местных авторов и попеть частушки под гитару.

– Саша! Приходи! Мы собираемся в первое воскресенье каждого месяца. Почитаешь роман, может что-нибудь и посоветуют.

Александр Иванович думал, думал и, наконец, решился.

– Была не была. Схожу, хуже не будет. В типографиях глухо, денег необходимых для издания нет. Клуб при писательской организации «Союз писателей России», может быть, профессионалы что-то дельное посоветуют.

Собралась пёстрая компания: два барда, поэт-пианист, критик – крупная, шумно восторженная дама, писатели, поэтессы и даже баснописец. Пулин скромно сидел в уголочке дивана, с интересом наблюдая за происходящим действием. Вначале обсуждали стихи молодого поэта. Мягко, интеллигентно выступающие не оставили камня на камне от его творчества. Но автор не обиделся, рассыпался в благодарностях за высказанные замечания и обещал их учесть в дальнейшей работе.

– И чего он радуется? Раздолбали под орех, – удивился новоиспечённый романист, судорожно сжимая под мышкой папку с родным детищем.

– А вы с чем к нам пришли? – неожиданно обратился к Александру Ивановичу небольшого роста мужик с обильной растительностью на лице, похожий не то на гениального писателя, не то на лешего.

– С романом. – Новичок облизнул пересохшие губы.

– О! Сразу с романом. Ну, читать сегодня его мы не будем, но обсудить можно. Подготовьте пять экземпляров и на следующем занятии раздадим членам клуба, прозаикам, естественно, и через месяц послушаем их мнение.

Согласие было получено и всё произошло так, как сказал руководитель «Свистунца».

Настал «день икс». Накануне ночь прошла в кошмарах. Толпа с остервенением рвала роман на части и угрожала автору расправой. Александр проснулся с головной болью.

– Опять давление подскочило. Надо не забыть таблетку принять. И чего нервничаю, ну не понравится роман, так что, конец света настанет? Надо успокоиться. Всё будет хорошо, всё будет прекрасно, всё будет хорошо… – Романист привычно включил аутотренинг, принял душ и надел праздничный костюм с любимым галстуком.

– Вырядился, как на свадьбу, – съехидничала жена. – Лекарство не забудь.

Роман обсуждали после стихов. Поэта-даму на шестом десятке, члена Рубцовского общества, о котором он впервые слышал, хвалили и предлагали опубликовать подборку её стихов в литературном альманахе.

– Счастливая, – молча позавидовал Александр Иванович.

– Приступаем к разбору романа нашего нового члена клуба Пулина Александра Ивановича. Рецензенты присутствуют? – спросил председатель. Пятеро подняли руки. – Прекрасно. Прошу, прочтите нам какой-нибудь отрывочек, не очень большой.

Охрипшим от волнения голосом, как-то обречённо, без эмоций он зачитал маленькую главку.

– Что-то вы как-то безрадостно относитесь к своему творчеству, успокойтесь, здесь все свои, ваши новые друзья и соратники, которые желают только добра.

– Так это… первый раз.

– Ничего, все через это проходили. Ну, хорошо. Рецензенты, кому первое слово?

Поднялась модная дама неопределённого возраста с кокетливым шарфиком на шее.

– Я сразу извиняюсь, не смогла прочесть весь роман, уезжала в деревню по делам, дом там продаю, но определённое впечатление у меня сложилось. Автор владеет словом, не без огрехов, понятно, но пишет интересно, порой слишком увлекаясь неологизмами и пренебрегая синонимами. Сюжет увлекает, хотя на мой взгляд несколько затянут. Вообще, мне кажется, что роман можно сократить: как минимум на главу-две. Нас классики учат, что свой стиль, язык надо оттачивать в малых формах: рассказах, новеллах, эссе, а браться сразу за роман – это смело, но тактически ошибочно. Уважаемый Александр Иванович, во-первых, я вас поздравляю с первым романом, так как думаю, что вы на этом не успокоитесь, во-вторых, советую перед публикацией ещё очень серьёзно поработать над этим или пригласить опытного редактора, но сегодня это очень дорого. Не обижайтесь, уважаемый, работайте – и у вас всё получится.

Пулин внимательно слушал, но так и не понял, хорошо или плохо. И о какой публикации она говорит? Где? Переспросить он постеснялся.

Вторым выступил мужчина с пышными усами, с руками не то кузнеца, не то шахтёра.

– А я прочитал роман до конца и получил почти удовольствие. Но вы знаете мой критический характер, который молчать не может, поэтому позвольте сделать ряд замечаний. Я всегда обращаю внимание на мелочи, которые говорят о мастерстве автора или о его отсутствии. Вот одна из них. В романе довольно подробно и реалистично показана постельная сцена, но из её описания выходит, что герои занимались сексом не раздеваясь, что в принципе невозможно. Я не требую у автора сведений, какого цвета были трусики у героини, но реализм должен быть реализмом. Далее. Какой временной отрезок времени ох-

ватывают события романа? Год, пять, десять лет? Трудно понять, а ведь от этого зависит многое, в том числе лексика героев, их поведение. Потом, фамилии героев какие-то не запоминающиеся, мало природы. А какая была погода во время объяснения в любви? Может быть, дождь или град, на каком фоне произошло самое главное событие в жизни героини? И последнее. В целом я оцениваю произведение на четыре с плюсом, но, если подчистить огрехи, тогда роман потянет и на пятёрку. Спасибо за доверие, оказанное мне при выборе рецензентов.

Пулин хотел что-то возразить или объяснить, но председательствующий остановил его:

– Выслушайте всех, запишите вопросы, возражения и после обсуждения в заключительном слове всё скажете.

Третьим выступил мужчина, вероятно, самый старший из присутствующих, в белоснежной рубашке с бабочкой.

– Не буду повторяться, и дискутировать с выступавшими, хотя я не со всеми положениями согласен. Если телеграфным стилем, то можно сказать следующее. Автор владеет словом, конечно, не в совершенстве, но и требовать от него этого было бы неверно. Мы имеем дело с романом, написанным интуицией и жизненным опытом, но для создания качественного произведения этого мало. Ремесла не хватает. Этому надо учиться. Дорогой Александр Иванович, бог вас отметил, вложил перо в ваши руки, теперь всё зависит от вас. Надо садиться за книги и постигать писательское ремесло. Могу порекомендовать Михаила Веллера, Юрия Никитина, Астафьева, Белова. Научить стать писателем – невозможно, но овладеть профессией, если ты сел за письменный стол, необходимо. По большому счёту, успех творческой работы зависит от соотношения таланта и ремесла. Эти две составляющие и решают всё. Талант даётся от бога, и повлиять на его величину нам не дано,

а в вот уровень профессионализма полностью зависит от автора. На этой шкале возможны разнообразные ситуации: таланта 90%, мастерства 10% – это гений, 70 и 30% – классик, 0 и любая цифра – графоман. Величину таланта трудно измерить, но его отсутствие видно сразу. Я не могу сказать, что из представленной работы нельзя сделать качественную вещь. Можно, но после того как автор овладеет всеми орудиями писательского мастерства, чего я ему и желаю. Не обижайтесь, я от чистого сердца. Я не буду о деталях. Вы всё увидите сами по моим заметкам на полях. Спасибо за доверие. Надеюсь на понимание и дальнейшую дружбу.

Пулин забыл о блокноте и ручке, оказавшись во власти озвученных мыслей. Как всё просто и понятно. Других он слушал вполуха. Ничего нового они не сказали, только последний подчеркнул возможность найти спонсора для издания книги, в частности в лице партии «Новая Россия». В заключительном слове Александр Иванович только поблагодарил за проделанную работу и пообещал обязательно прочесть рекомендуемую литературу.

Пролетел год в мучительных исправлениях, сокращениях, дополнениях. Фолиант Юрия Никитина «Как стать писателем в наши дни» стал его настольной книгой. С руководителем «Свистунца», который фактически взял шефство над автором, они подружились. Наконец член Союза писателей России дал добро на публикацию.

– Ну, вот теперь можно и спонсора искать. Начинай с партийцев.

В «Новой России» объяснили, что в бюджете партии не предусмотрен выпуск книг, в ЛДПР – подарили кепочку, футболку и попросили позвонить через неделю. Ответ был: «К сожалению, денег нет». В «Справедливой России» рекомендовали в письменном виде подать заявление, в котором подробно указать цель визита. Письмо рассмотрит

комиссия и сообщит решение. Визитёра такая ситуация не устраивала. Офис коммунистов он не нашёл, да особенно и не искал, так как понял: партиям не до него. Папка с романом уютно устроилась в ящике стола, а его создатель понял, что надеется можно только на себя, то есть, на свои деньги, которых у него не было.

В молодости, до учёбы в институте, Пулин год работал электриком на кузнечно-прессовом заводе, а его супруга сорок лет отдала этому производству. После перестройки, ваучеризации и каких-то хитрых махинациях завод стал принадлежать российскому немцу Ахтунгову Рудольфу Петровичу. В газете написали о предстоящем юбилее завода, и жена воспылала желанием посетить предстоящее торжество. Если женщина просит, перечить ей бесполезно. Александр Иванович обречённо согласился. Праздник проходил на заводском стадионе. Встретили их хорошо, усадили в первом ряду, отведённого для ветеранов.

– Смотри, это исполнительный директор завода Силин, вы учились в одной школе, подойди, может быть поможет издать роман, подойди , поговори.

– С ума сошла! Он давно уж забыл меня, неудобно.

– Чего особенного, неудобно ему! А бегать по партиям удобно? Иди, говорю, это же шанс.

– Ладно, пройду мимо, если узнает – поговорю.

– Узнает, узнает, иди, а то он исчезнуть может. Господи, и везде тебя подталкивать надо.

Пулин, воткнув взгляд в землю, медленно двинулся навстречу Силину.

– Сашка! Ты! Здорово! Вот не ожидал!

Силин схватил его в охапку и крепко обнял. Пулин только смущённо сопел.

– Где ты? Что ты? Рассказывай.

– На пенсии… вот, роман написал.

– Роман, ну ты даёшь, а где его прочесть можно?

– Его ещё издать надо, вот я подумал, а если предложить Ахтунгову, с рекламой вашей продукции .

– Хорошая мысль, обмозговать надо. Давай телефон, я перезвоню, а сейчас извини, бежать надо, артистов встречать. Рад был увидеть.

Обменялись визитками и разошлись. Пересказал разговор жене.

– Молодец! Ну, что я говорила. Слушаться меня надо и всё будет в порядке. Смотри, смотри, генеральный приехал, с Силиным разговаривает, в нашу сторону смотрят. Точно о тебе разговор.

– Поживём-увидим, ещё ничего неизвестно.

Праздник прошёл шумно и весело.

Потянулись дни ожидания звонка. Прошло два месяца. Надежда, ярко вспыхнувшая, стала постепенно тускнеть и блекнуть. Она не потухла, но скукожилась до маленького огонька в золе прогоревшего костра. О разговоре с Силиным Пулин старался не вспоминать.

– Смешно даже. На что надеялся? Словно у них других забот нет. Есть такая форма интеллигентного отказа: пообещать позвонить и замолчать. Но напоминать я не буду, – рассуждал сам с собою романист-неудачник.

Однажды товарищ пригласил в сад на шашлыки. Женщины любовались цветами, о чём-то сплетничали, мужчины, как полагается, жарили мясо. Громкая мелодия сотового телефона нарушила идиллию ожидаемого удовольствия.

– Иваныч! Это твой сигналит. Зачем на отдых брать эти штуки. Обязательно испортит настроение какой-нибудь проблемой.

– Извини! Я отвечать не буду.

Телефон настойчиво требовал ответа.

– Достал уже! Алло, я слушаю, алло!

– Это Александр Иванович Пулин?

– Да.

– Вас беспокоит секретарь Силина Юрия Викторовича, исполнительного директора кузнечно-прессового завода.

Он чуть сотовый не выронил.

– Сообщаю, что сегодня на 14-00 на вас заказан пропуск. Юрий Викторович вас ждёт.

Рефлекторный взгляд на часы, 13-00.

– Друзья, я этот звонок ждал два месяца, ради бога, извините, но я должен исчезнуть, жену оставляю. К вечеру надеюсь, вернусь.

Выскочив на садовую улицу, он почти побежал по направлению к проходной, до которой было около километра. Его обгоняли иномарки, не обращающие внимания на поднятую руку. Подкатила потрёпанная «Нива» и тормознула возле него. За рулём сидел, похоже, его ровесник.

– Куда бежим? Зачем? Даже фартук не снял.

– Друг, умоляю, до города, я сейчас всё объясню.

– Садись и рассказывай свою спешилку.

Пулин, как на духу, рассказал и о романе, и о Силине, и о том, что надо заехать домой за паспортом, без которого пропуск не выдадут, и что он боится опоздать. С удивлением узнал, что водитель пишет стихи, которые публикует в коллективных сборниках. Более того, он иногда заглядывает на заседания «Свистунца».

– Не переживай, успеем. Я тебя прямо к проходной завода доставлю. Святое дело. Такой шанс упускать нельзя.

Прихватив из дома паспорт, деньги, папку с романом и отзывами на него, они помчались к заводу, нарушая скоростной режим движения по городу. Повезло. Пробок не было, дэпэсники не остановили и в 13-55 машина тормознула возле проходной.

– Спасибо, дорогой! Вот визитка, звони в любое время, чем могу, всегда помогу, – и достаёт бумажник.

– Не обижай, Иваныч! Что ж я, не понимаю! Такое дело. Не всё деньгами измеряется. Давай, дуй! Удачи. Буду ждать твою книжку. Счастливо.

В кабинет к Юрию Викторовичу он постучал в 14-05.

– Молодец! Грешен, люблю пунктуальность. Точность – вежливость королей. Садись. Генеральный нам назначил на 14-15. Сам всё ему и расскажешь.

Огромный кабинет, большой т-образный стол, портрет В. В. Путина. Ахтунгов поднялся из-за стола навстречу, пожал руку Пулину, кивнул исполнительному директору и пригласил:

– Присаживайтесь. Я вас слушаю.

– Рудольф Петрович, я написал роман, но выпустить его нет возможности, вернее, средств. Предлагаю вам издать книгу с большой рекламой продукции вашего завода.

–Уважаемый … – пауза…

– Александр Иванович, – подсказал Юрий Викторович.

– Уважаемый Александр Иванович, продукцию нашего завода отлично знают не только в России, но и далеко за его пределами, так что в рекламе мы не нуждаемся.

Пол ушёл из под ног Пулина, в глазах на миг потемнело. Всё пропало – мелькнуло в голове.

– Ну что же вы молчите, Александр Иванович. – Рудольф Петрович медленно перебирал страницы, – серьёзный труд.

Пропадать – так с музыкой. Сгорая от стыда или от своей наглости, спрятав глаза, Пулин почти прошептал

– Тогда я прошу вас быть спонсором.

– Ну, это другое дело, а то реклама, реклама, насмотрелись телевизора. Расскажите немного о себе.

– Вырос я здесь, в заводском посёлке, учились вместе с Юрием Викторовичем. Работал электриком в ШИЦе

(штампово-инструментальный цех), потом поступил в институт, сейчас на пенсии. Отец много лет отработал на заводе, мама сорок лет – в его медсанчасти.

– Почти династия. А это что такое? – Генеральный держал в руках конверт с несколькими листками.

– Это рецензии знакомых на роман.

– А вот это уже интересно. – И он погрузился в чтение. Читал он достаточно быстро, почти вертикально по странице. И вдруг:

– Сколько надо для издания книги?

Александр Иванович онемел. Язык не поворачивался назвать цифру, которая казалась ему совершенно фантастической. Он вспомнил совет друга, когда они обсуждали возможность получить деньги в долг. Проси больше, дадут как раз, сколько нужно.

– Восемьдесят тысяч, – едва слышно произнёс пересохшими губами Пулин, молча проклиная себя за эту авантюру. И не поверил своим ушам…

– Семидесяти хватит! Юрий Викторович оформите через мой фонд. – И встаёт. – Успеха, Александр Иванович. Буду ждать книгу.

Опять рукопожатие. Не чувствуя ног, проситель вышел из кабинета.

– Ты чего такой пришибленный. Всё хорошо. Поздравляю. Теперь бери бумагу и пиши, я продиктую.

– «Я, Пулин Александр Иванович, получая семьдесят тысяч рублей из фонда Рудольфа Петровича Ахтунгова, обязуюсь их истратить только на издание моего романа и на его презентацию, при нарушении этого обязательства буду нести судебную ответственность. Дата. Подпись». Вот и всё! Жди моего звонка.

В сад счастливый автор вернулся под вечер и до самого сна несколько раз пересказывал состоявшуюся встречу.

Жена чувствовала себя королевой. Уже засыпая, он признался, что до сих пор не верит в свою удачу.

– Пока не увижу деньги в руках – не поверю.

Жизнь листала дни, недели с мелкими потерями и удачами, с малыми и серьёзными радостями, с надеждой и разочарованиями. Была многоцветной, но одной ожидаемой краски не хватало. Каждый звонок вызова по сотовому заставлял его вздрагивать и с нескрываемой надеждой говорить: «Алло». Звонка от Юрия Викторовича не было. По телевизору сообщили о каких-то проблемах на кузнечно-прессовом заводе, о медленной его реконструкции и злоупотреблениях в руководстве. От этой новости у Пулина пропал сон. Синица, которая была в руках, кажется, взлетела и оставила на память только маленькое, воздушное пёрышко. Генеральный пробился в государственную думу, стал депутатом. В домашних разговорах с женой они старались не касаться этой темы, боясь поссориться. Папка с романом скучала в пыльном чемодане на антресоли.

Но он всё-таки зазвенел. Секретарша сообщила, что Александра Ивановича ждут к 16-00. На этот раз всё было без суеты, опозданий и гонок по городским улицам. В 15-30 он уже сидел на стуле в приёмной, терпеливо ожидая приглашения. День был рабочий и, видать, напряжённый. В кабинет к исполнительному директору часто приходили люди, решали свои вопросы, иногда, довольно громко. Одни приходили, другие выскакивали из кабинета, как из бани, вспотевшие, с красными лицами. Просидел Пулин на стуле до 18-00. Секретарша нырнула в кабинет и вскоре вышла с мокрыми глазами.

– Заходите.

Директор сидел без пиджака, с распущенным галстуком, расстёгнутым воротом рубашки, перед ворохом чертежей, туча-тучей.

– Здравствуйте, Юрий Викторович.

– Привет. – И большая пауза.

– Саша, ты прости, что пришлось ждать, – и опять молчит.

– Ну, как дела?

– Как, как? Накакали выше крыши, хреновые дела…

У Пулина сжалось сердце.

–…второй пресс сплошной брак гонит. Разгоню к чёртовой матери, работнички. – И зарылся в бумаги.

Вытерпев очередную большую паузу, Александр Иванович решился:

– А как мои дела?

– Да у тебя всё нормально. – Силин наклонился, взял под столом и протянул чем-то наполненный целлофановый пакет.

– Это что? – вырвалось у Александра.

– Как что? Деньги, как договаривались, семьдесят тысяч, можно не пересчитывать, если доверяешь.

Как в тумане он взял пакет и застыл с ним посередине кабинета, не зная, что дальше делать.

– Саш, иди, иди, честное слово, не до тебя. Утрясётся, я позвоню, посидим, поболтаем.

На ватных ногах он вышел из кабинета, держа пакет, как снаряд, готовый взорваться. Подошёл к секретарше.

– Мне можно идти или…

– Конечно, идите, я вас не задерживаю.

Пришёл в себя он только за пределами завода. Присел на лавочку, осмотрелся и заглянул в пакет. Пачки тысячных купюр в банковской упаковке в беспорядке заполнили половину ёмкости. Пулин вспотел. Ещё никогда ему не приходилось держать в руках такую сумму. Зарплата бюджетника и его пенсия не позволяла этого. В автобусе, крепко прижимая драгоценную ношу под мышкой, он увидел

свободное место и облегчённо рухнул на него. Осмотрелся. Ему казалось, что все пассажиры как-то подозрительно смотрят на него. На очередной остановке возле него освободилось кресло, в которое и устроился амбал, прижав соседа к стенке.

– Не подскажете, где…

– Я не знаю, – торопливо ответил Александр, двумя руками вцепившись в пакет. Здоровяк вышел из автобуса вместе с ним. Пулин быстро пошёл к своему дому, периодически проверяя наличие слежки, как показывали в различных сериалах. К счастью, его никто не преследовал. Дома, упав на диван, он перевёл дух. Жена молча смотрела на него, ожидая рассказа.

– Смотри!! – Он раскрыл пакет и показал деньги.

– Ой! Откуда?

– Тарелочка с голубой каёмочкой из сервиза Силина.

– Ну, вот и свершилось, поздравляю, я всегда знала, что получится, – и пошла на кухню мурлыкая: «Если долго мучиться, что-нибудь получится.»

Роман издали в лучшей городской типографии, в твёрдой обложке, тиражом в 1000 экземпляров на бумаге высшего сорта. В дальнейшем, в совокупности с другими книгами, он открыл автору дорогу в Союз писателей России.

Александр Ефимов

Россия, Москва

Александр Владимирович родился 25 августа 19958 года в Москве. Окончил в 1982 году МВТУ им. Баумана, а там же, в 1986 году аспирантуру. С 1982 года участвовал в этнографических зкспедициях Лесногородского Клуба Друзей Игры. Соавтор сборника «Игры Новгородской области». С 1983 года работал руководителем ракетомодельного кружка в посёлке Лесной городок. В 1987 году организовал в микрорайоне Москвы Крылатское клуб юных этнографов КДИ-КНТ «клуб друзей игры клуб народных традиций». В том же году организовывал Игротеку в школе № 1130. В составе клуба организовывал этнографические экспедиции в Рязанскую область, в том числе на родину К.Э. Циолковского, с. Ижевское. По результатам экспедиций опубликован (в соавторстве с Е. А. Ефимовой и Б. В. Горбуновым)

сборник «Игры Рязанской области», также сделаны доклады на первых и вторых Лебедевских чтениях, Виноградовских чтениях, На Циолковских чтениях представлена работа, посвященная народной игре в творчестве К. Э. Циолковского.

Пишет стихи и рассказы с раннего детства. Первые стихи утеряны: в школе украли тетрадку. После долгого перерыва стал писать снова.

После знакомства с общественной организацией «Клубы друзей игры» публиковался в ее рукописных изданиях. Печатался в местной газете микрорайона Крылатское и в институтском сборнике «Строфы ЦИАМ».

«Песня воздушного змея» звучала на Фестивале воздушных змеев в Тушино в 1999 году.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Сквозь гранитное времени крошево
Я гляжу в убегающий век,
И я вижу в нем только хорошее:
Я ведь доброй души человек.
Были беды и были пожарища,
Но не это оставило след.
Ведь всегда были рядом товарищи,
И я вижу сердец яркий свет.
И когда я гляжу в набегающий,
В этот светлый и радостный век,
Не желаю там видеть пожарища:
Я ведь доброй души человек.
Я увижу над Русью безбрежною

Светлой дружбы не призрачный свет.
Там живут люди светлой надеждою,
Я из прошлого шлю им привет.
Они чтут наши светлые праздники,
Они знают, как память сберечь.
И тогда будет речкой бескрайнюю
Мимо звёзд время мирное течь.

ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ

По воспоминаниям родителей

Получится пока не связный рассказ, а отдельные миниатюры.

Отец

Начнем с отца. Про его маму, мою бабушку Марию Алексеевну, речь шла в предыдущем рассказе.

Вот он (приведён в рассказе – «22 июня по воспоминанием родителей»).

Грешен, вовремя не записал рассказы матери, теперь приходится писать по памяти. Воспоминания отца менее яркие и их немного. Родственники со стороны отца вообще были более скрытные. Наиболее яркие воспоминания были связаны с прадедом, Алексеем Колтыревым. По утверждению моей бабушки, Марии Алексеевны (это её отец), Алексей Колтырев воевал в армии Скобелева, воевал хорошо. Получил низший офицерский чин и дворянский титул. Погиб на Шипке. А бабушка была взята на воспитание графом Шуваловым и окончила в Ряжске институт благородных девиц.

Добавлю только, что пока подтверждение существования своего героического прадеда я не получил. Было бы

здорово обнаружить в списках героев Шипки Алексея Колтырева, но пока не сложилось.

Отец родился в селе возле Ряжска. Там рядом находятся два села – Шелемишево и Боровое. Бабушка из Шелемишева, дедушка, Дмитрий Петрович, из Борового.

После свадьбы мои родители ездили показаться родственникам. Впечатление мамы: сёла – просто разные галактики. Боровое – каменные дома, а в Шелемишево дом деревянный и пол горбом.

Родитель деда держал лавку. Брат деда в гражданскую войну поехал за товаром в Ряжск, да так и сгинул без вести. Дед и его родня работали на мельнице, так же, как и дед со стороны матери. Мельница в Боровом стояла на реке Ранова. Из села пришлось уехать, видимо, из-за существования лавки. И было куда переехать и где работать. Без подробностей.

Детское впечатление отца – в одно лето жили не в доме, а в шалаше. Старый дом снесли и за лето построили новый, кирпичный. Кирпич обжигали сами. Глину копали рядом с домом, в яме.

Правда или нет, не знаю, за что купил, за то и продаю.

Дед и бабушка со стороны отца были замечательные, но неразговорчивые. В доме деда хозяйство вел только он и готовил отменно. В том числе из-за того, что в Гражданскую войну служил поваром. А бабушка хозяйством практически не занималась: «Мы не кто-нибудь, а Колтыревы», – говаривала.

Мать

Семейство матери более общительное и разговорчивое.

В Москву окончательно переехали только после войны. И то только потому, что еще в период нашего контрнаступления 1941–42 годов, рядом с домом разорвался снаряд

«катюши» и крыша осела. У моего деда Сергея Кузьмича уже сил не было домом заниматься.

Сергей Кузьмич Фомичёв был мужик статный и крепкий, очень любил кулачные бои и не один праздник не пропускал. Был призван в армию. Участвовал в русско-японской войне. Демобилизован не был, а продолжил службу в железнодорожном полку, как говорили, «охраны царя».

Бабушка – Мария Васильевна (Савенкова) была крупная женщина, как и её сестра Дуняша. Есть фотографии, они выложены у меня в ЖЖ, там я пишу под ником krylat.

Там же есть фотография дома и деда в гражданской и военной форме.

Дед, ещё будучи подростком, работал на местной мельнице. Мельница была на реке Протва. Там же работал будущий генерал Михаил Ефремов. Там они и познакомились и подружились.

Революция застала Сергея Кузьмича в Гатчине. Полк перешел на сторону восставших и самораспустился. Дед пришёл домой. По рассказу бабушки, весь обмороженный.

После Октябрьской Революции Михаил Ефремов посоветовал деду записаться в Красную Армию. Дед так и сделал. Очень быстро был комиссован по болезни и вернулся в Юрятино.

Кроме мамы, в семье было еще двое детей: старший брат Виктор и сестра постарше Шуры – Мария. Очень дружное семейство. Был ещё кот Василий, главный хранитель амбара от других кошек и котов. Когда делали колбасу, он сидел на стропилах и гонял всех желающих колбасу спереть. За это получал свою долю.

Дом был большой, с летней и зимней половиной. Зимой жили только в зимней. А летом во всём доме. Зимой к основной печке дополнительно ставили буржуйку с железной трубой, проходящей по дому до окна. Однажды дети

играли возле печки и у Шуры от жара загорелось платье. Брат Виктор потушил, обошлось.

Виктор один из первых приобрёл в селе велосипед. Уже позже, Шура тайком брала его кататься. Ездила боком, не садясь в сидение. Знаете, как ездят младшие на больших велосипедах? Они не садятся, а продевают одну ногу через раму, так и ездят, скособочась. Только тормозить неудобно. Первый раз Шура вообще не знала, как тормозить. Вот и утопили велосипед в пруду. Юрятино располагалось вдоль Протвы буквой «Г». А в пересечении половинок был мост через Протву. На улице, где стоял дом Фомичёвых, примерно посередине был пожарный пруд. Шура утащила велосипед и поехала от дома к пруду. Виктор погнался за ней с крапивой. Мог и не гнаться, дорога была под горку, а поскольку как тормозить, ей не рассказали, путь был один – в пруд к пиявкам. Шуру из пруда выловил Виктор, а велосипед вытаскивали багром.

Как говорила мама – до 1933 года жили очень хорошо. Потом пришлось отдать двух лошадей – Ветра и Ветку. Оставили себе мерина. Отдали бричку, веялку. Ветка очень понравилась местному председателю, да и бричка тоже. У Ветки были на ногах белые чулки. Масть не помню.

Тем не менее, на жизнь не жаловались.

Ещё эпизоды: «Школа в Юрятино», «Бык», «Крашенки», «Скарлатина».

Начнем с зарисовки «Бык»

Мама тогда уже подросла и была младшей школьницей. Место, где располагалось село Юрятино, очень живописное. Есть свои холмы. Как рассказывала мама, ребятня называла их – Карпаты. Место, где каждую зиму устраивали снежные горки. Есть лес с грибами и ягодами. Дети ходили по грибы. Однажды в лесу их застала гроза, и молния по-

пала в соседнее дерево. Перепугались больше всего взрослые, даже из села прибежали в лес, детей своих выручать.

Село – потому что была церковь. Но когда я там был, её уже не было. Куда и как пропала – не скажу, не знаю. Однако слышал легенду, что церковь ушла под землю, а на её месте теперь идеально круглая поляна.

Позднее такую же легенду я слышал о Святом озере возле с. Нармушадь в Шиловском районе Рязанской области. Об этом тоже когда-нибудь расскажем.

Из достопримечательностей еще была трехэтажная кирпичная мельница. А бык? Бык был племенной, здоровенный и очень вредный. Он, зараза такая, любил пугать детей. Но так как был, как правило, на привязи и за изгородью, то только пугал. А дети, как и все дети, его дразнили. И додразнились.

Бык сорвался с привязи и побежал по селу. На беду, мама с подружкой шли по селу. Просто гуляли или шли из школы. Наверное, гуляли, было лето. Бык помчался к ним, они недолго думая залезли на дерево. А эта зараза стал рядом ходить и копытом подкапывать дерево. Подкопать, конечно, не подкопал, но напугал сильно. Девчонки стали кричать.

На счастье, мимо шел мужик, пастух не пастух, но, видимо, знающий толк в быках. Мужик услышал детские крики и подошел к быку. У быка было в ноздрях продето кольцо. Мужик взялся за кольцо и повернул его. Бык весь задрожал и присел.

Быка отвели и снова привязали, теперь крепко. Девчонки слезли и убежали по домам.

Последствия были долгосрочные. Мама смертельно боялась коров до самого преклонного возраста.

Небольшое отступление. В 1972 году, когда в Кунцево, где мы проживали, стали ломать последние сельские дома, случилась смешная история. Под Новый Год мы с мамой

сидели дома и вдруг услышали мычание. Сначала думали – мерещится. Мычание повторилось. Мама побледнела. Мы посмотрели в окно – по двору гуляют две коровы, видимо, хозяева не уследили. Так маме Шуре и дома страшно было, а сколько времени минуло с того момента, как бык напугал.

Но продолжим.

Попробуем рассказать о школе.

В селе Юрятино была начальная школа. Есть фотография класса, мальчиков и девочек. Если я правильно помню, то класс, помещение, был один. Так что первый, второй и третий классы были в одном помещении, вроде бы друг дружке не мешали. Но может быть, я это и придумал. Все классы весной и летом работали на школьном участке. Сеяли горох. Осенью горох собирали и сушили. Из гороха варили суп, а ещё в школе стояла кадка с сушёным горохом и на перемене можно было запустить в кадку руку и взять горсть – погрызть.

Учились с большим удовольствием.

Были и забавы. На пруду взрослые зимой делали карусель – «Кружало». В лёд вмораживается столб. На столб, на вертлюжке крепится тележное колесо, к колесу крепится слега, к слеге санки.

Ещё одно отступление.

Мы у себя в Крылатском тоже такое делали. Научились у Лесногородского клуба друзей игры. Классная штука, но рискованная. Пару раз получали травмы. Руку прижало до синяка. Кого-то о лёд стукнули. У мамы рассказ был: собаки за санками часто бежали и лаяли. Санок было как минимум двое по обе стороны жердины. Вот одна собака под вторые санки и попала. Визгу было, лапу сломала. Подробностей не помню.

Старшие ещё делали гиганские шаги – это столб с таким же вертлюгом вверху и тележным колесом. К вертлюгу крепились четыре или больше, верёвки. На конце верёвки была петля, куда можно было продеть ногу. По очереди отталкиваясь от земли можно было раскрутится и время от времени пролетать почти круг, а то и больше. Катались старшие – потому что младшие не доставали до земли. Или старшие катали младших. Те просто садились в петлю, как пассажиры.

Ещё с азартом играли в лапту. Мячики были покупные, жёсткие. Мы потом в 1987 году, во время «днепровской» экспедиции, записали рассказ жительницы Смоленска примерно маминого возраста, так они, будучи детьми, вырезали мячики из шин разбитых пушек. Благо этого добра было полно. Дело было в послевоенном 1945-м…

Но это отступление от темы. Играли лихо. Маме попали мячиком в нос, а мячик-то жёсткий. Разбили. Полдня кровь останавливали… Ну, может быть, несколько часов. Все старшие переживали. Как же – младшей Шуре нос расквасили. Особенно переживал брат Виктор.

Вставим эпизод про мерина. Наверное, раньше нужно было, а может быть и в самый раз.

Итак, «Мерин»

Мерина оставили семье, для хозяйства. Мерин был упрямый, и делал только то, что хотел. Хотел везти – вёз, не хотел – не вёз. Стоит столбом и не двигается… Нужно было Марию Васильевну (мою бабушку) отвезти к доктору в Серпухов, а мерин себя запрячь дал, а с места не двигается. Придумали. Раскалили кочергу и ему под хвост сунули… А дело было зимой. Так он сел в снег и кочергу остудил.

В другой раз повезли молоть зерно на мельницу. Мельница была водяная, на реке Протве. Протва была запружена, к мельнице вела дорога с небольшим подъёмом. Мерин доехал с поклажей до ворот мельницы. Только хотели разгружать мешки, как он попятился. Мужики и в телегу упирались и под колеса камни бросали, а он пятится и пятится. Так до самого начала подъёма и спустился. Пришлось мешки до мельницы на себе носить.

С мельницей ещё были истории. Жалко, подробностей не помню. Помню, мама рассказывала, девочка попала под приводные ремни и покалечилась, а подробности не вспоминаются.

Село неплохо и до революции жило. Есть фотография моей бабушки в возрасте примерно два-три года в компании со своими папой и мамой. Нужно их имена вспомнить. Понятно, что папа – Василий, фамилия Савенков, а имя прабабушки нужно поискать.

Фотографии выложены в krylat.livejournal.com.

Село как минимум дважды горело. Один раз сгорел дом и Фомичёвых. На пожарище нашли медный крест и икону «Неопалимая Купина». Они живут теперь у меня дома в Крылатском. Второй случай описан в рассказе «Крашенки». Повторим его.

Крашенки

Моя мама (Ефимова, в девичестве Фомичёва Александра Сергеевна) рассказывала такую историю.

Деревня Юрятино (её родина, наверное, село, церковь была) горела на её памяти дважды.

Первый раз от их дома сохранились только крест и икона. Во второй раз, маме было пять или семь лет, пожар случился в конце августа.

Было очень жарко, взрослые были на току. Загорелась изба бабушки «со странностями», огонь очень быстро перекинулся на соседние дома, а взрослых не было. В Юрятино остались только старики и дети. Мама побежала к родственнице, монашке, и спросила, что делать?

Та в ответ:

– Освящённые крашенки есть?

Мама:

– Есть, за иконой лежат.

Та ей:

– Возьми крашенку, «Отче наш…» знаешь?

– Знаю.

– Вот с «Отче наш» три раза вокруг дома обеги, да в самое пекло и брось…

Мама рассказывала:

– Бегу вокруг дома, а платье короткое, кругом крапива… Я чешусь и повторяю: «Отче наш, иже еси…».

Обежала три раза и побежала в сторону пожара, а огонь уже близко. Хорошо, дом две большие ветлы защищали. Добежала до пожара и в самое пекло, как мне казалось, крашенку и бросила.

И тут загудело, поднялся вихрь, и огонь повернул вспять…

А на другом конце деревни вышла женщина с Казанской, и огонь ушел в поле…

Ещё она рассказывала, что пока пожар не потушили, она, от греха подальше, вытащила из дома сундук. Так его потом пятеро мужиков в дом несли, а ей было то ли пять, то ли семь лет!

И ещё поросёнок со страху Протву переплыл, и его мужики ловили. С большим трудом в лодку затолкали, уж больно он воды боялся…

Но это было уже после, когда отпустили взрослых с тока. Стало понятно, что огонь по траве до зерна не дойдет. Пожар потушили бойцы-пожарные из Серпухова. Приехали не быстро, но успели. Деревню отстроили.

Следующая, и не последняя, история

Скарлатина

В начале ХХ-го века медицина развивалась стремительно. Многие ранее неизлечимые заболевания научились лечить.

В Юрятино несколько школьников заболело скарлатиной, а в соседнем Серпухове появился доктор, который имел противоскарлатинную сыворотку. Наверное, всё-таки противодифтерийную.

Шура тоже заболела и заболела тяжело. На третий день пропал голос и дыхание стало очень трудным.

Мужики, в том числе и папа Шуры – Сергей Кузьмич, поехали в Серпухов за доктором. Ехали на телеге, понятно, что не быстро.

А мама рассказывала: «Я на кровати (может быть, лавке) лежу. Дышать очень тяжело. Голоса нет. А за столом сидит моя мама (т.е. для меня, автора, – бабушка) и шьёт платье – на похороны.

Шьёт и плачет….»

Доктора привезти успели. Доктор сделал укол, очистил гортань от плёнок. И уехал… Наверное, к другим больным тоже зашел.

А Мария Васильевна (мама Шуры) сидит за столом плачет. И продолжает шить платье.

Прошла ночь. Мария Васильевна так всю ночь и просидела. А утром…

Опять слова Шуры: «Я вечером заснула, а утром проснулась и тихо-тихо говорю: «Мама, можно куриного бульончика…»

Мария Васильевна очнулась, улыбнулась, разревелась, поняв, что Шура начала выздоравливать.

И выздоровела.

От мамы Шуры мне передался иммунитет, но какую-то заразу я в четыре года всё-таки подхватил. И история почти повторилась. Но это другое время и другая история.

22 июня по воспоминаниям родителей

Грешен, вовремя не записал рассказы матери, теперь приходится писать по памяти. Воспоминания отца менее яркие, и их немного. Родственники со стороны отца вообще были более скрытные. Самые яркие воспоминания были связаны с прадедом, Алексеем Колтыревым.

Часть воспоминаний матери я уже опубликовал, почитайте рассказ «Крашенки». К довоенной истории, видимо, ещё придется обратится. Стоит только упомянуть, что мой дед со стороны матери, Фомичёв Сергей Кузьмич, дружил с будущим генералом Михаилом Ефремовым. Они работали вместе на мельнице в селе Юрятино. Мельница стояла на реке Протва. Есть открытка от Михаила Ефремова моей бабушке со стороны матери, Марии Васильевны, с поздравлениями к празднику.

В 1975 году стены мельницы ещё стояли возле протекающей реки. Но без плотины.

Но вернемся к повествованию.

Перед войной семьи моей матери и моего отца переехали в Москву и поселились возле завода «Серп и Молот» (бывший Гужон).

Отец и мать были ещё не знакомы.

Было тревожное ожидание, но жизнь шла своим чередом. Мама училась в техникуме на чертежника. Отец работал на 42-м заводе.

Начало войны было, видимо, у всех одинаковое – голос Молотова из репродуктора. У отца была бронь, а мама пошла в военкомат. Она и её подружка решили стать санитарками.

Военком их принял и сказал: «Девочки. Вот вы меня с поля боя раненого вынести сможете? Идите учитесь».

И направил на фельдшерско-акушерские курсы.

Но сначала нужно было окончить техникум, была защита диплома. В техникуме расположился госпиталь. Защиту решили проводить в сквере. Преподаватели и учащиеся разложили чертежи…

Мимо шел патруль, решили – шпионы и арестовали.

Смеху было!

Ещё очень смешно, по утверждению матери, проходили первые учения ПВО. Народ не знал, что делать и единственное что смог придумать – бегать толпой в противоположную сторону от появившегося самолета.

Слава Богу, это были учения.

Мама, и отец так рассказывали: «Стоим кучей и смотрим на небо. Кто-то кричит – вон, вон летит…. Мы бегом от него в другую сторону. А с той стороны кричат – вон, вон летит… Мы назад. Так и бегали. Пока в арке две кучи народа не столкнулись и все попадали!

Смеху было!

Страшно стало потом.

Возле дома вырыли щели. И во время налета прятались там, а немец старался разбомбить завод «Серп и Молот». Мазал.

Однажды попал очень близко, в проезжавший по территории завода паровоз. Вот это было страшно.

Дед Сергей Кузьмич служил на батарее ПВО на Заставе Ильича. Если бывал дома, то во время налёта никуда не ходил, дома сидел.

Второй дед – Дмитрий Петрович – служил поваром, где – не знаю и уже не спросишь, а жаль. Может быть, не поваром, а хлебопекарем. Когда уже в мирное время со мной гулял, рассказывал о пекарне….

Немец подходил к Москве. Мама моей мамы сказала:

– Шур (как было уже сказано, мама – Александра), Москву бомбят – отвези вещи в Юрятино, там целее будут.

Мама поехала.

На Курском вокзале на запад шли только военные составы. Бабушка с мамой, тогда ещё совсем девчонкой, подошли к офицерскому вагону и стали просить помочь доехать до Серпухова.

Офицеры покрутили у виска:

– Мать. Немец прёт, куда вы в сторону фронта.

– Надо, сынки, – сказала бабушка.

Маму втянули через окно в купе. Вместе с вещами. Доехали. Правда, ехали долго, пропускали составы с ранеными.

Офицеры оказались очень заботливые. Высадили в Серпухове. На счастье мамы, в Серпухов на телеге приехал сосед из Юрятино. Довёз до села.

Вещи из Москвы и ценное из юрятинского дома спрятали в двух ямах в сараях.

Ночью раздался стук в окно, это стучал сторож. По селу ночью ходил сторож с колотушкой, вроде бы дед Егор. «Вставайте – нас окружили!» – кричал он. Селяне повыскакивали. И правда: вокруг полыхали зарницы взрывов. Все побежали в щель.

Тоже уже успели вырыть.

По небу с надрывом летели немецкие самолёты. Как потом оказалось – бомбили мост через Оку под Серпуховым.

Правда, не попали.

Вдруг один самолёт сбросил осветительную бомбу, в стороне от села. Бомба ярко горела и медленно опускалась.

Дед-сторож, взбаламутивший село, сказал:

– Вот сейчас до земли дойдет – и свету конец!

Долетела. Конец не наступил. Самолёты улетели.

На следующее утро приехала мама мамы и сказала:

– Шура, поехали назад в Москву. Немец близко.

Уехали вовремя. Немец занял село через день, но дальше реки Протвы не продвинулся. Так что селу досталось и от советской артиллерии.

Спрятанные вещи сохранились не все. Немцы нашли одну яму и вычистили. Упёрли даже швейную машинку Зингер. Вторую яму засыпало рухнувшим сараем. Наш снаряд попал. Повезло!

В Москве было очень тревожно, особенно 16 октября. Бабушка спросила деда:

– Серёж! Может, уедем?

– Нет, – сказал Сергей Кузьмич. – Москву не сдадут.

И не сдали.

Продолжим!

В селе Юрятино не все жители успели эвакуироваться. Некоторые и не хотели. Была байка, что одна женщина немцев вышла хлебом-солью встречать, да только её нашим снарядом на месте и уложило.

Из класса мамы, а она училась сначала в Юрятино (до 4-го класса), а затем в соседнем селе, все мальчишки ушли на фронт. Кто живой вернулся не скажу, врать не буду. А героически погибли многие. Если я правильно помню имя – Виктор Павлович Зиганов – бросился под танк с гранатой. Его история есть на «Дороге Памяти». Из того, что я прочел, следует – это был его третий или четвертый подвиг. В предыдущих он выходил из схватки с танком победителем.

Два брата, имена никак не вспомню, служили санитарами, убило снарядом, когда один перевязывал другого. Если о других вспомню, допишу.

Мама переписывалась со всеми, жалко, письма не сохранились.

Селу досталось и от немцев, и от наших. Когда началось наше контрнаступление, немцы погнали всех жителей на запад.

Из родственников в селе осталась сестра бабушки – Дуняша. Очень крупная женщина. Она была для семьи моей мамы защитницей, но о мирной жизни расскажем в другой раз.

Сейчас её с детьми и всех, кто под руку попался, погнали вместе с собой отступающие немцы.

Догнали до очередного села и заперли в сарае. Возле сарая поставили часового – австрийца. А сарай подожгли.

Немцы ушли. А австрияк открыл дверь сарая и выпустил всех. Ещё показал, мол, у меня тоже дети мал мала меньше.

Наверное, это всё о начале войны. Но, видимо, будут два продолжения, о том, что было дальше и о мирной довоенной жизни как мамы, так и отца.

Военные годы, по воспоминаниям моих родителей

Брат матери Виктор по воле случая, а может быть и из-за наследственности, недаром Сергея Кузьмича взяли в полк охраны царя, был призван в ВДВ.

К сожалению, он тоже уже умер, но доподлинно известно, что участвовал в десантной операции 1942 года под Вязьмой. В той самой, где погиб и генерал Михаил Ефремов. Виктор десантировался, не совсем удачно. Был ранен. Из немецкого тыла его вывезла собака. Бегали такие с закрепленными волокушами. Дядя, а он по понятным причи-

нам мне дядя, лежал без сознания. Собака подбежала и стала лизать ему лицо, и лизала, пока он не очнулся. Очнулся. Перевалился на волокушу, и собака отвезла к нашим.

Дальше был санитарный поезд, лечение в Ташкенте. Вернулся в Москву совсем больным. Подхватил воспаление лёгких в поезде. Выходила его мама. К тому времени она уже училась в фельдшерско-акушерской школе и работала медсестрой в госпитале им. Бурденко.

Эпизод был драматический. Можно было положить Виктора в больницу, но, скорее всего, не выжил бы, раненых было много. Шура отпросилась в госпитале и несколько дней сидела с Виктором. У этой болезни есть момент кризиса, если перевалишь и останешься жив, то выздоровеешь. Чем мама лечила дядю, я не знаю, а вот в момент кризиса всю ночь сидела с ним и колола камфару – поддерживала сердце. Дождалась, когда Виктор уснёт. Незаметно задремала и сама. Утром услышала: «Шура…»: Виктор пошел на поправку.

На фронт его уже не взяли, в результате ранения было перебито сухожилие ноги. Устроили токарем на заводе. Работал, видимо, хорошо. Уже в 1960–70 годы наградили Звездой Героя социалистического труда. Избирали несколько раз депутатом местного совета.

Шура не сразу попала на фельдшерско-акушерские курсы, какое-то время проработала чертежницей на заводе производящей полевые телефоны и аппараты Бодо* (не знаю, что это такое). Некоторые заводы были на казарменном положении, например, завод, на котором работала сестра Маруся, производил морские приборы. Мамин на

---

* Бодо аппарат – многократный буквопечатающий телеграфный аппарат с пятиклавишной клавиатурой, позволяющий вести одновременную передачу телеграмм от нескольких аппаратов по одному проводу. Назван по фамилии изобретателя. – *Прим. ред.*

казарменное положение переведён не был. Есть фото КБ с девчонками-чертёжницами. Начальник КБ и начальник бригады были мужчинами. Оба были заики. Девчонки хихикали, когда те спорили друг с другом, проталкивая неподатливые слова. Я сам заикаюсь, поэтому могу представить «в лицах». Начальники сердились, доходило до крика: «Что смешного я сказал». Девчонки фыркали.

Бригадирша соседней бригады была женщина, похожая на сестру мамы Шуры – Дуняшу. Такая же полная и добрая. Дети в Юрятино, где прошло детство Шуры, если родители пытались наказать, бегали к Дуняше и прятались за неё. А она – руки в боки и не подпускала сердитых родителей.

Пришла как-то мама Шура в КБ в шароварах. Начальник бригады рассердился: «Что за детский сад! Немедленно переодеться в нормальную одежду!» Шура показала язык! Тот решил её поймать. Начали бегать между столами. Мама увидела бригадиршу и спряталась за нее. Бригадирша раздвинула полы юбки и закрыла девчонку. Начальник с одной стороны, с другой. Потом плюнул и ушел. Повторив: «Детский сад!» Конфликт замяли.

Аппараты Бодо и телефоны проверяли во влажной камере. Работа была интересная.

Но было направление на курсы и маму командировали.

Фельдшерско-акушерские курсы были прикреплены к госпиталю им. Бурденко. Девчонки работали санитарками и учились. Процедуры начинали делать только после отработки навыка. Так, уколы сначала тренировались делать на подушке… Но прервём этот рассказ. Здесь много ярких эпизодов.

Нужно ещё рассказать о сестре Марии.

Марию командировали от завода на строительство оборонительных сооружений. Это был, видимо, уже 1942 год,

но, может быть, и речь идёт о начале войны. Уж больно яркая картинка!

На самом деле Маша попала на лесоповал. Вернулась живая и здоровая. Дома были Мария Васильевна, моя бабушка, и Шура, моя будущая мама.

Машу вымыли. Накормили. Она отоспалась, и все бы хорошо. Но как-то странно на неё мама и сестра смотрят. И соседи косо поглядывают. С чего бы это. И вот к ней обращается её мама:

– Маш! Ты почему нормальными словами не разговариваешь? За всё это время одна матерщина!

– Да? – сказала Мария. – А я и не замечала.

А потом добавила:

– Понимаешь, мам… Пилишь, пилишь это чёртово дерево, а оно все не падает и не падает. Вот как его хорошенько обложишь, так сразу и ковырнётся!

Расскажем о госпитале им. Бурденко. Здесь будут темы: «Моряк Мишка», «Картошка в мундире» и другие.

Девчонки с фельдшерских курсов ухаживали за ранеными и ассистировали во время хирургических операций. За ранеными ухаживали как за тяжёлыми, так и выздоравливающими. С выздоравливающими было сложнее, а с тяжёлыми часто заканчивалось слезами. Наиболее тяжёлые были лётчики и танкисты с ожогами всего тела и раненые в челюсть. Челюстные и лицевые ранения поступали большего всего из Карелии, это старались финские снайперы – «кукушки».

За девчонкой-санитаркой закрепляли раненого. Обожжённых кормили с ложечки, из-под бинтов были видны только глаза. Приходит санитарка палату, а «её» раненого нет, ночью умер. Слёзы лились рекой.

Эпизоды с другими ранеными пока не вспоминаются, а с легкоранеными было сложно – приставали, пытались

целоваться. На таких была одна управа, звали дежурного и тот грозил немедленной выпиской. Помогало.

Картошка в мундире

Закрепили за мамой уже н молодого раненого солдата. Он уже был не «тяжёлый», но ходить ещё не мог. Подзывает он к себе маму:

– Дочка, вот тебе три картошины, ты на кухню сходи и отвари их в мундире.

Мама картошины взяла спустилась на кухню и стоит, не знает, что делать. Повариха увидела и подошла к ней:

– Тебе чего?

Мама:

– Вот раненый три картошины дал, сказал, чтоб в мундире отварила. А я не знаю, как. Мне что, рукав от шинели оторвать и в нём варить?

Кухня смеялась не менее часа.

Поварихи потом объяснили – нужно просто картошку не чистить, а так, в кожуре и варить. Лишнее доказательство, что сестрички совсем девчонки были. Дома мамы готовили.

Моряк Мишка

Маме Шуре очень нравилось ассистировать на операции. Особенно готовить хирургические инструменты. Разбирать, стерилизовать, подавать их по команде хирурга. Эта любовь к инструментам появилась ещё на заводе, когда работала чертежницей. Очень нравилось вычерчивать различные детальки. И уже после войны эта страсть продолжилась Работала в стоматологии, тоже инструменты готовила.

Но это отступление. Операции были разные. Сложные и не очень. Перед операцией раненому делали наркоз,

по-видимому, хлороформом. Сначала небольшую дозу. А потом основную – «рауш», кажется, назывался.

Реакция на начальную дозу была у всех разная. Некоторые лезли драться. Таким сразу давали основную дозу. Был случай – раненый после первой дозы наркоза стал объясняться хирургу в любви. Хирург сказал: «Пусть спит».

А в этот раз привезли крепкого солдатика, операция была сложная, но он был в сознании. Что-то извлекали, осколок или еще что.

Дали начальную дозу наркоза, и больной запел:

Широкие лиманы,
Душистые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом…

Хирург говорит: «Пусть допоёт»… Так до конца песню «Моряк Мишка» и дослушали.

Со мной. Видимо под впечатлением рассказа мамы такой же случай был. Мне аппендицикс вырезали: воспаление прозевал, и начался перитонит. Так я тоже пел. Как потом сестра сказала, пел, но очень тихо, но не «Моряк Мишка» а «Бригантину».

Были и менее романтические случаи.

Делали операцию по ампутации конечности, ноги. Шура готовила инструменты, в том числе и пилу, кость перепиливать. Её подружка должна была держать ногу.

Операция идет своим чередом. Подружка ногу держит. От кости отделяют мышцы, кость перепиливают Нога остается в руках сестрички…

И та валится вместе с ногой в обморок.

Вставим историю деда Сергея Кузьмича. Она, правда, довольно короткая. За подробностями хоть на могилу мате-

ри езжай, чтоб вразумила, вдруг посидишь рядом и что-то ещё вспомнишь…

Дед служил на батарее ПВО на Заставе Ильича. Иногда отпускали домой «на побывку». Знаете, как в песне:

На побывку едет
Молодой моряк…

Ещё случались налёты, видимо был 1942 год. Прозвучала тревога, дед, согласно номеру расчета, полез снимать чехол с дула зенитки. И тут кто-то нажал на спуск… Пушка выстрелила, и все бы ничего, но дед животом оперся о ствол. Удар был очень сильный. Сказалось через несколько лет. Умер в 46 году.

Ближе к окончанию войны девчонок-санитарок, а они курсы уже закончили, стали направлять на работу в другие больницы. Раненые были, но уже меньше и госпиталю им. Бурденко столько санитарок не требовалось.

Маму распределили в управление «ЛечСаноПроКремля», так по крайней мере я запомнил.

Но это, видимо, рассказ уже о мирном времени.

Нужно рассказать один эпизод связанный не с моими родителями, мамой моей бывшей – Ленки, в девичестве Завалько. Папа её, Алексей Алексеевич, тоже колоритная фигура. Боевой офицер. Воевал в артиллерийских частях резерва ставки. Участвовал в отражении прорыва танков под Икшей. Это когда сверхтяжёлая артиллерия била прямой наводкой из-за канала Москва–Волга по немецким танкам.

Но речь не о нём. Мама Елены Алексеевны – Нона Абрамовна, в девичестве Фарбер, формально еврейкой не была. Ее мама – Макеева Зинаида Ивановна, естественно, русская. Дочь большевика Макеева, машиниста паровоза, одного из основателей компартии Узбекиста-

на, делавшего революцию в Ташкенте. А вот дед Ленки – Фарбер Абрам Исаакович – самый что ни на есть еврей. Он был создателем курортно-оздоровительного хозяйства в Кисловодске. Там в его распоряжении был приличный деревянный дом с большим коридором, по которому можно было кататься на детском велосипеде. Зинаида Ивановна работала заведующей санаторной лаборатории.

Пришла война. Семья решила, что в Кисловодске безопаснее и Нону привезли к маме. Кто же мог подумать, что немцы войдут в Кисловодск. А когда это случилось летом 1942 года, то стало очень плохо. Попробуй немцам объяснить, что Фарбер Нона Абрамовна на самом деле не еврейка!

Нону спрятали в черкесском селе (могу путать народность, но так запомнилось). Немцы были в Кисловодске несколько месяцев. Потом их уже зимой погнали. Черкесы девочку не выдали. Всё обошлось. Зинаида Ивановна все это время работала в лаборатории, немцам тоже нужны были анализы крови и т.п и т.д. Какие претензии к русской Макеевой Зинаиде Ивановне?

Обошлось-то обошлось, но страх остался и проблемы с общением у Ноны Абрамовны были.

Продолжим.

Летом 1943–44 годов. фельдшерско-акушерские курсы направили на сельхозработы. В моё время это называлось – «послали на картошку».

Пишу со слов мамы, проверить не мог, но, вроде бы послали их в Болдино! В то самое Болдино, где у А.С. Пушкина была Болдинская осень!

Ехали из Москвы в теплушке. Ехали дружно. Девчонки были боевые. Шура дружила со многими, но особенно со стройной, красивой и заводной…

Жалко, имя не вспоминается. Ехала с ними и их руководительница. Тоже имя не помню. Так и будем величать – «подружка» и «руководительница».

Эшелон шёл медленно. Тянули его паровозом. На некоторых подъёмах пристыковывали еще пару паровозов.

Так, к слову – до Серпухова эшелон шёл (см. рассказ о начале войны) весь световой день.

Кроме того, что паровоз шёл не быстро, пропускали встречные эшелоны шедшие к фронту и эшелоны на восток с ранеными.

На одной из станций к вагону подошёл милиционер с цыганами и стал подсаживать цыган к девчонкам. Девчонки возмутились. Самая боевая подружка встала в дверях. Руки в боки – не пущу. Милиционер достал револьвер и нацелился на неё, а девица, не долго думая, дала своей изящной ножкой по руке. Револьвер выскочил из рук, ударился о рельсу… и выстрелил. Все, в том числе и милиционер, присели, кроме девицы. Цыган как ветром сдуло.

Как ни удивительно, дальше поехали без помех. Милиционер исчез. Вот только от руководительницы плохо пахло, но ничего, на первой остановке с бедой справились.

Приехали в Болдино. Девчонок поселили в школе и дали сторожиху. И очень правильно сделали! В первую же ночь в окно полезли местные парни. Но сторожиха знала всех в лицо и поименно и попытки «женихаться» быстро прекратились.

Что убирали в поле, я не помню. Вот мы, будучи студентами, а потом я, будучи куратором у студентов, чего только не убирал: картошку, морковку, свёклу, кормовую свёклу, капусту.

Вот про капусту это уместно вспомнить. Мы накидывали срезанную капусту в машину, а срезали ее местные колхозницы. Они приходили бригадой. Человек 10–12. Впе-

реди ставала бригадирша, а сзади, клином или «свиньей», остальные бабы.

Вот так «свиньёй» и шли. Капустные вилки летели на раз. Пока мы одну машину нагрузим, так они уже все поле срезали. Если бы такая «свинья» была против Александра Невского на Чудском озере, туго бы пришлось новгородцам.

Шуру и её подружку ставили впереди – задавать темп. Через дня два девочки сказали: «Будете так быстро работать – побьём».

Не побили. Помирились, но работали с задором и на совесть!

Разумеется, потом вернулись в Москву и продолжили учебу.

Дай Бог, ещё что вспомнится о военном времени…

Вспомнится – продолжим!

Послевоенное время. Это будет долгий рассказ

И начнём его с рассказа о поездки в Друскеники или Друскининкай, если я правильно произношу.

Анатолий (Бичурин, татарин по национальности) муж моей тетки, сестры Шуры – Марии, служил интендантом. Правда, успел побывать в штрафбате за драку из-за свой будущей жены с товарищем. В самом конце войны часть передислоцировали в Литву, и он взял Машу с собой. Маша пригласила сестру Шуру в гости, та и поехала. От Москвы до Вильнюса ходил поезд, наверное, с Рижского вокзала. Товарищ Анатолия обещался помочь. И действительно достал билеты для моей мамы. Насчет «товарища» сейчас засомневался, может быть просто знакомый офицер. Мама красивая была. Но, видимо, не судьба была за офицера замуж выскочить.

Доехали до Вильнюса. В Вильнюсе офицер по своим каналам достал билет до Друскеников… и пути разошлись.

До воинской части добрались без приключений. А могли быть и приключения. Анатолий часто спал в обнимку с автоматом, а когда ездил за продуктами для части, часто попадал под обстрел «лесных братьев». Но Бог миловал.

Соседи были в основном поляки. Были и литовцы, но подружились с еврейской семьей. Литовцы и поляки тоже вели себя довольно дружелюбно. Литовцы-молочники приносили каждое утро молоко. Молоко ставили на крыльцо. Туда же, на крыльцо, клали и деньги за несколько дней (может быть, придумал, уж больно красиво. Правда, совершенно точно подтвержденный факт, в Боровом и Шелемишеве, на родине отца, на домах не вешали замков. Если хозяева уходили, вешался на дверь вырезанный из фанеры замок. Все знали – хозяева ушли, а если их нет, кто в дом полезет?!).

Но, бывало, услышав вопрос по-русски отвечали: «Но сопрано»*… или как то похоже, опять вспоминать надо. Может быть не «сопрано», а созвучное слово, дело не в том. По-русски-то и понимали, и разговаривали и литовцы, и поляки. Вредничали.

Еврейская семья дружила с семьей моей тётки все время, пока Анатолий служил в Друскениках. Глава еврейской семьи сам готовил и угощал Шуру и Марию гоголем-моголем. Маму научил его готовить. Она, уже после моего рождения, делала его в Москве и угощала меня. Но это было уже в 60-х годах прошлого века.

Анатолий и Шура купались в Немане. Маше не разрешали. Была «в положении». В 1946 году родилась моя сестра Света.

Неман оказался очень холодной и быстрой рекой. Отваживались купаться не все. Что такое «холодная река» я уз-

* Aš nesuprantu (Аш несупранту) – Я не понимаю, лит. – *Прим. ред.*

нал, когда был в Адлере в пионерском лагере. А потом подтвердил свои ощущения, купаясь в ноябре месяце в реке Москве. Ощущения такие – залезаешь воду и начинаешь плыть вперед, а в голове одна мысль: «Какой я дурак. Зачем я сюда залез». Кожа сжимается на два, а то и три размера. Единственное желание – вылезти…

Но самое интересное, через час-полчаса наступает ощущение полного счастья и хочется залезть ещё раз. Залезешь – все по новой, см. выше…

Возле места, где жили Мария и Анатолий, на реке был островок. Шура и Анатолий решили туда сплавать. Отговорить было некому. Поплыли. Ноги стало сводить. Очень холодная вода, но доплыли до острова. Нужно было возвращаться. Отогрелись и поплыли. Обратно плылось еще труднее. Снесло далеко вниз по течению. Домой добрались не быстро, Маша сильно переживала.

Все-таки Бог помогал!

Как я уже говорил, иногда по гарнизону объявляли тревогу, и Анатолий или домой не приходил или спал в обнимку с автоматом. Но всё обошлось…

Мама приехала в Москву. Её уже распределили после фельдшерско-акушерских курсов.

Распределение оказалось интересным. Управление ЛечСаноПроКремля, ну или как-то так. Может быть, не «Про», а «Упр». И взяли в «Помощь на дому». А прикреплены были к поликлинике, а в моё время она называлась 2-я поликлиника 4-го главного управления при Минздраве СССР, в том числе и известные артисты.

Этот эпизод из более позднего времени. Примерно за пять лет до моего рождения, но уж больно колоритный, а главное – многим мозги вправит.

Моя мама – Фомичёва Шура – была очень активной комсомолкой и хорошей работницей. Начальником второй

поликлиники был Гульян (полное имя-отчество не помню, а, может быть, и не знал никогда), известная личность. Когда он умер, кортеж на его похоронах на километры из министерских провожатых растянулся. Вот начальник, он же главврач второй поликлиники приглашает Шуру на партбюро. Мама приходит, и он ей говорит:

– Шура, мы предлагаем тебе вступить в коммунистическую партию.

А мама отвечает:

– Я не могу.

У членов паркомитета челюсть отвисла.

Гульян говорит:

– Шура, почему?!

Мама:

– Я не согласна с одним из пунктов устава КПСС.

Все вообще опупели.

Гульян:

– С чем не согласна?

Мама:

– Что коммунист не верит в Бога.

Гульян сказал:

– Иди, Шура.

И… всё!

Мама как работала, так и продолжала работать. И была на хорошем счету. Правда, в деле появилась запись: «верующая».

Ну и ещё один эпизод: Маму после госпиталя им. Бурденко направили в помощь на дому при кремлевской больнице. Если правильно помню, это Старопанский переулок. Точно помню, что возле метро «Площадь Революции». Пару раз мама меня показывала местным врачам: заика и вообще снимки зубов, лёгких…

Потом эта поликлиника переехала к метро Краснопресненская. Ездили на вызовы часто, обслуживали министер-

ских работников и знаменитых артистов. Мама, например, делала уколы Ляле Чёрной, Жарову и Чиркову, но об этом потом, тоже забавно.

Был вызов. Мама села в машину, шофёр был немолодой и опытный, но видимо не заметил, что бордюр обновили и задел крылом колеса. Крыло стало тереть об колесо. Шофер решил: надо машину поддомкратить и крыло отогнуть. Возможно было и по-другому, главное – нужно было машину приподнять.

По моим представлениям, проезжали мимо Александровского сада. Шофер недолго думая остановился, осмотрелся: нужен кирпич – подставить под домкрат. И пошёл к Кремлевской стене! Вынул из неё кирпич…

И пошёл к машине… Слева и справа побежали парни в штатском… Шофёр, не долго думая, поставил кирпич на подножку (честное слово, два дня думал, как эта штука называется), и ходу. Возле Манежа стал поворачивать, и кирпич слетел с подножки и полетел в сторону постового, регулирующего движение! Да! А парни в штатском всё это время бежали и свистели! Обошлось. Возможно, шофёр объяснительную и писал, но к Шуре не приставали. А Вы говорите – Сталин! Культ личности! Совесть надо иметь. А подонок и возле Христа подонок.

В Москве жили в многоквартирном доме. Дом, двухэтажный деревянный, от 42-го завода, стоял на улице «Курская канава». Жили там: мои родители, Виктор Фомичёв с семьей, уже родилась моя сестра Татьяна. И много другого народа.

Ещё жил кот – Василий.

Кот был очень своенравный, но толковый. У Шуры постоянно выпрашивал валерьянку. Знал, где она хранится. В шкафу возле печки. Подойдёт. Потрётся, и зовёт за собой. Не отстанет, пока не получит щепотку нарезанных кореньев.

Шура сидела за столом и вдруг увидела мышь. Естественно, завизжала. Васька прибежал. Уставился на нее.

А Шура:

– Васька – мышь!

Кот напрягся и побежал к стене, но мышь уже скрылась в щель.

Но настырность его проявилась и здесь. Дежурил несколько дней, пока всех не переловил. Переловил, принес к кровати Шуры и выложил всех в ряд.

У нас на даче кошки поступали примерно так же.

Однажды пропал. И отсутствовал две недели. Явился грязный, драный… Моим сёстрам Свете и Татьяне сказали – работал машинистом на паровозе. Те, разумеется, поверили.

Расскажем о работе в помощи на дому. Мама ездила делать уколы Ляле Чёрной, Жарову и Чиркову.

К Ляле Чёрной ещё ездила ставить пиявки. Пиявки хранились в стеклянной банке с водой. Ставили их с помощью пинцета, а когда они насытятся, то подносили ватку с нашатырным спиртом, и те выливали из себя, все что высосали из больного.

У Ляли Чёрной был кот. Кот сиамский, очень любопытный. Шура приехала, достала банку. Поставила ее на стол. А пиявки в банке плавают, извиваются. Стала их ставить. Взяла пинцетом одну и повернулась к Ляле, а банка осталась открытой. Кот, не долго думая, лапой хвать пиявку и в рот. Та присосалась к нёбу.

Кот заорал и стал носится по квартире. Ляля говорит: «Спасите котика!».

Шура взяла ватку с нашатырем и стала ловить кота. А кот совсем от нашатыря сбрендил. Носится, на занавески прыгает. Еле прижала в углу. Сунула ватку в откры-

тый орущий кошачий рот. Пиявка отлипла. Кот забился под кровать.

Ляля Чёрная благодарила спасительницу…

Наверное, пока всё. Добавим только, что Жаров был большой бабник и сестрички спасались, только жалуясь его супруге. А Чирков был удивительно интеллигентный человек.

Продолжение следует!

Картинки из детства

Картинка номер один

Будет немножко сумбурно и непоследовательно. Но иначе не получается. Первая картинка: «Заика и очкарик».

Очкариком я стал в первом классе или в подготовительной группе детского сада. Обнаружили астигматизм. Не знаю, что это такое. Так, что в первом и втором классе я очкариком.

А заикой я стал при следующих обстоятельствах.

Моя мама работала, и её работа не позволяла опаздывать и филонить. На смену маме приходила бабушка – Мария Алексеевна, между прочим, в девицах воспитанная в соответствующем институте благородных девиц. Бабушка приходила, я плакал. Мама уходила, я ревел…

Однажды случился рядом с нашим домом пожар. И бабуля потащила меня и себя на него посмотреть. Как сейчас помню: по крыше бегают люди и катают огненные цилиндры. Какая связь с пожаром, до сих пор ума не приложу.

Ночью, когда заходило солнце, я кричал: «Пожар, горим» Наверное так: «Пожал, гоим» … с тех пор и заикаюсь.

А бабуля все равно была классная! Мария Алексеевна, как и дед Дмитрий Петрович, которого прозвали денщиком!

Но продолжим.

Картинка номер два

На самом деле я боюсь назвать эту историю иначе… До четырёх лет я жил в деревянном доме на улице «Курская канава». Сейчас такой улицы даже не существует. На ее месте громоздится корпус завода «Серп и Молот». Завод тоже канул в лету. Не в этом дело. Главное – мы там жили, а летом снимали дачу в Царицино, у деда Егора. Там было хорошо. Историй и про этот эпизод моей жизни будет масса. Меня там все очень любили. Я был самый маленький, и местные ребятишки за мной ухаживали. С их помощью у меня завелся своеобразный аквариум: эмалированный таз с рыбками, которых дети вылавливали для меня в местной речке. Речка была с плотиной, как сейчас помню. Ещё у местной детворы было знаменательное дерево. Как говорили – пробковое. И правда, оно было полое внутри и мягкое. Таких как я, тогда, там могло поместится не менее пяти.

Некоторые эпизоды я знаю только по рассказам родителей.

Ну, например, как на меня напал индюк.

Или как дедушка Дмитрий Петрович ловил попугайчика.

Придётся и этот текст позже дописывать.

Возле плотины и речки, название речки не помню (вспомнил – река Битца), был холм. Я и мама на этом холме загорали. Вид был прекрасный. Мы сидели на травке. Ну не совсем на травке, а на одеяле, постеленном на травке. И за несколько дней до происшествия мама стала слышать под землей удары. Мы приходили, сидели… И в последний, точнее, в крайний раз, маме стало тревожно, удары участились… И мы ушли. Правильнее сказать – меня унесли. Только дошли до снимаемой дачи, как раздался грохот, над деревней появился огненный шар, и возник «ядерный гриб».

Началась паника. Взрослые похватали вещи и документы и бросились на станцию… Потом выяснилось: взорвался газ.

А взрыв произошёл как раз на том месте, где мы с мамой загорали. Господь спас. Вовремя ушли.

Как это ни странно, но это место после взрыва, до сих пор перед глазами стоит. Все чёрное, именно чёрное, и обгоревшие столбы… То ли телеграфные, то ли электрической сети.

Но этот текст я еще буду дописывать. Уж больно яркие воспоминания, особенно о рыбках и попугайчике.

Ещё картинки из детства.

Рыбки и попугайчик

Начнем с попугайчика.

Хозяин нашей дачи пришел со станции и спросил: «Что это Дмитрий Петрович по полю скачет и шляпой пытается кого-то поймать?» Все открылось довольно быстро: дед принес в шляпе волнистого попугайчика. Попугайчика поймал соломенной шляпой. Шляпа была шикарная, с широкими полями. Мне она очень нравилась. Шляпа была знаменита ещё и тем, что её однажды с головы деда сорвала и утащила сова, правда, потом бросила.

Попугайчик, вроде бы, был зелёный и маленький. Ему купили здоровенную клетку. Клетку очень хорошо помню.

А попугайчика не очень.

Клетка была круглая с красивым верхом и очень толстыми прутьями. Мне очень хотелось иметь попугайчика, а этот пролез между прутьев и принялся летать по комнате. Тут его кошка и сожрала…. Так что я остался с рыбками.

Рыбок, наверное, тоже таскала кошка, но их постоянно приносили местные ребятишки… Попугайчик у меня появился гораздо позже, когда учились в МВТУ. У Кимыча был

волнистый попугайчик – Геббельс, очень болтливый. Разговаривал ли он «по-человечески», я не помню, но «по-попугаичьи» трещал без умолку. Ещё вылетал на балкон и, пообщавшись с воробьями, прилетал обратно в комнату. Я и Рыбка (Леша Власов) приобрели тоже по волнистому попугайчику.

«Рыбка» – из-за аквариума, который был у Алексея и, кстати, у меня тоже. Моего попугайчика назвали Гамлет или ласково – Гамушка. Лешиного – Генрихом. Он оказался Генриетой.

Мой Гамлет оказался очень талантливым.

Через год, когда я был на втором курсе, уже стал произносить некоторые слова. Первым обратила внимание мама и написала мне, пока я был в стройотряде в поселке Танзыбей (это в Минусинской котловине возле Минусинска и Абакана.).

Попугайчик оказался очень говорливым. Но это отдельная история… (Для затравки – он еще и по-немецки научился говорить!)

Это ещё не все.

Деревянный дом

До четырёх лет я жил в деревянном двухэтажном доме, на втором этаже вроде бы второй подъезд, где-то ближе к левому торцу дома. В распоряжении нашей семьи была комната с частью круглой печки. Кухня была общая, а всё остальное меня не интересовало. К 1962–63 году дом стал расселяться и появились пустующие комнаты, которые сразу оккупировали парни и девушки, и стали устраивать там танцы, а мы – малыши – крутились у них под ногами.

Старшие очень сильно ругались, особенно на бумажные абажуры вокруг электрических лампочек, но танцы не запрещали. Дом жил удивительно дружной жизнью. Может

быть, это так казалось нам, ребятишкам. Но ни одного негативного случая вспомнить не могу.

Правда, для игр места было маловато, двор небольшой, обрамленный сараями.

У нас тоже был свой сарай, где стояла бочка с квашеной капустой. По сараям мы бегали, нас гоняли. Мелкоту, т. е. таких, как я, в игры принимали и не обижали.

Интересный был обряд квашенья капусты. Даже не само квашенье, а подготовка. Бочка поднималась в комнату и набивалась полынью. В печи нагревали докрасна колун и, вынув щипцами из печи, бросали в бочку. Из бочки валил душистый полынный пар. Колун вынимали и несли на улицу. Там его бросали в снег, и он протаивал аккуратную дырку в снегу как раз по своей форме.

Такое ещё происходило, когда ломалась ручка колуна и надо было выжигать остаток, застрявший в отверстии.

У деревянного дома совершенно удивительный запах, я его вспомнил, когда уже на новой квартире пришёл в дом своего школьного товарища.

Был еще один совершенно особенный запах, запах ватных валиков, проложенных вдоль оконных рам.

Он был не неприятный, а очень странный, резкий и колючий. От него почему-то кружилась голова.

Валики оканчивались небольшими стаканчиками, наверное, баночками из-под консервов. Окна зимой покрывала сконденсировавшаяся вода, она стекала вниз, а по валикам – в баночки.

Так как мы уехали из деревянного дома, когда мне было четыре года, то я и видел подоконник и баночки, а для того, чтобы заглянуть в окно, нужно было на что-то залезть. Когда переезжали, маме так сказали: «Шура, мы дадим тебе квартиру, но только за городом, в Кунцеве».

Наш деревянный дом расселили очень быстро, а то время, пока он расселялся, было самым интересным. Можно было исследовать опустевшие комнаты. Наверное, это было и самое рискованное для дома время, мало ли, что происходило в бесхозных квартирах. Повторюсь, дом, конечно, жил очень дружно. Не сам дом, а его жильцы.

Я вот, например, помню, как меня мыли. Закрывали двери кухни, включали газовую плиту. Нагревали воды, а заодно и помещение. И всё время, пока меня купали в детской ванночке, жильцы, пришедшие с работы, терпеливо стояли и ждали под дверью кухни. А дверь была остеклённая, запотевшая и их было с трудом, но видно.

Был еще эпизод, который мог закончится очень и очень плохо. Так как отопление было печное, то накапливалась зола и эту золу забирала у нас соседка моей тёти. Они жили в частных домах с земельным участком. У тетки был палисадник. А у соседки огород. Вот огород золой и удобряли. Золу собирали в бумажный мешок, а соседка забирала, когда он наполнялся.

Бумажный мешок ставили в чулане. Однажды ночью отец встал и пошел на кухню, а проходя мимо чулана, увидел свет. Заглянул в чулан и обомлел. Вместо бумажного мешка была груда раскалённых углей. Разбудил Шуру. Вместе стали заливать. А они ещё сильней разгораются.

Натерпелись страху

После этого случая золу пересыпали сначала в металлическое ведро и только когда приходила соседка – в бумажный мешок.

Допишем позже…

А для затравки назовем ещё три темы – «Ножик». «Дифтерия», «Детальки с папиной работы».

Сказка о вольном ветре

Над землей легко и радостно, играя прошлогодней листвой, проносился весенний вольный ветер. Он был сродни тем ветрам, которые раздували паруса корветов и бригантин. Он знал, как упруго отвечает парус его мягкой и сильной воле. Подчиняясь силе ветра, корабли послушно шли к новым островам. Во время морских сражений, выбрав кого-либо из противоборствующих сторон сообразно своим вкусам, ветер расправлял вымпелы, наполнял паруса и играл со всполохами огня и столбами дыма. Ветер не был злым, хотя и приносил часто страдания подвернувшимся в недобрый час под его горячую руку людям, он просто не знал, что такое боль и смерть, а играть белой прочной материей парусов было так приятно. Ещё вольный ветер был сродни горным ветрам, тем, которые овевают одинокие тёмные скалы и дружат с удивительным горным народом, которому обязательно нужно побывать зачем-то в доступных только ему, ветру, местах. Когда они упорно, метр за метром, продвигались вперёд, он налетал на них, раскачивал верёвки. Случалось так, что он с силой вдавливал их в скалы и помогал. Но случалось и так, что, играя с ними, он сбрасывал вниз их лёгкие палатки, а иногда налетевший ветер был последней точкой на их трудном пути. Но и здесь ветер делал это не от ненависти к горным людям, а потому, что не знал, что такое боль и смерть.

Вольный ветер летел над землей, весело играя прошлогодней листвой. Он подхватил старую газету и, развернув её, закружил в первом попавшемся дворе. Всей силой навалился на дверь, неосторожно оставленную жителями открытой, и хлопнул ей так, что посыпались стекла. Помчался дальше, поднимая вихрем пыль, заставляя кружится её на срезах домов. Вырвавшись из лабиринта домов, вольный ветер пронесся вдоль Рублёвского шоссе и вдруг

суетливо заметался из стороны в сторону встретив в небе что-то до боли знакомое.

Парус! В небе реял парус!

Он был удивительный. Из полупрозрачной материи, крепко натянутой на легкий каркас. Вольный ветер весело ударил в ткань паруса, но тут же отлетел в сторону, почуяв неладное.

Что-то было в этом парусе не так.

Не было так хорошо знакомой мачты!

Сзади за парусом плыла в воздухе длинная лента, привязанная зачем-то к нему снизу. Вольный ветер облетел парус вокруг.

Поиграл лентой. Бросил её. Облетел сверху и тут вдруг заметил – нет корабля!

Это было невероятно!

От удивления вольный ветер крутнулся ещё раз вокруг паруса и остановился, наткнувшись на тонкую веревку, привязанную зачем-то сверху и в центре паруса.

Пролетев по этой веревке вниз, вольный ветер увидел трёх мальчишек, с озабоченным видом наблюдавших за пируэтами воздушного змея.

– Ух, тянет, – сказал один. – Аж палец посинел.

– Назад тяни, ветер стих! – закричал другой. – Опять рванул. Ну, сейчас оборвет леер.

Вольный ветер взлохматил мальчишеские волосы и облетев их, понесся снова к парусу. Навалился на него всей силой.

Внизу закричали: «Помогай!» – «Отпускай его выше!» – «Опять в вираж вошел!»

Вольный ветер не унимался. Ему хотелось понять, что происходит. Он то ослабевал и давал змею опустится ниже, тогда мальчишки тянули леер на себя.

То наваливался на парус, и тогда мальчишки или хватались за веревку, или вытравливали её, отпуская воздушный змей в небо.

«Ну держитесь!» – подумал вольный ветер и сразу после того как, дал змею провалится вниз, дунул что есть мочи.

Не ожидавшие такого подвоха мальчишка выпустил катушку из рук, и она, вращаясь, запрыгала по траве.

Мальчишки закричали:

– Держи её! – И побежали следом.

Вольный ветер рассмеялся и подбросил вверх потерявший на какое-то время опору и закачавшийся из стороны в сторону парус. Катушка подскочила вверх и начала, бешено вращаясь, сбрасывать с себя витки леера.

Почуяв себя полным властелином, вольный ветер дунул с ещё большей силой и… катушка впечаталась в дерево, зацепившись за сухой голый сук на самой вершине.

– Ну, растяпа. Не мог руками вьюшку удержать, – корили товарищи мальчишку.

– Не руками, а ногами, – поправил он и поглядел на небо.

Все посмотрели туда же.

В небе резвился воздушный змей.

Кто-то из мальчишек попытался залезть на дерево, но сучки обламывались под рукой, и лезть вверх было очень опасно.

Попытались перебросить другой леер через леер беглеца, но он был так высоко, что до него никак не могли добросить.

Попробовали раскачивать дерево, но и это не дало результата. Исчерпав все возможные способы спасения змея и не добившись результата, мальчишки стали смотреть в небо…

А в небе вольный ветер играл парусом.

Это было удивительно и прекрасно – парящий в небе парус!

О как было приятно дуть в его упругую ткань и заставлять его плыть вверх в бездонное небо! А как красиво развивалась сзади великолепная лента.

Заходившее солнце ударило лучом в блестящую поверхность паруса, и он весь вспыхнул яркими ослепительными красками!

От восторга вольный ветер запел свою любимую песню и помчался вперёд, оставив парус в покое.

Воздушный змей закачался и начал медленно опускаться на землю.

– Опускается! Садится! – закричали мальчишки и побежали в ту сторону, куда опускался воздушный змей.

Вьюшка сорвалась с ветки и упала перед самым носом мальчишки, упустившего воздушный змей.

– Ну вот так всегда, все убежали, а на меня всякие троктусы падают, – промолвил он и начал медленно наматывать леер. – Мне это не нравится, – продолжал он. – Сначала я получаю травму путём разрезания пальца леской. Потом получаю на носу шишку путём падения сверху этой безобразной штуковины – а все остальные бегают за воздушными змеями!

Но вольный ветер этого уже не слышал. Он был уже далеко.

Лягушки

В одном из Национальных парков на границе США и Канады жили-были лягушки. Самые обыкновенные лягушки. Ну, может быть, чуть-чуть особенные. Ну если совсем точно говорить – то просто необыкновенные лягушки.

Эти лягушки ежегодно отправлялись в путешествие. Ну просто в очень далёкое путешествие. Ну, может быть, не очень далёкое, так, до соседнего озера.

А ещё их было очень-очень много. Вот что верно – то верно. Когда они направлялись к озеру, то казалось, что в лесу проложили прыгающую и квакающую дорогу. А путешествие лягушек начиналось в другом озере – соседнем.

Происходило это так: самая главная и самая опытная лягушка вылезала на берег и командовала: «Давай!». То есть она говорила «ква», но ведь это совершенно ясно, что имеется в виду.

И вот по этому сигналу, сначала неспешно, затем быстрее и быстрее, все лягушки вылезали на берег озера, попутно обсуждая последние новости.

Новостей, конечно было множество, сами понимаете, сколько может накопится новостей за полгода.

А почему за полгода? Ну так прошлое-то путешествие было осенью, и лягушки припрыгали в это озеро из соседнего, а теперь уже весна и пора отправляться в обратном направлении.

Но ведь о стольком нужно проквакать, ну то есть рассказать. И вот начиналось: «Ква, ква, ква», и т. д. А дальше тоже: «Ква, ква, ква». И снова, и опять, и прекратить это было невозможно.

Ох, и гам стоял в лесу, точнее говоря, квам.

Но всё-таки рано или поздно, скорее, конечно, поздно, чем рано, начиналось великое путешествие.

И путешествие это проходило всегда по одному и тому же маршруту. Туда – по тудашнему и оттуда – по оттудошнему – вот так.

Но шли годы, и однажды через Национальный парк люди проложили автомобильную дорогу.

Вам понятно, как они умудрились её проложить: ну конечно же, поперек лягушачьего маршрута.

И вот два раза в год… Ой, что творилось два раза в год.

Вы можете себе представить.

Да как вы можете себе представить.

Ведь дорогу прокладывали не просто так. Ведь по ней постоянно проезжали и туда и обратно, и обратно и туда множество автомобилей.

А как только наступала пора великого путешествия, то дорогу перекрывало невероятное скопище лягушек. Люди терпеливо ожидали, пока все лягушки пропрыгают в своё озеро.

Ну скажем, не совсем все.

Да, безобразие, ну да Бог с ними.

Но терпение людей не бесконечно. И вот самые умные из людей, честное слово, самые умные, без всякой двусмысленности или подвоха, решили – давайте построим для лягушек тоннель.

Сказано – сделано.

В том самом месте, где лягушки пересекали дорогу, для них был проложен довольно широкий тоннель.

И вот наступило время очередного лягушечьего путешествия.

Как обычно, самая опытная лягушка проквакала общий сбор и поход, так сказать, «по местам стоять, с квакаря сниматься», и вся компания проквакала, т.е. пропрыгала к заветному озеру. Допрыгали они до дороги, и смотрят: что-то необычное. А люди тоже собрались посмотреть, как лягушки по новому тоннелю поскачут.

Машин собралось видимо-невидимо.

Все из машин повылезали и смотрят.

А лягушки тоже встали и смотрят. А задние-то напирают, им-то не видно, что там впереди.

Ну форменная свалка.

И вот решили лягушки устроить совет. Самые умные лягушки собрались и стали квакать, т.е. думать.

Час думают, два думают, три думают, и чинно так сидят кружком – ну вылитые аксакалы.

И вот наконец додумались: нужно послать самых смелых и сильных лягушек на разведку.

А между прочим, все остальные лягушки уж и ждать-то притомились. И вели себя в начале еще так – более-менее тихо, но потом расквакались вовсю, так что даже не сразу поняли, что им старейшины предлагают.

Добровольцы, конечно же, нашлись. Старейшины им план рассказали, те с мамами, там, папами, братьями, сестрами и прочими попрощались и поскакали в дырку, т.е. тоннель.

Поскакали они, значит, в тоннель, ну и проскакали его без помех и увидели своё заветное озеро, а так как они уже давно как из прежнего озера вылезли, то по воде, конечно, соскучились и прыг в воду – красота, ой, хорошо, ой, здорово!

Да, а план-то у старейшин был другой, чтоб как только увидят, что проход свободен, то назад возвращались.

Наши разведчики, конечно, об этом забыли, купаются в озере, лягушки же, оставшиеся по ту сторону дороги, ждут-не дождутся от них вестей. Кваканье раздается неимоверное.

Кваканье, прыгание с места на место и прочее, и прочее…

Самая опытная лягушка уж и не знает, что делать, то ли назад повернуть, то ли ещё подождать.

Наконец кто-то из разведчиков вспомнил: ба, да мы же должны назад возвратиться!

– Ах, – говорит, – голова садовая.

Быстренько повылезали из озера и бегом, ну этим, прыгом в тоннель.

Только они показались из тоннеля и запыхавшись проквакали: «Путь свободен», как тут такое началось…

Лягушки-то уж, почитай, полдня как без воды были, так все и бросились в тоннель.

Представляете это скопище лягушек и все разом бросилось…, да с кваканием, да с шумом и гамом.

Да и люди тоже заждались и поближе подошли, тоже смотрят, ква…, то есть обсуждают.

А лягушки по тоннелю прыгают, да все разом, да дружно, да вместе все квакают, так что и тоннель стал подпрыгивать, прыг, прыг, квак, квак. И дорога стала прыгать…., и машины…., и шоферы, что сидели в машинах.

Вот такая вот история. Когда она приключилась, я уже не помню, но говорят, что лягушки до сих пор путешествуют.

ДОЖДИК

Собирался дождь в дорогу,
Взял он ветер на подмогу,
Чтоб быстрей лететь по свету:
Надо ж напоить планету.
Долететь до всех кусточков,
И цветочков, и росточков.
Собирался, собирался…
Только так и не собрался.
Знать, за лейку надо браться
И за дождик постараться.
Но и дождику спасибо!
Дождик – это так красиво.
Если радуга зажжется.
Дождик к нам еще вернется.
Будем прыгать мы по лужам…
Дождик – ты нам очень нужен.

Мустаким Жумаев (Мустаким Рафи)

Узбекистан, Бухара

Д.ф.-м.н., профессор Бухарского инженерно- технологического института Мустаким Рафиевич Жумаев – физик-теоретик. Родился 29 февраля 1960 года в Бухарской области Узбекистана. В 1983 году окончил физический факультет Ташкентского Университета.

Провёл исследования в Институте прикладной Физики (Нижний Новгород, Россия, 1988.), в Международном центре теоретической физики (Триест, Италия, 1994), в Московском университете (2002 и 2004), в Объединённом институте ядерных исследований (Дубна, Россия, 2004-2005 г.), в Институте радиотехники и электроники РАН (ноябрь – декабрь 2019).

Его научные исследования финансированы грантами фондов: Civilian Research Development Foundation (CRDF, США, 1997) и Japan Physics Society (JPS, Япония, 2000).

Следуя традициям «Физики – Лирики», опубликовал четыре сборника рубаиятов «Без меры рушится Вселенная» (2009), «Игралище – Мир» (2013), «Суть» (2015), «Поле души» (2022), – под поэтическим псевдонимом Мустаким Рафи.

За научные и поэтические достижения его на родине величать «Бухарским Эйнштейном и Хайямом».

ВСЕМУ ЕСТЬ МЕРА
(Р У Б А И)

Перевод на русский язык автора и Р. Х. Чепкунова
(Равиль ибн Ханафий)

1

Мир сей, представь себе, площадка для игры,
Знай, игроки здесь в заблужденьях равны.
В игре такой ни правил нет, ни победивших,
Все покидают поле как побеждённые, увы…

2

В основе ценности своей все люди одинаково ценны,
Будь то узбеки, будь французы иль Германии сыны.
Земля для всех одна, единое над нами небо,
Никто из нас не Бог, перед Величием Его ничтожны мы!

3

Тоскою по тебе душа живёт, Владыка сердца моего,
Твоё лишь Имя повторяет мой язык, Владыка сердца моего.

Бессилен разум тайну единения с Тобой познать,
Нет знаний постичь сие волшебство, Владыка сердца моего!

4

Будь то поэт, будь то учёный или властелин,
Бессмертным существом из всех не станет ни один.
Кто б ни ушёл, не прекратит своё теченье жизнь,
И светопреставления не вызовет уход из мира ни один.

5

Судьба редакции не подлежит, мой друг, пойми,
Всесилью рока бессильны противостоять мы.
Пространство это древнее пребудет неизменным,
Хоть тысяча тварей появятся и исчезнут, в нём, увы.

6

Когда взамен единственного поцелуя душу спросят,
Покорно согласится сердце, лишь о милости одной попросит.
Влюблённого душою завладеть не сложно,
Взамен души себе он лишь предмет любви своей попросит.

7

У мирозданья тайн и удивительных чудес так много,
Для их исследования способов придумано так много.
Однако, следствий многих не поняв первопричины,
Теорий, что берутся их нам объяснить, так много.

8

Мгновения, что с думой о тебе, мной проведены,
В скрижали кровью сердца моего занесены,
Как принимаю я судьбы предначертания покорно,
Я раны принимаю, словно наслажденье для души они.

9

Нет в этом мире радости такой, чтобы наполнилась душа,
Знай, не найдешь в нём цели, сколько ни ищи, душа.
Прибежища души и сердца здесь окажутся в руинах,
Пока не обретут свободу истинную сердце и душа…

10

Все тайны, что на свете есть, четыре книги лишь хранят,
Однако где ответ на наш вопрос они таят?
Себе представить даже этого не в состоянье мы,
Поистине, то ведает один Господь Всесвят.

11

Всевышний наделил тебя неповторимою красою, Луна,
Как сокровища, в тебе вся прелесть красоты заключена.
Прекрасней чем Венера, подобья нет в очарованье,
Грех красотой такой не насладиться нам сполна.

12

Мгновенье каждое будь в радости, грусти миг не давай,
В этом мире – ни шах, ни дервиш вечно не живёт, узнай.
Всё, что было, есть и будет – всё исчезнет без остатка,
И даже жертвы перемен исчезнут без следа, ты это знай.

13

Имеет скверный нрав судьбы жестокий маховик,
Его не тронут ни рыдание, ни рвущийся из сердца крик.
Безжалостно жесток он, привык тираном быть,
Всё перемелют жернова, не насытится маховик.

14

Будь жителем ты севера, иль запада, или восточной стороны,
Все одинаково заботами-проблемами поглощены.

Не лучше, чем другие и не хуже остальных мы,
Различны в скудности познанья, в остальном одинаковы мы.

15

Питьё вина на время помогает от себя уйти,
Оно из клетки, грудь стесняющей, способно нас спасти.
От бремени забот житейских освобожденье принести,
В объятьях луноликого кумира мгновенья счастья обрести.

16

Слепцы безглазые вдруг стали мир обозревать,
Глупцы безумные делами мира стали управлять.
Что происходят за дела на свете? – пытаюсь я понять,
Когда делом торга стала вера, не Судного ль то дня печать?

17

Как этот миг неповторим – с луноликой будь,
Забудь про всё, что в двух мирах, Вселенную забудь.
Пусть покорил все земли мира властелин,
Но коль любимой не нашёл, не стал богаче он, отнюдь!

18

– Нет сокола, как я, – гремит вороны похвальба,
И порывается лиса таскать за холку льва.
Когда в оковах лев и в клетку сокол заключён,
Нет смысла в твоих делах, говорит мольба!

19

Кто я, о том не может знать никто,
О знаниях моих не ведает никто.
Лишь ювелиру знать дано, что стоит злато,
Но прелесть изразцов знать глинобитной стене не дано.

20

Как солнцем не бывать свече с её убогим огоньком,
Как не бывать росе стремительным водоворотом,
Как ты из кожи вон не лезь, как не стремись,
Но человеку не дано быть Богом!

21

Преданий о любви из нас немало каждый знает,
Немало тех, кто «нет любви» с апломбом утверждает.
О море, кто его не переплыл, тот ничего не знает,
А истинной любви цену не знает, кто её не испытает.

22

Мир безграничен, есть носители в нём знанья,
Но есть невежды в нём, которым не доступно это пониманье.
Глупец не признаёт того, кто мудрость приобрёл,
Ведь сотня тысяч невежд – препятствие для знанья.

23

Возлюбленная о моих страданиях не знает – очень хорошо,
Пусть кровью сердца моего причудливый узор рисует – и что?
Пусть беспощадна ликом безупречная – я сердцем принимаю,
Пожертвовать собою ради единенья с ней – это очень хорошо!

24

Ни одного богатыря, в ком честь и совесть были, не осталось,
Во всей палитре чистой и незамутненной краски не осталось.
Во всем краю моём нет праведных людей, их не осталось,
И ни в одной сатане даже капли веры не осталось.

25

Болезнь присуща эта многим из людей,
С определённых пор они себя считают всех умней.

Выше всех страхов невежд наделенный знаньем младенец,
И занимаемого места обязан быть достоин каждый из людей!

26

Всех сокровенных тайн сокровищница – душа человека,
Вселенную вмещает всю оно от основанья до окончанья века.
Но лишь когда раскроются глаза души,
Сам Истинный поселится в том сердце человека!

27

Единожды узревший Твою красоту влюблённым станет,
Весь разум растеряв, в Тебя влюблённым станет.
Пленившись близостью Возлюбленной своей,
Дыханием Любви вселенной напоён, влюблённым станет.

28

Дарует много щедростей нам Бог – для глаз они незримы,
Нам Творец премного знаков подаёт, но их не видим мы.
В Писании без меры указаний и знамений, разумом охватить,
Всевышний ведает все тайны, что для нас непостижимы.

29

Когда чудесный мир был сотворён,
Был каждый атом величайшей мощью наделён,
Пусть Вселенная станет тюрьмой для человека,
Но даже из такой темницы обрести свободу может он.

30

Когда с лица откинет покрывало владычица души моей,
Застынет в изумлении каждый потрясённый ей.
Слов описанья не найдя и красок для живописанья,
Нет слова слаще, чем сказанное любимой, милей.

31

Нет в мире более убогого, чем я,
И нет обители такой, куда прийти б мог я.
Нет цели у меня другой, чем единение с любимой,
И ни кумира, ни кумирни – не имею я.

32

Меня Властитель мира духом наделил,
Другому никому не поклонюсь, чего бы мне он ни сулил,
Всё, чем владеем, – достояние Творца,
Ведь даже Иисус своею волей ничего не сотворил!

33

Из глубины могилы я услышал это указание:
Ты никогда не забывай Всевышнего предначертанье.
Будь то бедняк, будь нищий, будь властитель мира,
Всё под землей закончат в этом мире пребыванье.

34

Где видано, чтоб волчья ягода лозою выросла, скажи?
Как грешника отмоет омовенье, пусть тысячекратное, скажи?
Чем был в основе – тем останешься, ты осознай,
Видал ли мир, что в человека превратилася тварь, скажи?!

35

Возлюбленный, как далека я от тебя, ты помолись,
Проси Всевышнего, чтобы мечты твои сбылись.
Настанет день, когда моё отпразднуем мы возвращенье,
Невиданное в мире подарю тебе я наслажденье!

36

Иллюзия – весь мир, а время – колесница,
Красива ложь, и крутятся колёс обратно спицы.

И будто может следствие вперёд причин явиться,
Хотя бытует мнение – по логике вещей не может это сбыться.

37

Цветком стал каждый шаг возлюбленной моей,
И пеплом обернулся каждый вздох, что не о ней.
Своё дыханье каждое с её дыханьем воедино слей,
Иначе каждый миг страданьем станет для тебя, ей-ей.

38

Сотворено Творцом прекрасным мирозданье,
И безупречно каждое в нём сущее созиданье.
Исполнено всё радости и чуждо для него страданье,
Частицу каждую наполнил волшебством Бог мирозданье!

39

Тот, кто живёт, тот строит планы и мечтает,
Всё, что замыслит, человек в реальность воплощает.
Ты только вмешиваться во Всевышнего дела не смей,
Что впереди нам уготовано, о том один Он знает.

40

Без колосков зерна солома – этот мир таков,
Всё, что пожнёшь – труха одна, без зёрен и без колосков.
Поэтому и Млечный Путь, как колея, усыпан лишь соломой,
И Семь разбойников* здесь торжествуют – этот мир таков!

41

Говорили люди: – Одержимый, берегись любови той,
За любовь её заплатишь лика желтизной.
Отвечал влюблённый одержимый: – Передайте ей,
Для меня с ней близость двух миров ценней.

---

* Семь разбойников – на Востоке так называют созвездие Большой Медведицы.

42
На старт забега вышли конь, верблюд, осёл,
В пустыне и осла, и скакуна верблюд, конечно, обошёл.
Но там, где ни тропинок, ни дорог, где каменистый дол,
Там, обойдя верблюда и коня, один осёл до финиша дошёл.

43
Этот мир не верный – веру растерял к нему,
Зов о помощи не слышит, глух он к стону моему.
Тяготы эпохи без зазренья на меня взвалив,
Местью за проблемы платит мне же самому.

44
Не стремись за дело браться, не сумев умом понять,
Ведь не каждый зодчий сможет минарет поднять.
Как не каждому, кто в перьях, суждено летать,
Так не каждому, кто с пальцем, на гитаре нам сыграть!

45
Когда оценивать берутся прелесть красавицы любой,
Совсем неважно выделять, из нации какой.
Как мил взгляд голубых очей, чарующ – чёрных глаз,
Красавицы к одной принадлежат лишь родословной райской!

46
Потоками наполнен мир, текущими по разным сторонам,
Но каждая река имеет русло лишь своё, про то известно нам.
Тот не переплывёт ручья, кто не умеет плавать,
А чтобы жемчуг в океане доставать? Куда уж там!

47
Не думай ни о чём, кроме любви, прекрасная Луна,
Мир этот преходящ, одна любовь – вечна.

Картина мирозданья без любви – пустынна и мрачна.
И лишь красой твоей пустыня эта в рай превращена!

48

Нам кажется, что наше мышленье как стрела,
Что нет того, чего бы сила разума постигнуть не смогла.
Но, знай, умом не охватить всех граней мирозданья,
Все мысли наши – заблужденье, воображение же – химера.

49

Поведать ли тебе, что представляет этот мир собой,
Где лишь мгновенье пребывает гостем человек и прочь долой.
Не в силах из людей никто свершить работы всей мирской,
Как нет начала у неё, так нет конца работы той.

50

Вопросом «Почему?» мы не привыкли задаваться,
Завидуя, в чужих руках соломой привыкли восхищаться.
Неблагодарен данным Богом человек от века,
Что каждый дар бесценен, не хочет он признаться.

51

Спросил любимую: тайн тысячу скрываешь в каждом слове,
Что ждёт меня: цветник или чертополох-терновник?
Прелестница ответила: а ты приди, коли мужчина,
Познай со мною волшебство, какая ждёт тебя судьбина…

52

Умеет женщина мужскому роду духоту создать,
Как ржа «нутро» железа ест, тому под стать.
Что хочет женщина – порой не знает и сама,
И тысячу один каприз от женщин можно ожидать!

53

Когда в печали ты, то даже солнце в неба синеве
Становится лишь тёплым круглым камнем в вышине.
Вот так порой пустая абсолютно «золотая» голова
Невежество своё, что было скрыто, явит в полноте.

54

Глоток воды, кусочек хлебца из рук возлюбленной моей,
Роскошных пиршеств царских для меня дороже и ценней.
В общенье царственном не раскрывают душу,
Влюблённым тайны сердца открывать тому, кто всех милей.

55

Стихи мои непросто, знаю, до конца понять,
Но ведь и хлеба чтоб поесть, нужна глотка, чтоб глотать.
Без чувств и ощущений вкуса халвы не распознать,
Коль удовольствия не получаешь, для чего еду вкушать?!

56

От глаз моих очей своих ты никогда не отводи,
К моим губам губами нежно ты прильни.
Своим сердечком к сердцу моему прижмись,
Так, чтобы тела наших два в одно слились!

57

О состоянии каждого создания Всевышний знает,
И ни одно создание от Себя Господь не отвергает.
Мы для Создателя все одинаково равны,
Но каждого тень птицы счастья всё ж не осеняет!

58

Мне думалось – в науке совершу переворот,
Энтузиазма полон я, идей у меня водоворот.

Но, понял, что этот мир без чувств – сатана,
Ему мои открытья, озаренья, книги изгородь…

59

Сказал: «Уста», – «Безумец, не проси», – она сказала,
Сказал я: «Тело», – «На фигуру не смотри, красавец»,
– отвечала.
Когда сказал: «Душа», – «Единственный, ты наконец-то понял,
Пока путь к сердцу не найдёшь, взаимности не жди!»
– сказала.

60

Когда не станет в мире ни орлов, ни львов,
Короны обезьяньих станут достоянием голов.
Когда в саду поэзии гнездиться станет вороньё,
Настанет в мире время царства без умов!

61

Ты с благодарностью слова друзей воспринимай,
Но и врагов словам вниманье также уделяй.
Изъян твой, что не видит друг, подметит враг,
Укажет все твои ошибки он, ты это знай!

62

Поэт возлюбленную «ты душа моя» зовёт,
Учёный часть созвучия фононом назовёт.
Страдая по возлюбленной, дервиш рыдает, стоны издаёт,
Без фотона – частицы света, и песня, и любовь во тьму
уйдёт.

63

Мир как устроен, не торопись ты спросить,
Не может человек, не познав, объяснить.

Как о слоне слепые не способны впечатленье передать,
Так человечество не может ясно мысли излагать.

64

Без ног, на лестницу за ступенью капля влаги поднялась,
Порывом ветра яростного в небо вознеслась.
Но туча чёрная с высот низвергла вниз её
Градом на иссохшие пустыни пролилась…

65

Жена возносит просьбу к Богу за двоих:
«Пусть мужу вдохновенье даст, мне ж украшений золотых!»
Муж говорит: «Ты музу вдохновенья не пугай,
Молитву эту – повторяй!»

66

Валун на клумбе в окружении цветов был обречён лежать,
Решил цветник оставить одинокий камень, долю поменять.
Но, оказавшись на дороге, позже понял,
Что стали его путники ногами попирать.

67

Цари ведут войну за землю, поднимая шум и гам,
С гордыней заявляя, мол, земля моя и здесь, и там.
Земля тихонько усмехается в ответ: вы все пришельцы тут,
Всё равно буду вами я владеть, во мне всех погребут.

68

Коль будешь терпелив, настанет светлых дней пора,
Судьба такая: дни лихие минут и останутся вчера.
Не вечно всё, что существует в мире, всё проходит,
Настанет час, всё, что живёт, уходит во вчера.

69

Я – сердце, ищущее единенья, ты – сердце, что в гармонии
с собой самим,
Я – сердце – одинокий странник, ты – сердце, что слилось
с возлюбленным своим.
И каждая душа достигнет единенья, когда созвучье
с сердцем обретёт другим,
Ты душа – исцеляющий бальзам, я близостью
с тобою одержим.

70

Повтором – подражательством – наполнился весь мир вокруг,
Избитых истин тьмой пресытился мой слух.
Однако, повторенье – мать учения, запомни впрок,
Имеет свой источник каждый малый иль большой поток.

71

Пусть даже в грязь болота упадёт прекрасная жемчужина,
Но не утратит ценности своей – прелесть всё так же полна.
А камни тусклые, хоть в царскую корону вправь,
И лалами не станут бусы, что красуются в узле осла.

Виктор Сумин

Ташкент, Узбекистан

Родился Виктор Николаевич в селе Ташла Тюльганского района Оренбургской области (Россия), в многодетной семье. В 1965 году семья переехала в город Бекабад Ташкентской области (Узбекистан), где продолжил обучение в средней школе. После армии закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета и работал в многотиражной газете Производственного объединения «Средазкабель». С 1981 года – корреспондент газеты «Правда Востока» Издательства ЦК Компартии Узбекистана. В период работы в газете окончил двухгодичные курсы английского языка при Ташкентском государственном педагогическом институте иностранных языков, а также проходил стажировку в газете Seattle Post-Intelligencer (США). С 1990 года по 1992 год – помощник ректора Ташкентского государственного университета. С 1992

года по 1998 год – генеральный директор. Республиканского хозрасчетного информационно-рекламного объединения «Торговое агентство Узбекистана» Министерства внешних экономических связей Узбекистана. В 1992 году поступил, а в 1995 году без отрыва от основной работы окончил Ташкентский государственный экономический университет, по специальности «Международные экономические отношения». В настоящее время – Президент компании Stronghold Reserves Inc. (США), основные направления которой новейшие технологии и ноу-хау. Увлекается литературой, музыкой (игра на гитаре), восточными единоборствами и боевыми искусствами. Обладатель черного пояса по айкидо и Вице-президент Федерации айкидо Узбекистана. Член союза журналистов СССР с 1982 года, а после распада Союза – член Творческого союза журналистов Узбекистана.

МОИ ОПЫТЫ ПОЗНАНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Очерк

...Якоже члены тела, многие суще, единым человеком именуются, так и члены души суть многие, ум, воля, совесть, помышления осуждающие и оправдывающие; однако вся сия в едину соединены словесность, и члены суть душевные; едина же есть душа внутренний человек.

Макарий Великий, христианский святой, отшельник, почитаемый в лике преподобного, автор духовных бесед

«Я был в тебе, прекрасное село Ташла, – так начинает свое повествование П. М. Кудряшёв – самобытный уральский писатель, поэт и этнограф девятнадцатого столетия. – Я помню хлебосольство доброго помещика твоего Е. Н. Тимашева; я помню картинное местоположение твоё, которое восхищало меня. По скату горы, подошву коей орошает излучистая и быстрая речка Ташла, расположены правильные улицы, состоящие из опрятных крестьянских домиков. Главнейшими украшениями села должно почитать каменную церковь новейшей архитектуры и господский дом, который выстроен в один ярус, со многими службами, и заключает в себе большое число комнат.

На горе, возвышающейся близ села Ташлы, покрытой вековыми дубами, огромными вязами и развесистыми берёзами, находятся ямы, в коих производится жжение угля. В небольшом расстоянии от сих ям простирается кудрявая и зелёная роща, которая во время летнего зноя под тень свою приманивает прелестных поселянок.

В стороне от сей рощи, лежащей к юго-востоку, находится винокуренный завод, расположенный на большом

пруде, который наполняется от речки Ташлы. По берегам сего пруда растут печальные вётлы, кои, отражаясь в прозрачном зеркале вод, рисуют тени огромных великанов.

Вёрстах в восьми от села Ташлы, к востоку, в огромной горе, покрытой с северо-восточной стороны непроходимым лесом, состоящим из дубов, вязов, берёз и небольших кустов казацкого можжевельника, находятся пещеры, которые начинаются с самой половины горы; первая из сих пещер, по-видимому, обработанная рукою искусства, состоит из правильной четырёхугольной комнаты, имеющей свод, высеченный из дикого камня.

Отверстие, находящееся в этой пещере, ведёт в другую, страшной глубины. Вход или спуск в сию последнюю пещеру очень затруднителен: удушливый газ, наполняющий оную, не дозволяет долгое время оставаться в ней.

В некотором расстоянии от этого места, возвышается другая гора, посредине коей находится особая пещера. Отверстие оной ведёт во внутренность продолговатой комнаты, имеющей пол из огромных плит булыжника. На сём полу находится ещё отверстие, показывающее другую пещеру, никому не известную, ибо вход в неё невозможен.

Есть тёмное предание, что будто бы в вышеописанных пещерах укрывался предок Сеита, разбойник Мустафа, вместе с боярскою дочерью, и что прах сей несчастной находится в одной из тех пещер, а в другой хранится часть сокровищ, награбленных упоминаемым разбойником у разных народов.

В одну из поездок своих по делам торговли сын старшины Сеита, молодой Искак, остановился на берегу и, пленённый красотою местоположения, решился основать на том месте селение. По приглашению его из деревень Верхних и Нижних Чебенек явилось несколько татар, которые основали деревню и назвали ее Искаковою, или Ташлою.

Первое из сих известно не многим, а последнее сохранилось доныне. Татары недолго находились в деревне. Ташла вскоре занята была русскими, которые распространили её и много украсили. Ныне упоминаемая деревня, – заключает автор, – составляет самое лучшее село во всём Оренбургском уезде».

Чтобы продолжить историю села и коснуться личности самого помещика, приведу небольшую справку: Е. Н. Тимашев родился в 1791 году в Оренбурге. Начав службу в 1809 году юнкером в Оренбургском драгунском полку, прошел большой воинский путь, дослужившись до чина генерал-майора. Принял участие в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов, за что был награждён многими орденами.

Он владел 2519 душами крестьян в девяти деревнях Оренбургского уезда и 152000 десятинами земли, не считая недвижимости в Оренбурге.

Е. Н. Тимашев был женат на Е. А. Загряжской, которая в пушкинское время славилась своей красотой. Их сыновья преуспели: Александр стал впоследствии министром внутренних дел, а Николай – надворным советником.

Поместье Тимашевых по тем временам являлось настоящим культурным центром губернии. Тимашевы имели обширные связи с известными художниками, литераторами, деятелями культуры, сами были талантливыми писателями и художниками. В Ташле часто бывали именитые гости – В. И. Даль, декабрист С. Г. Волконский, С. Т. Аксаков; существует версия, что именно в усадьбе Тимашевых у писателя зародился замысел сказки об аленьком цветочке.

В 1834 году в поместье в течение двух недель находился известный композитор А. А. Алябьев, который записал здесь несколько башкирских мелодий.

Вспоминая 1849 год, генерал-майор И. Ф. Бларамберг писал: «Поездки или прогулки пешком в соседние леса и долины, замечательно оборудованная купальня на берегу горного ручья, вечера музыки, пение и душевные разговоры делали пребывание в Ташле очень приятным».

Но вернемся к сути повествования. Лето пятьдесят третьего года прошлого столетия. Ташла – небольшое село в уральской глубинке. Маленький домик с соломенной крышей на опушке леса, уходящего прямо к вершине горы, с небольшим двориком, с хозяйственной пристройкой для скота да баней. Он стоял в одном ряду среди других домов, которых было совсем немного, десятка два-три. Вдоль них проходила дорога, на противоположном краю которой, начинался спуск в небольшую ложбинку, покрытой разнообразной зеленью.

То были небольшие огороды, которые почему-то назывались «капустниками», вероятно, потому, что значительная часть участков была занята именно этой культурой. У каждого хозяина такого владения имелся свой колодец для полива.

Колодец с питьевой водой на этой стороне села был общий, у которого по утрам собирались женщины, с вёдрами и коромыслами, проводив перед этим на выгул свою скотину.

Сразу же за участками протекала небольшая речушка с таким же названием, как и село. Но уже не стремительная и быстрая.

Между домами и опушкой леса простирался небольшой клин земли шириной метров четыреста, который был также разделен на участки и засеян другой культурой – картошкой, которую люди выращивали как для себя, так и для продажи на рынке в районном центре.

Чуть поодаль располагался маслозавод; с ним по соседству – детский дом с большим яблоневым садом, а совсем в отдалении – животноводческая ферма.

На другом берегу речки подобный пейзаж продолжался, но домов было гораздо больше, ибо это была основная часть села со своими достопримечательностями: сельмагом, сельсоветом, правлением колхоза, чайной, клубом, школой, расположившими вперемежку с домами, крыши которых были покрыты, где соломой, где горбылем, а где и железом.

«Украшали» весь этот архитектурный ландшафт развалины разрушенной церкви, стоящей на возвышении, да почти пришедшая в негодность усадьба помещика Тимашева, в котором размещался детский интернат для глухонемых.

Ушли в прошлое правильно расположенные улицы, состоящие из опрятных крестьянских домиков, винокуренный завод на большом пруде, пилорама и мельница.

Именно с этим домом, этим местом, и этим временем связано моё появление на белый свет. И не просто связано.

Лето пятьдесят третьего, по воспоминаниям старожилов, было действительно холодным, в прямом и переносном смысле этого слова.

Помимо капризов природы, произошло еще одно событие – в нашем доме появился молодой мужчина – бывший детдомовец, успевший к этому моменту побывать в одном из не столь отдалённых мест, ставший мне отцом, хотя к моему происхождению не имел никакого отношения.

Желающим удовлетворить своё любопытство относительно событий того периода и понять весь их драматизм, советую прочитать киноповесть Э. Б. Дубровского «Холодное лето пятьдесят третьего», по которой впоследствии был снят художественный фильм с одноименным названием; а их автор – удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Забегая вперёд, скажу, что отголоски той смутной поры отразились и на мне. Всякий раз, когда в селе совершалось

какое-либо преступление (в основном, воровство или угон скота) в нашем доме появлялся человек в милицейской форме – участковый, который подолгу беседовал с отцом. Уходил он, как правило, неудовлетворённым, поскольку становился очень хмурым.

Мать при этом сильно нервничала, а моё любопытство всякий раз пресекала крепким подзатыльником. От обиды я забирался на печь и подолгу там просиживал.

Не знаю всех причин переезда, но четыре года спустя после моего рождения мы покинули село. И оказались в далекой Средней Азии, вернее, Узбекистане, городе Бекабаде – «стране ветров», прозванным его жителями за то, что начиная с осени и до поздней весны, дул сильный ветер, причём с одной только стороны, отчего все деревья росли наклоненными.

Называть Бекабад городом в то время было бы уж слишком. Это был посёлок, возникший в 1899 году при постройке железнодорожной станции «Хилков», получившей название в честь М. И. Хилкова – одного из руководителей строительства железной дороги, единственной по тем временам артерии, связывающей Узбекистан с Россией; состоящий из глинобитных кибиток, покрытых камышом с глухими дувалами (заборами), с свободно разгуливающими вокруг ослами.

Этот период вспоминается с трудом. Жили мы на самом краю селения, рядом с хлопковым полем; в доме женщины, так похожей на Лидию Русланову. У неё были так же уложенные косы, несколько грубоватый голос. А ещё она была страшная матерщинница и с большим удовольствием обучала меня всем этим словам.

Мебель в доме практически отсутствовала, спали на полу, на курпачах (стёганые одеяла), а в зимнюю пору грелись у сандала (печка, вырытая в полу помещения), опять же, завернувшись в эти одеяла.

Отца рядом не было, он был где-то на заработках. После родов мать сильно заболела. У неё распухли ноги, и она не могла вставать. Кроме меня, были ещё младший брат и крохотная сестрёнка.

А ещё была бабушка, которая помогала во всём. Я помню, как она мыла полы в какой-то конторке, а я сидел рядом с братом, присматривая за ним.

Днём я, как правило, проводил на улице, под палящим солнцем, представленный самому себе, в окружении местных ребятишек различного возраста, которые разговаривали на незнакомом мне языке, а порой и издевались, заперев меня в автомобильной кабине, валявшейся на пустыре.

И тогда моя русская словесность начала приспосабливаться к узбекской, всё больше впуская в свое пространство незнакомые слова.

Последняя непросто входила в меня, а всё больше вытесняла первую, и не просто вытесняла, а оседала в моей памяти.

Поскольку разговаривать на русском языке, кроме трёх окружавших меня женщин, было не с кем, я всё больше стал разговаривать на узбекском. Неплохо шло и освоение арготической лексики.

Вечером с поля возвращались механизаторы. Оставив свои трактора, наскоро умывшись, все устремлялись к дастархану (стол), на котором дымились блюда, приготовленные нашей хозяйкой.

Это был не просто ужин, а целое застолье, ибо практически всегда присутствовала водка. Поужинав и поддав хорошенько, начинали играть в карты. Играли на деньги. А часть выигрыша каждый победитель передавал мне.

Я в то время стал полноправным членом этой компании, ибо им нравилось мои тирады бранных слов, которым меня обучила женщина. А ещё я сыпал матерными угрозами

в адрес шулеров, а для пущего эффекта грозил им палкой, всегда находившейся при мне. Всем от этого было весело. Был и у меня небольшой стаканчик, в который мне наливали воду, а иногда подмешивали и водку, которым я чокался с собравшимися.

Вечером я возвращался в комнату, порой навеселе, передавая матери деньги. Это был мой первый заработок. Было мне в ту пору около пяти лет.

Пребывание в Узбекистане было недолгим. Едва мать выздоровела, заболел брат, причем какой странной болезнью – пеллагрой, отчего его кожа на ногах и руках стала походить на рыбью чешую.

Вскоре ему стало совсем плохо, и врачи посоветовали нам сменить климат, если мы хотим спасти ребёнка. Ехать, кроме своей деревни, было некуда. Что мы и сделали, возвратившись на голое место, начав жизнь буквально с чистого листа.

Электричества в доме не было. И не только у нас, во всей деревне. Для освещения использовали фитиль, а для выхода в другое помещение – свечу или лучину.

Уже потом появилась керосиновая лампа, а вслед за ней и стекло для неё, которое каждый день мне приходилось мыть.

Единственным предметом техники в доме, если его можно так назвать, было радио – воронкообразная конструкция, обёрнутая картоном. Но это было нечто. Помимо новостей и различного рода объявлений, оно еще транслировало литературные пьесы, концерты.

Я с очень большим вниманием слушал всё это, а текст песни запоминал с первого раза, а потом распевал их при каждом удобном случае: «Ох, красивы над Волгой закаты, ты меня провожала в солдаты…». И так далее.

У человека, читающего эти строки, может возникнуть сакраментальный вопрос. Или их написал дремучий ста-

рик, или человек, нахватавшийся исторических фактов не такого далекого прошлого.

Я не отношусь ни к первой, ни ко второй категории лиц. Просто научно-технический прогресс идёт такими темпами, что современному человеку трудно поверить, как это можно жить без электричества, не говоря уже о телефоне, других вещах. Но так было.

Вернемся же к главной теме повествования – российской словесности.

По возвращении в родное село у меня сразу же не сложились отношения с местной детворой. Они смеялись над моей речью, всячески передразнивали и коверкали узбекские слова. Порой это доходило до ссор, а иногда я пускал в обиход матерные слова, отчего их лица немели, а глаза округлялись.

Короче говоря, я, как мог, отстаивал своё существование, своё место в обществе. И моя русская словесность начала лихорадочно вспоминать и использовать свои исконные слова.

Бабушка с нами не поехала, а осталось жить в Узбекистане, но почти каждую неделю она присылала нам письма, которые мать читала вслух.

Это была обычная информация житейского типа, но были и слова, имеющие двоякое понятие. Однажды она написала, что в ближайшее время пришлёт гранаты (есть такой продукт в Республике).

В моем же сознание отложилось совершенно другое значение. И я стал по-настоящему угрожать ребятам, если они что-нибудь со мной сделают, я их непременно взорву. Это тоже на них действовало.

А ещё я хотел тогда иметь ослика. Когда мать писала бабушке письмо, я непременно просил, чтобы она мне его тоже прислала. Мысленно я представлял себя, как я еду по

деревне на осле; все дивятся, глядя на меня, а ребятня мне просто завидует.

Потом в доме появилось электричество, силу и мощь которого я в полном объёме испытал на себе. Вначале я «помогал» отцу рыть яму прямо около дома, затем туда, с соседями, опустили столб с деревянной перекладиной, на которой были прикреплены блестящие белые стаканчики из неизвестного мне материала.

Столб закопали, а землю вокруг тщательно затрамбовали, а затем какой-то человек с какими-то железными когтями на ногах залез наверх и прикрепил к стаканчикам провода, валявшиеся на земле.

В доме тоже провели провода, на один конец которых прикрепили пластмассовый предмет, прибив его к стенке; с другой – ещё один, но со стеклянной колбочкой, подвесили под потолок. Вскоре раздался щелчок, и комната залилась необыкновенным, похожим на солнечные лучи, светом. Это была великая радость.

Меня это, конечно, всё заинтересовало. И я начал раздумывать, откуда и как всё это берется. И непросто раздумывать, а принял практические шаги для познания. В один из дней, когда родителей не было дома, я с трудом пододвинул кровать, и, взобравшись на её спинку, вывернул лампочку из патрона. Внутри ничего не было. Да и плохо было видно. Дотянуться, чтобы пощупать пальцами, не хватало моего роста. Останавливала и какая-то боязнь.

Поэтому спустившись вниз, я взял в руки напильник, и, забравшись заново, сунул его в патрон. Результат был ошеломляющий. Оказавшись на полу, я вытаращенными от ужаса глазами смотрел на окружающий меня мир. К счастью, всё обошлось благополучно.

Спустя некоторое время в доме появился старый электрический радиоприёмник, который также стал предметом моего исследования.

Я никак не мог понять, где и как прячутся все люди, которые доносят то и иное известие, играют на музыкальных инструментах, поют то хором, то в одиночку.

Пользуясь отсутствием родителей, я всякий раз разворачивал радиоприемник и с большим интересом рассматривал лампы, какие-то алюминиевые коробочки, но что-то сдерживало меня, чтобы заглянуть внутрь. Вероятно, первый опыт познания давал о себе знать.

Большим удовольствием для меня было слушать сказки бабушки, когда она приезжала к нам. Мы забирались с братишкой к ней, лежащей на кровати. Он с одной стороны, я – с другой, и с удовольствием их слушали, порой просили повторить. А потом, как правило, проводилась процедура её «омоложения».

Однажды я спросил её, почему у неё волосы разных цветов: везде черные, а по бокам, на висках, какие-то серые, и даже белые. Он сказала, что это признак старости, а получив разъяснение, что старость – это не есть хорошо, мы с братишкой стали избавлять ее от этого «недуга». Наперегонки начали выдергивать все седые волосы. Она молчала и только морщилась, вероятно, от боли. К счастью, в нашем доме она появлялась не так часто.

Несмотря на то, что домик наш состоял из двух небольших комнат и маленьких сеней, а детей уже было четверо, у нас всегда собирались гости, особенно часто это случалось зимой. Собирались порой стихийно. Посередине комнаты ставился стол, с двух сторон сдвигались кровати, а по другим сторонам стола помещались табуретки.

Выставлялись всевозможные соленья: квашеная капуста, грибы разных видов, солёные огурцы и помидоры,

и даже мочёные яблоки; в дополнение к этому, сало нескольких видов или что-либо из охотничьих трофеев.

На горячее подавались пельмени, или что-то ещё, что было в чугуне, либо на сковороде. Пили водку, самогон, медовуху. На десерт – чай с мёдом, вареньем, пирогами.

Заранее никто к таким посиделкам не готовился, поскольку всё, что было приготовлено заранее, являлось результатом многомесячных трудов.

Насытившись и приняв изрядную долю горячительного, начинали петь, причём хором. Здесь тебе и «По диким степям Забайкалья», и песнь про порт Ванино и Магадан; про степь и замерзающего ямщика; заканчивалось все песней «Ой мороз, мороз». Пели под гармошку, балалайку, и не только песни, но и частушки.

Расходились так же быстро, как и собирались, причём довольно рано. Ибо назавтра наступали обычные деревенские заботы – ранний подъём, уход за скотиной, готовка пищи, стирка, и многое другое, что связано с сельским бытом.

После ухода гостей, если музыкальные инструменты случайно оставались в доме, я подходил к ним и бережно нажимал на клавиши гармони, нежно перебирал струны балалайки. Мне очень хотелось научиться играть на чём-либо.

Наш дом не был каким-то центром притяжения, мои родители так же порой внезапно исчезали, оставив на моё попечение младших детей.

Сельский быт – он особый. И взросление наступает быстро.

Рос я среди животных и птиц. Они были в доме. В сарае. Во дворе.

Уже в возрасте пяти с лишним лет я стерёг цыплят от коршуна, который всякий раз парил в вышине, над двором, во время их прогулки; одновременно оберегал от того, чтобы

они ненароком не утонули в деревянном корытце, поскольку забирались они туда, чтобы попить; защищал от телёнка развешенное после стирки бельё на веревке: он пытался его пожевать, а я порой оказывался не только на земле, но и под его рогами; вступал в единоборство с поросёнком, гусаком.

Ко всему этому стоит добавить, что под мою ответственность оставляли младших братьев и сестру, за которыми я должен был ухаживать, поскольку и мать, и отец практически целый день пропадали на животноводческой ферме. За нерадивость меня наказывали, причём по-настоящему.

У меня, в свою очередь, тоже появлялись свои привычки и интересы к познанию. Как-то попытался подоить козу в специально подготовленный для этого стаканчик, но в результате отлетел от неё на несколько шагов.

Устроил похороны утонувшего цыплёнка, причём могилку сверху покрыл стеклом, обмазав его края глиной.

Каждый день приходил на место его погребения, ожидая его оживления. Но длительный процесс наблюдения ничего не дал, и вскоре я оставил эту затею.

Надо заметить, что отец часто отлучался из дома, причины мне неизвестны до сих пор, но исчезал он неожиданно, уйдя, к примеру, на работу, и не вернувшись.

Вначале мать ждала его, потом ходила по соседям, опрашивала. Так проходил день, другой, третий, неделя. В доме всё больше накапливалось забот, поскольку отсутствовал мужчина, и, как следствие, физическая сила. Мать всю работу не успевала сделать, очень нервничала, а порой срывалась и начинала плакать.

Плакала она по-особенному, с причитаниями, уткнувшись лицом в стол, или сидя на краю кровати. Я слышал эти причитания со двора, подходил к окну. Мне становилось жутко, а сердце моё сжималось в маленький комо-

чек. От своей беспомощности у меня тоже наворачивались слёзы.

Потом отец появлялся. Они ругались, какое-то время не разговаривали, затем всё входило в своё русло. Но эти причитания матери до сих пор в моих ушах.

Одним из событий, привлекающее детское внимание, были порой случавшиеся деревенские пожары. Загорались дома, сараи, в основном крытые соломой. Поскольку рядом находились такие же дома, то огонь быстро перекидывался и на них. И мы гурьбой неслись туда, чтобы увидеть это «событие», хотя это было порой очень далеко.

Примчавшись на место, мы, разинув рты, глазели на толпу людей, окруживших тот или иной дом. Люди были кто с чем. С вёдрами, баграми, вилами и лопатами.

В спешном порядке прибывала пожарная команда в составе двух-трёх человек, на лошадях, облепленных пеной изо рта. Разматывали шланг, подсоединенный к бочке, и начинали на конструкции, похожей на качели, качать из бочки воду.

Мы видели, как из сарая выводили, а порой и выносили обгоревший скот. Все эти эпизоды потом на эмоциональном порыве передавали другим, и даже своим родителям, которые не присутствовали при пожаре.

В восемь лет я пошел в школу. Раньше меня не отдала мать, поскольку я был очень маленький и худенький.

Несмотря на бедное существование, родители приложили все усилия, чтобы я выглядел подобающим образом. Купили мне школьную форму, состоящую из суконных серого цвета брюк и гимнастёрки, такого же цвета фуражки военного образца и кожаного ремня. На фуражке и ремне были школьные эмблемы. Амуницию дополняли крепкие башмаки и портфель, заполненный школьными принадлежностями.

Перед походом в школу я получил твёрдое наставление от ребятни, чуть старше моего возраста, с которыми я коротал вечера, сидя на скамейки или на бревнах около какого-либо дома, слушая бесчисленные рассказы про нечистую силу, от которых наступал животный страх, и хотелось только одного – быстрее добраться до дома и нырнуть под одеяло.

Суть этого наставления заключалась в следующем: по прибытию в школу я сразу же должен найти себе невесту. Я толком не знал, что такое невеста, и зачем она нужна. К тому же, когда я представлял себе эту невесту, кроме образов Марьи-царевны, да Алёнушки, дальше ничего не шло. Они запечатлелись у меня в памяти после просмотров слайдов или фильмов по фильмоскопу у соседского мальчишки, приехавшего к деду из далекого Братска и жившего неподалёку от нас.

Для их просмотра дед прикрывал окна дома, сооружал своеобразный экран в виде куска натянутой простыни, перед которым мы все и располагались. Тушили свет, а вслед за этим на экране начинали появляться цветные картинки с текстом внизу, который дед нам зачитывал. Это были сказки. Женские образы были особенно красивы, в нарядном одеянии. Поэтому я с легкостью согласился.

Первый учебный день начался именно с этого. Классное помещение было небольшим, в нём было всего два ряда парт, по пять штук в каждом. Парты были новые, деревянные, выкрашенные в зелёный цвет, с двумя вырезанными круглыми отверстиями для чернильниц, поскольку тогда никаких других ручек не было, и все писали обычным пером, обмакивая их в чернила. Всех сразу же распределили по местам, и мы стали рассаживаться.

Вдруг я увидел, как на соседнем ряду, на второй парте, какая-то девчушка пытается поместить свою чернильницу

в отверстие, но у неё это не получалось. Я подошел, и твёрдым ударом ладони вколотил эту чернильницу. Она сказала: «Спасибо».

Это было очаровательное создание, в коричневой школьной форме с белоснежными бантами на голове, с пушистыми светлыми волосами, круглым лицом и голубыми глазами. Одним словом, царевна, и не просто царевна, а настоящая невеста.

Мы все расселись, а при появлении учителя – встали. Это был высокий, как мне тогда казалось, человек, со светлыми, зачёсанными назад волосами; приятным лицом; в брюках-галифе военного образца; хромовых сапогах и светлой рубашке.

Он положил на стол большой портфель, внимательно оглядел класс, останавливаясь на каждом, а потом, слегка улыбнувшись, мягко, по-домашнему, произнес: «Здравствуйте, дети. С первым учебным днём вас».

Представившись, он начал рассказывать про школу, про важность получения знаний, школьный распорядок и т. д. Мы все сидели и внимательно слушали.

Весь оставшийся день моя душа была переполнена не только эмоциями первого школьного дня, но и образом одноклассницы.

Овладение грамотностью мы начали с написания палочек: прямых, под наклоном, постепенно переходя к буквам, а сам урок назывался «чистописанием». За выполненное задание учитель ставил оценки, а потом объявлял их всему классу.

Поначалу больше тройки у меня не получалось, несмотря на все старания. От этого мне было стыдно, но больше всего от того, что все это слышала моя избранница, которая всякий раз получала отличные оценки. И мне не хотелось в этом ей уступать.

Поэтому, возвратившись домой, и быстро сделав все необходимые дела, я сразу же брался за выполнение домашних заданий.

Прошло не так уж много времени, и у меня стали проявляться успехи в области каллиграфии. С троек я перешел на четвёрки, а затем, и на пятёрки. Всё-таки мотивация – великая вещь, к тому же подкрепленная упорным трудом и чувственным образом.

А чувства день ото дня росли. Едва овладев алфавитом, я сразу же обратился к эпистолярному жанру. Написал своей избраннице любовную записку, которую хотел передать. Но её обнаружили родители. Прочитав, они долго смеялись надо мной, а я ревел от неудачи и злости.

Другое дело – уличная ребятня. Она приняли меня за своего, за равного, ибо у меня была невеста.

Несмотря на то, что у меня появились первые успехи в каллиграфии, в овладение грамотностью: я достаточно быстро изучил алфавит, а также другой предмет – арифметику, и у меня была достаточная мотивация для посещения школы, я все же решил круто изменить свою жизнь – бросить школу.

С одной стороны, по моему представлению, все возможное, что могла дать школа, я достиг: научился читать и писать, совершать арифметические действия; с другой – ранний подъём, холода со снегом и метелью, когда не хочется спускаться с теплой печи, да ещё из-под полушубка; идти куда-то.

Поэтому в один из дней – под предлогом, что я не могу найти школьный ремень, чтобы подпоясать гимнастёрку, я просто отказался идти в школу. Мать посоветовала воспользоваться отцовским ремнём для брюк.

Я категорически запротестовал, закапризничал, чем вызвал негодование матери. Она решила эту проблему очень

просто: огрела меня сковородником по мягкому месту, да так, что сломался черенок. Это был шок.

После этого я стал всегда посещать школу, если даже по радио звучало объявление, что ученики первых-четвёртых классов освобождаются от занятий, ввиду сильной метели или мороза.

Я просто приглушал радио. Одевшись, выходил на улицу, прикрыв лицо появившемся тогда куском целлофана, с дырочкой для дыхания.

До школы, если была пурга, добирался с трудом, а если мороз – то бежал; в обоих случаях по прибытию сразу же засыпал у раскалённой печки, рядом со сторожем.

Потом приезжал на лошади отец, закутав меня в тулуп, привозил домой. Он никогда не ругал и не бил меня. И так повторялось практически всегда.

После овладения грамотностью самым любимым для меня занятием стало чтение, особенно, сказок. Я читал их запоем.

Вначале перечитал все русские народные сказки, а когда таких не оказалось больше в школьной библиотеке, перешел на сказки народов мира. Многое в них было непонятно. Но это тоже было захватывающее чтение. Я старался мысленно представить себе неведомые страны, происходящие в них события.

Продолжением всего этого было «внеклассное чтение», так назывался наш предмет. Проводила его Люся, дочка нашего учителя. Это была внешне очень опрятная девочка, в неизменной школьной форме с белоснежным фартуком и бантами на голове, с алым галстуком на шее.

Первым произведением было «Приключение Незнайки и его друзей» Н. Н. Носова. Мы, сложив руки на парте, затаив дыхание, погружались в неведомый для нас мир приключений. Урок проходил очень быстро, мы просили её

читать дальше, но распорядок есть распорядок. Поэтому с нетерпением ждали следующего урока.

Хочу заметить, что эта самая Люся потом пристёгивала к моей груди октябрятскую звёздочку, а затем повязывала на шее алый галстук – частицу знамени нашего могучего государства.

В школе я предпринял попытки участвовать также и в художественной самодеятельности. Помню, мы разучили какой-то русский народный танец, что-то в виде хоровода. Все было хорошо, если бы не костюм. Необходима была вышитая сорочка. Мать обегала всех своих знакомых, в надежде найти такую рубашку, в конце концов, нашла, но она была достаточно большая. Пришлось использовать её, но это вызвало большую скованность при исполнении.

О своём первом учителе хочется сказать особо. За четыре года обучения в сельской школе я получил очень многое. Помимо полученных знаний, укрепил физическое здоровье, научился кататься на лыжах и прыгать с трамплина; рукодельничать, готовя родителям подарки к знаменательным датам. И многое другое.

Школа обозначила горизонты моего будущего, ещё не совсем чёткие, но всё же будущего.

Забегая вперед, скажу, что уже во время обучения на старших курсах вуза, я посетил свою родину. Первое, что я сделал, после посещения родственников, я отправился к своему учителю – Ф. А. Кучеренко. Он, конечно, меня не узнал; в свою очередь, его образ, осевщий в моей памяти, сразу же изменился.

Это был не та большущая громадина в огромных сапогах, с грозным взглядом, а небольшого роста человек, с очень приятным лицом, с пепельного цвета волосами.

Я не стал напрягать его память, а просто сказал, что я учился с его сыном в одном классе, и он сидел впереди меня.

С этого и началась наша беседа. Я рассказал о себе, он поделился фактами своей жизни. Поведал о своем сыне, дочери.

Мы сидели за накрытым им столом, но ели, с большим аппетитом, каждый своё. Я – его солёные грибочки, а он налегал на привезенную мной дыню. Расстались мы весьма и весьма душевно.

Готовя этот материал, я обратился к возможностям интернета. И узнал, что в Ташле установили мемориальную доску памяти участника Великой Отечественной войны, Парада Победы 1945 года в Москве, кавалера орденов Славы, Красной звезды, Отечественной войны 1 степени, Почётного гражданина Тюльганского района Филиппа Кученко.

Мемориальную доску открыли в школе, в которой Филипп Афанасьевич работал в моей школе учителем начальных классов с 1949 по 1981 годы.

Надо заметить, что за первый год обучения в школе, я перечитал все доступные моему возрасту книги. И не только перечитал, но и вызвал недоверие к себе со стороны библиотекарши. Она, когда я сдавал книги, обязательно интересовалась их содержанием. Мне приходилось вкратце рассказывать, о чем та или иная книга.

А однажды я украл книгу у отца и прочитал. Содержание я практически не понял, но меня за это наказали. Надо заметить, что отец тоже был большой любитель чтения, чем порой вызывал недовольство матери.

По истечении времени мне все больше стали нравиться книги о людях с сильным характером, и не просто нравиться, многое из прочитанного я стал испытывать на себе.

Первое, что я сделал – это однажды облил себя холодной водой из ведра. Дело было зимой. Я вышел в соседнюю, остуженную за ночь, комнату. Раздевшись догола, встал в тазик. Разбил ковшиком лёд в ведре с водой; и, зачерпнув, вылил её на себя.

Со вторым ковшиком ничего не получилось, потому что к моей заднице неожиданно прилипла рука матери.

Затем стал прыгать с крыши дома, на привезенную для её покрытия солому, воображая себя парашютистом.

Спускался по верёвке в различные ямы, мечтая посетить те пещеры, о которых упоминается в самом начале.

Нырял в воду вниз головой, держа при этом руки по швам, чем вызывал восхищение окружения детей более старшего возраста.

Катался на «гигантских шагах», своеобразной карусели, состоящей из столба, на вершине которого было закреплено колесо от телеги, а от него спускались веревки, на конце которых были привязаны автомобильные покрышки вместо сидений.

Кто-то один из старших раскручивал всё это, а остальные выступали в роли пассажиров. Я всегда просил кого-нибудь, чтобы меня подкинули как можно выше.

Научился скакать верхом на лошади.

Однажды я прочел книгу про одного бедного китайского мальчика, который впоследствии стал учёным или писателем; из-за нехватки средств для покупки свечей он собирал в лесу светлячков, и при этом свете по ночам читал книги. Я тоже ходил в лес, собирал светлячков и пытался при их свете читать.

Для отработки силы воли я всегда носил в школу все книги, чтобы мой портфель был тяжёлым, а иногда подкладывал в него и посторонние предметы.

Вторым после чтения любимым занятием было кино. Первый фильм, который я увидел, и который мне врезался в память,

был фильм под названием «Бродяга». Его показывала приехавшая во время уборочной страды на ток кинопередвижка.

Был достаточно поздний вечер, отцовский пиджак на плечах, а сам я весь в экране, с упоением смотрел на разыгравшиеся события в далёкой и неведомой мне Индии. Пленка часто рвалась, но я этого не замечал, потому что я был там, в гуще событий.

Потом были походы на другие фильмы. Входной билет в клуб стоил пять копеек. Но лишних денег, тем более на походы в кино, как правило, не было. Я подолгу клянчил у родителей нужную сумму, шёл на всяческие уступки, лишь бы получить желаемое. И очень сильно переживал, если не мог найти одну или две копейки, а найдя, стремительно мчался в сельский клуб.

Были ещё концерты художественной самодеятельности. И мы, мальчишки и девчонки, сидевшие на влажном, только что вымытом полу клуба; впереди взрослых, расположившихся на стульях. Это тоже было упоительное зрелище.

Приходилось много работать. И зимой, и летом. С одной стороны – многодетная семья. Помогал матери: ухаживать за детьми, подносил продукты во время подготовки пищи, заправлял постель, мыл полы.

Должен заметить, что последнее было достаточно трудоёмким делом. Полы были некрашеные. Вначале пол смачивался. Затем надо было отскоблить ножом каждую доску, смыть всю грязь, вытереть пол насухо.

Потом уход за скотиной. Готовил пищу для свиньи, коровы и козы, птицы, собаки. Очень рано научился ухаживать за лошадью, не только поить и кормить, но и причесывать, запрягать.

Надо заметить, что воспитание шло своим чередом. Отец делился одним, мать – другим.

Летом с отцом непременно участвовал в заготовке дров, ездил с ним в лес. Собирали сухостой, а после этого распиливали, кололи и складывали в поленницу. Постепенно он научил меня обращаться и с топором.

Я очень рано стал подшивать валенки; точить топор и косу; делать себе коньки, используя поленья, поскольку металлические коньки были большой редкостью, да и было это не по карману.

Когда мне было лет одиннадцать, отец подарил мне настоящее ружьё, предварительно вывернув из него боёк. И я играл с ним в «войнушку», чем вызывал восхищение своих ровесников. И он не просто подарил, но и научил обращаться с ним, другими словами, стрелять.

По ночам на охоту выходили волки. Их завывание наводило ужас на всех, в том числе и на меня. Но с обретением такого «подарка» я стал спокойнее.

Были обязанности и по материнской части, большая часть их выпадала на лето.

Вместе с нею и другими женщинами я ходил в лес собирать ягоды, грибы, хмель, и очень часто возвращался с последствиями от встречи с крапивой.

Наряду с прополкой картошки и других овощей, в обязанности входил также и полив капустника – грядок с морковью, капустой, горохом, зеленью.

Воду приходилось доставать из колодца. Я, конечно, сачковал, поскольку мне хотелось быстрее оказаться на улице, среди своих сверстников; покататься на велосипеде, просто побегать. А поэтому, вместо одного ведёрка под каждый кочан капусты, я лил половину. Но было всевидящее око матери, и следовало наказание.

Осенью приходило другое. Надо было копать картошку. Мать выкапывала, а я собирал её в небольшой мешок и от-

носил в кучу. Земля прилипала к пальцам, отчего я плевал на них, а во рту становилось сухо.

Потом наступал момент соления капусты. Всё делалось в той же комнате, где мы ели и спали. Капусту очищали, разрезали на куски и помещали в корыто, а затем специальным приспособлением измельчали, складывая всё в кадушку. И это продолжалось изнурительно долго для меня, порой даже хотелось плакать.

В ноябре, когда становилось уже прохладно, а иногда даже наступали и заморозки, начинали резать скот, в основном, свиней. По всей деревне то тут то там, раздавался их визг.

Это было жуткое зрелище. Видел, как убитое животное обкладывали соломой, а затем поджигали, на профессиональном языке это называлось «палить шкуру». Затем опалённое животное скоблили ножами, мыли горячей водой, вспарывали живот и вытаскивали внутренности. Если это случалось у нас дома, приходилось тоже оказывать посильную помощь.

Весна отводилась для высаживания культур.

Самой благодатной порой оказывалась зима. В этот период большую часть времени проводил дома. По вечерам мать раскладывала карточки с животными, а я пытался их назвать. Много вещей лепил из пластилина, или делал какие-либо поделки. Рисовал.

Катался на санках, привязывая к ним собаку, которая с радостью тащила меня по дороге. Как-то нечаянно лизнул санки, так, с прилипшим к ним языком, дошёл до дома.

Был очень огорчён, когда купленные впервые в жизни лыжи я сломал, пытаясь спрыгнуть с трамплина. Больше мне лыж не покупали, катался на треснутых, взрослых.

Однажды провалился в снег, еле выбрался. Но валенки остались в снегу. В носках добрался до дому, и долго сидел на завалинке, ожидая взрослых, едва не отморозил ноги.

Был ещё один, более серьёзный, случай. Со старшими мальчишками мы отправились на речку, покататься на льду, на санках. Поскольку я был самым маленьким, они меня катали, а потом санки отпустили, и я оказался в полынье. Место было неглубоким, и с помощью товарищей я довольно быстро выбрался наружу.

Страшно было другое. Я весь измазался в тине, и моё накануне купленное пальто, оставляло желать лучшего.

Придя домой, я, желая скрыть от взрослых случившее, скинул мокрое и грязное пальто, поместил его в натопленную утром печку, предварительно прикрыв ее заслонкой. Расчет был прост. Я думал, что пальто быстро подсохнет, а потом я его почищу щёткой. И родители, придя домой, ничего не узнают.

Но не тут-то было. Я его прожёг в разных местах, и с ним ничего нельзя было сделать. Последствия описывать не стану. Хочу лишь заметить, что пришлось воспользоваться старыми вещами, которые работники интерната глухонемых раздавали всем нуждающимся, а мы были в их числе.

Самым благодатным временем зимой была суббота. Приятно было возвращаться в чисто убранный дом, с запахом вымытых полов, контрастировавший с другим – запахом пирогов.

Не надо было также вставать на следующий день рано утром и идти в школу.

Вначале посещали баню, первыми – я с отцом, затем мать – с малышами. Отец парил меня, тёр до боли моё тело мочалкой, а голову обязательно обливал специальной водой – щёлоком, настоянной на древесной золе, водой.

После чего все переодевались во всё чистое, а по возвращении садились есть; отец с матерью употребляли по рюмочке горячительного, ели что-то вкусно приготовленное, затем все вместе пили чай с пирогами, вареньем и мёдом, который родители собирали в лесу. А потом я погружался в сказочный мир книги.

Самой интересной забавой зимнего периода был спуск с горы на санях. Случалось это в мартовские дни, когда днем начинало прогреваться всё окружающее, особенно снег. А ночью он застывал, образуя корку, называемую настом. Именно в такие дни, как правило, по воскресеньям, собирались все желающие – ребятня разных возрастов – участвовать в данном мероприятии, прихватив с собой съестные припасы, – картошку, сало, колбасу, соленья.

Взявшись за сани, которые использовали для лошадей, мы гурьбой тащили их на самую вершину, где разжигали костёр, пекли картошку, поедали захваченную с собой еду, а все съеденное непременно запивали берёзовым соком, который получали прямо же здесь, из надрезанных берёз, прикрепив к ним какую-либо ёмкость.

Потом разворачивали сани, усаживались в них и, оттолкнувшись, стремительно неслись вниз. Надо заметить, что занятие было не для слабонервных, и было похоже на настоящий горный слалом. Кто падал, домой возвращался пешком. Сани практически привозили нас к самой деревне. После всего этого, хотелось только одного – спать, что я и делал, едва переступив порог дома.

Летом было другое увлечение, особенно когда начинали убирать кукурузу. По улице, порой вереницей, проезжали машины – полуторки и появившиеся уже тогда «ЗИСы», оставляя за собой шлейф пыли, которые направ-

лялись с кукурузных полей на колхозную ферму, к силосным ямам.

Мы, детвора, бежали за той или иной машиной, и, если удавалось, цеплялись на край заднего борта, стараясь хоть немного прокатиться.

Некоторые водители останавливались, пытаясь поймать хулиганов. Слышались крутые словечки, случались и подзатыльники, но всё равно все это было хорошо.

Счастлив был тот, кому удавалось под каким-либо предлогом попасть в кабину, чтобы покататься. В кабине, несмотря на открытые окна, чувствовались запах пота и табака, но было очень здорово.

Готовились и отмечали буквально все праздники: я лепил птичек из теста к прилету жаворонков; взбивал яйца с сахаром для куличей; на масленицу жгли костры и прыгали через них.

Были еще святки. Я помню, как однажды в дом явился самый настоящий кот. Как оказалось, это был отец, с кошачьей маской на лице. А весь его костюм был изготовлен из сшитых вместе знаменитых оренбургских пуховых платков.

Я тоже постарался от него не отстать, и как-то нарядился в горбатую старушку.

Мать использовала лошадиную гриву для волос, старые лохмотья, латаные-перелатанные валенки, разукрасила моё лицо.

Отец, в свою очередь, сделал мне посох, а в рот заставил поместить ломтик сырой картошки с дыркой внутри, чтобы никто не смог узнать меня по голосу.

Одним словом, меня действительно никто не узнал, ни в школе, ни на улице; а деревенские собаки ещё и облаивали, что предавало всему естественность.

Надо сказать, в деревне все с особым вниманием и почитанием относились к памяти усопших. Поминали их на родительский день, по другим памятные датам.

При посещении умерших мать, чтобы я не боялся покойников, всякий раз заставляла дотронуться рукой до их ног. Было жутко страшно.

Чтобы побороть этот страх, я не раз вместе с другими посещал кладбище в позднее время суток.

А ещё недалеко от нашего дома проживала одна бабушка, которая занималась лечением. К ней обращались многие. И слыла она колдуньей.

Услышав как-то, что в могилу человека, подозреваемого в колдовстве, вбивают осиновый кол, чтобы нечистая сила не могла больше вредить живущим, я втайне от всех выстругал такой кол, и только ждал, когда умрёт бабушка, чтобы совершить это действие.

С самого раннего детства, насколько я помню, у меня появилась привычка всё прочитанное и увиденное пропускать через себя.

В сказках я был в образе главного героя, а посмотрев, к примеру, фильм «Чапаев». Мчался домой на палке верхом, размахивая хворостиной, воображаемой саблей.

И не просто пропускать сквозь себя, но и воплощать в жизнь задуманное.

Однажды я с матерью поехал в райцентр продавать картошку, и там впервые попробовал мороженое. Оно мне очень понравилось, и надолго осталось в памяти.

А зимой я все это реализовал. Я набрал снега в большую чашку, залил молоком, перемешал всё содержимое с сахаром. И всё съел. Конечно же, очень сильно заболел.

Был период, когда я захотел быть взрослым, и очень значительным.

По утрам я тщательно умывался, а волосы непременно зачесывал назад. Замучил мать просьбами погладить мне рубашку и брюки. Утюгов электрических в то время не было. Разжигать огонь, закладывать угли в металлический утюг, разогревать его – было достаточно трудоёмким делом.

Везде старался держаться солидно. Как-то меня спросили, кем я хочу быть, и я, не задумываясь, ответил: «Профессором».

Я не знал ни значения самого слова, ни к чему оно относится, но какая-то память подтолкнула меня к мысли, что это тот самый тип человека, каким я хочу быть, хотя в душе я, конечно, мечтал стать лётчиком.

К этому времени я уже наладил отношения со своей избранницей, и мы вместе обсуждали будущее. Она мечтала стать врачом, а я лётчиком, и не просто лётчиком, а лётчиком-истребителем.

Я в точности не знал, чем отличаются эти профессии, но внутренним чутьем чувствовал, что это очень ответственно и героически. И не просто мечтал, но и всеми силами стремился к этой цели. Практически изучил всю историю авиации, а на стенах у меня висели рисунки самолётов.

Поскольку Оренбургское лётное училище было рядом, я часто наблюдал, лежа в траве, как бороздят небо серебристые птицы, оставляя после себя молочный след.

У меня тогда не было понятия о расстоянии, масштабах, но серебристые птицы в небе очень напоминали мне зубья бороны. И я на досуге подумывал, как бы запустить их в небо.

Впоследствии моя избранница действительно стала врачом, а я так и не стал лётчиком.

А потом пришла «хрущёвщина». Наше картофельное поле разделили: на большей части посадили кукурузу, оставив небольшой участок под картошку.

В дом стали приходить какие-то люди. Они пытались залезть в каждый угол, что-то считали, записывали. Зачастую, все это заканчивалось перебранкой, скандалом, а потом эта ругань начиналась между отцом и матерью.

В итоге отец куда-то уходил, а мать, оставшись одна, тихо плакала. Я не знал причин всего этого, поэтому старался быть подальше от родительских глаз.

Но была одна отрада – это кукуруза, в которой можно было прятаться, играя в «войнушку», и совершенно спокойно употреблять в пищу кукурузные початки.

По прошествии времени стало совсем плохо. Скотина в доме практически отсутствовала, поскольку её забрали на колхозный двор, оставив одну лишь собаку; сусеки были также пусты, ибо не было ни трудодней в виде пшеницы, ни других сельхозпродуктов.

Стало очень голодно. Родители или ругались по каждому поводу и без повода, или тихо шептались. Своё плохое настроение зачастую отыгрывали на самом старшем ребёнке, то есть на мне. Порола меня, как правило, мать, и непременно бельевой верёвкой по заднице, а я в то время находился на коленях между её ног. Потом плакала, и, гладя по голове, просила прощения.

В один из дней отец вернулся с фермы раньше обычного. Попросил мать нас одеть. Усадив всех в телегу, он выехал со двора. Мать что-то шевелила губами, крестила, глядя нам в след.

Ехали мы достаточно долго. Вскоре перед глазами предстала сказочная картина: другие дома, причем в несколько этажей, с необычными крышами; дорога, покрытая каким-то материалом, была ровной, без ям и грязи.

Мы зашли в необыкновенно просторную и светлую комнату, где за столом сидела красиво одетая женщина. Она долго объяснялась с отцом, а потом их разговор перешел на повышенные тона. В конце концов, отец оттолкнул женщину и, открыв дверь, зашёл в другую комнату.

Отсутствовал он минут пять-десять, затем дверь открылась, и из помещения вместе с отцом вышел какой-то человек, он что-то сказал женщине, она молча кивнула и начала суетиться. Человек вернулся в своё помещение. Женщина вдруг стала с нами очень ласковая и учтивая, начала угощать печеньем и конфетами, и, как следствие, чаем.

Мы находились там достаточно долго. А потом появились какие-то люди с пакетами, мешками. Всё это погрузив на телегу, мы отправились домой.

Уже по прошествии многих лет, я узнал, что посещали мы райком партии и встречались с первым лицом. Отец тогда прямо заявил ему: или он поможет с продуктами, или пусть всех детей забирают. В детдом.

Именно в ту пору в российской словесности появилась частушка: «Эй, малыш, ты куда шагаешь? В райком, за пайком, разве ты не знаешь»? Трудные и голодные времена были для деревни.

Незадолго до моего окончания первого класса мать вновь забеременела, уже пятым по счету ребёнком. Я тогда не знал, как и от чего появляются дети, но меня стал беспокоить размер её живота, и, может быть, не особо и беспокоил, если бы не насмешки на улице.

Меня все дразнили беременной матерью. Мне было стыдно от того, что она не может каким-то образом втянуть живот. Я ей вначале культурно намекал об этом, потом прямо сказал, что нехорошо ходить по улице с таким животом. У всех мамы, как мамы, а ты. Но она только сме-

ялась, гладила меня по голове, и приговаривала: «Всё будет хорошо». Но я не верил этому, потому, что она начала есть глину; грызла другие непонятные мне вещи.

А в один из дней ей стало очень плохо. Она попросила пригласить домой соседку, и срочно найти отца, и непременно с лошадью, поскольку необходимо было куда-то ехать. Пока я все это делал, в доме появился младенец.

Я окончил начальную школу, и наша семья вновь переехала в Бекабад – «страну ветров». Уже став намного старше, я узнал, почему он получил такое название.

Город располагается на берегах реки Сырдарьи, на месте её выхода из Ферганской долины, территории окруженной горами, в Голодную степь.

По климатическим особенностям там постоянно создаются перепады давления, оказывающие влияние на воздушные массы, которые потом вырывалась наружу, через ущелье, где проходило русло реки.

Переехали мы по настоянию бабушки, которая заявила, что дети растут, им надо развиваться, а ничего хорошего в деревне получить невозможно.

Здесь я поступил в пятый класс. Это была многонациональная школа. И это для меня было непривычно. Непривычными были внешность, имена и фамилии учащихся. Был не один учитель, а несколько, тем более, они тоже были представителями разных национальностей. Русские, узбеки, евреи, татары, корейцы и т.д. Разной была культура, традиции; кухня, которую пришлось осваивать.

Здесь я вновь столкнулся с насмешками над моей русской словесностью, поскольку слова «чаво», «каво» и т.д. резали слух.

Всё это привело к тому, что у меня возникли чисто психологические проблемы с освоением английского языка, который мы начали изучать в школе. Мне казалось, что

и учительница в душе тоже смеется над моим произношением, особенно тогда, когда заставляла повторять английские слова, глядя в зеркало; выпятить нижнюю челюсть, или положив подбородок на край стола при их повторении.

А ещё эта женщина была очень привлекательной, хорошо и со вкусом одевалась, имела в своей сумочке различные красивые аксессуары. И все это на фоне семейных проблем, с которыми вновь пришлось столкнуться.

По приезде мы поселились на квартире младшей сестры матери, в которой уже проживало пять человек. Добавилось ещё семь.

Деньги, которые мы получили от продажи недвижимости, очень скоро кончились. Найти работу родители не могли из-за отсутствия паспортов, поскольку по тем временам жителям сельской местности их не выдавали, а для их получения существовала процедура, занимавшая достаточно продолжительное время. Начались трения. На последние деньги мы купили маленькую кибитку, а из мебели нам кое-что выделила тетя: стол, диванчик, кровать. Всё это время мы порядком голодали.

Вскоре мать под честное слово, и с учётом большого количества детей, взяли на работу в больницу, санитаркой.

Под таким же «соусом», да из-за отсутствия пальцев на левой руке, устроился на работу и отец. На завод, грузчиком.

На здесь произошел несчастный случай с одним из младших братьев – он попал под машину. Ухаживать за ним было некому. Поэтому выбор пал на меня. И мне пришлось на пару-тройку месяцев оставить школу.

Но я старался читать, а ещё мне помогла наша учительница математики, которая по воле судьбы также оказалась в этой больнице. Вместе с ней, помимо математики, я осваивал другие предметы школьной программы.

Алла Константиновна, так звали учительницу, кореянка по национальности, очень много рассказывала о своей стране, где когда-то родилась, истории народа, ссылке в далекий и неведомый Узбекистан; делилась со мной блюдами корейской кухни, которая мне очень понравилась. Потихоньку жизнь наладилась, и всё вошло в норму.

Была еще Фаина Львовна – учительница по русскому языку и литературе, достаточно пожилая женщина. В то время я тоже читал запоем. Перечитал всё, что было в школьной библиотеке, потом записался в городскую. Ей это очень нравилось. И после уроков мы с ней непременно о чем-нибудь беседовали.

В старших классах, появилась Лидия Аркадьевна – учительница литературы. В то время нас стали сажать с девочками. Ко мне, на удивление всего класса, пересела самая красивая девочка в классе – Лена Акаджанова.

Наша пара так понравилась учительнице, что при подготовке школьного спектакля по поэме А. С. Пушкина «Цыгане», она предложила наши кандидатуры на главные роли. Так, соседка по парте стала цыганкой Земфирой, а я – юношей Алеко.

Было много хороших преподавателей, энтузиастов своего дела. Большинство из них, помимо преподавания, делали массу интересных вещей, но мы при этом ни за что никогда не платили, да и сам педагог, я думаю, ничего не получал, кроме своей зарплаты.

К примеру, учительница, которую звали Раиса (отчество не помню), создала «Клуб неунывак». У нас был свой гимн, эмблема. Мы собирались вместе, что-то обсуждали, ходили в походы, помогали друг другу в трудную минуту, ибо мы были «неунываки».

С удовольствием я занимался спортом, авиамоделизмом.

Любил посещать кинотеатр, но как всегда не хватало денег на билеты. Все фильмы непосредственно воплощали в жизнь. «Спартак», «Фантомас», «Три мушкетёра».

После просмотра фильма «Спартак» мы вооружились теми же предметами, которыми пользовались герои фильма. В одной руке у меня был кусок рыболовной сети, в другой – вместо копья, настоящая рыболовная металлическая острога. У моего противника (Спартака) вместо щита и меча в одной руке был длинный кухонный нож, в другой – большая крышка от кастрюли. И мы сражались, по-настоящему.

Подобного рода поединки происходили и после просмотра фильма «Три мушкетёра», только наши шпаги были сделаны из кусков арматурной проволоки. В одном из поединков я потерпел поражение – мне прокололи плечо в районе ключицы.

Фильм «Неуловимые мстители» породил особое «увлечение». Мы выходили на железнодорожные пути, проходящие прямо в черте города, и, в безлюдном месте, цеплялись за походящие мимо «товарняки», двигающие с небольшой скоростью. Забирались куда только возможно, а потом, проехав какое-то время, и удовлетворившись, прыгали на ходу. Увлекались этим до тех пор, пока один из нас не попал под колеса; но, к счастью, потерял только ногу.

Сооружали свой «штаб». Для этих целей выкопали большое подземелье, но оно потом рухнуло. Пробовали создать свой язык, на котором должны были объясняться; изучали существующие сленги – когда к словам прибавлялись какие-либо частицы. Искали клады, пытались организовать свой кукольный театр.

Научились добывать деньги, но не воровством, а путём производства извести, технологию получения которой позаимствовали из школьного учебника химии. Известь

затем продавали на базаре, а на вырученные деньги приобретали аксессуары для дворовой футбольной команды.

Учились курить. Пробовали анашу, вино и водку. Не забывали драться за свою улицу, за девчонок.

У меня в тот период появилась тяга к оружию, как к холодному, так и огнестрельному. У меня были ножи и ружьё, из которого мы палили, уходя за город. При этом сами заряжали патроны, лили дробь – здесь пригодился мой деревенский опыт. Тогда было немножко другое время. Не создавало большого труда приобрести гильзы, порох, капсюли. Лили из свинца кастеты.

Надо заметить, что, приехав в Узбекистан, я не умел плавать. А рядом была Сырдарья, полноводная по тем временам река. Были каналы. Была ещё жара, заставляющая лезть в воду.

Вначале я просто барахтался на мелководье, пытался было зайти глубже, но всякий раз страх меня останавливал, мешал сделать это. Надо мной смеялись и мальчишки, и девчонки, которые прекрасно плавали, ныряли с обрыва, прыгали с моста, высота которого была более десяти метров.

В один из дней я все также стоял на берегу канала, держась за корень верблюжьей колючки, который уходил вглубь песчаного обрыва. Все ждали, что я прыгну в воду и поплыву, но…

Вдруг – не знаю, по чьей воле – кусок обрыва вдруг сорвался и полетел на меня. Не знаю, как я оказался в воде, и, не помня себя, переплыл канал. Потом отдохнув, и ободрённый присутствующими, я вернулся обратно. Так я научился плавать.

Через короткий промежуток времени я начал осваивать Сырдарью. В конце лета я уж вместе со всеми переплывал эту реку, для того, чтобы выпросить, а если не получится,

похитить арбузы с бахчи. И, толкая их перед собой, так же вплавь возвращались. Под палящим солнцем с удовольствием поедали сахаристое содержимое.

Тяга к познанию толкала и на другие приключения. Мне очень хотелось увидеть Аральское море, тоже очень полноводное, по тем временам.

Мы с другом взяли с собой еды, «позаимствовали» на берегу Сырдарьи лодку, и отправились в путешествие, совершенно упустив из вида, что еще нужны и вёсла. Да и потом, зачем они нужны, думали мы, когда течение само принесёт нас к морю. Мы просто оттолкнули лодку и поплыли.

Шло время, течение уносило нас все дальше и дальше. Чтобы управлять лодкой, мы использовали руки. А когда в лодке стала появляться вода, стали пользоваться башмаками.

Бекабад уплывал всё дальше и дальше, а затем и вовсе скрылся из виду. Мимо стали проплывать какие-то селения, поля, небольшие рощицы.

К этому времени мы уже выспались, съели все припасы. День начал клониться к вечеру. Море всё не появлялось. Стало как-то не по себе, а потом и вовсе страшно. Мы отчаянно стали грести к берегу. По истечении достаточного продолжительного времени мы всё же, совершенно обессилев, достигли берега. Бросив лодку на берегу, пешком пустились в обратный путь. Было уже очень поздно, когда я вернулся домой. Чтобы не спугнуть спящих, быстренько юркнул в постель.

Был еще один пример из области познания. В школе нам преподавали историю. Это был очень интересный и весьма познавательный предмет. И он даже подтолкнул меня к мысли, стать археологом.

Но вернусь к деталям. На одном из уроков стали рассказывать об Александре Македонском, его походах, упо-

мянули и о том, что на берегу Сырдарьи есть развалины построенной им крепости.

Это стало толчком к её посещению. Захотелось самому заняться раскопками, и непременно найти что-нибудь стоящее. Сказано – сделано. Я всё тщательно изучил, и на междугороднем автобусе отправился к этому месту.

Радости мой не было предела, когда на её территории я обнаружил столько черепков глиняной посуды, причём хорошо сохранившихся, и даже с узорами. Я тут же представил, как в школе будет открыт уголок, а я стану местной знаменитостью. И таких черепков я насобирал целую сумку, и едва дотащил её до дома. А затем – до школы.

Каково же было моё разочарование, когда мне сказали, что все это мусор, который люди выкидывают на помойку.

Следующим моим познанием стала гитара, и как её продолжение, дворовые и блатные песни. В то время многие увлекались этим инструментом, и я был не исключением. Но была одна особенность. В Бекабаде была, и есть в наше время, пересыльная тюрьма, и, как следствие, было много вольных поселенцев. Их устраивали на работу, а проживали они, как правило, на квартирах.

Поскольку к тому времени мы уже обзавелись другим жильём, то свою кибитку мы им тоже отдали, просто так.

У меня появилась новая обязанность. Я бегал за «бормотухой», а взамен часами слушал песни, которые до сих пор остались в моей памяти. И я стал учиться играть на гитаре, и даже завёл песенник.

Потом начал писать стихи. Первое стихотворение, вероятно, как и все, отправил в «Пионерскую правду». Пришел вежливый отказ. Больше я попыток публиковаться не повторял.

Учился я в школе легко, но не серьёзно. Бывало, пропускал занятия только лишь потому, что просто не хотелось идти в школу.

До восьмого класса я по-прежнему хотел стать лётчиком. Но в восьмом классе мне вдруг захотелось в море, и я стал задумываться о поступлении в мореходное училище, да и сама специальность – штурман дальнего плавания – манила и завораживала. И я начал лихорадочно готовиться к осуществлению своей новой мечты.

В первую очередь изменил свое отношение к школе. Проявил повышенный интерес к таким предметам, как физика, математика, география, ну, и, конечно же, всё больше стал читать художественную литературу приключенческого жанра; а также развесил по стенам свои рисунки, но теперь уже с изображением кораблей.

По вечерам, лежа в постели, я мысленно представлял себе, как схожу с корабля после длительного плавания: морская форма с золотыми нашивками на рукавах, борода, трубка во рту; в одной руке обезьянка, в другой – чемодан с наклейками, а на плече – попугай. На берегу же – милое создание, машущее мне рукой. Всё это так будоражило, что я не мог нормально заснуть.

После окончания учебного года я начал усиленно собирать документы для поступления. При прохождении медицинской комиссии мне вдруг заявили, что я не годен, поскольку у меня «гланды», а для их устранения необходима операция.

Вечером того же дня я уже оказался в больнице, чем взбудоражил своих родителей. Операция была тяжёлой. Увлечение самодельным мороженым в свою бытность дало о себе знать.

Но моей мечте не удалось сбыться, документы мои обнаружила мать и со словами: «Хоть к черту на рога, но

только после окончания десятого класса», – порвала мои документы.

Хочу сказать, что поле этого я достаточно долгое время находился на распутье при выборе профессии. На это существенное влияние оказали мои жизненные обстоятельства.

После окончания девятого класса пришлось оставить школу, поскольку ситуация в семье становилась день ото дня хуже. Вначале я устроился на работу на лето в одну из строительных организаций, но потом там так и остался, перейдя на обучение в вечернюю школу. Но это было особое учебное заведение, и называлось оно «Очно-заочная вечерняя сменная школа», созданное, вероятно, для того, чтобы с его помощью охватить как можно больше людей для получения полного среднего образования, поскольку эта была одна из ключевых задач правительства страны в области образования.

На деле это была самая настоящая «шарашка». Занятия проводились по субботам, сразу по всем предметам, потом давались домашние задания, и все чинно расходились.

Публика была в основном взрослая, которая являлась на них исключительно по приказу отдела кадров той или иной организации. Поэтому о мотивации даже не стоит вести речь. Ходили, как правило, для «галочки» да с целью избежать трений с кадровой службой.

Всё начиналось с алкоголя. Поскольку в школе я был самый младший, то, как правило, выступал в роли «погонялы». Едва я появлялся, они обращались с просьбой: «Сгоняй». Давали деньги, сумку. И я шёл.

Когда преподаватель появлялся в классе, все уже были «навеселе». Шум, болтовня, сальные словечки, различного рода хихиканья по поводу и без повода.

Некоторые преподаватели сразу же прерывали урок, обещав написать рапорт директору, а письма – по месту

работы. Другие как-то пытались продолжить занятия. Не вмешивались в это только женщины да я. Видя все это, я старался больше заниматься самообразованием. Худо-бедно, нам всем выдали аттестаты с одними и теми же оценками.

По окончании учебы я был призван в армию, на Краснознаменный тихоокеанский флот. Так я оказался на Дальнем Востоке, в курсантской роте. Изучали мы радиоэлектронное оборудование.

Я не стану описывать все «прелести» службы, потому что это отдельный разговор, скажу только, что все было очень строго. А самое главное, надо было в каждом кармане держать только определенную вещь. В одном – военный билет, в другом носовой платочек. За нарушение этого – наряд вне очереди.

Мне порой изрядно доставалось за записную книжку, в которой я писал стихи, поскольку её ношение не было предусмотрено внутренним распорядком.

А ещё для этих целей я приобрел появившуюся тогда ручку с батарейкой и лампочкой внутри, которую я клал заранее под подушку.

Едва всё в роте стихало после команды «Отбой», я доставал оба эти предмета, и, накрывшись с головой одеялом, погружался в мир поэзии. Больше писал стихи, адресованные своей возлюбленной, с которой я познакомился незадолго до призыва в армию, ставшей моей Музой.

В «учебке» на меня возложили и такую обязанность, как заполнение различного рода документов, поскольку уроки каллиграфии, полученные в сельской школе, дали о себе знать; а также написание боевых листков; оформление стенгазеты.

Всё это потом продолжилось и после окончания «учебки». Правда, к этому прибавилась ещё одна «обязанность» –

писать письма девчонкам от ребят, которым это было трудно сделать; особенно когда приходила печальная весть – та или иная подруга выходит замуж.

Было ещё одно увлечение – наколки, и я в этом принимал активное участие, рисовал или срисовывал понравившиеся изображения. Чаще всего это было девичье лицо во флотской одежде, или Серый волк из мультфильма «Ну, погоди», также во флотском обличии. А потом колол, используя в этих случаях простое приспособлении – обмотанные ниткой одну или две иголки, предварительно обмакнув их в тушь. Делали все это, как правило, во время дежурства на камбузе.

Сразу же после «учебки» я попал в подчинение к одному офицеру – небольшого роста мужчине, с немецкой фамилией. Всё было бы ничего, но всякий раз, при заступлении на дежурство у меня случались проблемы – отказ той или иной аппаратуры.

По уставу все это не представляло большой проблемы, надо было просто вытащить неисправный блок, заменить его, но только не в нашем случае. Он начинал недовольно ворчать. Непременно называл меня «охламоном», говорил, что в Узбекистане все такие, короче, обижал. Потом заставлял принести схему, а это были достаточно габаритные вещи, и я, ползая на коленях, объяснял: откуда и куда идёт сигнал, и т. д. и т. п. Одним словом, это было форменное издевательство

Прошло буквально полгода, как вдруг объявили, что будет проходить первенство флота на звание «Лучший специалист». И вдруг от нашей службы он предложил меня. В результате, сам того не ожидая, я занял второе место, уступил лишь студенту четвертого курса института связи.

Уже потом я сообразил, что сделал со мной этот человек. Всякий раз, когда начиналось дежурство, он отключал

тот или иной блок, а моё ползание на коленях становилось очередным уроком по повышению профессионального мастерства.

По истечении времени, когда он хотел что-то проделать, я просто просил его включить ту ли иную аппаратуру или вставить предохранитель. Он, улыбаясь, с удовольствием делал это.

Впоследствии, мы подружились, и даже после окончания службы мы переписывались, особенно часто он писал мне во время своего развода с женой. Я понимал, что всё это очень тяжело. Старался помочь ему, как мог.

Но продолжу рассказ. Буквально через пару дней после моего триумфа ко мне подошел секретарь комсомольской организации и предложил подготовить материал для газеты «Боевая вахта» – печатного органа Краснознаменного тихоокеанского флота. Я спросил: «О чём писать?

– Ну, опишите, как проходил конкурс, – сказал он.

Что я и сделал, не полагаясь на успех, поскольку за плечами был неудачный опыт – «Пионерская правда».

В один из дней, зайдя в помещение, я увидел собравшихся у стенда, где обычно вывешивались газеты. И вдруг увидел свою статью, да ещё с фотографией.

Это была небольшая заметка, а автор фото был не кто иной, как секретарь комсомольский организации.

А вскоре я получил свой первый гонорар, он был немного больше моих 2 р. 80 коп. Но это были реальные деньги, которых мне не присылали, как некоторым, из дома, и которые я мог использовать в буфете.

Потом подобная просьба повторилась.

– А о чём писать? – вновь спросил я. – Ведь нет никакого события.

– А вы про службу напишите, про товарищей.

Так я стал внешкором. Писал о красоте Дальнего Востока, Владивостоке; Камчатке, где приходилось бывать.

Перед окончанием службы мне сообщили: если я хочу и дальше двигаться в данном направление, редакция газеты готова дать мне рекомендацию для поступления на факультет журналистики. Чем я и воспользовался.

О своём поступлении хотел бы рассказать подробнее.

Я поступал в тот год, когда в стране ввели творческий конкурс для поступления на факультет журналистики. Это было новшество. Нас, абитуриентов, просто пригласили на определённое время, и в нашем присутствии разорвали привезенный из Минвуза Республики конверт, в котором было три варианта сочинения. Я выбрал свободную тему.

Потом было собеседование. Он было достаточно продолжительным для каждого абитуриента. Необходимо было предоставить публикации, показать свои познания в области журналистики, свой кругозор.

В ходе его проведения я познакомился с А. И. Алякринской, сыгравшей немаловажную роль в моей жизни.

Ответы мои были куцы, поскольку я ничего не читал ни о журналистах-международниках, ни о видах публикаций и т.д., одним словом, «поплыл». Видя это, она задала мне сакраментальный вопрос: «Зачем я собрался поступать на факультет журналистики»? Я ей честно ответил, что хочу научиться писать.

– Вы что-то уже пишете?– спросила она

– Да, – ответил я.

– И что же?

– Стихи.

– А прочитать что-нибудь можете?

– С удовольствием.

И я начал читать ей стихотворение про море. Оно было длинным.

Она все выслушала, а потом, внимательно посмотрев на меня, сказала: «Сделайте, пожалуйста, библиотеку своим родным домом. Это моя личная просьба к вам».

Я понял, что прошёл творческий конкурс. Потом были экзамены. Просьбу её, я, конечно, запомнил. Несмотря на большой объём информации, который мы получали во время учёбы, и отсутствие свободного времени, я всё же следовал её совету.

Как-то, уже на четвёртом курсе, она предложила мне поучаствовать на студенческой научной конференции по проблемам журналистики, которая проходила в Ленинграде.

– А что я должен сделать? – спросил я

– Подготовить доклад, но чтоб он был обстоятельный, времени для этого у вас достаточно, – сказала она. И добавила: – Поскольку придется выступать перед большой аудиторией, да и иностранные студенты тоже будут присутствовать, уж постарайтесь.

И, я, образно говоря, засучив рукава, взялся за работу. Через какой-то промежуток времени я подготовил труд в сто с лишним страниц. Это была почти дипломная работа. Я сообщил ей, что все готово.

– Тогда подходите к нам домой, мы с мужем с удовольствием вас примем, – сказала она.

С её мужем, Андреем Парфентьевичем, мы были уже не только знакомы, но и успели подружиться. Он занимался историей флота, а ещё очень хорошо писал картины. Когда я их увидел впервые, я подумал, что это работы Айвазовского.

Преподавал он литературу народов СССР. Мы часто встречались с ним в холле университета. Порой, он, даже не поздоровавшись, сообщал, что нашел ещё одну затонувшую во время войны немецкую подводную лодку. И начинал всё подробно рассказывать. Год спуска на воду. Водоизмещение. Численность личного состава. Место её гибели.

В назначенный час я явился. Она не стала просматривать мой доклад, а просто сказала: «Посмотрите нашу библиотеку, там есть новые книги, возможно, что-то найдете и для себя». И ушла в другую комнату. Весь вечер я провел в домашней библиотеке.

Доработал доклад. Страниц было уже больше чем предостаточно. Я ей сообщил, что всё готово.

– Тогда прочтите все ещё раз, – сказала она, – и сократите вдвое.

Я недоуменно посмотрел на неё.

– А что вы так на меня смотрите, – произнесла она. – Вы же сами прекрасно понимаете, что никто вас столько времени слушать не будет.

Проделав эту работу, я вновь представил доклад на «суд божий». Она взяла, а через пару дней вернула со словами: «Отнесись к моей просьбе более добросовестно. Много воды».

И я снова взялся за работу. От моего доклада осталась практически одна треть.

Потом она вновь пригласила меня домой. И заставила читать вслух каждое предложение. Прочитав, она спрашивала: «Какие слова лишние? И что можно убрать, не нарушая смысла изложенного?» Я говорил и убирал. В результате, осталось всего лишь четыре с половиной странички. С ними-то я и поехал на конференцию.

Я выступал всего несколько минут, практически не заглядывая в бумаги, а отвечал на вопросы довольно долго, поскольку едва заканчивал, поднималась ещё чья-то рука. И я знал, что говорить.

Её урок я запомнил на всю жизнь.

Результаты не заставили себя долго ждать, я вернулся домой с победой.

Потом он стала моим руководителем дипломной работы, а перед самой защитой со словами: «Вы без меня обойдетесь», – уехала в командировку.

Защитился я успешно.

Так уж получилось, что после окончания университета мы практически не виделись. Прошёл слух, что она покинула гостеприимный Узбекистан, и благополучно устроилась в Питере, который она очень любила.

Я пытался её отыскать, находясь в Санкт-Петербурге, но всё было безуспешно.

В прошлом году в интернете я обнаружил информацию о картинах её покойного мужа, там была и сноска на личные данные. Оказалось, что она по-прежнему живет в том же городе, что и я.

Я позвонил, а потом мы встретились. Говорили очень и очень долго. Я ей напомнил всё это. Она только загадочно улыбнулась. А сейчас мы с ней в контакте.

Вспоминаются слова ныне покойного профессора факультета журналистики Т. Э. Эрназарова, которые он произнёс на самом первом занятии.

– Вы должны быть на голову выше любого студента, – сказал он. Это не говорит о том, что вы поступили на столь престижный факультет, а о том, что вы должны быть особенно образованными.

Поток информации был очень большой. Мы одновременно изучали историю русской и зарубежной литературы, с самых первых источников и до сегодняшних дней, с обязательным прочтением авторов. Здесь же рядом шла история узбекской литературы; история русской журналистики; коммунистическая и рабочая печать зарубежных стран.

К этому стоит добавить философию, политэкономию, социологию, иностранный язык, теорию перевода; различ-

ные специальные предметы: теле- и радиожурналистика, газетное дело, фотодело.

Несмотря на всё это, я вёл факультетскую учебную газету, публиковался в университетской многотиражке, а также сотрудничал с республиканскими газетами, поскольку у нас были такие предметы, на сдачу которых студенты не допускались, если не имели публикаций.

На период сессий старался устроиться в студенческий профилакторий, чтобы было больше времени для подготовки, придумывая различного рода болезни. Доходило то того, что все произведения перепутывались в голове, а вслед за этим наступала и физическая слабость. Порой я с трудом поднимался на третий этаж.

На летнюю практику я, как правило, выезжал в области, а также за пределы Республики. Посещал промышленные предприятия, опускался в шахты, поднимался высоко в горы; на реках и озёрах ловил браконьеров.

Хотелось бы остановиться и на таком моменте, как участие в ИнтерССО, куда отбирали лучших студентов (в простые стройотряды студентам нашего факультета не разрешалось ездить).

Я оказался в одном из них. По приезде в ГДР нас отправили работать на угольный карьер. В задачу входило очищать лопатами пути от проходящих по ним составов с углём.

Жили в палаточном городке, на свежем воздухе. Вставали очень рано. В шесть часов утра мы уже должны были быть на работе, которая заканчивалась в обед. По окончании мы мылись в душе, пили обязательное молоко, обедали и отбывали в свой городок.

После обеда было свободное время, а вечером – культурная программа, в которой принимали участие не только

наши немецкие коллеги, но и студенты других стран, работавшие по соседству с нашим объектом.

Здесь я впервые увидел реального живого фашиста. Мало того, что увидел, он стал ещё и руководителем нашей группы. Не знаю, почему, но он через короткий промежуток времени взял меня в помощники.

Работа была не пыльная, но ответственная, необходимо было расчищать маленькой лопаточкой участки вокруг той или иной железнодорожной стрелки, которые передвигались автоматически. Определил он для меня и должность, дав ей громкое название «Гроссмастер».

Объяснялись мы с ним только знаками. Иногда он сыпал русскими словечками: водка, сало, баба. Как потом оказалось, в боевых действиях он не участвовал, поскольку по прибытию на фронт сразу же попал в плен, где и научился всем русским словам.

Но от него шла хорошая энергия, и мы подружились. Уже перед отъездом, он пришел попрощаться. Приехал на своем маленьком «Трабанте», в костюме, белой рубашке и галстуке. На прощание мы выпили с ним по стакану водки за дружбу.

Здесь же хочу остановиться ещё на одном факте. Както на вечеринке, за столом, напротив меня, расположился мужчина. Начали общаться. В основном, общался мой товарищ, сидящий рядом со мной, поскольку владел немецким языком.

Потом мужчина обратился ко мне, поинтересовался какую специальность я осваиваю в университете, я сказал, что изучаю журналистику.

– Это очень интересно, – произнёс он. И добавил, что журналист должен много знать, и много видеть. И он готов мне в этом помочь. Для этого он даст мне свою машину, с водителем, чтобы я лучше узнал Германию.

Был хороший вечер, мы пили пиво, танцевали. И, честно говоря, я не придал этому значения.

Прошло дня два, и во двор палаточного городка въехала «Шкода», из нее вышел мужчина, который стал разыскивать меня. А найдя, передал мне записку. Я тут же её перевел.

В записке мой новый знакомый просил извинить за то, что немного задержался с ответом. Сообщал также, что свою служебную «Волгу» он не может мне предоставить, поэтому предлагал использовать его личную «Шкоду», а также воспользоваться услугами водителя – его товарища, который немного говорит по-английски.

И у меня началась, на зависть всем, новая жизнь. Каждый день я отправлялся в какой-нибудь город. Мы посещали достопримечательности, музеи, соборы; посетил я и концлагерь «Бухенвальд». А по возращении я готовил информацию и публиковал её в небольшой газетёнке.

В конце всего этого, он пригласил меня на предприятие, где работал. Этим предприятием оказался наш угольный бассейн. Мы пообедали в простой рабочей столовой, посмотрели само здание, а затем спустились в актовый зал. И я удивился. В нём было много народа.

Мы поднялись на сцену. Мой сопровождающий оказался руководителем этого предприятия. Он просто представил меня. Сказал, что я студент, из Советского союза, изучаю журналистику. И я готов рассказать о чудесной стране под названием СССР, а также ответить на все вопросы собравшихся.

Беседа продолжалась два с лишним часа. Я рассказывал про СССР, Узбекистан, отвечал на массу вопросов.

Встреча была прекрасной потому, что в ней участвовали простые люди, а их вопросы были искренними.

В один из студенческих дней Судьба свела меня с пожилым мужчиной. Он был скромный с виду, но, как ока-

залось, с большими возможностями – он являлся одним из руководителей Центрального совета по туризму и экскурсиям в Узбекистане. И он попросил меня ему помочь.

Помощь была взаимовыгодной. Поскольку был сезон отпусков, и рабочих рук не хватало, он попросил меня возглавить группу туристов, доставить её к месту назначения, организовать для них хороший отдых, а потом возвратить их домой без каких-либо эксцессов. При этом мне ещё выплатят и денежное пособие. Я, конечно, согласился. И это вскоре стало не только моим заработком, но одним из каналов познания окружающего мира, и, как следствие, словесности.

Встреча наша начиналась обычно так.

– Ну-с, молодой человек, где вы ещё не были, – говорил он, доставая свою тетрадочку.

Я называл места, где я когда-то бывал.

– А в Прибалтику вы не хотите?

– Ну кто же не хочет в Прибалтику. Конечно, хочу.

– Тогда готовьтесь.

В назначенное время я появлялся в аэропорту, меня представляли как руководителя группы, передавали паспорта, билеты, талоны на питание.

По прибытии в пункт назначения я устраивал всех в гостиницу, в двух- или трёхместные номера по их желанию, подбирал старосту – бывшего военного или крикливую тётечку, которым передавал талоны на питание и просил следить за порядком.

Для осуществления всего этого старался сдать все экзамены экстерном, чтобы увеличить сроки каникул.

Благодаря его содействию я посетил практически все союзные республики, не говоря уже о матушке-России.

В студенческие годы я успевал везде: и посмотреть новые фильмы, и побывать на концертах бардов; поучаство-

вать в работе различных научных студенческих кружков, собственного литературного кружка; посетить спортзал; освоить стилистику написания партийных и комсомольских документов, поскольку был членом партийного бюро, членом комитета комсомола; выехать на сбор хлопка, а в период непогоды возглавить бригаду имени Павки Корчагина, собирающую последние коробочки «белого золота; а ещё надо было зарабатывать на жизнь, поскольку стипендии не хватало; к тому же необходимо было помогать младшим братьям, поскольку не стало родителей.

Несмотря на полученный «красный» диплом, работу начал в многотиражной газете, на промышленном предприятии, одновременно работал с многотиражной газете. Вёл литературный кружок.

Спустя какое-то время получил приглашение на работу в Республиканскую газету «Правда Востока» – старейший печатный орган Узбекистана, которая дала мне прекрасную школу познания русской словесности, поскольку в ней по тем временам работали очень хорошие специалисты, по-настоящему мастера своего дела.

С её позиций проходил стажировку в одной из ведущих американских газет, которая также дала мне возможность практически досконально изучить эту страну, её народ, увидеть то, о чем замалчивали местные СМИ.

На этом также хотелось бы остановиться подробнее.

Это случилось накануне развала Союза.

В один из дней меня вызвал редактор, и сообщил, что в Ташкент пребывает солидная делегация, в состав которой входят члены Конгресса, высокопоставленные чиновники, представители деловых кругов США. Необходимо подготовить материал, который бы «прозвучал» на весь Союз.

На следующий день я уже был в фойе гостиницы «Узбекистан», где остановилась делегация, а оттуда автобусом прибыли в нынешний парк «Дружбы», на место закладки парка «Сиэтл».

Вечером в тогдашнем Доме дружбы состоялся приём, на котором присутствовали некоторые члены правительства Республики, представители творческой интеллигенции Узбекистана.

На следующий день состоялась экскурсия по городу, в ходе которой я познакомился с прибывшими американцами, а с наиболее значимыми и интересными договорился по поводу интервью, что и сделал на следующий день. Одним словом, обычная редакционная рутина.

Во время экскурсии, а точнее, посещения выставки молодых художников, я случайно познакомился с одним из американцев, пожилым человеком, который внимательно разглядывал работы. Причём взгляд его не был похож на взгляд обывателя. Этим он и привлёк мое внимание.

Поскольку по тем временам я очень интересовался живописью и сам немного рисовал, то завязал разговор на эту тему. Он оказался не только любознательным, но и человеком, хорошо разбирающимся в вопросе. Он поинтересовался, не профессиональный ли я художник, а получив отрицательный ответ, спросил, что я здесь делаю. Пришлось представиться. Он сказал, что он тоже представляет интересы одной из американских газет.

Так незаметно для нас обоих разговор перешёл на профессиональную тему: как у них и что у нас. Беседа продолжалась довольно долго. Продолжилась она и вечером, во время небольшого застолья.

Перед отъездом он мне сказал: «Вы много интересного и поучительного рассказали мне как коллеге. Я бы хо-

тел продолжить наши деловые отношения, в том числе, и в Америке».

– Вы знаете, – пояснил он. – У нас модными стали сейчас деловые обмены. А что, если я вас приглашу на Игры доброй воли. Не как простого гостя, а как представителя узбекских СМИ. Получите аккредитацию, посмотрите международные соревнования, увидите свой любимый вид спорта – академическую греблю, поживете в американской семье. У нас это тоже стало модным. Предоставите хорошую информацию для своей газеты, подготовите материалы для нашего печатного органа, думаю, это будет интересно: «Америка глазами русского журналиста». А главное – увидите Америку. Подумайте, а я вам пришлю приглашение к моменту начала Игр доброй воли.

Во время сдачи материала я доложил редактору суть нашего разговора.

– Мечтать не вредно, – заявил он; и, махнув рукой, добавил: «Помечтай, если так хочется», – и засмеялся.

Прошло достаточно много времени. В один из дней раздался телефонный звонок, звонили из США, просили дать номер факса для отправки документа.

Надо заметить, что факс в учреждениях Республики на тот момент был большой редкостью. Пришлось немного солгать, что аппарат не работает, а если его не починят, я сообщу номер другого. Просил перезвонить. А сам, используя все свои связи, срочно занялся поиском факса. Нашел его только в тогдашнем «Инторге», договорился.

На следующий день я получил документ. Это было приглашение посетить США и принять участие в освещении Игр доброй воли, где было также сказано, что все расходы по пребыванию американская сторона берёт на себя, за исключением расходов на билеты.

Билет в США по тем временам стоил достаточно дорого – 2000 долларов США, к тому же таких денег, тем более в валюте, редакция просто не имела.

«Ответным шагом данного мероприятия, – говорилось в документе, – будет приезд американского журналиста в Узбекистан, на тех же условиях».

По этой причине было трудно отказать со ссылкой на какие-либо обстоятельства, а, поскольку мероприятие уже носило политический характер, пришлось редактору обращаться в ЦК партии, печатным органом которого была наша газета.

Там тоже долго решался вопрос, были и свои нюансы, на которых не хочется заострять внимание. Скажу одно – господин Случай все поставил на свои места.

Вскоре я получил служебный паспорт в отделении МИДа, а потом выехал в Москву для получения визы, где провёл несколько дней, стоя в очередях, в ожидании приглашения на интервью.

Перелёт был долгим. Было душно, шумно, звучала речь на нескольких языках, пахло табаком, плакали маленькие дети.

По приезде я был представлен коллективу редакции, а потом мы поехали в пункт аккредитации, где я прошел все формальности. Странное неудобство: меня заставили улыбаться при фотографировании, что далось мне нелегко – ведь фото делалось на документ.

А потом я своими глазами увидел, как работает Пресс-центр международного уровня. Всё было в диковинку, и многое непонятно.

Надо сказать, что с первых дней пребывания в Америке я чувствовал себя дикарём, попавшим на другую планету. Поражало и удивляло всё: и обилие машин самых различных марок; и наполненные прилавки магазинов; и компьютеры, на которых можно было просто работать, совершен-

но не переживая за сделанную ошибку, а ещё можно было, не сходя с рабочего места, отправлять материалы кому-то другому, или просто рисовать.

Я не говорю уже о возможностях телевидения, мобильном телефоне, микроволновке или стиральной машине, куда можно было бросать бельё, не сортируя его предварительно по цвету, и вытаскивать совершенно сухим. Сейчас всё это звучит смешно, но всё это было так.

В редакцию отправлять материалы не было никакой возможности, но я делал вид, что отправляю, посещая различные мероприятия.

Игры доброй воли вскоре подошли к концу, и все стали разъезжаться. Я попрощался со всеми, с кем успел познакомиться, в первую очередь, со сборной Советского союза.

После окончания соревнований В. Фассио, а он оказался владельцем газеты, пригласил меня к себе в кабинет. Поинтересовавшись всем, он сказал: «Своё обещание я выполнил, и вы можете ехать домой, но у меня к вам есть деловое предложение. Хочу, чтобы вы остались и немного поработали в редакции, и я даже готов платить вам зарплату».

Узнав о размере моей зарплаты, а она по тем временам составляла мизер, он произнес: «Вы столько же будете получать и у меня, но не раз в месяц, а каждую неделю и без всяких вычетов, как любят делать у вас. Ну, как вы на это смотрите?» Радости моей не было конца.

А затем начались мои редакционные будни. О них разговор отдельный. Я выполнял редакционные задания, а параллельно готовил материалы о Советском союзе, Узбекистане.

Надо отметить, я сильно отличался от своих американских коллег. В первую очередь, разница была в подходах подготовки материалов и журналистских приёмах, поскольку у каждого была своя школа журналистики.

Западная школа, как правило, обучала только фиксировать события, всё остальное – отдавалось на восприятие читателя. Наша же, напротив, учила анализировать происходящее, оценивать, и, как следствие, высказывать своё мнение.

Это сразу же привлекло внимание. В газету стали приходить письма, которых отродясь не было. Одним словом, началась коммуникация между газетой и читателем. Люди хотели больше знать о СССР, его культуре, традициях.

Как-то мой коллега пригласил меня в гости к своему знакомому, хотя американцы, как и другие иностранцы, не приглашают незнакомого человека к себе в дом, предпочитая проводить встречи, а то и мероприятия, в других уютных местах – кафе, ресторанах. Я согласился.

Уже придя в дом, я увидел достаточно много народа.

– По какому случаю все собрались? – спросил я своего попутчика. – Что это – день рождения? Тогда почему ты мне ничего не сказал про подарок? Как-то неудобно приходить в дом с пустыми руками, – посетовал я.

– Нет, – ответил он. – Если честно, все хотят посмотреть на русского.

В правоте его слов я убедился спустя некоторое время. Мы пили, ели, я произнес тост. В какой-то момент ко мне подошли две женщины. Они о чем-то говорили между собой, потом одна из них потрогала мои волосы, затем свои, и произнесла удивительную фразу: «Мэри, знаешь, а у него такие же волосы, как у нас». И это был Сиэтл.

Многие из бывших граждан Союза звонили в редакцию, приглашали в гости, объясняя это тем, что холодильник полон, а выпить и поболтать по душам не с кем.

В подтверждении сказанного приведу ещё один пример. Однажды мы были на уик-энде, на яхте, в океане. Пили, много болтали (американцы этим грешат); а где-то, в уголочке, молча, сидел один человек.

Он долго и упорно смотрел на меня, а потом подошел и прямо спросил, не русский, ли я случайно?

– Да, я русский, – ответил я.

– Ну, слава Богу. Представляешь, приехал по делам, хотел устроиться в гостиницу, а меня поселили к каким-то «баптистам». Они мне сразу не понравились. Я начал отказываться, а они ни в какую. Я сказал им, что не знаю английского языка, а они: «Ноу проблем».

– Я пью и курю, – говорю я им, а они: «Ноу проблем».

– Я лунатик. По ночам встаю, а они: «Ноу проблем».

Короче, не живу, а мучаюсь. Правда, чуть-чуть осталось находиться в этой стране.

Мы с ним провели почти весь день. Уже когда подходила к берегу, он неожиданно обратился ко мне с просьбой.

– Слушай, ты чирикаешь по-ихнему, договорись, чтобы нас вдвоем, хотя бы на пару дней, оставили на яхте. В Союзе я не маленький человек, у меня при себе есть деньги: доллары, марки, фунты. Мы сходим с тобой в магазин, возьмем водочки, какие хочешь продукты; пожарим картошечку с мясом; выпьем хорошенько, закусим, и начнём болтать. Ты даже не представляешь, сколько я знаю анекдотов.

Мне было до глубины души жаль этого человека.

В тоже время я, в свою очередь, был шокирован тем, как сотрудники редакции, уже тогда, совершенно свободно рассуждали о том, кто придет к власти в случае развала Союза. Называли Ельцина, говоря, что срок его пребывания будет недолгим, затем наступит пора Горбачёва. При этом художники редакции мышкой на экране компьютера рисовали карикатуры на этих людей.

По приезде я вначале проживал у очень состоятельных людей: писателей, ученых, бизнесменов, представителей искусства.

Как-то в одном из разговоров мои новоиспеченные коллеги заявили, что проживание у таких людей – это только одна сторона медали познания Америки, но есть ещё и её обратная сторона.

И я попросил В. Фассио, чтобы он селил меня к людям попроще, и он мою просьбу удовлетворил. Я становился постояльцем то четы пенсионеров, то одинокого инженера; или проживал в семьях своих коллег.

В этой связи мне запомнился один эпизод. В дом, куда меня привёз мой партнёр по перу, нас встретила его жена и его дочка – девочка лет четырёх-пяти. Это был настоящий крепыш, с копной светлых волос и большими голубыми глазами. Звали её Натали.

Подождав пока закончится диалог между мной и родителями, она вдруг устроила мне настоящий допрос.

– Ты откуда пришёл? – спросила она. Не зная, как ответить, я сказал ей, что издалека.

– Это дальше, чем Питтсбург?

– Чуть-чуть, – соврал я.

– А зачем пришёл?

– Буду с папой вместе работать.

– А жить будешь у нас?

– Да, конечно, – и поглядев на неё, добавил: «А с тобой буду дружить».

Она понимающе закивала головой, и губы её расплылись в широкой улыбке; а затем, повернувшись, она победоносным взглядом окинула своих родителей.

– Мы сами из Питтсбурга, – пояснили родители. – Там она и родилась.

Сошлись мы с ней быстро. Буквально через неделю она по утрам влетала в мою комнату, присаживалась на край кровати, и начинала рассказывать, что ей приснилось но-

чью. А я, как заворожённый, слушал английский язык, лившийся из уст этого ребенка.

А однажды, сделав паузу, она вдруг спросила:

– Ты можешь рассказывать сказки?

– Да, конечно, – ответил я. И начал рассказывать ей первую пришедшую на ум русскую народную сказку. Она молча слушала, а потом сказала: «Спасибо», – и ушла.

Так повторялось несколько раз. Она или молча уходила, или просила вместе с ней попрыгать с кровати на кусок пузырчатой полиэтиленовой пленки, который она всяческий, раз расстилала, заходя в комнату. От прыжка, тем более с кровати, пузырьки лопались, а она громко смеялась. Такое вот незатейливое увлечение.

Понял я другое. Многое в этих сказках ей было непонятно. Поэтому я решил пойти по иному пути, чтобы удовлетворить её просьбу. Я просил её, о чем или про что она хочет услышать сказку. Она называла первый попавшийся на глаза предмет; или готовила свое желание заранее, а я, экспромтом, импровизируя, начинал рассказывать сказку. Про лампочку, холодильник, ковёр, стиральную машину. Все было бы хорошо, если бы за окном не было пяти часов утра.

Надо заметить, что порой я ей вдруг делал встречное предложение, со словами: «А хочешь, я тебе расскажу сказку про…». Она, не чувствуя подвоха, соглашалась.

И я начинал рассказывать ей русские сказки, но в удобном для её понимания виде. Ей это понравилось. Иногда она просила повторить ту и или иную сказку, что я с большим удовольствием делал.

В один из дней я сказал ей, как ее зовут по-русски. Само звучание имени ей понравилось, к тому же оно было созвучно со словом «Раша».

– Наташа – Раша. Раша – Наташа, словно считалку или скороговорку, смеясь, – повторяла она.

Как-то её отец, который звал ее просто «Хани» (Honey), обратился к ней с каким-то вопросом.

Она вдруг произнесла:

– Меня зовут ие Хани, а Наташа. Поэтому называй меня всегда только этим именем.

Родители были в шоке.

По окончании моего проживания она вдруг заявила, что уезжает вместе со мной.

– Куда? – смеясь, поинтересовались родители.

– В Россию.

– Но там же холодно, да и медведи там, – с угрожающей ноткой в голосе заявили родители.

– У дяди Виктора тёплый дом, а медведей я не боюсь. Они очень добрые и дружат с девочками. Одну такую девочку зовут Маша.

Надо заметить, что В. Фассио был достаточно мудрым человеком, поскольку давал мне возможность изучать Америку во всех её проявлениях.

Помимо работы, я посещал массу всевозможных мероприятий: спортивных, культурных; выезжал на пикники; путешествовал на яхтах больших и малых; а выдавая зарплату, он, как правило, клал на стол два конверта: в одном была моя зарплата, а в другом – гонорар кому-то за правку моего редакционного текста, при этом он говорил: «Это тоже твоё, стремись к этому».

В один из дней он пригласил меня к себе домой: приехали мы к нему на его собственном «Кадиллаке». Красивое место, хороший дом, со вкусом обставленный, и наполненный различными сувенирами.

– Я люблю путешествовать, а посещая места, покупаю что-нибудь на память, – пояснил он.

Мы хорошо пообедали, распили бутылку прекрасного итальянского вина, а потом вышли на задний двор, прогу-

ляться в ожидании яблочного пирога (знак особого уважения к гостю). Он попросил меня надеть болоньевую куртку.

– Так нет же дождя, – воспротивился я.

– А ты надень, пригодится.

Когда мы пересекли двор, я понял к чему все это, он сказал. К берегу были пришвартованы две яхты: одна большая, другая маленькая.

– Пойдем на малой, – пояснил он, – пирог печется быстро.

Мы вышли в море. Отсутствовали около часа. За это время хозяйка приготовила обещанный пирог.

За чаем В. Фассио рассказал о себе, своей семье. Сам он, и его рассказ – образец американской мечты. Приехал в США из Италии, с пятью долларами в кармане; поселился в Чикаго, многое что перепробовал, и вот стал владельцем одной из крупнейших газет Америки.

Я не думаю, что это была пропаганда западного образа жизни, но и не исключаю.

Перед отъездом мы ещё раз посидели за бутылочкой вина, поговорили. Он подтвердил слова своих сотрудников относительно Союза, и они оказались правдой.

Мои статьи по возращении домой были настолько контрастными на фоне пустующих прилавков и длинных очередей, талонов на товары первой необходимости, что я надолго отложил эту идею, а потом и вовсе усомнился в целесообразности публикации данных материалов.

Прошло более тридцати лет с лишним лет. Многое изменилось, исчезло с лица земли. Нет в живых В. Фассио, закрыта газета, продано здание самой редакции. Изменились люди, их психология, изменилась сама Америка. Но я благодарен Судьбе, что она ещё раз дала возможность обогатить мою словесность.

Великий математик Блез Паскаль, как-то заметил, что «Случай – это псевдоним, под которым Бог действует в мире».

В один из редакционных дней я познакомился с еще одним интересным человеком – А. В. Станишевским, одним из величайших специалистов по Востоку.

Предлогом для знакомства стал небольшой материал на историческую тему. Были кое-какие сомнения относительно некоторых фактов, полученных во время его подготовки. Коллеги посоветовали мне обратиться к нему, дескать, человек знающий, поможет, если что. Дали адрес, телефон. Я позвонил.

– Подъезжайте, пожалуйста, в удобное для вас время. Одним словом, сама любезность. Так я оказался в его квартире. Едва переступив порог, был удивлён. Меня встречал сам граф Толстой, таково было внешнее сходство, особенно его борода. Мы познакомились, я передал ему свою работу, попросил посмотреть.

– Хорошо, – сказал он. – Подходите через пару дней.

Через пару дней мы встретились вновь. Он достал из стола мое творение.

– В общем, неплохо, – сказал он. – Но есть небольшие замечания. Не очень вы убедительно описывает погоню, если сказать, точнее, само состояние преследующего, вернее, его дыхание.

– Ну, жарко. Палящее солнце, пересохло во рту, – произнёс я.

– Согласен, – сказал он. – Но я дам вам хороший совет: придите домой, включите духовку, пусть она хорошенько прогреется, а потом откройте её, и близко наклонившись, подышите, и вы поймете, что я хотел сказать. Потом сядьте и опишите свои ощущения. Второй момент: вы пишете, что за ночь отряд прошел в горах на

лошадях сорок с лишним километров, вы сами-то верите в это? – спросил он.

– Мне так рассказали, причём люди солидные, в возрасте.

Он поднялся со стула, взял указку, и подошел к видавшей виды карте на стене.

– Вот это Памир. – Он очертил указкой место. – Вот здесь место, которое вы описываете, а вот – конечный пункт назначения. Между ними не только нет какой-либо дороги, горной тропинки даже нет.

Я смущённо опустил голову.

– А вы не смущайтесь: чем старше становиться человек, тем больше он врёт. Грубо, но, правда. Ну, это на будущее.

Материал, я конечно, переделал.

Затем навестил его вновь, поблагодарил за помощь, потом ещё и ещё. Он тоже стал меня приглашать. Заходил я, как правило, на полчасика. А просиживал часа по четыре. Меня поражало, насколько велик был его кругозор, насколько сильна была его память. Каждый случай из жизни он помнил да мельчайших подробностей: год, месяц, день, время, место, с описанием подробностей вокруг. Складывалось такое впечатление, что это было только вчера.

Я, было, начал благодарить его за то, что так подолгу засиживаюсь у него.

– А вы меня не благодарите, – сказал он, – я от вас тоже многое получаю. Вам пока этого не понять.

Как-то он мне задал вопрос: «Не хочу ли я заняться наукой»?

– Вначале хотел, и мне даже предлагали, сейчас пока не думаю.

– А то вот, – шутливо произнес он, открывая дверцу большого письменного стола. «Здесь, – указал он на пап-

ки, кандидатские, а здесь – докторские. Берите, что хотите, и идите защищаться.

Вскоре я стал помогать ему в его литературной и научной работе, поскольку он практически ослеп.

Потом нашлись ходы-выходы в клинику академика С. Н. Федорова, его прооперировали, но, к сожалению, удалось вернуть зрение только одного глаза. Но и это для него было большой радостью.

И, тем, не менее, мы продолжали сотрудничать до момента его кончины.

О себе он практически ничего не рассказывал. Я только узнал, что он знает порядка полтора десятка языков, причем очень далёких друг от друга. К примеру, арабский и китайский, и т.д.

Уже потом, после его смерти мне рассказали, что он – самый настоящий дервиш, большой специалист по тибетской йоге, благодаря которой не раз спасал сам себя от смерти; будучи совершенным калекой, не только поднимался на ноги, но и становился полноценным человеком, работал.

Практически пешком обошёл весь Памир. А ещё он был сотрудником корпункта газеты «Правда»; членом Союза писателей СССР, публиковался под псевдонимом «Азиз Ниалло».

Вот такой он был человек-легенда, подготовивший ни один десяток специалистов по Востоку.

От него я получил многое. Поэтому, и по сей день, его изображение у меня за стеклом письменного шкафа.

Время летит незаметно. Канули в Лету многие мои учителя и наставники, ушли из жизни родители, родные и близкие, друзья, оставив в памяти неизгладимый след.

После развала Союза я был пресс-секретарем Министерства внешних экономически связей, работал с пред-

ставителями западных средств информации, которые посещали Узбекистан. Разные это были журналисты. Одни старались понять, другие очернить. Приходилось подолгу общаться.

В стенах министерства создал еженедельник на трех языках: на узбекском, русском и английском. Выпускал бюллетени, бизнес-гайды, готовил материалы для западных СМИ.

Потом появилось рекламное агентство, другие коммерческие структуры, ну и так далее.

За этот период посетил много зарубежных стран, общался со многими людьми различного уровня. Поэтому появилось желание поделиться своими опытами познания словесности, и, тем самым, возможно, как-то расширить само понятие этого слова.

Словесность, как мне кажется, в первую очередь, зависит от мощи государства. Вспомните, почему так много внимания уделялось латинскому, греческому, итальянскому, французскому языкам? Потому что это были империи.

Господство английской словесности – тоже не случайность. Это Англия, с её обширными колониальными владениями; это Америка, правдами и неправдами ставшая супердержавой. Их совместные усилия заставили многие страны отодвинуть свою словесность на второй план, найти время и возможности, чтобы изучить чужой язык, а вмести с ним, и все остальное. И это продолжается по сей день.

Советский Союз тоже был супердержавой, поэтому уважали и почитали русский язык.

Сейчас сильно возрос интерес к изучению китайского языка, потому что появился могущественный Китай.

Убеждён, если не будет мощного государства во всех отношениях, к русской словесности не будут относиться, как

прежде. Мы прекрасно видим, как на окраинах бывшего Союза постепенно чахнет русская словесность, да и в мире тоже, особенно сейчас.

Но самое главное – это духовность народа. Она должна впитываться с молоком матери, с каждой ступеньки роста и взросления ребёнка. А это возможно, если над этой проблемой будут работать все вместе: бабушки и дедушки, родители, воспитательницы детсада, школьные учителя, педагоги высшей школы, тренеры спортивных секций, церковь, командиры воинских частей.

Если каждый из них будет делать свою работу честно, обращаться с каждым, как со своим дитём; образно говоря, принимать участие в огранке, в итоге вырастет хороший и полезный обществу человек.

Но это возможно только в том случае, если руководство страны посмотрит на всё это по-новому, возродит утерянные качества, присущие русскому человеку.

И подходить к русской словесности надо не как фольклору в устной и письменной форме, а всеобще, в целом.

Надо хорошенько почистить русский язык, придав ему ту чистоту и мелодичность, что была ранее, а не делать из него винегрет. Я не случайно в самом начале привел стилистику написания девятнадцатого века.

Первой ласточкой, на мой взгляд, явилось недавнее принятие Закона о недопустимости использования иностранных слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского языка.

Надо создать такую систему, чтобы школьник и студент шел на экзамен, как на «суд божий», начисто исключив такое понятие, как «экзаменационный билет». В старые добрые времена это было собеседование по всему пройденному курсу.

Ещё более вредная вещь – это написание курсовой, реферата, дипломной и научной работы. Здесь все зависит от

кармана. Заказ выполняется точно и в срок, причем, зачастую, без плагиата. Все прекрасно знают об этом, но молчат, в первую очередь, педагоги, поскольку сами, порой, являются исполнителями данных трудов.

«Золотой телец» правит балом везде: в образовании, науке, спорте, на государственной службе, в культовых учреждениях. А надо, чтобы он не правил.

Я бы также хотел добавить, что русская словесность, не может и не должна вариться только в собственном соку, она должна обогащаться, впитывая живительную влагу окружающего ее мира, в большом понимании этого слова.

И я благодарен Судьбе за то, что она показала мне Жизнь во всем ее проявлении. Оказала влияние на выбор профессии, тем самым определив мое предназначение. Создавала мне условия, посылала Учителей, чтобы я лучше понял русскую словесность, поскольку она зависит от самого бытия русского народа, а он, в свою очередь, от того, насколько долго она будет жива.

И последнее. Воочию я видел Ташлу более сорока лет назад. Сейчас я нередко наблюдаю за ней, глядя на экран монитора. Те же самые зеленые рощи, те же бескрайние луга, те же горы, покрытые вековыми дубами, но само село, названное «Оренбургской Швейцарией», за многообразие ландшафтов и обилие зелени, практически исчезло с лица земли.

И мне бы не хотелось, чтобы подобное произошло и с русской словесностью.

Светлана Рябинина

Киров, Россия

Светлана Игоревна родилась в 1973 г. В связи с переводами отца за время учебы поменяла несколько школ и жила почти во всех республиках Советского Союза. Первая самостоятельная книга вышла в 2017 году. Папа – Игорь Иванович Борисов, поэт, имеет несколько авторских сайтов в интернете. Псевдоним – Дед Пахом. Это он – наш вдохновитель домашних литературных и творческих вечеров! Мама посвятила всю себя нам – своим детям. Подрабатывать начала с 12 лет сначала на телятнике затем дояркой неоднократно имела призовые места в конкурсах машинного доения и школьных олимпиадах. Взрослую трудовую деятельность начала геофизиком-интерпретатором. С закрытием экспедиции переехали на новое место жительства, работала в школе, затем – в пекарне инженер по ППБ, ОТ всего предприятия, главный энергетик и мастер-технолог.

Член-корреспондент МАНИ. Член Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии». Моя гордость – мои дети.

Я НЕ ИВАН. ДЕТИ
(отрывок)

…Святозара, проснувшись, лежала с закрытыми глазами и прислушивалась.

Что её разбудило? Холод? Конечно, она снова замёрзла, но это не то… Тогда что? И снова это чувство тревоги нахлынуло на нее, окатив волной холода всю до самых пальцев на ногах.

Ей было знакомо это чувство – что-то приближалось – она это ощущала.

И снова вопрос – где она сейчас? Услышав разговор, поняла – дружинники, её охрана, здесь, и головоломка сразу сложилась. Но вставать она не торопилась, впрочем, как и говорить, стала вслушиваться в разговор.

– Она, конечно, княжна, да больно странная… Опять же, чего от всех хорониться? Платье мужское надела…

– Ох, не нравится мне это.

– Да и взялась откуда?

– А князь ей доверяет… Может сами ее здесь… Ну, князюшке скажем – мол, напали хазары, не смогли уберечь. Чего там?

– Девка ведь, вот коли б наследник, а так? А ещё лучше, скажем – сгинула неизвестно где и как!

– Как это?

– Вот тут была – и нет её! Что скажешь?

– Голова надоела? Да и князь ей не просто доверяет – он ей что-то поручал… Ведь не просто так скитаемся, бегаем, хоронимся. И грамота у ней какая-то.

– ?!

– Она её никому не то что в руки – глазом смотреть не даёт!

– А ты откуда знаешь?

– Видел краешек… Когда переодевалась.

– Да ты что?!

– Тихо ты! Разбудишь – она и спит чутко. Я порой думаю – вовсе не спит… А грамоту видел – в верхней одежде, когда переболокалась в мужскую одёжу. Не голой же?

Я после, как хоронил ту, женскую, всю обшарил – нет ничего! Да и эту так как смог – больше не видел. Вот только точно знаю – есть у ней грамота! Эх, кабы узнать – что у ней?

– А лучше забрать! Да свести куда следует!

– Да ты, никак, лазутчик?!

– Да ты что?! Не… Вот только с другой стороны посмотри… Посмотри, што деется? Что назревает? Олег замыслил – не по себе шапка.

Второй резко обернулся:

– Дурное замыслил?! А не боишься, что я тебя сам здесь и порешу?! Потом перед Олегом и отчитаюсь.

– А потом как с ней одной? Да и Олег по головке не погладит за самоуправство.

– Ишь ты, обо мне забеспокоился? Ладно! Но учти – последний раз терплю подобные речи! А перед Олегом сам отвечу!

Святозара слышала уже не в первый раз подобное и понимала – еще чуть-чуть… и защищаться придётся

уже от «охраны»… Правда, и ехать осталось уже совсем немного. Она их не боялась – знала, что справится, однако терять зря силы не хотелось, тем более поднимать руки на своих же.

Она встала и направилась к костру. Конечно, все сразу смолкло.

– Княже, лебедь ты наша, что ж вы не спите? Как утром поедете?

– Как всегда. Замерзла я. А поедем сейчас!

– Да как же это? Ночь ведь, не ровен час…

Святозара посмотрела на него пристально и спросила:

– Неужто боишься, кто бы до меня вперед тебя не добрался?

– Да что ты, княженка! Откуда речи такие? Али сон какой?

– Может, и сон. Только хватит часа на сборы, и с богом! К вечеру, коли бог даст, будем ужо на месте! …Вещи лишние здесь под дубом и схороним – налегке пойдем!

***

Кира проснулась вся в поту в своей кровати. Ну, слава Богу! Это лишь сон! Однако какой яркий!

Она хорошо помнила те события, а также то, что было потом! И главное, то щемящее чувство тревоги, зародившееся во сне, её так и не отпустило!

Она встала. Прошла на кухню и вскипятила чайник. Сделала себе чай и стала его пить с мёдом. Надо же… Так свыклась в то время с этим именем, что откликалась на него до сих пор! А может, это пришло время?

Последнюю мысль Кира попыталась от себя отогнать как можно дальше. Все уговаривала себя и повторяла как мантру: «Нет, ещё рано, я ошиблась!» Очнулась она лишь от прикосновения дочери – та обняла её за плечи.

– Мам, ты чего? Вообще спать не ложилась?

От неожиданности Кира вздрогнула и сильно сжала чашку руками.

– Это ты? Со мной всё хорошо, просто пила чай и задумалась. Почему сама не спишь?

– Да я уже в институт встала.

Посмотрев на время, Кира поняла – ночь закончилась. Быстро встала и стала готовить завтрак.

– Сейчас завтрак сделаю… Омлет будешь?

– Мам, да зачем? Я уже одеваюсь. А у тебя сегодня как? Может, ляжешь поспать?

– Нет, нет. Мне сегодня к десяти. Да и выспаться я успела.

– Мам, ну зачем так много работать? Наверняка ведь по работе что-нибудь думала…

– Так, ладно! Садись за стол – всё готово.

Дочка быстро убежала в институт. А вот Кира никак не могла сосредоточиться. У неё весь день всё валилось из рук. Не выдержав, Кира после обеда ушла с работы.

Поехала за водой в ландшафтный заказник на родник «Холодный».

Здесь всегда есть народ – одно из трёх лучших мест «благой» воды, поэтому на одинокую женщину, набирающую воду из родника, никто не обратил внимания. Ну стоит, о чём-то думает… мало ли? Однако было в ней и кое-что иное – выражение её лица. И уж совсем выбивающееся из общего поведение – она сняла с себя браслет и бросила в воду.

Казалось бы, ну надоел, может, чей-то подарок, кто стал вдруг чужим и далеким – бывает! Вот только браслет не просто упал на дно – он сразу стал уходить в грунт, словно кто-то тянул его вниз, под землю, как огромный магнит притягивает к себе металл. И уж вовсе непонятны её слова, перед тем как бросить в воду: «БЕРЕГИ ИХ! УМОЛЯЮ!».

Впрочем, подмечать странности было некому – все были заняты собой.

А Кира набрала воды и отправилась домой. Она хотела приготовить что-нибудь особенное.

Стало ли ей лучше? – этого никто бы не понял, даже специально наблюдая за ней – она не из тех, чьи эмоции отражаются на лице, их нельзя было прочесть.

…. – Мам, я дома! М-м-м, как вкусно пахнет!

Дочка, едва успев раздеться, вбежала в кухню.

– Мам! Это же уйму времени у тебя заняло! Зачем?

– Разве не нравится? Вроде раньше любила.

– Да ты что? Не просто люблю – ОБОЖАЮ! У меня сейчас от запахов слюнки побегут! Однако сколько на это всё нужно времени! С ума сойти!

Кира рассмеялась:

– Иди мой руки – всё готово. Сейчас на стол накрою…

Они сели обедать. Дочка ела с большим аппетитом, а Кира – не столько ела, сколько печально смотрела на дочь.

Дочка, почувствовав её взгляд, подняла глаза:

– Мам, что-то случилось? Почему так смотришь?

– Тебе показалось. Ещё хочешь?

– Ой, нет! Я уже не просто наелась, а объелась.

Смеется.

– Как волк на свадьбе из мультфильма?

– Почти, только что нет желания петь.

Кира взяла со стола посуду поставить в мойку.

– Мам, оставь. Я сама вымою. А, кстати. У тебя ведь были где-то записи нашей родословной?

В это время у Киры задрожали руки, и она выронила посуду. Покачнулась и, чтобы не упасть, оперлась о стол.

Дочка с испугом подскочила к маме.

– Мам, тебе плохо? Что с тобой? Может, скорую?

Кира медленно села на стул, пытаясь унять дрожь:

– Нет, дочка, всё так, как должно быть. Круг замкнулся.

– Мам, ты о чём?

– Прости. Видимо, действительно плохо спала – чуть-чуть голова закружилась.

– А ещё всё это готовила! Зачем? Я сама прекрасно могла приготовить! Может, ляжешь?

– Нет, нет. Уже все прошло. Ты что-то говорила о родословной – зачем тебе?

– С тобой точно всё хорошо?

– Говорю же, всё нормально.

– Ну смотри сама, а то легла бы.

– Ты проигнорировала мой вопрос.

– А так – нам сегодня в институте сказали написать свою родословную, насколько сможем. Вот я и вспомнила – у нас же где-то было?

– Сейчас принесу, подожди здесь.

Кира вышла в кабинет и вскоре принесла огромную коробку:

– Вот здесь всё, что я смогла собрать…

– Ничего себе! Да тут уже готовое разбирать месяц, не меньше! Ничего себе.

– А вам, что – срочно? Впрочем, здесь все упорядочено по фамилиям и веткам: вот Вяземские, здесь Сибиряковы, Мамаевы и Борисовы… А это то, что раньше тебя впечатлило больше всего – княжна, ведущая свое родство от Рюриковичей.

– Ну, допустим, Сибиряковых я помню… Были одними из самых влиятельных и богатых родов Сибири, а их родоначальником был крестьянин Устюжской провинции Архангелогородской губернии – Афанасий.

– Да, точно, однако Сибиряковы хоть и известны и сделали огромное количество дел как в Иркутске, так и по всей Сибири, Москве и Санкт-Петербурге, однако они не самые древние из наших потомков. Вот эти имеют историю гораздо больше, по крайне мере я их «откопала» поглубже… на несколько веков. Вот, смотри сама!

– Ух ты! А я и не подозревала!

– Однако мы с тобой проговорили всю ночь – как в институт пойдешь?

– Мам, я ж твоя дочь – не впервой, подумаешь! Да и пар сегодня мало. Успею освободиться уже к трём часам. Вот только ты-то как?

– А я вчера взяла отгулы до понедельника.

– Вот и прекрасно! Хоть отоспись! Ну ладно, я побежала!

Однако днём Кира спать не ложилась – сна не было. Вместо этого она собрала странный пакет из вещей и пошла в церковь.

На входе в храм увидела знакомого священника. Тот лишь по одному взгляду на неё все понял. Обнял ее и отвёл к себе.

– Лёш…

– Что, пришло время?

Кира не ответила. Лишь кивнула и расплакалась.

– Слушай, может, ошиблась? Рано ещё!

– Ты себя не терзай. И так вся извелась за эти годы. Сама знаешь – сердце материнское подсказывает, ведь так? Да и я накануне сон видел. Всё сходится.

Кира развела руками.

– Но Алексей!

– А вот пакет зря собрала: знаешь ведь – нельзя это… Всё равно ничего не выйдет!

– Может, тогда я сама? Вместо них? – И в глазах её затеплилась надежда.

Батюшка даже рассмеялся.

– Ты знаешь правила – пустой разговор. Лучше помолись да свечи поставь. И надейся. Молитва, надежда матери – это очень сильное подспорье.

К тому же – мы там тоже будем.

– Но мы же там даже младше них!

– Теперь уже ничего нельзя сделать – если нарушить – хуже будет! – махнул рукой. – Ну, что я тебе это говорю?

Ты и сама всё знаешь. Ты ж сильная, возьми себя в руки!

– Могу, сильная… только если меня касается, а тут как?!

Кира плакала навзрыд, не замечая никого и ничего. Очень нескоро смогла взять себя в руки и успокоится. Алексей ей не мешал, лишь спокойно ждал окончания водопада.

– Спасибо, братишка, я в норме.

– Сама собралась? Вот и ладно.

– Да я с тобой хоть выговорилась. К кому с этим ещё пойдешь?

– Ну всё. Будет. Так и предстанешь перед дочкой – вся зарёванная? Как ей объяснять будешь?

– Ты прав. Нужно идти, спасибо. Взяла пакет и протянула брату.

– А это – раздай прихожанам.

– Иди с богом – всё будет хорошо.

Выйдя из монастыря, Кира посмотрела на часы – два часа дня! Ой! Скоро дочь придёт домой! А ведь ещё себя привести в порядок надо… И правда – разревелась – вдруг ещё кто увидит!

Бегом побежала домой. Только-только успела принять душ и привести себя в порядок.

За столом дочка вдруг сказала:

– Мам, знаешь, у нас завтра выходные и мы решили съездить на шашлыки.

– Кто мы?

– Ну наша компания.

– Все вместе?

– Ну да: я, Лёлик, Никола, Артур, даже Юра в увольнительной будет!

Кира вздрогнула.

– Ну вот и всё!

– Мам, ты о чём сейчас? Ты какая-то странная… Что с тобой?

Кира медленно подняла взгляд на дочку и стала смотреть на неё так, будто пыталась запомнить ее всю до мелочей. Потом закрыла глаза, словно пытаясь сфотографировать и отснять фотографии. Покачала головой.

– Все нормально. К сожалению, я не могу пойти с вами.

– Почему? Мы ж с тобой как подружки, всё супер! Правда, пойдем, а?

– Нет, прости. В ЭТОТ РАЗ Я НЕ МОГУ!

И добавила: «Я люблю тебя, моя умница.»

– Да что случилось?! Может, с тобой что-то?

Кира рассмеялась натянуто, покачала головой и сказала.

– ПРОСТО ПОМНИ ОБ ЭТОМ… И оденьтесь потеплее – будет холодно.

– Мам, ты меня пугаешь – на улице теплынь.

– Вы ж будете спускаться.

Дочка округлила глаза.

– А ты откуда знаешь? Мы сами ещё до конца не решили.

– Предположила. Если не понадобятся – ваши кофты много места не займут. Возьмите.

– Хорошо, сейчас созвонюсь с ребятами.

Спать дочка легла рано, а Кира до утра так и просидела возле её кровати с кружкой в руках, к которой за всю ночь не прикоснулась. Утром дочка была в приподнятом настроении, глаза горели азартом, и вся она была в предвкушении приятного и лёгкого отдыха.

– Ну всё, мам, я собралась! Пока. К вечеру приедем, ну в крайнем случае заночуем – тогда я тебе позвоню.

– Я тут собрала вам с собой – возьми.

– Что это?

– Продукты в поход.

– Так у нас парни всё берут – ничего не нужно.

– Тем не менее – возьми.

– Ладно, давай! Всё, целую.

– Да, и еще… Как закончится вода, возле дуба, слева, будет зарыт сундук – он вам поможет.

– Это шарада? Откуда вода, тем более дубы?

– На месте всё поймешь. Больше я ничего не могу – хоть и очень хочу… Удачи вам всем.

И перекрестила её в спину. Но дочь её уже не слышала. Она бежала вниз, напевая песню.

Кира опустилась на диван и расплакалась. Она не могла больше себя сдерживать…

– Привет, Лёлик! А парни где?

– Да здесь – отлучились на рынок. Пошли за овощами и фруктами.

Вскоре пришли ребята.

– Ну что девчат, все в сборе? Поехали?

– Да, кстати, ты так и не объяснила, зачем теплые вещи, когда на улице +22? Мы ж в них сваримся.

– Мама посоветовала.

– А, ну раз мама…

Все пошутили, пошли, расселись по машинам и поехали.

– Да ладно вам, вдруг погода испортится или на самом деле останемся на ночь? Ночью всё равно гораздо прохладнее.

– Знаешь, твоя мама, конечно, клёвая, но порой слишком сильно опекает.

– Сама знаю. Только последнее время она сама не своя. Просто не хотела огорчать.

Пока разговаривали, приехали… в ландшафтный заказник к роднику «Холодный»!

– Мы здесь зачем?

– Да сейчас, только воды наберём – она здесь очень вкусная. У родника и название соответствующее – «Сергий Радонежский»

– Настолько хорош?

– Просто существует легенда, что преподобный Сергий Радонежский изначально хотел сделать свою обитель именно здесь. Но ему было видение, что здесь лучше не надо, многолюдно или по церкви теперь Троицы в Коньково, хотя раньше она была Сергия Радонежского.

– А я слышал, что родник выкопал сам Иван Грозный.

– И как это «выкопал»? Это ж родник.

– Кто его знает.

– Вообще-то я слышала, археологи обнаружили здесь следы становищ древних вятичей, а по обеим сторонам оврага, ведущего к Тропарёвскому пруду, расположены древние курганы XI–XII века.

– Откуда сведения?

– Так у нее мать в институте преподаватель как раз по данному вопросу.

– Разве плохо?

– Нет. Просто раз уж это действительно так, может, осмотримся? Вроде никуда не торопимся. Вдруг что-нибудь найдём?

– Скажешь тоже… хотя – что это?

– Где?

– В самом роднике? Там вроде блеснуло.

Ребята ринулись к роднику, но блестящий предмет как магнитом притянулся к руке Божены и тут… Вдруг пошла рябь и туман. Стало резко холодать, и впереди, прямо перед ними, возникло «водяное зеркало». Ребята даже осмыслить не успели, как их окатило водой, и они оказались… Совсем в другом месте!

Перепуганные, они озирались вокруг, но ни один из них место не узнавал.

Вокруг был огромный, просто сказочный лес. Невдалеке была речка.

– Ребята, а мы как тут оказались?

– Можно уточнить, где именно?

– А здесь холодно. Мы же мокрые!

– Божена, что с тобой?

И тут все обратили на нее внимание. Божена стояла с браслетом в руках и осматривалась вокруг…

– Ребята, я не знаю где мы, но вот эта блестяшка (она показала, что держала в руках) – мне очень знакома!

– Откуда?

– Это мамин браслет!

– Ты бредишь?

– Боюсь, что нет. И ещё… Мама перед моим уходом кое-что говорила.

– Ты ж говорила, что она последнее время сама не своя.

– Так и есть. НО! Во-первых – у моей мамы точно такой же браслет был всегда на руке … кроме последних дней.

– Сняла, потеряла. Да мало ли почему его у неё нет!

– Смотри на замок – его просто так не снимешь. Его нужно специально снять. Кстати, насчет остального – так она его никогда не снимала.

– Точно. Сколько знаю твою маму – подобный браслет всегда был у неё на руке.

– Ладно, поняли. А во-вторых?

Божена вышла из воды.

– Мама сказала: «Как кончится вода, слева, под дубом, мы найдем сундук»!

– ???

Но Божена уже никого не слушала. Она направилась к первому попавшемуся дубу. Слева от него стала осматривать землю.

– Да ты хоть скажи, что происходит? Что ты там делаешь?

– Сундук ищу… Вроде вот здесь что-то есть!

Ребята подскочили к ней. В листве нашарили крышку (?) с кольцом. Расчистили.

– Однако! А твоя мама случайно не сказала, как её поднять или хотя бы сдвинуть?

– Извините – нет!

– Ребят, давайте все вместе дёрнем. А вы, девчонки, возьмите хоть палку какую что ли, если сможем хотя бы приподнять и сделать маленькую щель, вставите её, дальше уже будет делом техники – откроем.

Спустя несколько минут ребятам всё же удалось открыть.

– Ребята, здесь одежда сухая! Ой!

Стали по очереди доставать содержимое: рубашки, пояса… на самом дне нашли и оружие – мечи, два лука и стрелы!

– У меня странное чувство – это шоу? Что вообще здесь происходит?

Божена бережно взяла браслет, надела себе на руку и стала снимать мокрое.

– Я не знаю, где мы и как тут конкретно очутились. Только здесь действительно гораздо холоднее и, если мы сейчас не переоденемся – простуда, как минимум, нам обеспечена. Может, решать проблемы будем по мере поступления. А в данный момент главное – надеть сухое и высушить мокрое. Так, может, сначала решим это, и уже потом разберёмся и подумаем о дальнейшем?

– И всё же? Иными словами, получается, что твоя мама знала?

– Более того, похоже, она здесь была.

– Раз так, значит, есть путь назад.

Впрочем, первая волна уже улеглась, и все ринулись переодеваться.

– Опять нестыковочка…

– Какая?

– Знаете, судя по одежде – какой это век? Никола, ты играешь этими «железками»? Как по-твоему – где мы?

– Я даже не знаю… Но руки уже сами тянулись к оружию. Его взгляд загорелся. Он благоговейно взял меч. Проверил.

– Надо же – острый.

– У меня чувство, словно их вот только сделали.

– Точнее не более пары месяцев. А века, судя по оружию, примерно средние, в то же время одежда скорее ближе к крещению Руси!

Артур присвистнул.

– Ничего себе! Одно из двух: либо оружие неправильное, либо одежда.

– Но это полбеды… СТОП! Ты хочешь сказать, мы где-то около десятого века?!

Подошли девчонки. Ребята на них смотрели с восхищением.

– Да вы просто княгини! Только режиссёра не хватает… А вам идёт.

Пока высказывали предположения, где же всё-таки они оказались, развели костер на прутья, развесили мокрую одежду.

– Интересно, что теперь? Девчата, есть хотите?

– Судя по погоде, вроде весна уже закончилась… Хотя могу и ошибаться. Мы в лесу – вот это бесспорно, так что есть какие-нибудь дары природы. Если позднее – может, и грибы с ягодами.

– Ещё есть лук со стрелами и мечи.

– Угу, а кто реально из нас может ими пользоваться? Кроме Николы, конечно.

– Я немного, однако, боюсь этого всего. Зато у меня неплохо петли получались. Давайте схожу.

Девчата не дали договорить.

– Вот действительно! Давайте еще разбредемся и потеряемся тут! Классно будет!

– Как насчёт простого чая?

– Точно. Воду вскипятим, бросим веточек, а там одежда высохнет да может счастливая идея придет.

– Кстати, Божена, а у тебя в рюкзаке что есть?

– Откуда он у тебя вообще?

– Точно! Я про него и забыла. Когда увидела там, в ручье, как блестит браслет, побежала к ручью, а его не сняла. Сейчас посмотрим, что там…

– То есть ты сама не знаешь?

– М-да уж, тоже мама?

– Ну да. Перед самым выходом мне его вручила и сказала взять.

Божена развязала рюкзак.

– Да здесь просто клад! Сухари, крупа, спички, даже фонарик-динамо!

– Всё, мы живём!

Ребята быстро подкинули дров, воду вскипятили, и вскоре каша уже кипела.

– Божена, а ты точно ничего не знала?

– Откуда?! Сама в шоке!

– Ребят, я знаю её мать – она никогда ничего не говорит.

– Ну хоть тогда, может, там карта, записка? Мол, так и так, ребятки, попадете туда-то, выход там… Или хотя бы подобное?

– Нет. Больше ничего нет.

– Слушайте, хватит уже! Давайте есть!

– Вот интересно – это каша такая вкусная или мы настолько проголодались?

– Всем тихо!

– Никола, ты чего?

– Вы что, глухие? По-моему, нас окружают.

– Фильмов насмотрелся?

– Или стресс так действует?

Тем не менее все замолчали и прислушались.

– Ребята, а ведь Никола прав! Девчонки, быстро в середину!

Мальчишки девчат поставили в середину, сами встали к ним спиной и взяли в руки оружие (хоть вид сделать). Вдруг пролезет старинный русский способ «на испуг»?

– Ладно, кто не умеет обращаться.

– Да и сами догадались, меч – вместо дубины, стрелы – вместо штыка… Как сумеем, но мало им точно не покажется.

На поляну вышло несколько человек – одеты так же, как ребята.

– Кто такие?

– Ребят, кажется, он старший. Что с языком делать будем? Я его не знаю…

– По-моему, я его понимаю. Меня мама учила древнеславянскому – это точно он. Давай попробую.

– И что ты ему скажешь?

Но Божена уже вышла вперёд.

– Сначала здороваться не учили?

– Да как ты смеешь?! Кто ты та…

И тут дружинник осекся на полуслове – отблески костра осветили Божену, и он её рассмотрел.

– Княженка! Наконец-то! А это ваша охрана?

Божена выпрямилась, повела бровью:

– Да. Ребята, он меня за какую-то княжну или их дочь принял.

– Значит, пока живём.

– Походу разберемся. А ты хорошо их понимаешь?

– Вполне.

– Святозара! Мы вас встречать выехали – князь волнуется. Дозвольте вас проводить.

– Сам князь где сейчас?

– Вас дожидается. Тут недалече – два дня пути.

– Он о чём?

– Типа нас встречает – прямо под светлы очи князя приведут. Ждёт он нас.

– Круто.

– Нужно им довериться. Извините, но он считает вас моей охраной.

– Да хоть кем! Лишь бы разобраться да быть вместе.

Ребята проследовали с дружинниками в их лагерь. Там нашлись и кони на всех. Все выехали.

Ночью, когда ребята остались одни, к ним прибежала Божена. После приветствий она сказала.

– В общем, расклад такой – они выехали по приказу князя встречать какую-то Святозару. Собственно, её во мне и признали.

– Недурно, вы где?

– Мы отдельно – мы ж девицы.

Слушайте дальше: пока едем к князю – нас не тронут. Держимся все вместе – это главное.

– Ну это просто – мы вроде твоя охрана.

– Ну прошу прощения.

– Это не суть. Главное, пока работает. Дальше-то что?

– Я не знаю!

– Хорошо. Есть план. Пока мы с ними и никуда не приехали, нужно отоспаться, заодно набраться сил, кто знает, что дальше будет.

– Хоть какую-нибудь информацию!

– Они ни о чем не говорят, кроме того, как лучше и быстрее проехать. Только я ни одного названия не знаю!

– Тогда и голову забивать незачем. Как там раньше говорили? – утро вечера мудренее? Давайте спать.

– А может, позже?

– Теперь уже не разберёшь… Сбылась мечта, называется.

– Ты о чём сейчас?

– Да я, когда начал заниматься оружием, на игры ездить,

турниры. Всё придумывал – а как там было на самом деле? Вот бы побывать!

– Да уж – похоже, мысль материальна. Только я ни о чём подобном не думал.

К князю приехали под вечер второго дня. Едва они въехали во двор, князь сам подскочил к Божене – помог ей слезть с коня. Пристально посмотрел на нее, перевёл взгляд на руки, увидел браслет.

Тяжёлым взглядом обвел всю компанию.

– Всех ко мне. А вы выйдите все за дверь!

Как только все посторонние вышли за дверь, князь развернулся к ребятам. Рука легла на рукоять меча.

– Отвечайте – кто вы?

– Светлый князь! – Божена вышла вперёд, – мы…

Но договорить она не успела. За спиной князя в глубине комнаты внезапно открылась дверь

Божена невольно отступила к ребятам:

– Дверь потайная!

В это время князь резко развернулся и одновременно вынул меч навстречу вошедшему.

– Князь, пошто так встречаешь? Али не ждал меня?

Раздался оттуда женский голос. И обладательница столь мелодичного голоса шагнула ближе к свету. Ребята просто ахнули!

– Божена, кажется, мы знаем, почему нас «встречали». Бьюсь об заклад – это и есть Святозара!

– Вы просто как две капли воды похожи!

– Только рост разный.

– Святозара! Да как же это? Живая?

– Живая, живая, Олег! С чего ты вообще взял, будто со мной что-то случилось?

– Да как же? Сначала мне доложили, будто тебя встретили, я вышел к тебе на встречу. Тут выясняется – воины не

мои. С ними девица, лишь на первый взгляд похожа на тебя. Зато на руке твой браслет. Да и немного старше она тебя.

– И где они?

С этими словами Святозара приблизилась к ребятам. Взяла руку Божены и осмотрела браслет. Потом медленно подняла глаза на ребят и посмотрела на каждого по отдельности. На Божену смотрела дольше всех. Её руку так и не выпустила из своей.

Вперед вышел Никола.

– Я плохо понимаю ваш язык. К тому же не знаю кто ты. Но ты её не тронешь!

С этими словами выдернул руку Божены из её руки.

– Что ты от неё хочешь?

– Да что с ней разговаривать? Всё равно она нас не понимает.

При этих словах Святозара наклонила голову, улыбнулась и сказала.

– Дай мне твой браслет! – одновременно с этими словами, не дожидаясь ответа, подошла вплотную к Божене, легко сняла с неё браслет, развернулась к князю.

– Княже, это моя сестра.

– Ой ли?

– Посмотри на наши браслеты, вот её, а это мой – они не просто одинаковы… – С этими словами она быстро надела браслет Божены на свою руку, пояснив, – это две половинки одного браслета, нам их при рождении надела мать.

И впрямь! Как только оба браслета соприкоснулись, сошлись в пазах, как и должно быть – стали единым целым, и не только – по браслету побежала световая змейка, соединяя обе половины в одно целое, и браслет засиял, как будто только этого и ждал!

– Допустим. А остальные?

Подростки ничего умнее не нашли сказать, чем повторить легенду, с которой приехали сюда:

– Мы её охрана.

– И девица?

Но тут вмешалась Святозара:

– Олег, дозволь им отдохнуть – у нас с тобой есть дело, а эти отроки могут тем временем отдохнуть.

– Ты права. Все остальное подождёт.

Князь вызвал охрану и распорядился разместить ребят.

– Дайте им комнаты согласно их титулу – покуда они гости… Да охрану приставь – не верю я им покуда.

Сам остался наедине со Святозарой.

Ребят поселили отдельно от девушек. Оставшись наедине, парни переглянулись.

– По-моему, что-то не так!

– «Что-то» – это мягко сказано!

– А вы заметили? Эта Святозара и наша Божена как двойняшки.

– Сложно было не заметить.

– Только я вот думаю – это неспроста… Да ещё и браслет.

– Хочешь сказать, они родственники?

– Думаю.

– А не надо думать! – сказала Святозара, входя в комнату к ребятам. – Ну-ну, потише! Норов усмири. Я пришла расставить точки. Возможно, объяснить. Может, попробуем если не дружить, так хоть общаться? И добавила: – Девчата, заходите, только тихо. Я понимаю, много вопросов… И тут обескуражила всех!

– Ребята, вы из какого времени?

У всех пропал дар речи. Первым в себя пришел Никола:

– Дак ты…

– Да я тоже, можно сказать, «не местная». Попала сюда из 1991 года, а вы?

– Ох, ё-моё! Но как?!

– Интересно, а ты сюда как попала?

– Давно?

– Даже не знаю…

– Как так?

– Все началось с института.

– Какой?

– Институт? Иркутский, точнее, университет… Там остро встал вопрос о моей родословной. Пришлось покопаться.

– Ну прям совсем как у нас.

Святозара посмотрела на говорящего строго и спросила:

– Мне продолжать или вопрос уже снят?

– Прости, просто вырвалось. Всё слишком одинаково!

– Накопала, конечно, аж дух захватывает. Но на достигнутом решила не останавливаться и погрузилась полностью в эту идею. Для себя дала слово раскопать – буду копать сколько смогу. Вот это и результат.

Святозара жестом остановила вопросы, готовые сорваться с губ, и продолжила:

– Потянула одну ниточку, другую, затем спустилась в склеп… Вот тут всё и началось – начала проваливаться по эпохам…

– То есть?

Святозара вздохнула и нетерпеливо объяснила –

– То есть сначала попала в начало XX века, потом в XIX, ну и так далее, пока вот здесь не оказалась!

– Ничего себе!

– Классно, конечно!

– В каждой эпохе была ровно столько, чтоб проследить своих предков, побывать там и провалиться глубже. Впрочем, хватит обо мне. Вы-то как здесь оказались? Откуда? И главное – где взяли этот браслет, нашли?

– Мы из начала двухтысячных.

– Собственно, можно сказать, из-за него мы здесь и очутились.

– Поподробнее!

– Мы в принципе собрались на шашлыки, отдохнуть. Заехали на родник за водой и тут в воде увидели вот этот самый браслет.

– Ты неравнодушна к золоту?

Божена рассмеялась:

– Мне на него плевать, но эта вещица – это мамин браслет! Так что ты мне его отдай! Ну а после всё и началось… Мы оказались здесь.

Святозара пронзительно посмотрела на нее:

– А мама у нас кто? Как зовут?

– Да какая тебе разница? Все равно ты её не знаешь! А зовут Кира.

Тут девчонка резко выпрямилась и с нескрываемым интересом посмотрела на неё.

– Понятно. Все остальное потом. Теперь слушайте. Вы ж хотите остаться все вместе? Можете не отвечать – это единственная возможность уцелеть. Короче, завтра начнутся расспросы – кто такие, как зовут, с какой целью… Это не так просто, как, возможно, думаете. Ты, – она показала на Божену, – скажешь, что моя старшая сестрой, воспитывались в разных городах, потому не сразу признали друг друга. И на не высказанные вопросы пояснила:

– Браслеты мой и твоей мамы – смотри! – Половинки одного и того же браслета! Теперь остальные – кого как зовут?

– Божена – вроде подходит?

– Более чем. Отлично.

– Я Ольга!

– Великолепно! Вполне княжеское имя… Да, и ты будешь из смоленских.

– Никола.

– Защитник? Не сердись, только созвучных имен нет, да еще чтоб подходили времени…

– Если такая умная, может, посвятишь хоть, где мы находимся?

– Так и не поняли? Вы разговаривали с князем Олегом – прозвище Вещий. Ещё есть вопросы? Вообще, Никола в полном соответствии с твоими действиями – Бративой. – Святозара закатила глаза, и, отчеканивая каждое слово, пояснила: – Это означает воевода в твоем случае – сын воеводы у родителей моей сестры.

– А мы не можем все быть князьями? Разве не проще?

– Нет, не проще! И, кроме того, да вы на себя посмотрите – какие из вас сыновья князей?!

– Чем тебе не нравится наш вид?

– Сейчас поймете, – только разберёмся с именами.

– Может, нам не нравится?

– Лучше быть мёртвым? Вам помогают, прикрывают, а в ответ?

С этими словами в комнату зашел дружинник. Ребята резко развернулись на звук и просто остолбенели:

– А ты ещё кто?

– Это Алексей, дружинник. – И со смехом добавила: – Он тоже из наших.

– Много здесь?

– Достаточно и нас. Ну так как насчет имён?

– Юра – вообще-то я военный и «местным» оружием владеть умею.

– Хорошо владеешь? Давно.

– С детства.

– Значит, для ребят – находка.

– Может, Благомир?

Повернулись к следующему.

– А я Артур.

– У тебя спортивное телосложение, но ты, прости, конечно, худенький. Чем занимаешься?

Ответила Божена:

– Мы вместе танцуем, воздушная гимнастика, КМС-ники.

– Что ж, Артур, преклоняюсь перед вами! Ну, тогда Легостай, – и тут же объяснила: – Означает владеющий простейшими способами подъёма тела при помощи мысли.

– Но я не обладаю благородным искусством левитации.

– Если правильно понимаю – в данном случае подойдёт.

А теперь внимание – тебя, Святозара показала на Божену, ко мне отправила матушка вместе с подругой Ольгой, передать сведения из Смоленска, а ты, Никола, её сопровождение. Остальные – с тобой, Ольга. Такая легенда устроит?

– Вполне. Только какие сведения, если мы…

– Спокойно. Тот, кого отправили, погиб, но его грамота у Алексея – он как раз шёл с ней к князю. Просто сменим передающего. Вы всё встретились на переправе. Всех остальных – разбили во время стычки с хазарами, это как раз в двух шагах от того места, где вас нашли.

– Вопрос – откуда ты знаешь, где нас нашли?

– Встречный вопрос – вещи откуда?

– Мы сундук нашли под дубом, там всё и было, – ответила Божена, лишь умолчав про разговор с матерью.

– Все верно, этот сундук мой – я его там оставляла. Уж свои личные вещи я как-нибудь узнаю!

– Тогда почему мы приехали чуть раньше, хотя должно быть с точностью наоборот?

– Это вас не касается. Лучше скажите, из вас хоть один может говорить на старославянском?

– Я умею.

– Вот и отлично.

– Хазары. Ладно. Может, все же просветишь, что здесь происходит?

– Всё просто, – со вздохом сказала Святозара, – сейчас идет 6415–й год. Если кратко – после Сокола.

– Кого?

Тут вмешался Алексей:

– Сокол – имя Рюрика, на княжение встал его сын. Точнее, исходя из возраста, его отдали на воспитание и под опеку родственнику и одновременно соподвижнику – Олегу.

–?!

– О боже! Олег был у Сокола воеводой и одновременно – муж его дочери, а также сводным братом жены Рюрика.

– Прикольно.

– Почему оружие более позднее?

Алексей рассмеялся:

– Да нет, самое что ни на есть местное. Вот утром рассветет, всё и увидите…

– Ребят, вы здесь впервые?

– Точно первый раз. А вы разве нет?

Алексей усмехнулся:

– С меня и этого раза за глаза, а вот Святозара – нет.

– Иными словами, ходишь, куда захочешь?

– У тебя что – машина времени?

– Нет, конечно. Во всем свои правила. Почему я? Не знаю. А вы хорошо держитесь! Видели б вы меня, когда я впервые провалилась в прошлое! Была просто тихая истерика. Особенно когда пытаешься выбраться.

– А вот здесь поподробнее.

– Бесполезно! Знаю только одно – попасть обратно можно, лишь сделав здесь и сейчас то, за чем ты сюда пришел…

– То есть?

– Я попадала обратно или уходила дальше, лишь найдя своего прямого потомка, узнав, как всё было на самом деле. Оговорюсь сразу, если вы решили здесь что-то исправить – бесполезно! Петля не даст этого сделать.

– Какая петля?

– Временная. Круг замыкается, начинают происходить определенные вещи, и всё – вы здесь. Впрочем, я не жалею! До того, как оказаться здесь, я увлекалась историей и считала, будто «неплохо её знаю»… Но оказалось – я совсем не знаю историю! Вы уже по оружию это можете понять, и чем дальше, тем больше! Так что приготовьтесь учиться, удивляться, узнавать.

– Но как?

Святозара пожала плечами:

– Не знаю, только все в этом мире взаимосвязано, и нет ничего просто так. Раз вы здесь – значит, так и должно быть. По ходу разберетесь. Пока отдыхайте и… включайте голову на двести процентов! Мне идти надо. Вы тут пообщайтесь, а ближе к утру приду за девчатами – вас не должны видеть вместе. – И она вышла.

– Вас где поселили?

– Вместе с ней.

– Что-то удалось узнать?

– Нет… Даже имя своё не говорит. Видите ли, так проще привыкнуть к новым именам, и нам говорит вести себя так же.

– Да кто она такая?! Вроде даже младше нас! Привыкла тут всеми командовать!

– Насколько понимаю, она здесь не меньше месяца, а то и больше, так что… нам бы у нее поучиться.

– М-да… Выдержка у неё еще та!

– Никола, ты что-то понял?

Он пожал плечами:

– Только одно – нервы у неё даже не стальные – гораздо круче. А ведь она моложе нас – это факт.

– Как ты вычислил?

– Так ведь говорит же, не в первый раз.

– Это точно. И еще она сказала, что каждый раз все глубже по истории проваливается, а это, доложу вам, выдержать – не каждый сможет.

– Видели, как она с князем разговаривала?

– Кстати, о чём?

– Дело у них какое-то, секретное!

– Ребят, вы всё время не о том! Вы что, не понимаете? Мы же во времена Вещего Олега попали! Тот рубеж, о котором все спорят, говорят то так, то иначе, а то и вовсе разворот. А тут такой приз – всё увидеть своими глазами!

– Класс! Лучше подумайте – как будем выбираться отсюда! И главное – что это за сбор дружины идёт?

– С этим попроще – утром всё сможем понять.

– Да ладно! Мы ехали сюда два дня – много поняли?

– Да, но там, кроме сопровождения, никого и не было. Сейчас можно осмотреться спокойно. Мы ж княжеские дети.

– Еще скажи – золотая молодёжь.

– Вроде того.

– Угу. Вы князя хорошо рассмотрели? Если ему что не понравится – с головой распрощаешься, до двух досчитать не успеешь.

– Такому меч не понадобится – он рукой, словно кувалдой, ударит, и в обитель на небеса – без вариантов.

– Подумаешь! Вы ж знаете моего дядьку – рассказывали, что он по молодости кулаком быка племенного смог свалить!

– Да ладно заливать! Хотя он у вас точно, и руки… что у этого князя запястье, как берцовая кость. Но все равно племенного быка – это перебор.

– А я видел, что он вытворяет, так что вполне… ну, может, не сейчас, но раньше – скорее всего, да и про такие вещи врать не станут.

Ребята проговорили до утра. Сон в эту ночь от них убежал окончательно.

Перед первыми криками петухов вошла Святозара с дружинником!

Ребята соскочили и сбились в кучу, готовые к обороне.

– Ты же обещала!

– Тихо! Спокойно! – резко прошептала Святозара, – здесь спят чутко, еще слово с такой интонацией, и половина дружины в комнате будет. Как объясняться будете?

– А это кто? Дружинник! Тогда какая разница? Кому о нас успела рассказать?

Тут дружинник засмеялся, и все узнали ночного гостя – Алексея.

– Да мы вроде как знакомы. Я просто вчера в обходе был – быстро ушёл.

– Так, ладно. Вы разбирайтесь, а мне идти надо. Хочу лишь сказать – это Алексей, если от стресса забыли, мой брат. Он вам поможет… Мне пора. Удачи всем! И… ПОСТАРАЙТЕСЬ ВЫЖИТЬ!

С этими словами Святозара обнялась с Алексеем и вышла.

В комнате стояла гробовая тишина. Первым в себя пришел Никола.

– Ничего себе напутствие… Впечатление, что она прощалась.

– Так и есть… Сейчас ей нужно выполнить задание… и умереть!

– ?!

– А как же её слова, что мы не должны ввязываться?

– Что здесь вообще происходит? Хоть ты объясни!

– Все просто и сложно. Я действительно её родной брат. Она сейчас по поручению князя поехала… В конце она должна умереть.

– Как это?

– Как насчёт ваших же слов ни во что не вмешиваться?

– Вы повторяетесь.

– И ты говоришь об этом так спокойно?

– Внешняя оболочка не всегда соответствует внутреннему состоянию – не знали? Кроме того, я всё же надеюсь, что она сможет всё сделать и остаться в живых. Видя вас, понимаю – всё так и будет!

Говоря это, он посмотрел на Божену.

– ?!

– Вопросы, вопросы. Слишком много вопросов. Вам необходимо научиться контролировать эмоции! Здесь не прогулка по музею! Это РЕАЛЬНОСТЬ! А по поводу Святозары… Как только она сюда попала, её спасла девица, которая и должна была всё сделать.

– Так, может, она и должна была там погибнуть?

– Нет, именно там пришлось бы погибнуть Святозаре, если б не та девушка. Она её закрыла собой… Мы ничего не смогли сделать. Это следствие. Теперь, чтоб не было сдвигов, Святозара заняла её место.

Сказать, что ребята были в шоке – не сказать ничего.

– Но откуда?!

– Мы проверяли и теперь точно знаем – данное ей сейчас задание – последнее. При его выполнении всё и случится. Не надо на меня так смотреть! К тому же вам вместе вообще нельзя находиться – это против правил!

– Кажется, я догадываюсь…

– Так и помалкивай, Никола, да? Лучше собирайтесь, у нас много дел. Я тоже не смогу быть с вами вместе. Дружина скоро выходит.

– Может, хоть ты просветишь, что здесь вообще происходит?

– Вы попали в удивительное время!

Алексей повелительным жестом остановил.

– Не перебивай.

– Ну хоть это точно Вещий Олег?

– Пока ещё просто Олег. Вещим он станет как раз после похода, для которого все сейчас и собираются. Кстати, Олег очень хорошо вас понимает, учтите это!

– Но…

– Нет, он просто действительно умный и язык выучил, так что – думайте о каждом сказанном слове. С вашего позволения, я всё же продолжу.

Сейчас очень сильна Византия. Однако сила её не столько в силе, сколько в богатстве и умении подкупать всё и вся, сеять раздор. Византийские императоры манипулируют соседними странами по принципу «подкупай и властвуй». Постоянно направляют на нас (точнее, на русов) хазар или печенегов, стравливают болгар и угров…

– Зачем?

– Они не идиоты! В отличие от некоторых. Они видят угрозу для себя в лице Руси и всеми силами стараются нас разъединить, ну или хотя бы ослабить.

– Знакомо…

– Да уж, всё и всегда одно и тоже!

Алексей ухмыльнулся:

– Да уж. Верно. И сквозь века основной стержень так и остается… В общем, византийские императоры в погоне за духовной властью над всеми обучали у себя в Константинополе на протяжении десяти лет в Магнаврской школе младшего сына болгарского князя Бориса I.

– Это Симеона? Великого?

– Да, но тоже будущего. Сейчас Болгария – очень сильное государство и, как следствие – серьёзный друг – противник для Византии.

– Зачем тогда было обучать сына такого князя?

– Там надеялись, что, обучаясь вместе со Львом X, Симеон не забудет свою альма-матер и при случае встанет на их сторону.

– Однако в истории нет и никогда не было такого союза! Или это опять?

Алексей усмехнулся:

– Нет, и не было. Царём Симеон стал не сразу (он ведь младший). Его отец – равноапостольный Борис I – под давлением Византии крестил болгар и через четверть века добровольно ушел в монастырь, оставив свою власть старшему сыну – Владимиру.

– Так ведь Владимир был язычником.

– Правильно, и он, встав у власти, попытался все вернуть на круги своя… Борис I вернулся из монастыря в Преславу.

– Куда?

– Для непосвященных – в столицу. Ослепил сына. После чего объявил наследником третьего отпрыска или Симеона. Затем вернулся в монастырь.

– Дальше в курсе?

– Судя по истории, – начала неуверенно Божена, – князем стал Симеон, который через десять лет, точнее в 903 году, объявил себя царём… Только при чем здесь всё это?

– Подходим к самой сути.

Симеон, получив власть, сразу принялся воевать со своими учителями. Поскольку от природы он умный, деятельный, а главное – честный.

– Так ведь он обучался в Византии, вместе с их императором «вкусил столичной жизни»…

– Именно на это и был расчет «благодетелей». Что молодой человек, вкусив «сладкой жизни», будет кем-то вроде их монарха. Начнет «смотреть только им в ротик». По сути, станет их марионеткой. Не вышло! Ему хватило ума, и подобное воспитание не сделало его поклонником разгульной жизни. Тем более самих греков.

Вместо этого Симеон за время учёбы в полной мере оценил гнилость их империи. Более того, разобрался в

коварстве их дипломатии, нечистых политических играх, в том числе и против его родины. В результате он принял собственное решение, весьма далеко отличное от задумки византийцев – Византию надо сломать. Пусть всея Балканы превратятся в одно Болгаро-славяно-греческое царство.

Вот с ним и начал налаживать связи Олег. А Святозара и есть то связующее звено, которое их связало. По замыслу Олега, договор должен остаться тайной для всех. Поэтому все так обставлено.

– Просто шпионский детектив какой–то!

– А кто сказал, что разведка, как внутренняя, так и внешняя, изобретение «последних веков»? Олег отлично знает, чем дышат его враги, впрочем, как и потенциальные союзники. Именно благодаря этим сведениям Олег привлёк в союзники для Руси печенегов. Совсем недавно…

– В смысле?

– По здешним меркам. Привыкайте думать и вести себя согласно времени, в котором сейчас… Так вот, печенегам крепко доставалось еще совсем недавно от хазар. Если б только они! Мадьяры и гузы вовсю теснили их. Разбивали войско, жгли становища. Вот в это время Олег послал посланцев.

– Очень давно?

– Достаточно того, что я там был…

– И что, вы их защитили?

– В результате нашего появления печенеги стали отступать не на восток, как все ожидали, а на запад. В 889 году они переправились через Волгу и двинулись в Причерноморье, к нашим южным границам. Княжеские русские дружины не прогнали их, ох, как на это надеялись наши оппоненты, а дозволили остановиться рядом с землями северян, в степях. Именно там и завязались «официальные переговоры». В результате коих с кочевниками был заключен договор.

Параллельно с нами Симеон, как и Олег, тоже искал союзников.

– А этот с кем?

– Он задумал поднять на оплот разврата и коррупции, в точности с задуманным им планом, множество народа, если его процитировать, то: «до самых геркулесовых столбов»! Для этого Симеон активно переписывался с Германией, арабскими пиратами, опять же с печенегами…

Таким образом сложились две мощные коалиции. И обе готовы к войне.

– Вопрос в том, кто из вас будет первым.

– Уже не вопрос: Византия тоже не слепая. Её излюбленный метод – упреждение. Разбить потенциального противника, пока он ещё слаб и не набрал полную силу. Забавно даже, они изначально решили избавиться от… Болгарии!

В 6401 году византийская армия вместе с хазарами и венграми вторглась в Болгарию. Симеон их отбросил. В ответ Лев X выслал на Дунай флот, который перевёз на болгарскую территорию всю мадьярскую орду! В первом же сражении они опрокинули войско Симеона, его полки бежали и укрылись в крепостях. В то время как венгры рассыпались по всей стране и подвергли ее страшному опустошению.

– Подожди. Ты ж сам говорил…

– Может, коли не знаете истории, так хоть дослушаете до конца? Повторяю второй раз – учитесь выдержке! И ещё я не просто так здесь всё вам разжевываю!

Впрочем, правильно, на севере у болгар есть друзья. Мы – русичи и печенеги. Вместе ударили по тылам мадьяр. Узнав об этом, орда прекратила грабёж и спешно удалилась домой, защищать свои кочевья. Симеон быстро оправился от поражения, и Болгария перешла в наступление.

В 6404 году состоялась битва при Булгарофиге, Симеон легко справился и порубил императорскую армию. Печенеги, мы и болгары напали на византийские владения в Крыму.

В ответ «великая и ужасная» Византия решила – раз не получилось справиться с болгарами, тогда вывести из игры второго сильнейшего противника – Русь, правда, нас они считают слабее болгар и надеются на лёгкую и быструю победу.

– Как знакомо!

– Вот именно! – Алексей с жаром ударил кулаком дубовый стол, и по столу пошла трещина.

Алексей посмотрел на стол, на свой кулак, пожал плечами,

– Видать, стол старый, – объяснил он притихшим ребятам…

Но ребят его ответ не впечатлил, судя по лицам, вряд ли они его вообще слышали. Лишь переводили взгляд с кулака на стол.

– Однако… Здесь все такие?

Алексей рассмеялся:

– Нет. Мы дружина. Если хочешь – элита армии. А вот в дружине – все. По-другому как? Поживёте здесь – тоже так будете уметь.

– А ты давно здесь? Святозара говорила, что недавно. Правда, судя по твоему рассказу… И кстати, как её настоящее имя?

– Мы со Святозарой здесь встретились. Попали разными путями и в разное время – она только поступила в институт, а я из армии. – И усмехнулся. – Так вышло, с одного поля боя попал на другое – здесь. Потом долго пришлось объяснять, что я «свой».

– Кто из вас старше?

– Ты где воевал?

– Виртуозно. А вопрос-то остался открытым!

– Где воевал – информация закрытая, я подписку о неразглашении давал. Старше – она меня, на четыре года, но здесь.., пожалуй, я её старше. Хотя выглядит она вовсе ребёнком… Только на поступках это никак не отражается. И кстати, при случае – постоять она за себя может «по-взрослому» – проверять никому не советую.

Теперь насчёт имени: раз молчит – незачем узнавать. По-моему, вполне достаточно одного имени. И еще запомните: за неё – любому голову оторву! И без оружия, можете мне поверить.

– Да я думаю, сомневающихся здесь нет.

– Лёш…

– Однако мы отвлеклись от сути… Если коротко – в результате всех комбинаций в центре Европы возникает Венгрия.

Олег тоже не остался в стороне – отхватил восточные земли погибшей Восточной Моравии. Преследуя и вытесняя мадьяр, он присоединил к Руси Волынь и Прикарпатье, ему подчинились племена думбов и белых хорват.

– Великая Моравия? – начал спрашивать Артур, но его остановил взгляд Алексея.

– Вопросы?

Артура толкнули локтем в бок:

– Нет.

– В таком случае – продолжим?

– Да.

– Конечно.

– Впрочем, к подлым методам, которыми очень любят развлекаться в Византии, Олег никогда не прибегал.

В случае с венграми – он предложил примирение. Так сказать, мы вас не трогаем – вы нас. Оставшись «без дома», они смогли по достоинству оценить такой жест доброй воли со стороны Олега. Обживаться на новом месте было трудно, и безопасность карпатской границы для них значит очень много.

– Олег мудр и дальновиден. Не зря ему при смене власти безоговорочно подчинилась дружина.

– ?!

– Ребята, а вы хоть сколько-нибудь историю вообще читали?! Есть интересное правило – если ты не по нраву дружине, к тебе нет доверия – дружина либо найдет тебе замену, либо уйдет к другому князю! Здесь быть князем – значит быть лучшим во всем: и на поле битвы, и умом радеть за

Русь – всё делать для ее блага, заботиться о людях… и т. д. Усмехнулся и добавил, – в том числе и в постели. Мне продолжать, или это, в принципе, бессмысленно?

– Мы знаем историю. Правда, учебники это одно, а здесь…

– В жизни действительно все иначе… Согласен.

Ну так вот: подобный дипломатический договор, как сейчас, так и впоследствии крайне полезен. Из Паннонии орды мадьяр раскатились набегами по всем европейским странам. Врывались даже в Италию! Однако на нас, Русь, так ни разу и не нападали. Ну, а теперь настала очередь «главы»!

– ?!

– Византии. Олег опережает своё время. Он отчётливо понимает: Византия в таком виде, как сейчас, не даст быть сильной Руси. Она уже сейчас видит в нас соперников и угрозу для себя. Попросту нас боятся. Ну, а тех, кого сильные мира сего боятся – они пытаются стереть с лица земли под корень, любыми средствами… Пока ещё не окрепли. Вот только по поводу нас – они уже опоздали! Нас они считают дикарями… и слабыми!

Что ж, Олег поднял Русь в полный рост! «Вот теперь и поглядим!», – сказав это, Алексей задумался о чем–то, глядя в окно на рассвет…

Что касается ребят – они и дышать то боялись, чтоб не нарушить ход его мыслей.

– Ладно. Рассвет ужо. Скоро все проснутся – вам нужно разойтись по комнатам.

Божена с Ольгой тихо проскользнули к себе в светлицу. Вслед за ними вышел и Алексей. На пороге обернулся:

– Я утром к вам приду. Сделайте вид, что меня впервые видите. – И за Алексеем закрылась дверь…

Продолжение следует

Бикметова Рашида

Уфа, Башкортостан

Рашида Шамуратовна (литературный псевдоним – Рашида Бик) родилась в 1952 году в Ташкенте – башкирская поэтесса, член Союза писателей Российской Федерации (2002), заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, член ДОССАФ России, член РВИО, композитор-песенник, лауреат Международных и Всероссийских литературных и музыкальных премий.

Великие полководцы земли русской…

Исторические поэмы

Могучая Российская держава,
Великорусская издревле старина,
Себя покрыла доброй славой,
Увековечила героев имена!

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Пролог

Могучая Российская держава,
Великорусская издревле старина,
Себя покрыла доброй славой,
Увековечила героев имена!

Князь возвеличил подвигом своим
Святую Русь и был непобедим!

Гонец

Всадник гнал ночью коня по дороге.
Взмыленный конь, оседая на ноги,
Пену разбрызгивал с губ и храпел.
Небо светлело, и лес поредел.
Мгла предрассветная пахла цветами,
Росными травами. Защебетали
Ранние птицы, радуясь дню.
Всадник беззлобно промолвил коню:
«Передохни! – Придержал он поводья. –

Вольные тут для охоты угодья!»
Конь пошёл шагом: «Ну что ж ты, дружок?
Ста вёрст не сдюжил, а путь недалёк.
Через лесок он намного короче.
Надобно нам поспешить, ибо ночью
К брегу Невы враг нежданный пристал.
Чай, неспроста свой раскинул он стан?
Нехристи споро разбили шатры
Передохнуть до вечерней поры.
Глянь, впереди на холме недалече
Новгород виден. Стеной он увенчан
Каменной, мощной с вратами въездными,
С башнями гордыми сторожевыми.
Век золотой ныне, град процветает!
Зорко границы свои охраняет
Он сторожами окрестных племён.
Монастырями кругом окружён.
Для укрепленья границ князь построил
Крепости две – Городцы по Шелони,
Север освоил, путь к морю открыл,
Церковь построил и храм обновил.
Люб мне и дорог детинец сей гордый,
У горожан нрав крутой, непокорный.
Вече вершит все дела горожан.
Стелется дымкой парною туман.
Храм завиднелся, шеломами светит.
«Шагу прибавь, друг, усилился ветер».
Всадник проехал по гулкому мосту,
Крепкий детина, аршина два росту.
Встал пред въездными вратами: «Эй, стража!»
Голос его раскатился в тиши.
Светоч блеснул на стене. Сверху сразу
Стражник ответил: «Не мельтеши!
Ночью полошишь людей. Кто таков?»

Слышался скрежет, тянули засов.
«К князю спешу я – дозорный гонец.
Да открывайте же вы, наконец!»

Тревожная весть

Был этот всадник Пелгусий с Ижоры.
Кряду денька три он пробыл дозорным
На побережье широкой реки.
Первым увидел на бреге полки,
Как укреплялась флотилия вражья.
И поспешил с важной весточкой к князю.
Жаркое лето в ту пору стояло,
Утро зарницей окрашено алой,
На мостовых деревянных роса.
Выслушал князь спозаранку гонца,
Сердцем вскипел он: «Тому не бывать!
Надобно первыми атаковать!
Ты же, Пелгусий, в дозоре сиди,
И в оба глаза за шведом следи!»

Шведские ратники

Сломлена Русь от монгольских нашествий,
Пали в нещадной борьбе города.
Гибель несла всем народам Орда.
Пользуясь слабостью русских в дни бедствий,
Шведский король, вождь дотоле счастливый,
Вздумал пленить вольный Новгород силой,
Земли окольные. Войско собрал,
К берегу русскому полк свой послал.
Об Александровой славе наслышан,
Злобою, завистью, местью он дышит.
«Князь, поклонись мне, – в послании пишет, –
А воспротивишься – порабощу
Землю твою, если вдруг захочу!»

Не удостоил ответом послов
Князь молодой. Был он к бою готов!

Герой на все времена

В Переяславле родился герой
В грозные годы монгольских нашествий.
Битва на Калке была лишь предвестьем
Новой нависшей над Русью бедой.
Внук Чингисхана Батый разгромил
Волжских булгар государство. Чрез год
Степь половецкую опустошил,
Двинул тумени лавиной вперёд
К русским границам. Под саблей татарской,
Столь устрашающей силой ужасной,
Пали Рязань, Муром, Пронск. В город стольный
Варвары двинулись, вышли к Коломне,
Где князь владимирский дал первый бой.
В схватке неравной с всесильной Ордой,
В сече жестокой полки полегли.
Крепость Москву азиаты сожгли
И устремилися в город Владимир.
Город, гнушаясь постыдного мира,
Храбро сражался, конец неизбежен.
Вскоре врагами сожжён был, повержен.
В битве на Сити погиб князь великий,
Не устоял он под натиском диким.
Долго же ждал Юрий помощи брата.
Князь Ярослав не откликнулся. Свято
Князь молодой помнил эту утрату.
Юной душой понимал он, что зря
Между собой воевали князья.
Был он свидетелем русских событий.
Междоусобные счёты князей
Были губительны. Сколько людей

В этой войне понапрасну убито!
Войско Батыево взяло Ростов,
Тверь, Городец и на самом пороге
Града в пути Селигерской дороги,
Там, где весенние хляби и топь,
Вспять повернуло. Семья Ярослава,
Сам Александр, все живы остались.
Киев исчез! Где блестящие главы
Храмов, сокровища? Нет ничего!
Только развалины града сего…
Цел, невредим был лишь Новгород вольный.
Верно, враг был отвращён Божьей волей.
Тщетно взывали к русским князьям
О единенье булгарский каган,
Половцы слёзно поддержки просили.
Кровью кочевники Русь оросили…

Сватовство

«Недруг врагов – это друг поневоле,
Свадьбой скрепим мы союз с Диким полем, –
В думе боярской один разговор, –
Нужен сегодня такой договор!»
Скачут сваты и невесту везут.
Девушки плачут и песни поют.
Слажено дело, любовь да совет.
Нужен Руси мир на несколько лет.
Замысел важный, монастыри
Молятся Богу с зари до зари.
Тайно они собирают отряды
За монастырской высокой оградой.
Все кузнецы им оружье куют.
Ветры свободы им песни поют.
Не одночасье, конечно, собрать
Боеспособную грозную рать.

Ангел им машет незримо крылами:
«Я не забыл вас, о люди, я с вами!
Время придёт. Пусть не скоро, но всё же
Вечно врагов нам бояться негоже.
Иго падёт, в том я Богом клянусь,
Снова поднимется славная Русь!»

Князь Александр Ярославич

Об Александре поведаю вкратце:
Сызмальства чтил он наставника-старца.
Им был обучен мудрёным наукам,
Не предавался безделью и скуке.
Великолепно знал ратное дело,
В бой мчался первым и в битве был смелым.
Князь любознателен, Господу верен,
Великодушен душой, благоверен.
Добрую славу обрёл он в походах,
Был благороден любимец народа.
Бог наделил его силой Самсона,
Мудростью, трезвым умом Соломона.
В возрасте юном вокняжился князь,
В храме Софийском усердно молясь.
Благоразумный князь с ликом прекрасным.
Был он обвенчан с княжной Брячиславной.

Венчание

Празднично в граде звенел благовест,
Звон далеко разносился окрест.
Толпами люди спешили к собору
В празднично ярких, нарядных уборах.
В день торжества созывались на свадьбу
Тысяцкий, свахи, князья, поезжане…
Ну, а бояре гостей уряжали
В горнице терема княжьей усадьбы.

Князь убирался в палатах. В светлице
Сборы велись, наряжали девицу.
Гости дары получали шелками,
Златом, перстнями и жемчугами.
В княжьем дворе приготовлены сани,
Путь устилался к собору коврами.
Тысяцкий щедро одаривал нищих,
Скудный народ, смердов, издали пришлых.
Хмелем младых осыпали у входа,
Кланялись низко они пред народом
И на иконы крестились святые.
Благословили их прежде родные:
Мать Феодосия, князь Ярослав,
Вместе с супругою сват Брячислав,
Князь половецкий. Святою водой
Путь окроплялся, пел хор молодой.
Храм переполнен. При ярком свеченье
Местный епископ в златом облаченье
Князя венчальным венцом осенил,
После княжну и обряд совершил.
Вкруг аналоя провёл новобрачных!
Радость на лицах светилась прекрасных!
После свершенья обряда венчанья,
Шествие двинулось для столованья.
Слуги и все домочадцы сбежались,
Свадебный поезд они ожидали.
Гости ступили на княжий порог.
Челядь носилась, все сбилися с ног.

Свадьба и всеобщее гулянье

Свадебный пир! У столовой палаты
Стол был уставлен посудой из злата,
Из сéребра кубки, чарки, братины.
В ёмкостях мёд, пиво, терпкие вина.

Яствами стол был чрезмерно богат.
Чинно свершался последний обряд.
Здравицу пили поочерёдно
И целовались потом всенародно.
Сколько напутственных сказано слов
За новобрачных, родных, за дружков!
На площадях городских ликованье!
То-то всеобщее было гулянье!
Были накрыты столы с угощеньем,
Бедный народ пил и ел с наслажденьем,
Юного князя хваля, почитая
И новобрачным здоровья желая.
Между собой балагурил народ.
Да скоморохам был явный почёт.
Ловко показывал трюки кудесник.
За душу трогали грустные песни.
Гусли играли, гусляры запели:
«Вороны на белу лебедь слетелись.
Не пожалели красу, растерзали.
Дитятки в скорби поныне, в печали».

Ловитва князя

Князь свой досуг проводил на охоте,
Из головы вытесняя заботы.
Средь изумрудных лесов и полей
Видел красу он Отчизны своей!
На скакунах мчались вслед за борзыми
Толпы охотников и стремянные.
Много водилось в лесах кабанов,
Туров, медведей, лосей и волков.
Выучка здесь развивалась и ловкость,
Дух молодецкий, смекалка и стойкость.
Солнце садилось. Средь леса в палатках,
Спали охотники крепко и сладко.

Утром охота была соколиной –
Старый обычай, князьями любимый.
Зайцев несчётно убито, лисиц,
Диких гусей, горностаев, куниц…
Жил Александр с семьёй в Городище,
С гребнем златым и коньками на крыше,
В тереме видном на взлобке за градом.
Раем его называли. Нарядном,
Ярком убранстве светлиц и покоев.
В жемчуге, злате висели иконы.

Великий Новгород

Воды несёт свои Волхов глубокий,
Мост через реку довольно широкий.
Пахло на улицах свежей щепой,
Звонкие брёвна слезились смолой.
Ставились новые срубы повсюду.
Славно жилось новгородскому люду!
Улицы светлые, избы резные,
Храмы, дворцы, терема расписные!
Кремль был украшен Софийским собором,
Стены и своды покрыты узором.
Храм обладал благодатною силой!
Люд умилял он, душа возносилась.
Каждый испытывал в день освященья
Радость духовного благословенья.
Валом высоким весь град защищён,
Соединялись великим мостом
Двор Ярославов и Кремль супротив.
Волхов седой необычно красив!
Вверх-вниз сновали челны и ладьи.
Утки плескались у самой воды.
Пахло древесной размокшей корой.
Бабы спускались к воде с ребятнёй.

По берегам вереницей тянулись
Пристани. Всюду стояли суда.
Много народу съезжалось сюда.
С юга на стругах купцы возвернулись,
Сходят по сходням на берег причала.
Речь иноземная всюду звучала.
Торг новгородский пестрел многолюдьем.
Валом спешили торговые люди.
Бойко на торге! Богатые лавки
Объединились в ряды. На прилавках:
Мёд, дудки, гусли, свистки, самовары.
Воск в изобилии, обувь, пушнина.
Ловко торгуют молодки стряпниной.
Из зарубежья стекались товары:
Пряности, вина, бухарские шали,
Хлеб, дорогое сукно и металлы…
Гости туземные всюду глаголют,
Русских за грош продают и неволят.
Злобятся гридни на них поделом,
Зубы сжимая, грозятся мечом.
Всюду ремесленные мастеровые –
Ткацкие и кожевенно-обувные:
Щитник, гвоздичник, котельник, кузнец.
У ювелира купил молодец
Серьги жемчужные, цепь золотую.
А на божницу – икону святую.
Торопко княжич промчал на гнедом
В сбруе богатой, одетый в кафтан,
Коц на плече, опоясанный стан.
Толпы людей перед ним расступались,
А ребятня вслед за ними бежала.
Не подвергался град вражьим набегам.
День изо дня процветал, богател.
На перекрёстке торговых путей

Расположился, купцов привлекая,
Силой, богатством своим удивляя.
Грамотен был новгородский народ,
А летописец вёл времени счёт.
На бересте горожане писали,
Письма, былины на них излагали.

Воскресный день

Встало над Волховом светлое утро.
Блещет на солнце вода перламутром.
День был воскресный, но город не спал –
Колокол храма тревожно звучал,
К площади всех горожан созывал.
Главы златые сверкали собора.
Стражники скачут по площади споро.
В храме Софийском начался молебен.
Молится люд – и богат кто, и беден.
Нищих, убогих у входа в собор –
Столпотворенье. Один разговор
Слышен повсюду: «…На князя надёжа,
Хоть и бояре все лезут из кожи,
Горло дерут, ищут мира со шведом.
Ишь, лиходеи, пророчат нам беды.
Нынче, лишь утречком зарево встало,
Вражья флотилия к брегу пристала
В устье Невы. Тут же стала грозиться,
Грамоту шлёт, чтобы им покориться.
Нехристи чисто, разбили шатры.
Впору им жить до вечерней поры.
Загодя был неприятель замечен,
Будет мечом новгородцами встречен.
Князь Александр – он наш покровитель,
Землю свою не отдаст на погибель!
Кличет в дружину к себе на подмогу.

С князем пойдём, уповая на Бога!
Светлые силы с собой призовём!»
В храме божественном пред алтарём
Князь Александр усердно молился.
К Богу взывая, он прослезился:
«Праведный Боже, подсоби в бою!
За ро́дную Русь жизнь отдам я свою.
Сколь пришлось тебе, Русь родимая,
Терпеливая и любимая,
Хлебнуть горюшка испокон веков,
Схоронить в земле храбрецов-сынов!
Лучшей долюшки ожидаючи,
Истомилась ты, на нас глядючи.
Пядь родной земли не отдам врагу,
Свою Родину – сберегу!»
Слёзы утёр князь в духовном смиренье,
Принял у батюшки благословенье,
Вышел из храма и людям сказал,
Голос его, как набат, прозвучал:
«Враг наш силён! Ждать напрасно не станем,
Тут же по шведу внезапно ударим.
Кто с вашим князем? Не в силе Бог, в правде!
Коль суждено, сложим головы ради
Нашей земли новгородской, за Русь!
Гложет меня нестерпимая грусть:
Быть иль не быть нашей волюшке-воле?»
С малой дружиной князь выехал в поле.
Грудь Александра кольчугой прикрыта,
Меч на боку. Взгляд прямой и открытый.
Конь под хозяином шёл вороной,
Стройные ноги и мощная грудь.
Рядом был верный княжий стремянной.
Солнце лучистое кажет им путь…

Видение

Вдруг из-за леса Пелгусий-дозорный,
Конный спешит им навстречу проворно.
Благочестив был старейшина. Князю
Тут же поведал о чуде он сразу.
Глядя на море, ночь пробыл он в бдении,
А поутру вдруг предстало видение:
В лёгкой ладье страстотерпцы святые,
Ризы сплетали лучи золотые –
Глеб и Борис, лик венчали венцы.
Белым туманом сокрыты гребцы.
Слышит Пелгусий, весь страхом объятый,
Рёк Борис Глебу, меньшему брату:
«Брат! Поспешим к благоверному князю,
Сроднику нашему помощь окажем,
Ибо сегодня он будет в беде».
Скрылось виденье, ладьи нет нигде…
Князь Александр, услышав такое,
Рад был неска́занно всею душою:
«Божию славу узрим, а покуда –
В бой с неприятелем! Мешкать не будем.
Чёрная туча нависла над Русью.
Ты же об этом молчи, друг Пелгусий!
Пусть на себя лишь надеется рать.
Надо сражаться, не помощи ждать!»

Битва на Неве

Князь Александр, хоть молод, но смел.
Страха не ведая, уразумел.
Не посылая гонцов за подмогой,
В мыслях и в сердце, скрывая тревогу,
Скрытно пробрался он лесом к врагу,
В устье Невы, на большом берегу
Молниеносно ударил по шведу.

Враг крепко спал, видно, страха не ведал.
В панике шведы пустились бежать,
Лихо рубила их русская рать.
Бились порою на смерть в рукопашной.
В центре сраженья князь бился отважно.
Биргера-принца он ранил копьём,
Ткнул князь в забрало его остриём…
Храбрые воины судна топили,
Белый шатёр короля подрубили
Под ликование русских. Победу
Провозгласили тотчас же. А шведы –
Те, кто остались в живых, испугались,
На кораблях восвояси бежали…

Победа

Полный разгром учинил князь над шведом.
В Новгород вольный вернулся с победой!
У проездных новгородских ворот
Встретить героя сбежался народ.
Прозвищем «Невский» его нарекли.
Низкий поклон князю наш до земли!
Только недолог был княжеский срок.
Вече шумело, и знать самочинно
Бунт подняла безо всякой причины,
И указала ему на порог.
В Переяславль град уехал герой
Вместе с дружиной своей и семьёй.

Вторжение немцев

Вороги-немцы меж тем не дремали,
Грабили русских и убивали.
Крепость в Копорье соорудили,
Псков захватили и русских пленили.
Натиск усилили, путь пресекли,

К граду великому близ подошли.
И новгородцы умерили пыл,
Враз преклонили колени пред князем.
Князь Александр воистину был
Кротким душой, незлобивым. Он сразу
Вняв просьбам граждан и воле отца
(Билось в груди князя сердце бойца),
В Новгород прибыл и сел на княжение.
Ибо не мог он терпеть разорения
Русской земли, оскверненья церквей,
Видеть развалины монастырей…
Двинул на немцев своё ополчение,
И с побратимом Андреем сплотившись,
Поднял весь Север, объединившись.
Крепость в Копорье разрушил мгновенно,
Много пленённых он вырвал из плена.
Недруга земли опустошил,
Псков от захватчиков освободил,
В чуждые земли ворвался стрелой
И невредимым вернулся домой.
В Пскове народ со святыми крестами,
С пеньем во славу его, с образами
Встретил героя, отцом называл,
Богу хвалу от души воссылал…

Ледовое побоище

«Род православный себе покорим
И в католичество вмиг обратим», –
Орден грозился, готовясь к походу.
Князь, чтоб покончить с угрозою новой,
Выслал вперёд свой отряд с воеводой.
Тот был разгромлен, князь сделал свой ход.
Месяц апрель был, подтаивал лёд.
К Чудскому озеру прибыл, по льду

Быстро провёл свою рать, на виду
Встал у лесистого берега Пскова.
Русские были к атаке готовы.
Утром ливонский полк к озеру двинул
На Александра всей силою, клином.
Центр прогнул русских воинов враз,
В берег восточный уткнулся, увяз…
Лучники немцев нещадно разили,
Конница врезалась с флангов, а с тыла
Полк вмиг резервный нагрянул, и пыл
Рыцарей в латах тотчас охладил,
Вправо, на слабый ледок оттеснил.
Лёд разломился, вода ледяная
Чавкнула жадно, тела поглощая.
Немцы тонули, предсмертные вопли…
Треск раздавался ломаемых копий,
И от сеченья мечей нёсся звон.
Орден Ливонский так был побеждён!
Страшная сеча пришельцам лукавым,
Русскому воинству вечная слава!

Набеги Литвы

Распоясалась и вовсе Литва!
Первый снежок лёг на землю едва,
Люто ватаги их грабят селенья
Русских племён полонят население.
Невский отбил все попытки литовцев
Бежицкий Верх и Торжок захватить.
Сам устремился вперёд, стал разить
Их беспощадно. И вновь новгородцы
Поняли – князь их защита, опора.
Вмиг отбивает он племя ижоров,
Води, входившие в русские земли.
Освобождает в Финляндии еми,

Шведов погнал с их земли князь лихой
И оградил от врагов край родной.
Северо-запад Руси защищён,
Ну, а восток был Ордой покорён.

Слава Александра Невского

Вновь победил Александр, и весть
Вмиг облетела весь мир, вплоть до Рима.
Князь стал воистину непобедимым
И приобрёл всенародную честь!
Тут же ливонцы с поклоном просили
Мира у Невского и заключили
Договор прочный. Меж тем Батый-хан
Крепко держал в руках русский улус
И получал ежегодную дань.
Смирно и тихо вела себя Русь.
Ряд претерпев европейских сражений,
Хан отказался от продвижений
Войска на Запад, в Сарае осел.
Каждому князю давал он в удел
Русские земли, усиливал гнёт.
С голоду пух покорённый народ.
Еле сводил он с концами концы,
В роскоши жили бояре, купцы.
Хан добродушен к покорным народам
И не пытается искоренить
Веру, религию русских, изжить
Русь покорённую, ибо доходы
С этих земель содержали Орду.
Не приспособлен монгол был к труду –
Вёл кочевой образ жизни. В телегах
Перевозил он пожитки. В набегах,
В войнах богатство себе наживал.
Хан, где хотелось ему, разбивал

Стан из бесчисленных юрт, и к тому же
В роскоши, злате, в покрытой верблюжьей
Шкурою юрте, он сам проживал
И средь подушек и жён возлежал.
На раскалённой светилом земле,
Там, где прохлада спускалась во мгле,
В Азии Средней, в Каракоруме
Ставка верховного хана была.
В этой столице, аллаха хваля,
Хан восседал, полон зла и раздумий.
Первым поехал в Орду поклониться
Князь Ярослав, был любезно им встречен
Стольным Владимиром был обеспечен.
Стал города с пепелищ подымать.
Вскоре был вынужден ехать опять.
Но не вернулся оттуда, скончался.
Князь Александр печали предался…

В Орду

Был князь уже с европейскою славой.
Не проклонялся досель он врагам.
Но в отношенье монгол, с Ярослава
Взял он пример и отправился в стан
К хану Батыю в Орду поклониться,
Ибо не время с мугалами биться.
Надобно было врагам покориться,
Чтоб возродить Русь былую и мощь.
Хан злочестивый весьма был не прочь
Силами русских отгородиться
От европейских опасных соседей.
Князя к себе вызывает немедля.
Пишет ему: «О, средь русских властитель
И знаменитый отважный воитель!
Мне покорилось народов немало.

Ты лишь один независим. Настало
Время смириться. Приди, поклонись,
Чтоб сохранить свои земли, явись».
В местность Приволжье князь прибыл, в Сарае
Хан Александра радушно встречает.
Был удивлён он уму полководца,
Светлому лику его, благородству.

Кручина Александра Невского

Пир был в разгаре, всё громче шумел,
Князь на ковре подле хана сидел.
Яства обильные слуги носили:
В сливках воловьи глаза, апельсины,
Печень налимья на блюдах овальных,
Сладости в вазах из Индии дальней.
Утки копчёные, мяса куски,
Грудой лежали волов языки.
Райские птицы, в бруснике мочённые,
В тесте осётры, таймени печёные.
Чёрного перца таращились глазки.
Пир удался! Было всё, будто в сказке.
Гости, слегка разомлевши, сидели,
Многие есть не хотели, но ели,
Пили вино из серебряных чаш…
Только в кручине сидел русский князь:
«Русь обескровлена, разорена!
Под нечестивцами пала страна…
Мир православный наш горем подавлен.
Батюшка умер, был явно отравлен.
В битвах храбрейшие пали князья.
Выпала мне на чужбине стезя!
Правила чести не знают татары.
За разоренья народов, пожары
Не избежать им вовек божьей кары!»

Прибыл в Орду и Андрей, младший брат,
Титул великий желавший принять.
Вскоре Батый отправляет двух братьев
В Каракорум. Право Киевской власти
Передают Александру. Разрушен был град.
Невский в душе несказанно был рад
В Новгород вольный, строптивый вернуться,
И с головой в быт людской окунуться.
Брату достался Владимирский стол.
Не удержался Андрей на княжении,
Город восстал, он бежать предпочёл
В Швецию вражью. Каким истреблениям
Переяславль был подвергнут! Огнём
Сила татарская с гиканьем диким
Выжгла селенья Неврюева рать.
Невский по праву стал князем великим,
Сел во Владимире, стал управлять.
Гнев он Батыя на милость сменил,
Русских пленённых домой воротил.

Чудеса

Нынешний год был богат чудесами.
Страшные слухи народ ужасали.
Верили люди в чудо знаменья…
Волхов-река рано сбросила лёд
Целу седмицу шла против теченья.
Выловлен был рыбаками урод:
Рыба – не рыба, о двух головах…
Слухи вселяли в сердца жуткий страх.
С неба упал огнедышащий змей,
Перепугал он до смерти людей,
Несколько сёл он спалил. Были слухи:
В Полоцк с бедою пришли злые духи,
Жутко скакали на палках верхом,
Люд уязвляя и ночью, и днём.

Жизнь как подвиг

Мать схоронил Александр, шло время.
Принял на плечи князь тяжкое бремя.
Данью всю Русь обложила Орда.
Храмы отстраивал князь, города.
Верил в могущество и процветанье
Русской земли. С унизительной данью
Тяжко жилось. Новгородцы восстали,
Всех переписчиков дани изгнали.
С ними поднялся и княжич Василий,
Сын Александра. Князь Невский насилу
Предотвратил гибель верную граждан.
За притеснения смердов отважно
С суздальской ратью вновь Орден разбил,
Юрьев, захваченный раньше, отбил
И по немецким ударил владеньям.
Вскоре с Литвой заключил соглашенье
О перемирии, люди вздохнули.
Полоцк литовцы Руси возвернули.
Умер Батый, сын Сартак умерщвлён.
Лютый Берке явно был возмущён
Антимонгольским восстаньем в Ростове.
Вызвал в Орду Александра он снова.
«Коль пребывать мне придётся в Орде,
Русь не оставлю свою я в беде!»
Вот уж воистину мудрым был князь.
Видел в Руси он единую власть,
Мощь и свободу Отчизны своей.
Начал готовить к дороге коней.
После молитвы утихла тревога.
Князь Александр, надеясь на Бога,
Выехал срочно к татаро-монголам,
Слово своё отстоял наперёд
И оградил от войны свой народ.
Был хан Берке им весьма недоволен:

Не увенчались попытки успехом
В новой войне силы русских привлечь.
Новому хану стал Невский помехой,
И закипели в нём ярость и месть…

По дороге домой

Пробыл князь долго в Орде, на чужбине.
Трудной дорогой он ехал в пустыне
И по дороге домой занемог,
До Городца чуть добрался и слёг.
Щёки ввалились, отёки лиловые
Под ясным взором лежали подковами.
Знал он монгольского хана повадки.
Видимо, яд ему дали украдкой.
Видится князю: взошёл он на гору.
Дух захватило, представился взору
Храм, именуемый Русью вдали.
Мирный народ в нём родимой земли.

Последнее слово Александра Невского

Чувствовал князь, что конец его близок.
Принял он схиму, постригся в монахи,
И улетучились прежние страхи.
Молвил последнее слово он близким:
– Вижу на лицах я ваших страданье,
Не сокрушайте мне душу стенаньем.
Мне б по годам жить, но Бог не сулил.
Ежели так, то я славно пожил!
Верю, народ возродится из пепла,
Жизнь на Руси станет мирной и светлой!
Губы его прошептали чуть слышно:
– Русь укрепи! Суд приму твой, Всевышний!

Смерть Александра Невского

Как свеча погас
В одночасье князь.
Содрогнулась Русь!
Чёрным ветром грусть
По Руси идёт,
Плачет весь народ…

Удивительное явление

Тело святое в гробнице лежит.
Грамоту божью митрополит
В руку усопшего хочет вложить.
Руку простёр князь и правой рукой
Принял её, словно был он живой.

Эпилог

Много чудесных явлений предстало
После кончины благого. Настало
Мирное время, святой не забыт.
Славное имя в России звенит!

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ

О нем и поныне
Слагают былины

Он – герой своей эпохи,
Он народом не забыт,
Он в России и Европе
Стал велик и знаменит!
Доблесть нам его известна,

В гуще всех военных дел,
Защищал Державу с честью,
За Отечество радел.
Полководец одарённый,
Обладал умом врождённым,
Был он смел, непобедим
И победой одержим.
Вот таков был наш Суворов!
Окруженный ореолом
Вечной славы, русский гений,
Гордость русских поколений!

Детство

В детстве был Суворов слабым,
Рос тщедушным и болел,
Но с характером упрямым.
Он военным стать хотел.
Просыпался утром рано:
В непогоду и мороз,
Закалялся неустанно,
Возмужал, окреп, подрос.
Стал вынослив, научился
На коне скакать верхом.
К цели он своей стремился,
Прошагал сто вёрст пешком.
Изучил устав военный,
Знал неплохо языки,
Рвался в бой, в воображенье
Он врага встречал в штыки
С увлеченьем он немало
Книг прочел о Ганнибале,
Цезаре, о Македонском,
О Евгении Савойском,
Полководцах величайших,

О деяниях их славных.
Службу начинал солдатом,
Верой, правдою служил.
Сослуживцам стал он братом,
Уваженье заслужил.
Был серьёзен, справедлив,
Набожен, благочестив.

Начало славы

Первый бой. Суворов молод.
В чине офицера он.
Дан приказ взять прусский город,
Где был сильный гарнизон.
Перед городом река.
Вброд её не перейти,
Неприятель сжег мосты.
Выход есть наверняка!
Поднял он глубокой ночью
Свой отряд, казачью сотню,
Вплавь ту реку переплыли,
Выбрались у самых стен,
Штурмом город захватили.
Командиров взяли в плен.

Битва Фокшанская

У австрийцев дела плохи.
Армии грозит разгром.
Ждут Суворова с пехотой.
Прибыл вскоре батальон,
Сам Суворов на гнедом.
Быстро он расположился
Недалече от австрийцев.
Созван был большой совет
А Суворова всё нет…

А Суворов между тем
Всю округу осмотрел…
Шлет письмо австрийцам: «Справа
Поддержать мои войска.
Выполнять приказ исправно,
Бить врага наверняка».
Шанс к победе был велик
И ударил первым в штык.
И австрийцы поддержали…
В жутком страхе с поля брани
Турки с воплями бежали…
Горд победою Суворов,
Ходит гоголем вдоль строя.
Добрым словом ободрит:
«Чудо мы богатыри!»

Туртукай

С турками идут сраженья,
Крепко турки русских бьют.
Нет побед и продвижений,
Пораженья лишь несут.
Стал Суворов генералом,
Рвался в бой, побед хотел,
Только армия стояла,
Был Суворов не у дел.
В подчиненье, – куда деться? –
У фельдмаршала он был.
Ну, а тот, сказать, по чести,
Драться вовсе не спешил.
Молод и горяч Суворов,
Завязал с врагами бой.
Оттеснил, погнал, но вскоре
Получил приказ такой:
«Повернуть войска назад».

Но ослушался, взял крепость,
О победе шлет доклад.
«Принял тактику на месте,
Туртукай уж мною взят!»
Похвалу ждал за победу.
Как же был он удивлен:
Начались угрозы, беды.
Был от службы отстранен
Он фельдмаршалом: «Под суд!
За непослушание».
Взволновался русский люд.
«Что же это? Вот Абсурд?
За победу-наказанье?!»
Ропщут в армии: «Что будет?»
Слухи расползлись в столице.
«Победителей не судят!» –
Возмутилася царица.
За Суворова вступилась,
В строй вернулся генерал.
В новой битве за Россию
Вновь победу одержал!

Наука побеждать

Изложил Суворов в книге
Тактику – как побеждать,
Как воспользоваться мигом,
Как врага атаковать.
За победу драться с верой,
Не обузой быть в строю
И на собственном примере
Первым был всегда в бою.
На строжайшей дисциплине
Он воспитывал солдат,
Кушал кашу вместе с ними,

Не жалел для них наград.
Повторял своим служивым:
«Русские мы – с нами бог.
Быть всегда благочестивым
И здоровым, справедливым,
Русские мы – вот восторг!»
Отменил он наказанье,
Строевую сократил
И солдатам в назиданье
Постоянно говорил:
«Дело мастера боится!
Враг от русского бежит.
Службой надобно гордиться,
Вас Господь вознаградит.
Силы нет такой, чтоб русских
Одолеть, завоевать.
Не дадим врагу мы спуску,
Будут знать, с кем воевать.
Сперва мыслью побеждай
После делом воплощай…»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Историческая поэма

Без объявления войны
Наполеон вступил в Россию.
Самоуверенный, всесильный,
Он продвигался вглубь страны.
Он мирный договор нарушил,

В победе скорой убеждён,
Но не учёл характер русских
Воинственный Наполеон.
Известный всем военный гений,
Ещё не знавший поражений,
Бесславным стал его конец,
И с головы упал венец
Всемирной славы. Как же так?!
Наполеон – и полный крах?!
Напрасно он ступил на землю,
Где весь народ – и млад и стар –
Европу спас от иноземцев
В век нападения татар.
Высокий дух патриотизма,
Народный всплеск широких масс
В борьбе за родину, Отчизну
И в этот раз Европу спас!

Вторженье французов

Молниеносное вторженье
Наполеоновских частей
Грозило русским пораженьем…
И было решено: «Скорей
К Смоленску надо отступать,
В кулак всю армию собрать».
Французы быстро продвигались:
Минск, Вильно, Витебск уже взяли.
Отважный Платов-атаман
Багратиона прикрывал,
Врагов нещадно бил и гнал.
Он отбивал обозы с грузом
И сутки сдерживал французов.
Его бесстрашные казаки
Вели успешные атаки.

Отряды местных партизан
Под предводительством крестьян
Врагов лишали всех припасов
И даже боеприпасов.
Уничтожали их посты,
Склады сжигали и мосты.

Отступление

Барклай де Толли отступал.
Он уклонялся, ускользал
От генерального сраженья
С французами. Ещё нет сил,
И час победы не пробил.
Стремился князь к соединенью
С Багратионом. Пробил час.
И вот вся армия сошлась
В Смоленске. Значит, будет дело!
В сердцах отвага закипела…
Но город был врагами взят,
И торжествует Бонапарт!

Кутузов

Войска рвались с французом в бой.
Разбить врага любой ценой!
И вот у русских перемены.
Барклай де Толли отстранён.
Взамен поставлен был умелый
Кутузов славный, князь умён,
В военном деле был горазд,
И вскоре им был дан указ –
Дать генеральное сраженье
У Бородинского селенья!
Какое русское раздолье!
Сошлись две армии на поле.

Там сеча страшная была
И славу русским принесла.
И в битве этой каждый воин
Отважен был и стал героем,
Готов был подвиг совершить
Иль голову в бою сложить.
Плечом к плечу сражались братья –
Руси народы без изъятья:
Мордва, казахи и чуваши
Страны не посрамили нашей.
Кавалеристы из башкир
Геройством поразили мир.
Раевский с корпусом своим
В боях отвагу проявил.
Семь раз позиции сдавались
И с кровью тотчас возвращались.
Наполеон на поле брани
Стоял, смотрел издалека
Как гибнут за него войска.
Кто был убит, кто просто ранен.
Хоть и ничья была победа,
Такого Бонапарт не ведал.
Народ России – стар и млад –
За Родину погибнуть рад!

Москва

Кутузов жёсткой был закалки.
Отсюда опыт и смекалка.
Любовь народную снискал.
Спасти Москву – он понимал –
Им не удастся. Было грустно.
Хоть полководец он искусный,
Но решено – Москву отдать
И вглубь России отступать.

Завоеватели с триумфом
Вступили в город. Но увы!
Пустынны улицы Москвы.
Повсюду начались пожары.
Сжигали жители недаром
Всё продовольствие. И вот
Бескормица французов ждёт.
Без продовольствия и крова
Осталась армия Наполеона.
Упал моральный дух солдат.
Кусочку хлеба каждый рад.
Дым стелется, горят палаты.
Блуждают в городе солдаты,
Чтобы исчезнуть навсегда,
Навек. С бедой идёт беда!

Бегство французов

Из башни вниз Наполеон
Глядит – чего добился он?
Зима идёт, а на солдатах
Одежда летняя в заплатах.
Бежать скорее надо вспять,
Чтобы от смерти убежать.
Конечно, первым Бонапарт
На Запад поспешить был рад.
И в бегстве бросили французы
В Москве награбленные грузы.
А русские их поджидали
И неотступно провожали.
Но, Франция, увы, далёка,
Где ждали близкие домой.
И разорённая дорога
Смоленщины была жестока
С морозом, голодом, пургой.

И заметала белым снегом
Метель замёрзшие тела.
И отступленье стало бегом,
Могильным саваном была.
Сурова русская зима.
Стояли вдоль дорог дома.
И часто добрые крестьяне,
Услышав в двери робкий стук,
Краюшку хлеба им давали
И слышали: «Спасибо, друг».
А иногда вели в избу
Спасти и изменить судьбу.
Сплочённость русского народа
В борьбе за Родину, свободу
Исход решила всей войны.
Мы подвигам дедов верны!

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Смутное время настало в России.
Умер царь Фёдор, и не было силы
Противодействовать внешним врагам,
Завоевателям западных стран.
Бедам подвергся народ в одночасье.
Пользуясь слабостью русских, безвластьем,
Вторглись поляки на русские земли,
Властью в столице, Москве, овладели,
Расположился в Кремле гарнизон,
Спор разгорелся в столице за трон.
Самонадеянный польский король
Сына хотел посадить на престол.
Русское их поддержало боярство…

Гибель грозила всему государству.
С войском паны по Руси разъезжали,
Грабили русских и убивали,
Жгли урожаи и резали скот…
К Богу взывал угнетённый народ.
Тяжко жилось православному люду.
Шайки разбойников рыскали всюду.
В полный упадок Россия пришла,
Всё потерять в одночасье могла;
Волю людскую, земные богатства
И суверенность российского царства.
С северо-запада шведы напали,
Новгород древний и пригород взяли.
Старостой в граде был Минин Кузьма,
Был огорчён он, встревожен весьма
Гибелью славного, русского рода,
Сердцем вскипел за Россию, свободу,
Граждан на сходках он стал призывать
За православную веру стоять,
Встать на защиту Отчизны своей,
Кликнул почин средь служивых людей,
Ратных людей созывал в ополчение,
Начал казну собирать на снабжение
Воинства русского, на провианты,
Плату назначил за службу солдатам.
Граждане в этом ему помогли,
Деньги и ценности щедро несли.
К общему делу примкнули смоляне,
Из деревень потянулись крестьяне…
Стали отряды формировать,
Вскоре собралась огромная рать –
Мощь общерусская, сила народная,
Крепкая духом Россия свободная!
Стал предводителем воинской рати

Храбрый и опытный Дмитрий Пожарский,
Воин от Бога, в сраженьях умелый,
Поднял людей на великое дело.
Духом воспрянул российский народ,
Сбросить решил иноземный он гнёт.
Двинулась армия русских в столицу,
Стала за град свой отчаянно биться…
Не устоял враг под натиском сильным
И без оглядки бежал из России…
На этом закончилось смутное время,
Сбросил народ иноземное бремя.
Минин возглавил российский Совет,
Руководил им немало он лет.
Русский народ настоял на своем,
Вскоре Романов был избран царем…

Памятник славный в Москве возвели
Храбрым защитникам русской земли,
Как символ свободы в Российской Державе.
Пожарскому, Минину – вечная слава!

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Темник Мамай

Гордыня овладела темником Мамаем,
Решил сравняться он с Батыем-ханом,
Собрал ордынское он войско и вперёд
Пошёл на Русь, чтоб покорить народ.
Стал продвигаться в междуречье к Дону,
Был путь ему заведомо знакомым.

В обители Сергия Радонежского

Весть о беде грозящей разнеслась
По всей Руси. Великий русский князь,

Князь Дмитрий, пред походом поспешил
В обитель к Сергию, где Преподобный,
Боголюбивый старец добрый
Рать русскую на бой благословил.
И долго с князем он совет держал,
Успех пророчил в битве, в помощь дал
Известных бывших ратников когда-то,
Двух побратимов, двух духовных братьев,
А ныне иноков: Ослябу, Пересвета.
Князь с просветлённым ликом на рассвете
В соборе Богородице святой
Молился слезно трепетной душой:
– Покрой нас, дева, ризою своею!
Не дай Руси склониться пред злодеем.
Затем простился в церкви у гробов
Князей и прародителей своих,
Просил у предков порадеть за них
И разослал по всей Руси гонцов
Князьям, боярам, людям всем служивым
За землю постоять свою с призывом.
И с войском повелел идти к Коломне.
Рать прибыла на место ночью тёмной.
Собравшись, как один, сошлись на том,
Что надо перейти чрез реку Дон:
Чтоб воины не обратились вспять,
На Куликовом поле нам стоять!

Обращение князя Дмитрия к воинам

Немедля строит князь свои полки
На Куликовом поле, у реки.
В лесной дубраве спрятан полк засадный.
Командовал им воевода Волынец,
И с ними князь Владимир, молодой боец.
– Терпели басурманов мы изрядно!

Сошёл с коня лихого Дмитрий-князь
И молвил, к воинам с поклоном обратясь:
– Я вижу, к бою вы уже готовы.
Настало время разорвать оковы
Безбожных варваров или умрём
За православие, за Отчий дом!
Коль вас обидел я, меня простите,
На князя своего зла не держите.
Оружие сжимая в нетерпенье,
Ждут воины кровавого сраженья.
Пусть непростая доля ждёт бойцов,
Не посрамят они своих отцов!
Врага встречали не отдельные дружины,
Врага встречали армией единой!

В междуречье Дона

На Куликовом поле поутру,
Где Дон река Непрядвы воды принимает,
Сошлись рать русская и полчища Мамая.
Знамёна развевались на ветру…

Поединок

И вышли с двух сторон на поле брани
Два витязя на смертный поединок.
А воины за ними наблюдали…
Встал с русской стороны служивый инок,
Брат Пересвет, доспехи снял монах,
Чтобы ловчей копьё держать в руках.
А супротив ему стал Челубей,
Монгольский великан, копьем играя.
Пустивши на скаку своих коней,
Друг друга копьями они пронзают…
С коня свалился Челубей мешком.
Держался Пересвет в седле с трудом,

Доехал до своих он, чуть живой,
Приняв за Русь родную смертный бой!

Куликовская битва

И громко-громко трубы затрубили,
И завязалась битва, крепко бились.
Мечи сверкали, словно искры молний,
Топтали обезумевшие кони
Всех, кто попадал им по ноги. Подчас
Людская кровь большой рекой лилась.
Но нет! Сражались русские полки
Не дрогнув, хоть потери велики.
Друг другу спины ловко прикрывали
От бешеных ударов вражьей стали.
Князь бился в центре с остальными,
Бойцами русскими простыми.
И каждый воин шёл за князем смело,
И в каждом сердце сокола горело,
Бесстрашно устремлялись на врага,
Когда тебе свобода дорога
И вера христианского народа.
Казалось, силы были на исходе.
Засадный полк тут в бой ввязался,
И бой победой русских увенчался!

Бегство Мамая

Врагам прискорбная досталась доля,
Пришлось бежать им с Куликова поля.
И каждый видел смерть свою в лицо
И пораженья боль перед концом.
Бежал Мамай, его иссякли силы
Перед угрозою своей кончины.
Чуть стелется туман над полем бранным,
Тела лежат вповалку бездыханно.

Слетаются на пир кровавый птицы,
Чтоб мертвечиной вдоволь поживиться.

Слава Дмитрия Донского

Князь Дмитрий с русскими князьями,
С оставшими в живых богатырями,
В великой скорби павших схоронили,
Предали мёртвые тела могиле.
Разгром противника был полным.
Князь возвратился в город стольный.
Встречать его сбежалась вся округа.
Прозвали князя Дмитрия Донским!
Пред Родиной, Отечеством своим
Была Донского велика заслуга!
Собрал разрозненные он дружины
Со всей Руси в большой кулак единый.
Он земли русские объединил,
И власть Москвы над ними укрепил.
Благословил Господь сей день молитвой.
Победа русских в Куликовской битве
Уверенность вселила в их сердца.
С Ордой решили биться до конца.
И гордо поднял голову народ,
Чтобы со славою идти вперёд!

Жизнь Дмитрия Донского стала былью.
Русь-матушка – Великой и всесильной!

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 3

Рамиз Аббаслы 5
Казнь Женщины (рассказ) 6

Алевтина Кудря 19
Двухголовая 20
Нападение 32
История царицы океана или Месть белой акулы 35
В заливе 36
Через два года. Океанариум 39
В клинике 44
Несчастье с Белой 46
Учеба 51
Месть акулы 54
Нихон Коку – страна восходящего Солнца 56

Евгения Палетте 67
Фрагменты из поэмы «Карнавал» и другое 68
Фрагменты из стихотворной повести «Дорога без конца» 85
Мосты Кёнигсберга 95
Реформация 98
Сказка про Теда и Тодда 100
Фрагменты из романа в стихах «Влажный ветер Леванте...» 103
«Пространство и время привычное – прочь!» 108
«Как радостна и как тиха она...» 109

Елена Щербакова 111
Ко дню письменности 112
Осенний сплин 112
Потом поймешь 113
«Цепь событий сошла в гребень» 113
«Чтоб прикоснуться к этим фолиантам...» 114
Звезда судьбы 115
Жизнь прожить – не поле перейти 116
Маска 117
Кормушка для белки 121
Михайловские грязи 123
Нужен ты мне, как в Петров день рукавицы 125
Калега на халаты 126
Хитришкин кафтан 128
Одного мужика прокормить нужна вся деревня 133
Одна свадьба 135
Зимушку встречай! 140
Живые старины 141
Медаль за перепись 143
Бусы из гильз 145
Мадам Мухина 146

«Здравствуйте!» 150
Дом с петушком 152
До маковой росинки 166
Рассказ дерева 169
Пупсики 172
Пищали муравьи 175
Наташкина школа 177
Письмо Обрезкову 179
Сколько было – столько и осталось 181
Тут я и сдал 183
Дед-бородед 187
Успей побыть в храме 188

Михаил Рудковский 191
Мельник 192
Хромая 197
Шаровая молния 202
Яблоки 209
Первый роман 214

Александр Ефимов 231
Сквозь время 232
Довоенное время 233
Итак, «Мерин». 239
Крашенки 240
Картинки из детства 262
Рыбки и попугайчик 264
Деревянный дом 265
Сказка о вольном ветре 268
Лягушки 271
Дождик 275

Мустаким Жумаев (Мустаким Рафи) 276
ВСЕМУ ЕСТЬ МЕРА (Р У Б А И) 277

Виктор Сумин 291
Мои опыты познания русской словесности. Очерк 293

Светлана Рябинина 361
Я не Иван. Дети (отрывок) 362

Рашида Бикметова 398
Великие полководцы земли русской.
Исторические поэмы 399
Александр Невский 399
Александр Васильевич Суворов 421
Великая Отечественная война 1812 года
Историческая поэма 426
Минин и Пожарский 431
Дмитрий Донской 433

АНТОЛОГИЯ

ДОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ 5

Составитель серии *Лада Шалахманова*
Редактор *Дарина Никонова*
Выпускающий редактор *Вероника Лапина*
Технический редактор *Ольга Дьяченко*
Компьютерная верстка *Вера Подосёнова*
Дизайнер обложки *Александра Уханёва*

16+

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

Подписано в печать ??.??.2024
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,5
Тираж 5000 экз.

Интернациональный Союз писателей
107150, г. Москва, ул. Бойцовая, д. 22, офис 8

Адрес электронной почты: reklama@inwriter.ru
Сайт в Интернете: www.inwriter.ru

Отпечатано в типографии «Юникопи»
603057, г. Нижний Новгород, ул. Нартова, 2в, офис 4008